

А. Ю. Долгих

РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 27-1+1(091)
ББК 86.3+87.3
Д64

Долгих А. Ю.

Д 64 Раннее христианство и средневековая философия : монография. – Киров, 2012. – 336 с.

ISBN 978-5-93825-856-3

В монографии освещается зарождение и развитие христианства с древнейших времен до эпохи первых протестантских церквей, а также греческая и латинская средневековая философия.

УДК 27-1+1(091)
ББК 86.3+87.3

© Долгих А. Ю., 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга завершает собой наши многолетние исследования проблемы происхождения христианства и хода развития средневековой философии. Она обобщает такие наши прежние работы, как «Раннехристианская философия. Жизнь и учения древних христиан от Элиаким и Ездры до Евсевия и Доната» (2003) и «Малоизвестные страницы истории философии: латинский запад в VI–X веках» (2005), а также содержит обширный и ранее не издававшийся новый материал. Он составил главы «Восточная Римская империя» и «Латинский запад в XI–XVI веках». В новую книгу старые тексты включались не механически, а в значительном числе случаев после существенной переработки. Большое внимание было уделено сравнительно короткому периоду становления христианства (II–III века). Степень отражения первых ступеней его восхождения к своему могуществу в сохранившихся письменных источниках явно оставляет желать лучшего, вследствие чего данный этап не может быть освещен просто на основании свидетельств, но требует известного восстановления. Это, в свою очередь, предполагает использование достаточно опасного метода «чтения между строк». И выводы, сделанные таким способом, разумеется, далеки от конечной достоверности.

Предположение, развиваемое нами, уже не является чем-то совершенно новым на сегодня. Оно наиболее близко к выкладкам Тристана Аннаньяля (Франция), хотя мы хотели бы особо подчеркнуть, что пришли к своим выводам полностью независимо. Во всяком случае, книгу Аннаньяля *“Les controverses du cristianisme”* (Paris, 1992) – в русском переводе «Христианство: догмы и ереси» (СПб., 1997) – мы настоятельно советуем всем, кто, изучая это направление мысли, стремится приобщиться не к мифам, а к чему-то такому, что уже похоже на подлинную историю. Суть ее, если говорить совсем кратко, состоит в том, что первоначальное христианство создали в середине II века люди, которые много позже (в IV–V веках) были задним числом объявлены еретиками

руководством государственной церкви Римской империи, церкви, которая волею судеб тогда победила, на время поглотив или вытеснив, хотя и не уничтожив полностью, все остальные христианские объединения. Наследниками же этой церкви стали восточная ортодоксия и западное католичество, благодаря чему всем ее мнениям и определениям – как истинным, так и ложным – была обеспечена долгая жизнь.

Только с точки зрения отдельно взятой церкви можно говорить о том, что истина христианства была дана изначально, а все, что тем или иным образом отклоняется от нее, – вероотступничество или просто лжеучение. На самом деле, если принять во внимание, что именно *изначально* христианство состояло из множества церквей, каждая из которых обо всем учила по-своему, и что такое положение было в христианстве *всегда*, становится понятным, что истина в нем есть только для предвзятого сторонника какой-либо церкви, а не для беспристрастного наблюдателя, равноудаленного от всех церквей. Поэтому свою главную задачу мы видели как раз в том, чтобы показать многообразие христианских учений, многообразие, не сводимое к треугольнику «православие – католичество – протестантство», из которого как из порочного круга до сих пор не могут выбраться многие исследователи. История христианства есть, таким образом, нескончаемая история ересей – в исконном эллинском смысле этого слова, – ересей, ни одна из которых не может притязать на звание правильной веры.

Часть 1

РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО

ЕВРЕЙСКИЕ ИСТОКИ

Все началось с так называемого Закона Моисея. Он представляет собой свод обычаев и правил жизни древнейших евреев, а также совокупность преданий о происхождении мира и еврейского народа (иудеев, самарян, галилеян). Сначала существовал в устном виде, потом был записан. По косвенным данным можно определить, что это произошло при царе Осии (конец VII века до н. э.). Записью руководил верховный жрец Иерусалима **Элиакия**. Затем по меньшей мере один раз Закон Моисея был основательно исправлен и дополнен. Осуществил переработку **Ездра**, незадолго до этого бывший духовным вождем иудеев Персии (первая половина V века до н. э.). Вероятно, тогда Закон Моисея принял почти современный вид.

Закон Моисея не дает ясного ответа на вопрос о количестве богов у евреев, поскольку для обозначения божественного в этих книгах используются то слова единственного числа (прежде всего «яхве», что значит «сущий»), то слово множественного числа (а именно «элохим»). В переводах на другие языки это обстоятельство редко находит отражение. Остальные имена божества – Адонай (господин), Саваоф (повелитель сил), Шаддай (всемогущий).

Первое предложение «Закона» по-еврейски звучит как «Берешит бара элохим эт ха-шанайим ве эт ха-арец», что дословно означает: «В начале сотворил боги небеса и землю». Здесь прежде всего бросается в глаза несоответствие подлежащего «элохим» (боги) и сказуемого «бара» (сотворил): первое стоит во множественном числе, второе – в единственном. Следует осознать, что в настоящее время мы уже не можем установить, что именно хотел этим сказать сочинитель, поэтому речь

может идти только о более или менее правдоподобных догадках. Согласно первой из них в древнееврейском языке существительное «элохим» как подлежащее сочетается с глаголами единственного числа, и в таком случае все предложение означает: «В начале боги сотворили...» и так далее. Подобного рода грамматические явления существовали и в других языках, например в древнегреческом, и наверняка существуют и сейчас... Согласно второй догадке множественное число «элохим» есть всего лишь особо уважительное наименование единственного в своем роде божества, и тогда мы имеем «В начале бог сотворил...» и так далее... Наконец, согласно третьему и как будто бы не слишком правдоподобному предположению «элохим» здесь не подлежащее, а прямое дополнение, а подлежащее вообще опущено: «В начале [он] сотворил богов, небеса и землю», где «он» — некое неназванное пока высшее божество (Яхве). Но тогда почему перед «элохим» нет частицы прямого дополнения «эт»? Это остается неясным... Однако любопытно, что такое понимание предлагали некоторые толкователи из числа самих же евреев. Поэтому не будем спорить — евреям видней...

Итак, вначале было божество (будем условно считать, что оно одно), а под ним темная бездна, наполненная водой и землей. Следует остановить внимание на том, что смесь воды и земли была изначально, — Яхве-Элохим ее не создавал. Божество отделило свет от тьмы, создало небесную твердь, положило конец смешению воды и земли, — так появились море и суша. Воздух породил птиц, земля — зверей, вода — рыб. Из пыли Яхве-Элохим слепил человека (по-еврейски «ха-адам») и передал ему частицу себя — вдохнул в него дыхание жизни. Он поместил человека в чудесном саду Эдема (древнееврейское слово неясного происхождения и смысла), а когда тот спал, взял у него ребро и сотворил из него женщину. В саду, где поначалу находились первые люди, росли среди прочего два дерева — дерево знания хорошего и дурного и дерево жизни. Божество запретило людям прикасаться к дереву познания, возвещая им скорую гибель в случае ослушания. Змей, появившийся затем неизвестно откуда, уверил людей, что ничего плохого с ними не произойдет, и те попробовали плодов с дерева знания. Божество (которое, видимо, ничего не могло поделать с этими деревьями, ибо само получило божественность от них!) испугалось: оно увидело, что люди теперь подобны богам, и подумало, что если они останутся в саду и дальше, то смогут отведать также плодов с

дерева жизни – и в дополнение к знанию они обретут бессмертие. Тогда оно изгнало их из сада и сделало их земную жизнь тяжелой – полной трудов и болезней (именно по этой причине они, вероятно, впали в забытие и утратили божественное человечество). От первых людей произошло все остальное человечество. Причем первоначально мужчинам и женщинам для продолжения рода приходилось вступать в близкородственные браки (отсюда, как можно предположить, пошло вырождение человечества: если первый человек прожил, согласно Закону Моисея, свыше 900 лет, то его отдаленные потомки имели продолжительность жизни в десять раз меньшую). Много народа появилось также от смешанных браков земных женщин и сынов бога [=ангелов]. Это было поколение гигантов. Оно не понравилось Яхве, и он решил истребить его наводнением, которое случилось во времена некоего Ноя. Ной со своей семьей и разными тварями спасся от потопа по милости бога, возродив жизнь. У этого человека было три сына – Сим, Хам и Иафет – и семьдесят два внука, которые, расселившись по земле, дали начало всем существующим народам. Таким образом, народов, по древнееврейским представлениям, оказывалось семьдесят два. Отдаленным потомком Сима был Авраам, отдаленным потомком Авраама – Иуда (от имени которого иудеи получили свое название), потомком Иуды – Давид.

Но основное содержание Закона Моисея это все-таки правила поведения и воздаяния за несоблюдение их. Часто встречается точка зрения, что основу древнееврейской нравственности составляли так называемые «десять заповедей». Однако в современном языке «заповедь» означает не что иное как «благое пожелание, совершенно необязательное для исполнения». Совсем другой смысл имеют десять упомянутых положений в Законе Моисея. Здесь это нечто вроде оглавления закона, его краткое содержание. А нарушение в большинстве случаев влечет самое жестокое наказание.

Кто умышленно убьет свободного человека, тот сам должен быть предан смерти. Кто убьет ненамеренно – должен уйти в изгнание. Кто ударит отца или мать, тому смерть. И кто ругает отца или мать – то же самое. Кто похитит человека – подлежит смерти. Кто застанет ночью вора на месте преступления – может его спокойно убить (но если днем, то уже нельзя). За прелюбодеяние (имеется в виду связь с замужней женщиной) – обычно смерть как мужчине, так и женщине. Исключение, пожалуй, лишь одно: казни подлежит

только мужчина, если он принудил замужнюю женщину в поле, где ей никто не мог помочь (а предполагается, что во всех таких случаях женщина должна звать на помощь). Если мужчина соблазнил незамужнюю, он должен или жениться на ней, или дать выкуп ее родителям. За неестественное половое поведение (мужчина с женщиной, человек со скотом, близкородственные союзы) – смерть обоим участникам сожительства. За поклонение другим богам, кроме Яхве, – смерть. За гадание и колдовство – смерть.

В качестве казни у евреев наиболее часто, по-видимому, применялось побитие камнями и сожжение.

В тех же самых книгах Закона, однако, содержатся и достаточно человеческие призывы любить ближнего как самого себя, воздерживаться от мести, не таить злобы на других евреев (прочие народы, конечно, не в счет), не обижать сироту, вдову и увечного, не наживаться на бедности других (давая им деньги в рост), указывать ближнему на его грехи, дабы самому не оказаться соучастником в них.

Яхве, как полагали евреи, повелел им размножаться. Продолжение рода рассматривалось как обязанность. Дело дошло до того, что мужчина, у которого были повреждены детородные части тела, стал считаться отверженным перед богом. И сама богоугодность человека проверялась по тому, сколько детей и внуков дал ему Яхве.

В последующие столетия у евреев, особенно у иудеев, очень большое значение приобрело сказание (рассматриваемое как пророчество) о том, что однажды в роду Давида появится человек, который станет новым великим царем земли обетованной, и благодаря которому евреи займут главенствующее положение среди земных племен и народов. Этот человек будет помазанником (т. е. избранником) бога. Помазанник по-еврейски «машиах», по-сирийски «мессия», по-эллиниски «христос». Данное учение широко распространилось у евреев после того, как они потеряли независимость и оказались под властью преемников македонского царя Александра (III век до н. э.). С тех пор Эрец Израиль все время находился в составе какого-нибудь другого государства – египетского, сирийского, римского, арабского.

После походов Александра, когда началось большое переселение и смешение народов, отдельные общины евреев можно было обнаружить уже по всему побережью Нашего [=Средиземного] моря. Оторвавшись от своей родины, многие евреи довольно быстро забыли исконный язык и стали говорить,

как и все остальные, по-эллинически. Вместе с языком они усваивали новый образ жизни и мысли.

При египетском царе Птолемеи Филадельфе (первая половина III века до н. э.) Закон Моисея и книги так называемых младших пророков впервые были переведены на язык эллинов. Переводчики смогли передать только содержание, полностью отказавшись от воссоздания языковых красот еврейского подлинника. Длительное время перевод имел значение только для евреев, говорящих по-эллинически. И лишь спустя три с половиной века на него обратили внимание другие народы. Тогда у сочинителей евангелий, апокалипсисов и прочих христианских книг стало обычаем подражать косной речи первого эллинского переложения.

ОТ ИУДЕЙСТВА К ХРИСТИАНСТВУ

Филон (ок. 20 года до н. э. – 45 год н. э.) – александрийский иудей, знаток эллинской философии, один из предшественников христианства. Участвовал в посольстве к императору Гаю Калигуле по случаю обвинения иудеев Александрии в непочтении к императору (посольство закончилось ничем). Оставил много сочинений на эллинском языке. Как иудей, Филон превыше всего ставил Моисея, а как эллинист, по складу ума был одновременно платоник и стоик. Он пожелал примирить иудейскую и эллинскую мудрость через предположение, что эллины свои величайшие истины почерпнули из священных книг его народа (так думал еще полтора веками ранее малоизвестный иудейский философ Аристобул). В одном месте, впрочем, Филон явно льстит эллинам, заявляя следующее. Только Эллада производит породу человека, которого можно назвать небесным растением и божественным потомком, ибо эта страна порождает ум, прирощенный к науке. Причина: разум заостряется особой тонкостью воздуха, свойственной этим местам... Несмотря на признание за иудейскими писаниями высочайшего священства, Филон применял к ним способ иносказательного толкования, благодаря чему извлекал из них всякое знание, какое ему было угодно. Учение Филона поразительно: в нем есть все необходимое для христианства за исключением положительного представления об Иисусе Христе. Если бы и оно было, в лице Филона мы имели бы первого и притом убежденного христианина с ясной и глубоко продуманной верой.

Филон о боге. Бог непостижим. Мы знаем только, что он существует, а каков он – не знаем. К Богу приложимо лишь одно имя – Сущий (по-иудейски «яхве» или «иегова»), и никакими прилагательными не выразить его превосходства. Все существующее – от Бога, могущественного и благого, и всякая даже малейшая степень силы и добра имеет причину в нем. Бог в качестве деятеля должен присутствовать в мире, но в качестве беспредельного совершенства – быть вне его. Поэтому в мире он выступает через своего сына – второго бога, который есть замысел, прообраз и душа мироздания и который распадается на силы, каковые суть ангелы и демоны. Этот второй бог – Разум (по-эллински «логос») – упорядочил согласно числу противостоящее Богу безобразное вещество, превратив его в прекрасный и вечный космос.

Таким образом, у Филона обнаруживается следующий порядок: сущее в единстве (Бог) – сущее во множестве (Разум Бога) – не-сущее (вещество). От соединения последних двух начал и рождается наш мир.

О происхождении и сущности человека. Бог сотворил человека в последнюю очередь. Почему? Потому что человек для Бога самое любимое и близкое существо, и Бог хотел, чтобы тот, появившись на земле, ни в чем не нуждался и имел в своем распоряжении все.

Чтобы жить, человек нуждается в пище. Чтобы жить хорошо – в наблюдении неба и небесных явлений: когда он взирает на небо, он поражается его величию, поражается стройному движению светил согласно числу – этому прообразу музыки. Отсюда у него возникает жажда знаний, т. е. философия. А благодаря философии смертный становится бессмертным.

Бог сказал: «Сотворим человека по образу нашему и подобию». Почему «сотворим», а не «сотворю»? Потому что у Бога в этом деле были помощники. Но зачем они понадобились? Прежде человека появились звезды, растения, звери. Звезды – живые существа, их жизнь состоит исключительно в мышлении, они не приемлют никакого зла – им свойственно только добро. Растения тоже не причастны злу. Но не причастны и добру, поскольку лишены души и воображения. И звери далеки от добра и зла. Ведь у них нет ни ума («нус»), ни рассудка («логос»). Человек же существо смешанной природы: способен и к добру, и к злу. Он бывает рассудителен и неразумен, справедлив и несправедлив, скромен и распущен, мужествен и труслив.

Так вот, для Бога естественно творить существ всецело добрых и существ безразличных в отношении добра и зла, но противоестественно творить что-либо уклоняющееся к злу. Поэтому Бог отвечает за все доброе в человеке, а его помощники – за противоположное. В ходе первого творения появился человек [духовный], который есть прообраз человека телесного. Он умопостигаем, бестелесен, не подвержен тлению, ни мужчина, ни женщина. Этот человек и есть отображение первообраза. Это как раз тот человек, о котором говорится, что он богоподобен. Он родствен Разуму Бога («логос»), он – отпечаток высшей природы.

Затем Бог сотворил с помощниками другого человека. У Моисея сказано: «И создал Господин Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни». Этот человек доступен телесному восприятию, составлен из тела и души, смертен, разделен на два вида (мужчина и женщина). Он смертен телом и бессмертен разумом. Душа его – это и есть тот первый человек, подобие Бога. Тело его – подобие остального мира и составлено из земли, воды, воздуха и огня. Человек является одновременно животным наземным (это очевидно), водным (ибо плавает и ныряет), воздушным (ходит прямо, и тело его как бы висит в воздухе), небесным (через зрение он приближается к жизни светил).

Человек сначала исследует землю, море, воздух. Затем познает совершенные движения звезд. На этом чувственно воспринимаемое заканчивается. Следующий шаг – умопостигаемое. Человек переходит к познанию прообразов осязаемых и зримых вещей. Эти прообразы – непревзойденной красоты. Состояние ума при этом – трезвое опьянение, иступление. Последний шаг познания – Бог. Но здесь человеческий ум сталкивается с великой преградой: Бог настолько превосходит все существующее, он излучает такое сияние, что ум, непривычный к этому, слепнет.

О предпочтительном образе жизни. Тело – могила души, источник всех бед и причина грехов. Надо удаляться от всего чувственного, искоренять страсти, упрощать образ жизни. Гражданская деятельность – не для человека, стремящегося к совершенству. Самопознание благочестивой души, добрые дела ради Бога, который есть источник всякого блага в человеке, – вот подлинно праведная жизнь, вознаграждаемая блаженством следующего за ней бестелесного существования. Для такой души естественная смерть – это освобождение. Но есть и другая смерть – когда человек умирает для добродетели.

тели. Души людей, запятнавших себя скверными поступками, приговариваются к странствиям и перевоплощениям вплоть до полного очищения.

Совершенство бывает трех видов – приобретенное через упражнение, полученное путем обучения и пришедшее непосредственно от Бога, который есть цель устремлений человеческой души. Когда мы отрекаемся от мира, от собственного ограниченного существования и мышления, мы выходим за пределы самих себя, открываясь навстречу высшему просветлению, и тогда Бог проникает в нас в своем чистом изначальном единстве, овладевая всем нашим существом...

Фарисеи, саддукеи и ессеи – народные движения у евреев, сложились еще во II веке до н. э. Однако самые ранние письменные источники, в которых они упоминаются, – сочинения Филона Александрийского, Иосифа бар Маттафии (Иосифа Флавия), книги из Кумрана, – относятся уже к I веку н. э. Таким образом, наши знания о состоянии данных сообществ соответствуют времени, которое непосредственно предшествовало зарождению христианства. Руководители всех движений провозглашали верховенство Закона Моисея, – в этом они были едины. Главные же расхождения, насколько известно, касались вопросов о соотношении предопределения и свободы, а также о загробной жизни.

Фарисеи («обособившиеся», «отделившиеся») полагали, что почти все предопределено судьбой, которая – от Бога. Но человек наделен волей, а воля свободна. Судьба как бы смешивается со свободой, и от этого смешения и случается все, что есть у людей. Тело смертно, а душа нет. По ту сторону жизни людей ждет суд, награды за добродетель и наказания за преступления. Грешникам уготовано вечное заключение и тяжелые муки, а души праведников будут переселяться из тела в тело, получая новые жизни.

Саддукеи («праведные») держались мнения, что для человека есть только свобода, а предопределения нет. Души, по их учению, умирают вместе с телом, и никаких посмертных воздаяний не существует.

Ессеи («благочестивые») верили, что тело тленно, а душа – бессмертна и состоит из тончайшего эфира. Душа в теле – как в заключении, как в рабстве. Добродетельных после смерти ждет жизнь по ту сторону Океана. Там нет ни дождя, ни снега, ни зноя, – только нежный и приятный летний ветер. Злым же приготовлена мрачная, холодная пещера и беспрестанные муки. Учение о бессмертии души не только истинно,

оно еще и полезно, ибо поощряет добропорядочность и отвращает от зла...

По сообщению Иосифа бар Маттафии (ок. 35–105), фарисеи отличались строгим образом жизни, сплоченностью, уважением к старшим и учителям. Влияние фарисеев в виду их многочисленности было огромно. Священнодействия, жертвоприношения, общие молитвы – все это совершалось с их одобрения. Общество саддукеев было отмечено значительными внутренними разногласиями. У них считалось вполне допустимым выступать против своих же учителей. Друг с другом они держались достаточно сурово и грубо. Они все принадлежали исключительно к знатым родам и поэтому были малочисленны. Чтобы добиться успеха в государственных делах, часто объединялись с фарисеями. Высокие должности занимали редко и большей частью по необходимости.

Чрезвычайно любопытны обычаи ессеев, которые легли в основу христианского образа жизни. Приукрашенное описание ессеев у Иосифа – это словно описание христиан (тоже, разумеется, не слишком правдивое).

...Они повсюду жили общинами, которые управлялись руководителями. Последних избирали голосованием из числа священников. Все ессеи делились на четыре разряда. Люди высшего сословия настолько далеко отстояли от низшего, что после соприкосновения с последним даже проходили обряд омовения.

Имущество у них было общее. Богачей и бедняков среди них не было, и все жили примерно одинаково. Отсутствовали у ессеев также жены (от которых, по их мнению, только всякие несправедливости) и рабы (от этих – недоразумения). Вообще, женщина для них – существо неверное, ибо она не может сохранить преданность одному мужчине. Так они полагали. Поэтому они отрицали супружество, а общество свое пополняли, принимая к себе охотно новичков и чужих детей. Они воспитывали их как своих и внушали им новые нравы. И кто присоединялся к ессеям, тот передавал им все унаследованное и нажитое имущество.

Ессей приходил в другую общину как к себе домой и пользовался всем, что ему необходимо, даже если никого из хозяев, принимающих его, он ни разу прежде не видел. Поэтому, отправляясь в дорогу, они не брали с собой ничего, кроме оружия для защиты от разбойников. Каждый из них в любой общине мог требовать необходимого, но только необходимого. Друг другу они ничего не продавали, и друг у друга

ничего не покупали. Одежду и обувь они меняли лишь тогда, когда те полностью изнашивались или сильно рвались. У них было запрещено натираться маслом, а жесткая кожа считалась признаком чести. Постоянное ношение белой одежды – тоже честь.

У них всегда было тихо: никто не кричал и не шумел. Если кто говорил, его не прерывали. Из-за этой тишины посторонним казалось, что ессеев связывает какая-то страшная тайна.

Полная свобода действий допускалась только в двух случаях: помощь и милосердие. В остальных делах ими руководили настоятели общин. Даже делать подарки родственникам они могли не иначе как с одобрения этих людей. Гнев разрешалось проявлять лишь в целях справедливости. Они не клялись и порицали клятву: ведь плохо, если человеку верят только тогда, когда он призывает в свидетели богов.

Распорядок дня у них был такой. До восхода солнца полагалось сохранять молчание. Непосредственно перед восходом они собирались, чтобы вознести солнцу молитву. Затем старейшины направляли их на работу, которой они предавались до пятого часа. Далее следовало омовение в холодной воде. Полностью при этом не обнажались, но опоясывали тело холщовым платком. После этого – общий обед. Пища была простая – хлеб и какое-нибудь одно кушанье. Ибо у ессеев считалось, что есть и пить следует только для утоления голода и жажды. Перед тем, как приступали к еде, священник произносил молитву Яхве – дарителю всякой пищи. И никто не смел ни к чему притронуться раньше, чем он закончит свое дело. Завершался обед также молитвой. Затем снова работа – до сумерек. И еще один совместный прием пищи.

Попасть к ессеям, т. е. стать членом сообщества, было очень трудно. Желавшему вступить в братство предлагалось пройти два испытания. Первое длилось год. Новичок получал белую одежду, передник, топорик и должен был соблюдать образ жизни. Но при этом он не участвовал ни в каких обрядах. Затем следовало двухгодичное испытание. Человек допускался уже к очищающим омовениям, но по-прежнему не приглашался к совместным обедам. В случае успешного прохождения испытаний он произносил клятву, после чего становился полноправным есеем. Он клялся почитать Яхве; исполнять обязанности; ни при каких обстоятельствах не причинять зла; ненавидеть несправедливость; защищать правых; хранить верность всем и каждому; подчиняться властям, ибо

всякая власть – от Яхве; не превышать полномочий (если получит власть); не стремиться затмить подчиненных; говорить всегда правду; не воровать; не наживаться нечестным путем; ничего не скрывать от братьев; ничего не открывать посторонним, даже под пыткой; учение братства передавать другим словом в слово, как его заучил; чтить книги братства; знать и чтить имена ангелов; будучи исключенным из общества, не принимать пищу от посторонних.

За тяжелые грехи человека действительно изгоняли. Изгой, связанный клятвой, должен был принять голодную смерть, поскольку, как уже говорилось, не имел права кормиться у чужих и мог питаться, таким образом, лишь растениями. Но тех, которые были близки к смерти, они нередко забирали обратно, полагая, что пережитые мучения – достойная кара. Суд у них был такой. Судят не менее 100 человек. Приговор никогда не отменяется. И вообще у них было принято полное повиновение большинству и старшим.

Есσει, как и все, приносили дары в иерусалимский храм, но сами доступа туда не имели и от жертвоприношений воздерживались. Богослужение они совершали отдельно. Есσει изучали древние книги (для пользы души), а также растения и камни (для пользы тела).

Превыше всего они почитали Яхве. На втором месте по значимости у них был законодатель [скорее всего, это Моисей]. Хула на законодателя наказывалась смертью. Далее, они особо почитали субботу. В этот день не работали, не варили пищу, не разводили огонь, даже не трогали с места посуду (все готовили заранее), не отправляли естественных нужд. Вообще, они испражнялись в отдаленных местах в ямы, которые затем засыпали, а после этого купались, словно совершили нечто нечистое. Еще не принято у них было плевать в присутствии другого, а также вправо. Есσει утверждали, что их образ жизни – залог долголетия, что они и вправду очень долго живут и умеют предсказывать будущее...

Известна другая ветвь ессейства. У них было все то же самое, только супружество разрешалось. Ибо если его не будет, здраво полагали они, человечество вымрет. В брак же они вступали исключительно для продолжения рода. По крайней мере, так утверждалось. Невест испытывали три года, после чего принимали их в свое общество...

Сейчас известна еще и третья ветвь ессейства. Эти жили в местечке Кумран на берегу Мертвого моря. Они называли себя нищими, простыми, новым союзом, новым заветом, сы-

нами света. После Яхве они превыше всех почитали человека, именовавшегося у них «праведный учитель» («учитель праведности»). Но кто он был, не слишком ясно. Возможно, что это особое звание все того же Моисея. Но нельзя исключать и других предположений. Например, под именем «праведный учитель» мог скрываться предвечный дух, воплощавшийся не в одном, а в нескольких пророках, в частности в некоем Мелхиседеке, который привлек ессеев, кажется, не столько делами (они, впрочем, сказочные), сколько именем: в переводе оно означает «царь правды», «праведный царь». Люди из кумранского союза делились на жрецов и общинников. Союз также был разбит на десятки, во главе которых стоял жрец. Верховной же властью обладал совет из трех жрецов и десяти общинников. Занятия кумранского поселения: земледелие, скотоводство и ремесло (добыча соли и асфальта, выделка кож, производство тканей)...

Вернемся к данным Иосифа. Новички у ессеев в первый год сохраняли имущество. Но если выдерживали испытание, все их имущество обобществлялось, и за утаивание собственности в дальнейшем полагалось наказание.

Исключали из общества за умышленное нарушение Закона Моисея, за клевету на полноправных членов, за несогласие с порядками, за общение с исключенными. Остальные проступки влекли за собой отстранение от омовений и от участия в собраниях на определенный срок – срок раскаяния.

Славную смерть все ессеи должны были предпочитать жизни. Так было на словах, но, по свидетельству Иосифа Флавия, во время войны с римлянами (66–71 годы) эти люди подтвердили слова делом. Их завинчивали и растягивали, говорит Иосиф, их жгли, им дробили кости, их склоняли к хуле на Законодателя, к вкушению запретной пищи. И все безуспешно. Вероятно, это преувеличение, объяснимое сочувствием Иосифа этому движению (он сам одно время был ессеем). Но невозможно не видеть, что обычай мученичества сложился у ессеев (т. е. в конечном счете у иудеев) задолго до того, как появились христиане.

Широко распространенное среди ессеев отрицательное отношение к супружеству и продолжению рода привело к тому, что их сообщество почти не росло в численности. Даже к концу I века н. э. их было всего чуть больше 4000 человек...

Некий **Иуда** из Гамалы, что в Галилее, и фарисей **Саддук** ввели у иудеев, по словам Иосифа Флавия, четвертую философию и новые, необычные учения. Они смутили народ, ув-

лекли молодых, но ничего кроме гибели это не принесло. Так утверждает Иосиф.

Все началось с того, что они выступили против переписи населения под тем предлогом, что это ведет к рабству. Напротив, верховный священник Иерусалима Иоазар, сын Боэта, одобрил начинание. Все это происходило в наместничество Копония (6–9 годы). Обстановка тогда была еще достаточно спокойной. У Иуды было два сына – Иаков и Симон, которые продолжили дело отца. За подстрекательство к отпадению от римлян их обоих казнили по приказу наместника Тиберия Александра (47–48 годы). Влияние новой галилейской философии сильно возросло много лет спустя – в наместничество Гессия Флора (64–66 годы), который своими злоупотреблениями довел иудеев до восстания. Последователи Иуды придерживались в целом тех же взглядов, что и фарисеи. Отличала их страстная любовь к свободе. Они не признавали никакого повелителя за исключением Яхве. Они вменяли всякую смерть в ничто и были готовы страдать. Так утверждает Иосиф.

Менандр (I–II века н. э. [?!]) – проповедник из Самарии, родился в селении Каппаретея, действовал в основном в Сирии. Время жизни Менандра определяется в высшей степени приблизительно. Из слов христианского писателя Юстина, в апологиях которого содержатся древнейшие упоминания об этом человеке, следует только то, что во время, когда Юстин писал свои апологии (50-е и 60-е годы II века н. э.), того уже не было в живых. Юстин говорит о Менандре как о своем современнике, но, учитывая, что таковым он считает даже Музония Руфа (I век н. э.), вопрос становится почти неразрешимым. Таким образом, единственное, что здесь можно утверждать, – Менандр умер между 80 и 150 годом н. э. Однако поскольку Менандра еще не знает Иосиф Флавий, можно сделать вывод, что деятельность его приходится на первые два-три десятилетия II века.

Согласно Менандру, Бог единый и множественный одновременно. Первоначально он пребывал в своей единичности. Затем он помыслил (породил мысль) и стал умом. Мысль произвела низших духов, те сотворили мир по собственному произволу и дали людям закон. Кроме того, они пленили свою мать, облекли ее в тело женщины и начали враждовать из-за нее, выясняя, кто из них имеет больше прав на обладание ею. Когда женщина умирает, духи переселяют Мысль Бога в новое тело. Всех женщин, заключавших ее в себе,

зовут Еленами. Самая знаменитая среди них – Елена Спартанская, которая стала невольной виновницей страшной войны народов – троянской войны. Сражение у стен Трои есть, по сути, битва духов за свою прародительницу. Ради спасения Мысли Ум входит в мир и при этом остается вне его. Так возникает еще одна божественная сущность – ум (логос) во плоти. Этот воплощенный разум есть не кто иной, как Симон. Как бог, он отец всего; а как человек, он, в конечном счете, порождение матери мира, а значит, потомок, сын и Христос. Таким образом, Симон заключает в себе Отца и Сына. Симон находит Елену в блудилище сирийского города Тир и объявляет ей, кто она на самом деле (потому что мысль Бога, оказавшись на земле, потеряла память, забыла о своем происхождении). Елена оставляет свои прежние занятия и начинает сопровождать Симона в его странствиях. Люди, которые поверят в Симона и Елену как в ум и мысль Бога, будут освобождены от необходимости соблюдать закон (ибо он дан не Богом, а падшими духами) и спасены.

Данное учение получило широчайшее распространение в Самарии в середине II века н. э. и даже захватило другие народы. Удивительно, но его приняли потом и почти все христиане, почитавшие Иисуса, только они видели в Симоне соперника Иисуса, ложного Христа, нечистого мага и родоначальника всех ересей.

ВРЕМЯ ГЛАВНЫХ СОБЫТИЙ

Войны иудеев и римлян. Около 70 года до н. э. Иудея, Самария и Галилея перешли под власть римлян. Мессиянские (~христианские) настроения у евреев усилились. Римляне, не видевшие никакого различия между иудеями, самарянами и галилеянами, объединили все три области в одну и дали ей название «Иудея». Таким образом, понятия «евреи» и «иудеи» стали тождественными, хотя это было неправильно, а впоследствии привело к большим недоразумениям и искажениям действительного положения дел.

По словам Иосифа Флавия, иудеев в первый раз до восстания против римского господства довели наместники Иудеи Альбин (годы правления: 62–64) и Гессий Флор (64–66). Впрочем, более или менее крупные мятежи вспыхивали здесь почти постоянно, но тот, о котором идет речь сейчас, приобрел поистине огромный размах.

Упомянутые наместники откровенно злоупотребляли властью и творили всякие беззакония: вводили непосильные налоги, попросту грабили население, потворствовали разбойникам, освобождали преступников, когда те могли откупиться. А Гессий Флор, опасаясь все время, что жалобы иудеев дойдут-таки однажды до императора и что ему придется держать ответ, решил, по-видимому, сам подтолкнуть народ к войне, дабы таким способом отвести внимание от своих злодеяний. И подтолкнул, причем мятеж вышел далеко за пределы Израиля и коснулся многих городов, где существовали большие иудейские поселения.

В самой Иудее восставших умирал сначала наместник Сирии Гай Цестий Галл, затем известный полководец Тит Флавий Веспасиан (во время военных действий объявленный своими воинами императором) и, наконец, сын последнего – тоже Тит. Это происходило в 66–71 годах. Пострадали не только иудеи, но также самаряне и галилеяне. Общее количество убитых исчисляется по крайней мере несколькими десятками тысяч человек. Многих продали в рабство. Иерусалим превратился в сплошные развалины, главный храм сгорел. Уцелевшее население подверглось дополнительному налогообложению (в частности, их обязали платить особую подать Юпитеру), в стране процветали разбойничьи шайки.

Затем лет через тридцать в языке эллинов возникли слова «христианин» и «христианство». К этому вопросу мы еще вернемся.

После войны иудеи, кажется, окончательно приобрели самую скверную славу у римлян. Римский писатель Публий Корнелий Тацит выражает, вероятно, довольно обычное отношение к ним в таких суждениях: «Моисей дал им новую религию, враждебную всем другим»; «...иудеи считают богопротивным то, что для нас священо; наоборот, то, что у нас запрещено, ибо безнравственно и преступно, у них разрешается»; «...установления [у них] мерзкие и гнусные, стоят на нечестии»; «...ко всем прочим смертным враждебны и ненавидят их»; «...обычаи иудеев бессмысленны и нечисты»; «...народ этот, погрязший в суевериях, а религии не знающий, не умеет отводить беды ни жертвами, ни очистительными обрядами»; «...страшные развратники, у которых творятся всякие непотребства»; «бездельники»; «мерзкое племя». Это было написано в 115–120 годах.

Пришедший к власти через много лет после первой войны Адриан (годы правления: 117–138) задумал восстановить

Иерусалим, который к тому времени лежал в развалинах уже полвека. Точнее, по замыслу, это был бы уже не Иерусалим, а совершенно новый город под названием Элия Капитолина. И главный храм в нем предполагалось посвятить, разумеется, Юпитеру. Иудеи восстали через какое-то время после того, как началось строительство.

Местом, откуда осуществлялось руководство мятежом, стал город Бетер, недалеко от иудейской столицы; предводителем мятежников – некий Бар-Козиба, или Бен-Козиба, что в переводе означает «сын Козибы». Настоящее имя этого человека не известно (возможно, Симон). Большое влияние имел в то время также жрец Акиба, которого сравнивали с Ездрой и даже с Моисеем. Акиба благословил Бен-Козибу и признал его Мессией (=Христом). Тогда вождь восставших взял себе новое имя – Бен-Кокаба («сын звезды»). Эллины же стали называть его Бар-Кохба.

Восстание длилось несколько лет (131–136 годы). Адриан вызвал из Британии своего лучшего полководца – Секста Юлия Севера, которому удалось-таки подавить разъяренных иудеев. В сражениях с иудейской стороны было убито, вероятно, гораздо более ста тысяч человек; женщин и детей победители также не щадили; многие погибли от голода и болезней. Обстоятельства смерти Бен-Козибы неизвестны. Акибу казнили; по недостоверным данным, с него содрали кожу раскаленными железными крюками. Самаряне, не принимавшие участия в войне, снова пострадали.

На какое-то время (но, вероятно, не очень продолжительное) иудеям запретили обрезание, почитание субботы, отправление каких бы то ни было общенародных празднеств, исполнение обрядов и преподавание Закона Моисея. Иудеи словно лишились родины. Их даже не пускали в Иерусалим. Только за пределами римского государства они могли теперь вести более или менее спокойную жизнь и соблюдать свои законы. Так было, например, в Персии при Арзакидях.

Второе восстание закрепило за иудеями дурную славу. Отныне они в римском государстве рассматривались как поголовно преступники. При этом у иудеев было немало последователей из других народов. Любопытные и притом весьма ранние сведения о некоторых из них мы находим у Флавия Арриана в «Беседах Эпиктета». А поскольку Арриан заверяет, что старался записывать рассуждения наставника дословно, мы можем считать, что имеем дело почти что со свидетельствами самого Эпиктета, который скончался еще во

времена правления Адриана, а когда точно – неизвестно. Так вот, Эпиктет, судя по выражениям Арриана, знал каких-то лиц, эллинов по воспитанию и образу жизни, но, однако, выдающих себя за иудеев. Эпиктет их осуждает, поскольку считает, что они только играют, что они иудеи лишь на словах. А чтобы действительно стать таковыми, надо, по его мнению, принять омовение, или, как говорят у нас сейчас, крещение (βάπτισμα), и соответствующее учение (αἵρεσις), причем применять его на деле. В другом месте в «Беседах» упоминаются галилеяне в связи с их обычаем без страха взирать на тиранов, т. е. на правителей. Но эллины, перешедшие в иудейство, это как раз те, кого и называют христианами. Что их в те времена иногда именовали также галилеянами (исходя из того, что Иисус якобы происходил из Галилеи), это известно достаточно широко...

Возникновение христианства. Итак, у иудеев было немало приверженцев из числа народов империи. Но ведь если учитель – преступник, то что хорошего можно ждать от его учеников? Поэтому быть иудействующим (~христианином), независимо от того, к какому племени ты принадлежал, стало небезопасно. И тогда произошло нечто знаменательное. Прежде иудействующие из числа сирийцев, египтян, азийцев, эллинов и римлян не вполне отличали себя по взглядам от иудеев. Теперь же, опасаясь за свою жизнь, они решили объявить об этом словно о давно известной истине. В последние годы правления Адриана в Рим стали прибывать проповедники с востока. Первыми были **Маркион** из Азии, **Кердон** из Сирии и **Валентин** из Египта. Они начали говорить, что христиане (теперь они уже достаточно уверенно называли себя так) не имеют никакого отношения к иудеям, что люди были обмануты чисто внешним, поверхностным сходством их учения и образа жизни. И хотя это была сказка, в нее поверили многие, прежде всего, сами эллинистические христиане, а также, по видимому, император Адриан. Ибо он издал указ, который гласил: если христианин совершил преступление, он подлежит наказанию в той же мере, что и любой другой человек; но сама принадлежность к христианству не наказуема. Вот отрывок из письма Адриана Минуцию Фундану, высокопоставленному чиновнику, представителю верховной власти Рима в Азии: «Если жители области открыто желают вести дело против христиан и в состоянии будут на суде уличить их, то я им этого не запрещаю. Только крики и вопли не дозволяются. Во всяком случае, если кто пожелает обвинить их, то

нужно справедливо расследовать возводимые на них обвинения. Таким образом, если кто обвинит вышеупомянутых людей и докажет, что они делают что-либо противозаконное, то ты наложишь наказание, смотря по силе преступления. Но если кто обвинит кого-нибудь из них и окажется клеветником, клянусь Геркулесом, ты должен наказать его за такое негодное дело».

Это открыло длительную пору процветания для христианских сообществ, которая продолжалась 60–65 лет – до десятого года правления императора Септимия Севера (203 год). Отдельные нападения на христиан все же имели место, но зачинщиками выступали частные лица, иногда градоначальники и наместники областей. Однако верховная римская власть в этот периода к христианам была равнодушна.

Впрочем, отделившись от иудеев, христиане все более и более стали подпадать под действие положения римского права о законных и незаконных собраниях (обществах) и религиях (*collegii liciti et illiciti, religiones licitae et illicitae*). Законность удостоверялась почти исключительно древностью и народностью: если люди, обитающие в той или иной области (т. е. народ), издревле почитают тех или иных богов и издревле объединяются в такие-то и такие-то товарищества, то пусть продолжают почитать и объединяться, – Рим не возражает; только ничего нового пусть не изобретают. Но христианами теперь называли себя эллины и эллинисты, поддавшиеся влиянию иудеев. Таким образом, христианство не было (по крайней мере, не выглядело) обычаем никакого отдельно взятого народа. Возраст же его вообще воспринимался как смехотворный, если учесть, что слова «христианство» и «христианин» появились в языке около 100 года н. э. Главным же противозаконным действием христиан как христиан был отказ почитать императора как бога...

Так или иначе, оставшись без большого внешнего врага, христиане сразу же перессорились между собой и разделись на множество течений, об общем количестве которых можно строить только догадки. Уже во времена следующего после Адриана императора Антонина Пия (138–161) число христианских объединений (которые по обычаю называются церквями) достигло нескольких десятков. Положение дел было таково, что каждый одаренный проповедник создавал собственную церковь. Но при этом общая численность христиан по сравнению с почитателями древних народных богов оставалась очень небольшой...

Вернемся к вопросу о возникновении христианства. По всем признакам, главная заслуга в этом деле принадлежит Маркиону. Намереваясь отделить иудействующих от иудеев, превратить их в христиан и защитить их, **Маркион**, очевидно, решил создать по-настоящему новое вероучение. И тут, конечно, выяснилось, что это невозможно. Полный отказ от иудейства означал в тех условиях только возврат к эллинской философии или к одной из многочисленных народных религий Римской империи. Других возможностей не было. Полностью устранить иудейство было нельзя, потому что тогда разрушалось и придуманное Маркионом христианство. В итоге он не нашел ничего лучшего, чем просто удвоить иудейский миф. Ведь в вероучении Маркиона, вообще говоря, два бога (собственно Бог и космократор Яхве) и два Христа (один для иудеев, другой для христиан). С определенной точки зрения, это было поражение. И чтобы хоть как-то оправдать удвоение, Маркион начал неосознанно вводить противопоставления: если Яхве – начало закона и справедливости (воздаяния за ущерб), то Бог – начало беспричинной благодати; если Христос иудеев – по природе человек, но вместе с тем великий царь, то наш Христос должен быть, наоборот, чисто духовным (бестелесным) существом, однако, явится он в мир, как говорится, не в сиянии славы, а незаметно. Христос иудеев утверждает и восстанавливает Закон Моисея (ведь другого у иудеев нет), и поэтому он спаситель праведников; а наш Христос будет спасителем грешников, тех, кто не может исполнить Закон (потому что, например, просто не знает его). Яхве велит плодиться и размножаться, а мы потребуем отказа от супружества и продолжения рода. И так далее.

В соответствии с этим замыслом Маркион быстро написал «Послания Павла», которые в совокупности составили Евангелие Павла, и, вероятно, в качестве приложения к нему «Евангелие от Луки». Затем он оправился в Рим, где выступил перед иудействующими. Успех был большой: все или почти все согласилось с необходимостью размежевания с иудеями. Поскольку этого требовала обстановка, многие уже наверняка подумывали о чем-то в этом роде. Вместе с Маркионом или независимо от него то же самое проповедовали Кердон и Валентин. Но они произвели тогда меньшее впечатление на слушателей, возможно, из-за молодого возраста. Маркион почти наверняка проповедовал даже среди иудеев (в том числе в Риме), ведь он предлагал новую веру всем наро-

дам империи и вселенной. Разумеется, иудеи в большинстве его отвергли – им вполне хватало Закона и пророков. К концу II века христиане, враждебно настроенные по отношению к Маркиону, перетолковали это событие в том смысле, что будто бы его не приняли не римские иудеи, а римские христиане. С тех пор эту нелепость (как очень удобную для них) повторяют все католики и ортодоксы, а вместе с ними невнимательные историки. На самом деле после первого же раскола и вплоть до императорства Феодосия (конец IV века н. э.) в каждом крупном городе существовало несколько христианских общин, принадлежащих к соперничающим церквям. Поэтому даже если какие-то римские христиане и дали тогда отповедь Маркиону, то это были лишь *некоторые* из римских христиан, притом крайне немногочисленные. Не может быть речи о том, что в Риме тогда существовала какая-то единая община, охватывающая всех почитателей Христа. Такого даже при Феодосии еще не было...

Маркион, судя по его до крайности аскетической этике, готовился к трудным временам и к затяжному противостоянию с римской властью, а потому для него скорее всего стало полной неожиданностью то, что эта власть так быстро поверила в его сказку – будто христиане не имеют отношения к иудеям. И здесь Маркиона ждало второе поражение и разочарование. А именно речь идет вот о чем. Отделившись от иудеев, христиане быстро поняли, что само по себе иудейское учение не включает в себе никакой опасности; опасность представляли иудеи (т. е. близость к ним), но христиан теперь с ними никто уже не смешивал. Поэтому можно было, ругая иудеев на чем свет стоит, делать какие угодно заимствования из иудейской веры, брать из нее все, что душа пожелает. Так и случилось. Варнава и Юстин вскоре договорились до того, что объявили Закон Моисея собственностью христиан, а не иудеев: как он может принадлежать тем, если они в нем все равно ничего не понимают?

Это открыло эпоху возрождения иудейства уже внутри самого христианства. Поэтому, например, сохранившиеся евангелия «от Матфея», «от Марка», «от Луки», «от Иоанна», созданные в середине II века во времена правления Антонина Пия (138–161), гораздо более иудейские по духу, чем предшествующие им евангелия «от Павла» (=«Послания Павла»), «от Фомы» и «от Филиппа». Из-за этого у большинства нынешних исследователей сложилось ложное, но чрезвычайно навязчивое впечатление, что порядок их написания был об-

ратный. При этом закрывали глаза на то, что по всем имеющимся сейчас эмпирическим признакам до 30-х годов II века не было вообще ни одного произведения такого рода.

Есть еще одно обстоятельство. Пока христиан не было, а были только иудеи и иудействующие, у последних не возникало никакой нужды в каких-то собственных священных книгах. Ведь они во всем за образец брали полноценных иудеев (т. е. иудеев по роду и вере), а у тех уже имелось богатейшее письменное религиозное наследие. И только тогда, когда иудействующие отделились от своих учителей и осознали себя в качестве христиан, они почувствовали необходимость в создании своего писания, своих чисто христианских книг (здесь уже не имеет значения, что очистить христианство от иудейства в полноте невозможно).

Для Маркиона же ударом стало то, что вследствие всего этого христиане начали отворачиваться от него. Он сделал свое дело и больше был им не нужен. Он вывел иудействующих из-под возможного удара со стороны Рима, он освободил их, и теперь они жаждали осуществить открывшиеся возможности – иудействовать, иудействовать и еще раз иудействовать, – пока это им самим не надоест. Раньше они считали себя учениками и, не смея рта раскрыть, внимали иудеям; теперь они почувствовали себя учителями. Кроме того, отрекшись от наставников, они как бы потеряли путеводную нить, утратили образ Истины и сами теперь должны были найти ее.

Так все и получилось. Уже младшие современники Маркиона, такие как Василид, Сатурнин, Валентин и Карпократ, сделали шаг в сторону иудейства. Выразилось это в их попытках ввести одно начало сущего – сделать Яхве ангелом Бога или каким-то отдаленным его потомком. В 50-е годы Маркиона, находившегося уже в преклонном возрасте, начал теснить Валентин, новый великий вождь христианства, который, судя по несметному количеству одаренных учеников, был весьма ученым и красноречивым проповедником. Церкви теперь росли как грибы после дождя. В третьей четверти II века появились симониане, офиты, каиниты, ператы, адамиты, елкезаиты, сивиллисты, гностики и многие, многие другие. И каждая церковь кричала, что она самая древняя.

Следует особо подчеркнуть, что все перечисленные названия – по сути, прозвища (не исключено даже, что ругательные). Такие имена представителям этих церквей дали не они сами, а люди, принадлежавшие к другим объединениям. Сами

же себя все называли просто христианами. Но с каких пор? Откуда появилось это слово? Этот вопрос мы пока оставим.

Вот любопытные свидетельства о христианской жизни третьей четверти II века. Сирийский писатель Лукиан в конце 60-х – начале 70-х годов этого столетия так описывает ее. Эти люди отреклись от эллинских (и вообще от всех других) богов. Они поклоняются только своему законодателю, о котором твердят, что он был распят, и живут по его законам. Друг друга они почитают братьями. Презирают всякое имущество, а свое рассматривают как общее. Презирают смерть, даже иногда ищут ее. Ничего не жалеют, если приходит несчастье, касающееся всей общины. У них есть жрецы, пророки, главы общин, книжники [учителя], руководители собраний [проповедники]. У них есть книги, которые они толкуют. Они и теперь пишут книги. У них запрещены некоторые виды пищи. Руководителей своих христиане почитают как богов, называют их покровителями. Наконец, придерживаясь такого образа жизни, они надеются стать бессмертными и жить вечно. Христиан много в Палестине и в Азии... Следует иметь в виду, что по всем признакам Лукиан здесь излагает упрощенное и как бы усредненное христианство. Действительно, этот образ подходит, кажется, почти для всех церквей и в то же время ни для одной.

Происхождение евангельских писаний. Когда первые учителя христианства обнаружили между собой разногласия, они с целью убедить других в своей правоте принялись припоминать лиц, якобы знавших Спасителя. Например, Маркион, по видимому, ссылаясь на Павла и ученика его Луку; Василид – на некоего Петра и некоего Матфея, от которых он будто бы получил известия через посредство еще какого-то Главка; Валентин – на Павла и другого его ученика по имени Февд; Папий и Поликарп – на Иоанна. Что же касается Иоанна, Матфея и Петра, то они будто бы уже состояли в знакомстве с самим Иисусом Христом. Так эти люди морочили голову и себе и другим. Сказать, что они постигли все истины сами, они не решались. Сказать, что были собеседниками Христа, не могли, поскольку тогда понадобилось бы показать его толпе. Но где бы эти люди взяли его? Ведь даже о Петре, Матфее и Иоанне кроме них никто никогда никаких подробностей не слышал, а все посредники, как то Главк, Лука, Февд и прочие, начали привлекаться в свидетели не раньше, чем умерли. Мы говорим «не умерли», потому что за некоторыми из этих имен могли все же скрываться действитель-

ные лица. Таким образом, учителя христиан брали в поручителей мертвецов и призраков. Пришествие Христа мог подтвердить Петр, существование Петра – Главк, а этот последний, хотя, допустим, и жил некогда, был человеком незначущим, мало кому известным, так что Василий оказывался чуть ли не ближайшим его знакомцем. Это было очень удобно для начала, для отправной точки. Сославшись на древнее предание, учителя затем все надежды возлагали на силу своей проповеди.

И поскольку сложился обычай подписывать евангельские произведения не подлинными, а подставными именами, получилось, что книги эти были как бы ничьи. Поэтому какой угодно переписчик, хоть самый ничтожный, чувствовал здесь, что руки у него развязаны и что он может добавить к сочинению и несколько мыслей от себя. Так они исправлялись и дополнялись десятки раз. Наблюдая такое безобразие, истинные творцы откровений, вероятно, возмущались, но держали гнев в себе и не стремились обнаружить свою причастность к ним. Они отлично видели, что сочинение без сочинителя воспринимается толпой как идущее от самих богов. Поэтому если бы они раскрыли себя, это могло либо повредить божественной славе их творений, либо навлечь на них ярость народа за их якобы нечестивое намерение присвоить себе великие истины. Исходя из этого, они почли за лучшее молчать, терпеть и делать вид, что ни к чему не причастны. Если они и решались защищать книги от недобросовестных переписчиков, то изображали все так, словно они пытаются оградить не свои творения, а чужие.

К чему это привело, мы сейчас отлично видим: лишь очень немногие из безымянных произведений можно уверенно приписать действительно существовавшим лицам. Но как об этих, так и обо всех остальных невежественный народ продолжает думать по-старому – будто они даны каким-то богом через людей, которые в этих же книгах и описаны.

Свод доводов о евангелии против католиков и ортодоксов. От чего мы здесь отталкиваемся? – Католики и ортодоксы говорят: есть канонические книги и есть неканонические, они же апокрифические; некоторые из апокрифических – гностические. Опуская излишние в данном случае подробности, можно дать такое определение: гностические книги – те, согласно которым Отец Спасителя и творец мира не суть одно и то же. Католики заявляют: канонические книги древнее (I век), неканонические – более поздние (II век).

Католики на самом деле не представляют никаких доказательств этого. Они только утверждают. Наши доводы следующие:

1. Нет папирусов I–II веков с евангельскими сочинениями. А что есть? – Есть только обрывки папирусов этого времени, на которых читаются отдельные предложения, совпадающие или почти совпадающие с некоторыми местами в современных евангелиях. Причем всего таких папирусов не больше двух (Е. от Иоанна и от Матфея). Точно датировать их при этом невозможно. Но главное: наличие отдельных фраз на папирусе, совпадающих с отдельными фразами из известного евангелия, не доказывает, что остальной текст на папирусе тоже совпадает с остальной частью евангелия. Ведь мы знаем, что есть похожие сочинения. Например, «от Матфея», «от Марка», «от Луки».

2. Католики говорят, что канонические книги написаны самими апостолами в основном в середине I века, а апокрифические – в середине II века. Но откуда такой разрыв во времени – от 60 до 100 лет?

3. Ссылки на евангельские сочинения в книгах самих христиан появляются только с середины II века (50–60 годы). Почему они не цитировали их раньше, если эти книги существовали с середины I века?

4. Пока христианство не выделилось из иудаизма, христиане воспринимали себя как последователей иудеев и во всем подражали им. Но у иудеев было обширное письменное религиозное наследие. Поэтому никакой необходимости в создании особых христианских книг не было. И только когда христиане отмежевались от иудеев, они почувствовали, что должны создать собственное, по-настоящему христианское писание. Но нет никаких признаков того, что размежевание произошло до 30-х годов II века.

5. Но как христиане поняли, в чем должно быть ключевое отличие их веры от иудейской? Сравним иудейские книги с христианскими. В чем разница? – В евангельских писаниях все вращается вокруг Христа; в иудейских этого нет. А как христиане дошли до мысли, что главным для них должен быть Христос? Очень просто: они ведь назывались христианами! Но нет никаких данных, что слово «христианин» появилось раньше 100 года. Более того, создается впечатление, что христиане привыкали к этому названию довольно медленно, что поначалу они с неохотой применяли к себе это название. Но тогда получается, что они точно так же постепенно

поняли, что должно быть главным в их вероучении. Отсюда, в свою очередь, следует, что евангелия, написанные в виде жизнеописания Иисуса Христа, не более ранние, а, наоборот, более поздние.

6. Почему евангелия называются евангелиями? «Евангелие» означает «благая весть». Это название проповеди, которая дает какую-то надежду, надежду на спасение. А католические евангелия («от Матфея», «от Марка», «от Луки», «от Иоанна») – это, по сути, жизнеописания Христа. Они просто не соответствуют своему собирательному названию. Надо понять, что повести о похождениях невеселого чудотворца Иисуса не заключают в себе никакого евангелия (как не заключают его, например, сказания о деяниях Геракла). Из этих четырех католических сочинений на звание евангелия тянет только «от Матфея» – благодаря наличию так называемой нагорной проповеди. Эта проповедь – действительно евангелие, все остальное по сравнению с этим – не существенно. Но христиане длительное время обозначали свои чисто христианские книги как «евангельское писание». Следовательно, первоначальная христианская литература – это проповеди, и только потом, когда суть христианства была многократно изложена, христиане в поисках того, что бы такое еще написать, перешли к сочинению повестей о жизни Иисуса, но по обычаю и их назвали евангелиями. Следовательно, католические евангелия опять оказываются более поздними, чем, например, «от Фомы» и «от Филиппа».

7. В католических евангельских сочинениях упоминаются некоторые события, которые трудно датировать даже началом II века, не говоря уже о I веке. Зато их легко отнести к середине II века. Это, например, осуждение тех, кто отрицает Закон Моисея и плоть Христа, тех, кто придумывает всякие родословия, предостережение против увлечения ложным гнозисом. Если эти книги написаны в первом веке, то против кого эти выпады? Это совершенно непонятно.

8. Католики могут возразить: католические евангелия более иудейские по своему духу, чем упомянутые «от Фомы» и «от Филиппа», а значит более ранние, поскольку корни христианства – в иудаизме. Ответ: это совсем необязательно. Соображение первое. Если сейчас написать евангелие, близкое к «Евангелию от Матфея», оно будет тоже иудейским по духу, но древним оно от этого не станет. Соображение второе. Христиане в 30–40-е годы II века объявили об отделении от иудеев, и им очень быстро поверили. Тогда они, как уже

говорилося, поняли, что иудейское вероучение само по себе совершенно не опасно. Первоначально они, конечно, хотели внести как можно больше изменений в иудейскую веру, чтобы делом доказать: отныне они не иудеи. А когда им поверили, необходимость в этом отпала, и они стали возвращаться к столь родному для них иудейству. Поэтому более поздние католические евангелия оказались и соответствующими по духу в отличие от ранних «от Павла», «от Фомы» и «от Филиппа». Дело дошло до того, что стали появляться какие-то «евангелия евреев», «евангелия эвионитов» («эббионим» = нищие, евр.), которые по замыслу их составителей, видимо, должны были внушить всем, что даже уже некоторые иудеи признали Иисуса Христом. На самом деле это произведения христианского происхождения середины и конца II века. Доказательство: ничего из этого в своде иудейских священных писаний никогда не было и нет сейчас...

9. Искать составителей евангелий в I веке, значит искать в пустоте: на сегодняшний день ни один (!) христианин I века по имени не известен. Только так называемые апостолы первого и второго поколений. Но они не в счет, ибо это действующие лица евангельских сочинений, а не подлинного прошлого: их существование пока не подтверждается ничем, кроме книг, которые они якобы написали. Видеть в «апостолах» составителей евангелий и основателей первоначальных церквей, конечно, можно. Но тогда следует признать Орфея создателем таинств Диониса, Геракла – учредителем олимпийских игр, Тесея – истмийских игр. И так далее и тому подобное. Ведь сохранились же эллинские предания на сей счет! Почему же эллинским преданиям доверия нет, а христианским есть?.. Но почему вообще не известны христиане I века? Атеистически настроенные исследователи иногда объясняют это тем, что изначально христианство было религией самых низших слоев населения – бедных и даже рабов. Естественно, что их имена изгладились из памяти народов. На первый взгляд это правдоподобно, но только на первый. Почему, в самом деле, до середины II века христианство действовало настолько избирательно? Как могло случиться, что буквально ни один образованный, одаренный или знатный человек не увлекся им раньше? Здравого ответа на эти вопросы мы не знаем.

Итак, почти не подлежит сомнению на сегодня, что основные «Послания Павла» и «Евангелие от Луки» написал Маркион. Из этих сочинений главные – «Послания Павла»,

в них-то и изложена благая весть. А «Евангелие от Луки» было чем-то вроде приложения к ним, потому что оно уже имело вид жизнеописания. Поэтому правдоподобно, что послания относятся к концу 30-х годов II века, а «Евангелие от Луки» – может быть, уже к 40-м. И поэтому возможно, что оно не первое. Раньше него вполне могли появиться «Евангелие от Филиппа» (Валентин) и «Евангелие от Фомы» (вероятно, Сатурнин). «Евангелие Истины» написал либо Валентин (что менее вероятно), либо кто-то из его учеников (что более правдоподобно). Три католические евангелия («от Матфея I», «от Марка», «от Луки») возникли вследствие переработки «Евангелия от Луки» Маркиона. Причем появились они, скорее, в обратном порядке по отношению к тому, какой мы находим в католическом Писании: сначала «от Марка», потом почти одновременно «от Матфея I» и «от Луки». И все это 40–60-е годы II века. «Евангелие от Иоанна» родилось опять же как переработка в иудейском духе какого-то произведения (или устного предания), относящегося к самарянской ветви христианства. Причем от исходного повествования сохранили только начало. Время создания то же самое – 40–60-е годы II века. Не исключено, что это работа Гераклеона из школы Валентина. Известно, что он первым написал примечания к этому евангелию. Почему он опередил остальных? Да потому, что толковал собственное сочинение. Уверенности в этом, конечно, нет, но звучит весьма правдоподобно. Одно место в «Евангелии от Иоанна» как будто содержит намек на второе иудейское восстание 131–136 годов. Христос там говорит, обращаясь ко всем иудеям: «Я пришел во имя Отца моего, и не принимаете меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (глава 5, строка 43). Под этого «иного» действительно неплохо подходит Бар-Кохба, который, как известно, сам себя Христом не провозглашал (т. е. пришел под свои именем), – но за него это сделали другие, а иудеи согласились... Таково происхождение первых четырех из списка католических евангелий. «Евангелие Иуды» – тоже не раннее: 60–70-е годы II века. В нем слишком кратко говорится о земном пути Спасителя – верный признак того, что это было уже многократно описано, и сочинитель решил к этому не возвращаться. «Евангелие от Матфея II», «Протоевангелие Иакова», «Евангелие детства (от Фомы)», «Евангелие от Никодима» – произведения совсем поздние по христианским меркам: последняя треть II века. К такому выводу подталкивает то обстоятельство, что в них либо подробно описываются

отдельные события жизни Иисуса (суд, разговор с Понтием Пилатом, казнь и нисхождение в Аид), либо уже совершенно второстепенные для христианства вещи (рождение и детство Марии, матери Иисуса, детство самого Иисуса и т. п.).

Подлинная основа главного мифа. К середине II века вполне сложились два христианских мифа, один – иудейского происхождения, другой – самарянского. Очень скоро они слились в сознании христиан в единое целое, и потом уже никто не вспоминал, откуда все это взялось.

Согласно христианству иудейского происхождения бог один. Он создал мир, животных, людей и дал людям закон через пророков. Люди отступили от закона. Для исправления такого положения в роду Давида родился человек, который стал помазанником (Христом) бога. Имя этого человека – Иегошуа (Иешуа), что в переводе означает «бог-спаситель», «бог спасает». Но он пришел незаметно, не в сиянии славы. Иерусалимские жрецы испугались, что его влияние будет расти, поэтому он был приговорен к смерти и казнен при римском наместнике Понтии Пилате. Затем Иегошуа воскрес по воле бога и на время вернулся к своим ученикам, дабы удостоверить их в своей избранности. Люди, которые поверят в Иегошуа и будут исполнять его заповеди, спасутся.

Согласно самарянскому христианству (здесь мы повторяем то, что уже было изложено выше как учение Менандра), Бог единый и множественный одновременно. Первоначально он пребывал в единичности. Затем он помыслил (породил мысль) и стал умом. Мысль произвела других духов, те сотворили мир по собственному произволу и дали людям закон. Еще они пленили свою мать, облекли ее в тело женщины и начали враждовать из-за нее, выясняя, кто из них имеет больше прав на обладание ею. Когда женщина умирает, духи переселяют Мысль Бога в новое тело. Всех женщин, заключавших ее в себе, зовут Еленами. Самая знаменитая среди них – Елена Спартанская, которая стала невольной виновницей самой большой войны народов – троянской войны. Сражения у стен Трои есть, по сути, битва духов за свою прародительницу. Ради спасения Мысли Ум входит в мир и при этом остается вне его. Так возникает еще одна божественная сущность – ум (логос) во плоти. Этот воплощенный разум есть не кто иной, как Симон. Как бог, он отец всего; а как человек, он – порождение матери мира, а значит, потомок, сын и Христос. Таким образом, Симон заключает в себе Отца и Сына. Симон находит Елену в блудилище сирийского го-

рода Тир и объявляет ей, кто она на самом деле (потому что Мысль Бога, оказавшись на земле, потеряла память, забыла свое происхождение). Елена оставляет прежние занятия и начинает сопровождать Симона в его странствиях. Люди, которые поверят в Симона и Елену как в ум и мысль Бога, будут освобождены от необходимости соблюдать закон (ибо он дан не Богом, а падшими духами) и спасены...

За этими сказаниями скрываются кое-какие подлинные события. Так, насколько известно, в Иудее во времена императора Тиберия действительно проповедовал какой-то человек по имени Иешуа (это имя оказалось труднопроизносимым для эллинов, и они переделали его в «Иисус»). У него были ученики и последователи не только среди иудеев, но и среди представителей других народов. Вполне возможно, что этого Иисуса казнили, поскольку он словесно нападал на фарисеев. И в то же самое время в Самарии прославился некий Симон. Эти люди и послужили прообразами Христа иудейского и Христа самарянского.

Но почему мифов два? Ведь помимо Иудеи и Самарии была еще и Галилея. Вполне возможно, хотя это уже прямо не подтверждается источниками, что и там возникла какая-то новая разновидность христианства. Мы предполагаем, что в Галилее Христом признавали Иуду из Гамалы, который известен в основном тем, что выступил против переписи населения, которую решили устроить римские власти. Он считал, что это приведет галилеян к рабству. И это, собственно, все.

Можно только заметить, что после подавления первого иудейского восстания ожидание Христа перешло у евреев, судя по некоторым признакам, в болезнь духа: почти в каждом городе, если не в каждой деревне был свой Христос. О подавляющем большинстве из них никакие сведения не сохранились, но это не очень важно. Современные христиане обычно не знают об этом, а если им сказать, они не поверят и постараются об этом поскорее забыть, поскольку вера в Иисуса Христа держится не в последнюю очередь на представлении об исключительности этого существа. Если же станет широко известно, что этих Христов была целая толпа, слепо надеяться на одного из них будет несколько сложнее, и сама идея Христа обесценится.

Итак, в зарождающемся христианстве первоначально было два заметных Христа: «от Иудеи» – Иисус, «от Самарии» – Симон. Иудеи и самаряне вечно враждовали друг с другом. Эту вражду иносказательно запечатлели в баснях о противо-

стоянии Иисуса и Симона. Не сыны бога соперничали – два племени не поделили место под солнцем.

Без сомнения, ростки христианства взошли в Иудее, Самарии и Галилее. Покинув родные страны, оно широко распространилось по миру, так что львиная доля его приверженцев пришлась на сирийцев, азийцев, египтян, эллинов и римлян, а в дальнейшем на германцев и славян. Этим народам совершенно не было дела до вражды самарян и иудеев. Они даже не вполне отличали одно племя от другого. Тем более не видели они никакого смысла в двух Христах. Симон и Иисус слились тогда в единое целое, и получившийся новый образ Спасителя вобрал в себя многие черты прежних.

Любопытно, что в некоторых христианских учениях присутствуют оба божественных сына: один – от творца, бога иудеев; другой – от высшего начала. Первый, таким образом, есть, по сути, Иисус, второй – Симон. Именно так дело обстоит согласно Маркиону, который, впрочем, посланца неведомого благого начала называет Иисусом, чем сбивает нас с толку. Но если хорошо присмотреться, станет ясно, что под этим именем у него скрывается Симон Христос христианства самарянского происхождения.

За новым образом Спасителя сохранилось имя Иисус, обладавшее известным преимуществом: оно означало «бог спасает», «бог-спаситель». Люди же, не знакомые с еврейским языком, вероятно, переводили его просто как «спаситель». Следовательно, «Иисус» вообще не есть здесь имя собственное, это такое же прозвище, как Христос. Неудивительно поэтому, что за пределами христианских книг описанного в них Иисуса невозможно найти. Действительно, нелепо даже приступать к разысканию в источниках человека, о котором известно лишь то, что кое-кто называл его Спаситель-Помазанник. Но не только Иисуса Христа не удается обнаружить – Симон Христос тоже неуловим.

Иосиф Флавий, с книгами которого мы сверяем христианские сказания, не подтверждает существование сынов бога. Но у него имеются сведения о лицах, послуживших прообразами для них. Так, Иосиф упоминает несколько Симонов, – имя это, по-видимому, было тогда широко распространенным. И некоторые из тех людей неплохо подходят под сказочный образ. Отвечают ему и кое-какие лица, имен которых Иосиф не называет. Вот эти любопытные сведения.

Некий Симон, слугитель царя Герода (Ирода), человек красивый, огромного роста и сильный, самовольно возложил

на себя царский венец и с толпой приверженцев разграбил, а затем сжег ряд дворцов в стране. Против него выступил с войском наместник Валерий Грат (правление 15–26 годы н. э.). Симониане были разгромлены, а сам предводитель обезглавлен.

Некий самарянин (не названный по имени) приобрел большое влияние в народе в наместничество Понтия Пилата (26–36 годы н. э.). Он собрал целые толпы на священную гору Гаризим и пообещал показать, где зарыты священные сосуды Моисея. Понтий Пилат разогнал сборище и казнил наиболее заметных из вождей. Что произошло с главным зачинщиком, Иосиф не сообщает. Случилось это под самый конец срока правления Пилата.

Наместник Иудеи Антоний Феликс (52–60 годы н. э.) однажды повстречал некую Друсиллу, женщину необыкновенной красоты, и захотел с ней сойтись, несмотря на то, что она уже была замужем. Он отправил к ней в качестве посла иудея Симона, происходившего с острова Кипр и выдававшего себя за волшебника (мага). Посольство увенчалось успехом, и вскоре Друсилла стала женой Феликса. Этот Симон очень подходит нам за одним существенным исключением: как было сказано выше, он иудей. Нам же требуется самарянин.

В правление того же Феликса в Иерусалим явился некий египтянин (опять без имени), выдававший себя за пророка и посланника неба. Он повел народ (ни много ни мало 30 000 человек) на Масличную гору и там заявил, что может одним движением руки разрушить иерусалимские стены, так что вход в город станет свободным. А вообще, он намеревался захватить Иерусалим и править там. Феликс с войском напал на собравшихся, умертвил 400 человек и 200 человек взял в плен. Однако египтянину чудом удалось ускользнуть и исчезнуть.

Представляется достаточно очевидным, что образ Симона Христа, более или менее сложившийся к 150 году н. э., впитал в себя почти все особенности жизни вышеперечисленных лиц. Основу же образа составил не названный Иосифом по имени самарянин, действовавший при Понтии Пилате.

Об Иисусе Иудейском в книге Иосифа есть вполне определенное упоминание, точнее, два упоминания. Второе, правда, совершенно незначительное. Но исследуемое нами место – отрывок неоспоримой ценности – существует в двух разных видах: в эллинских рукописях оно одно, а в выдержке из «Всемирной истории» некоего Агапия совсем другое.

Эллинские рукописи:

В то время жил Иисус, мудрый человек, если только его можно назвать человеком. Ибо он творил чудеса и учил людей, которые радостно воспринимали возвещаемую им истину. Много иудеев и эллинов он привлек на свою сторону. Это был Христос. Хотя Пилат по доносу знатных людей нашего народа приговорил его к распятию на кресте, прежние его последователи не отпали от него. Ибо на третий день он снова явился к ним живой, как об этом и о многих других чудесных делах его предсказали Богом посланные пророки. И до нынешнего дня существует еще собрание христиан, которые от него получили свое имя.

Из «Всемирной истории» Агапия:

В то время жил мудрый человек по имени Иисус. Его образ жизни был похвальным, и он славился своей добродетелью; и многие люди из числа иудеев и других народов стали его учениками. Пилат осудил его на распятие и смерть; однако те, которые стали его учениками, не отреклись от своего учителя. Они рассказывали, будто он явился им на третий день после своего распятия и был живым. В соответствии с этим он-де и есть Христос, о котором пророки предвещали чудеса.

Многие сейчас справедливо полагают, что если уж какой-то отрывок и подлинный, то только второй. И действительно. Ведь Христос для иудеев – это самая большая их надежда, самое великое чудо. И волшебства вместе с воскрешением из мертвых – явления тоже исключительные, заслуживающие не двух-трех сухих строк, а более подробного и восторженного описания. Без преувеличения можно сказать: иудей, дождавшийся Христа, должен грезить о нем днем и ночью. Помазанник Бога должен отныне занимать все его мысли.

А что вместо этого? Иосиф впервые заговаривает о Христе по имени Иисус лишь в восемнадцатой книге своего огромного труда, посвящая ему отрывок, скромная величина которого находится в разительном противоречии со значимостью описываемого лица. Затем он напрочь забывает о Христе и вспоминает о нем во второй раз как бы мимоходом в двадцатой (последней) книге в связи с его братом Иаковом, ко-

торого обвинили в нарушении законов и приговорили к побитию камнями. Так что, если принять это место из «Иудейских древностей» за подлинное, придется, пожалуй, признать подделкой все остальное.

«И до нынешнего дня существует еще собрание [=община] христиан, которые от него получили свое имя». Речь как будто идет о небольшом обществе. Но Иосифу, коль скоро он убежден в том, что тот человек был Христос, наверное, следовало, по крайней мере, посетовать на глупость смертных, до сих пор не уяснивших, что на земле обитал некто особо близкий к богу и что по этой причине каждое слово, изреченное им, должно быть вечно живой мыслью в памяти народов. Или он мог бы удивиться высшему промыслу, устроившему все так, что лишь немногие лучшие постигли в Иисусе Христа, а остальные как блуждали во тьме неведения, так и продолжают блуждать, готовя себе незавидный удел после смерти. Коротко говоря, Иосиф должен был добавить тут что-то еще, и его внезапный переход к другим вопросам кажется очень странным.

Далее. Учение о Христе исповедовала большая часть иудеев, возможно, почти все. Зачем тогда, спрашивается, иудею Иосифу называть иудеев не просто иудеями, а какими-то христианами, ведь учение о Христе – исконно иудейское? Иудей, ожидавший и дождавшийся Христа, и есть единственно истинный иудей, притом просто иудей. Но нет! Человек, вставивший этот отрывок в летопись Иосифа (а это уже совершенно очевидно), так не думал, – в противном случае он и изъяснялся бы иначе. А мыслил он по-другому, потому что не был иудеем. Остается одна возможность: человек, внесший изменения в подлинник, был христианин из числа эллинов или эллинистов (египтян, сирийцев, азийцев, римлян). Он не мог жить после поворота Константина к христианству, тем более, после Феодосия, объявившего христианство государственным богопочитанием. Ведь христиане тогда уже не просто росли в числе, они побеждали, тогда как в словах летописи об их сообществе заметна большая неуверенность. Такová, по нашему мнению, могла иметь место при Траяне и Адриане (когда эллинистическое христианство еще только нарождалось), а также при Деции и Диоклетиане (когда были предприняты весьма решительные действия в отношении всех причисляющих себя к этому течению). Известно, что Ориген (III век) упрекал Иосифа за то, что тот не признает Иисуса Христом, а Евсевий уже приводил ту выдержку из «Иудей-

ских древностей», в которой такое признание как бы «состоялось». Следовательно, книга Иосифа была исправлена в период между Децием и Диоклетианом.

Так обстоит дело с эллинскими рукописями. Однако мы собираемся показать, что отрывок из истории Агапия тоже не слишком достоин доверия.

Следует еще раз внимательно присмотреться к тому, что у Иосифа сказано перед сообщением об Иисусе и что – после. Тут обнаруживаются удивительные вещи, о которых мы уже упоминали. Оказывается, что, если полностью выбросить этот крохотный отрывок из восемнадцатой книги «Иудейских древностей», ни книга, ни летопись в целом не пострадают. А все дело в том, что сообщение об Иисусе никак не связано по смыслу ни с предшествующим повествованием, ни с последующим. В любом виде оно выглядит как вставка – искусственная и необязательная.

Сначала Иосиф рассказывает, как Пилат построил водопровод в Иерусалиме, пустив на это храмовые деньги. Многие возмутились этому и по обыкновению, собравшись, принялись поносить наместника. Пилат разогнал недовольных с помощью воинов, вооруженных, правда, не мечами, а только дубинами. Но воины переусердствовали: немало иудеев погибло, и очень многие были ранены. Ясно, что, с точки зрения Иосифа, это было несчастье.

Затем якобы следует сообщение об Иисусе. А сразу после него Иосиф говорит буквально следующее: «Около этого же самого времени другое горе постигло иудеев». Но в сохранившихся отрывках об Иисусе ничего горестного нет. О смерти этого человека летописец как будто не сожалеет. По крайней мере, ничего такого не заметно. Остальное же звучит вообще обнадеживающе: не все еще погрязли в пороках, есть и добродетельные, мудрые люди, умеющие распознать истину. Но это-то и странно: кажется, что здесь должно быть просто какое-то очередное бесчинство. Поэтому наши подозрения о том, что с отрывком об Иисусе что-то не ладно, усиливаются. Разумно предположить, что либо его вообще не было, либо и он был изначально окрашен в мрачные краски.

И действительно, фарисей Иосиф, как считают многие, едва ли мог одобрять преданность небольшой кучки людей какому-то (пусть даже мудрому) Иисусу, преданность настолько слепую, что они узрели в нем Помазанника. Христос фарисеев – это великий царь, который поднимет с колен всех иудеев, а не безродный бедняк, сколотивший вокруг себя

небольшое общество единомышленников. Таким образом, следует признать весьма и весьма вероятным, что в первоначальном виде у Иосифа преклонение перед Иисусом осуждалось и рассматривалось как очередное бедствие. А потому и о самом Иисусе летописец не мог говорить особо благожелательно.

Теперь о третьей по счету напасти. Сделав небольшое отступление о событиях в столице, Иосиф поведал следующее. Из Иудеи во времена правления Понтия Пилата бежал некий гнусный человек. Опасаясь обвинений в нарушении законов и наказания, он поселился в Риме. Там он спелся с тремя негодями, и они все вместе обманом завладели богатыми дарами (пурпур и золото), которые по их предложению послала в иерусалимский храм некая Фульвия, знатная женщина, перешедшая в иудейство. Преступление раскрылось, и император Тиберий в назидание распорядился изгнать из Рима всех иудеев...

Итак, можно считать, что в летописи Иосифа Флавия мы нашли обоих – настоящего Иисуса и настоящего Симона. Как следовало ожидать, мы обнаружили только одно: это были самые обычные люди. И речь здесь идет уже не о какой-то там божественности, а всего лишь о человеческих способностях.

Первые достоверные упоминания о христианах. Около 110–112 года н. э. наместник Вифинии Гай Плиний Секунд Младший в письме к императору Траяну спрашивает, что ему делать с христианами, которые обнаружились в подчиненной ему провинции. Дело в том, что он никогда раньше не присутствовал на судах против христиан и поэтому не уверен, правильно ли он поступает. Выявленным по доносам христианам, сообщает Плиний, он давал возможность раскаяться. Если они отрекались, он их проверял, прося помолиться богам и императору, а также поругать Христа, и отпускал; остальных отправлял на казнь. Некоторые из задержанных признались ему, что были христианами лет двадцать назад, но потом отказались от этих убеждений. Плиний всех тщательно расспросил и выяснил попутно для себя, что христианство представляет собой какое-то невообразимо грубое суеверие. Больше всего его волновало вот что: следует ли ему наказывать христиан за преступления или уже только за то, что они христиане. Траян ответил Плинию примерно так: я не могу дать тебе никакого общего правила на сей счет, но во всяком случае неподписанных доносов не принимай, ибо это не со-

ответствует нашему просвещенному времени; христиан намеренно не разыскивай, но если найдешь, и они не отрекутся – наказывай.

Таково первое более или менее достоверное упоминание о христианах в сохранившихся источниках.

Из этой переписки Плиния и Траяна вытекает несколько весьма любопытных вещей: христианство для Римской империи – явление новое, никаких законов, касающихся именно христиан нет, а есть только какие-то более общие – относительно религий. И, наконец, может быть, самое примечательное: если христиане подлежат наказанию уже за одни только убеждения, как того требует Траян, значит, в его понимании они преступники, но при этом искать их почему-то не надо. Отсюда следует, что христиан чрезвычайно мало, так что затраты на их поиски не окупятся теми положительными изменениями в обществе, которые наступят от их уничтожения.

Таким образом, получаем, что до 100 года н. э. никакого христианства, по-видимому, не было, и никто ни о каких христианах вообще ничего не слышал. Полученные Плинием признания некоторых людей в том, что они исповедовали христианство двадцать лет назад, большого значения не имеют: на то время эти люди вполне могли не осознавать себя христианами, потому что в языке еще не было таких слов, а потом, когда соответствующие слова появились, они обозначили ими свои прошлые взгляды. И получается, что они были христианами, так сказать, задним числом. А до этого воспринимали себя только как приверженцев иудейского учения...

Итак, по имеющимся на сегодня данным слова «христианин» и «христианство» появились около 100 года н. э.

Далее. Римский летописец Публий Корнелий Тацит примерно в 120 году н. э. издал сочинение, в котором повествуется, в частности, о большом пожаре в Риме, случившемся при Нероне (64 год н. э.). Зная прескверный нрав императора, граждане справедливо подозревали, что город поджег именно он. Чтобы хоть как-то отвести от себя подозрения, Нерон якобы заявил, что это дело рук христиан, после чего тех стали повсеместно хватать и жестоко убивать. О христианстве Тацит сообщает буквально следующее: эта зараза вышла из Иудеи, христиане получили свое название от Христа, которого казнил еще Понтий Пилат; это зловерное суеверие было уже почти подавлено, но в наши дни вновь прорвалось наружу...

Тацит предположительно родился в 58–60 годах н. э. Значит, в описываемое им время он был ребенком и вряд ли запомнил все это. Но если пожар еще мог запечатлеться в его памяти, то в религиозных и прочих принадлежностях он в столь раннем возрасте, безусловно, не разбирался. Следовательно, он знает об истреблении каких-то там христиан со слов других людей, и, таким образом, здесь мы имеем сведения далеко не из первых рук. Самое удивительное, что об этом ничего не говорят другие писатели и прежде всего Иосиф Флавий (35–105), который был современником упомянутых событий. Это обстоятельство с очень большой вероятностью указывает на то, что римский летописец взял свои данные уже из христианских сказаний, которые, видимо, успели к тому времени дойти до его ушей, а не из независимых летописей или государственных записок. Тацит считается сейчас надежным историком, но надежный еще не значит непогрешимый. Он не проверил свои источники – просто потому, что невозможно проверить все. И поэтому, сравнивая его отчеты с другими, мы с разумной уверенностью утверждаем: то, что он сообщает, не имеет никакой или почти никакой ценности.

И, наконец, Гай Светоний Транквилл, ровесник Тацита, издавший свои жизнеописания цезарей тоже примерно в 120 году. У него сказано следующее: «Иудеев, постоянно волнуемых Хрестом, Клавдий изгнал из Рима» (предположительно событие 50 года н. э.). Здесь, как видим, даже не Христос, а Хрестос. Слово это эллинское, а в переводе означает «добрый», «хороший», «способный», «умелый», «годный». Такую кличку нередко давали рабам. Гай Светоний, как говорится, слышал звон, но не имеет ни малейшего представления, откуда он идет. В вероучении иудеев, что уже отмечалось, большое место занимал миф о грядущем правлении Царя-Помазанника (Мессии/Христа), который освободит их от рабства. Этот миф настолько овладел умами иудеев, что, взирая на них со стороны, не разобравшись, легко было подумать, будто Мессия (=Христос) и есть зачинщик всяких смут у этого народа. А что Транквилл не разобрался, это ясно из того, что он даже не знает толком, как надо это прозвище писать. Другими источниками данные Транквилла опять же не подтверждаются.

Итак, мы полагаем, что непредвзятого исследователя при ознакомлении с этими отрывками ждет скорее разочарование. Плиний повествует только о христианах, а Христос у него

лишь упомянут. То же самое у Тацита и Транквилла. К тому же их сведения сомнительны до крайней степени. И ни один из них не воспроизводит никакого христианского учения, что подтверждает наши подозрения: до 30-х годов II века, т. е. до выступления Маркиона, Кердона и Валентина христианства как самостоятельной веры, отличной от иудейства, вообще не было.

КРУПНЕЙШИЕ РАННИЕ ЦЕРКВИ

Древнейшими достоверно известными крупными христианскими объединениями являются церковь Маркиона, школа Валентина, церковь Карпократа, так называемая «большая» церковь и Новое Пророчество Монтана. Остальные объединения, несмотря на многочисленность, не столь значительны и в большинстве своем находятся в зависимости от названных выше, являясь какими-то ответвлениями их. К ним относятся так называемые офиты, каиниты, барбелиты, адамиты, ператы, сивиллисты и некоторые другие.

Маркион (ок. 85–155) – христианский проповедник, составитель «Посланий Павла» и «Евангелия от Луки», которые были обозначены им как Евангелие (или даже как Новый Завет) и впервые противопоставлены Закону (Старому Завету), сторонник полного размежевания христианства и иудейства, основатель первой вселенской церкви, независимой от иудеев. Все это позволяет считать Маркиона отцом христианства, недостающим звеном церковной истории, звеном, которое оказалось выброшенным и забытым после победы противников Маркиона, переписавших летопись христианства. Мы находим три доказательства того, что Маркион – по сути, древнейший достоверно известный христианин. Юстин (ок. 105–165), писавший свои речи в защиту христиан уже в последнее десятилетие правления императора Антонина Пия, из всех своих духовных врагов упоминает только Менандра и Маркиона. Но Менандр – соотечественник Юстина, расспросивший предание о Симоне и Елене, – о нем Юстину трудно было бы не знать. Но то, что он не называет даже таких весьма и весьма знаменитых учителей, как Валентин, Карпократ или Василид, очень показательно. Это означает, что они, скорее всего, стали широко известны уже только после смерти Маркиона. Иринея (ок. 140–200) свидетельствует, что некто Поликарп (один из наставников самого Иринея)

назвал как-то Маркиона первым сыном сатаны, т. е. первым отступником. Наконец, Тит Флавий Климент (ок. 150–215), для которого Маркион тоже еретик, говорит, что тот был старше всех остальных, т. е. Валентина, Василида, Карпократа, Сатурнина и им подобных. Таким образом, враги Маркиона, всячески пытаясь принизить его значение, не смогли скрыть то обстоятельство, что этот человек стоит у самых истоков христианства. В так называемой «Эдесской хронике» (написана по-сирийски около 540 года) первое событие, относящее к христианству, – это, конечно, рождение Иисуса Христа, второе же – деятельность Маркиона. А именно сказано: «В 449 году [эры Селевкидов, т. е. это 137 год н. э.] Маркион вышел из католической церкви». Действительно, раньше из нее никто и не мог выйти, потому что нельзя отделиться от того, чего еще нет!.. Нужно понимать, что распространяемое многими христианами представление, будто церковь до поры до времени пребывала в единстве и чистоте и только в императорство Антонина Пия впервые была смущена, опорочена и разорвана на части еретиками, есть глупейшая сказка. На самом деле, насколько известно, никогда не было такого, чтобы все люди, даже и объединенные чем-то, придерживались бы одних и тех же взглядов по одним и тем же вопросам. Такого просто не бывает. Поэтому разногласия в христианстве существуют столько, сколько само христианство. И, следовательно, время первого достоверно известного нам раскола внутри этого течения – это и есть для нас сейчас время появления самого этого течения...

Маркион происходил из Синопы, из семьи, которая, по сведениям, была близка к иудейству. Занимался морской торговлей, имел достаточно большое состояние. Возможно, вследствие воспитания сам по взглядам первоначально был иудеем. Переворот в мировоззрении Маркиона произошел в 30-е годы II века н. э. в значительной степени под воздействием иудейского бунта, который поставил под угрозу существование как самих иудеев (и даже всех евреев), так и близких к ним по духу христиан, отличавших себя от тех пока еще не по убеждениям, а только по происхождению (христианами тогда называли себя разве что представители других народов – сирийцы, египтяне, эллины, римляне и т. д.). Маркион провозгласил полный разрыв с иудейством и объявил христианство изначально независимой и самостоятельной верой (эту точку зрения вскоре приняли все, даже самые ярые противники Маркиона). Однако полностью избавиться от иудейских

корней Маркион, разумеется, не мог, поскольку в тех условиях это, скорее всего, означало возврат к эллинской философии.

На основании некоторых свидетельств можно как будто сделать вывод, что одно из сочинений Маркиона называлось просто «Евангелие» (т. е. без указания имени апостола). Это, однако, крайне маловероятно, поскольку слово «евангелие» в те времена обычно использовалось в качестве собирательного названия чисто христианских книг (противопоставленных книгам иудейским). Евангелием Маркиона, очевидно, были десять «Посланий Павла» (к галатам, к коринфянам – два письма, к римлянам, к фессалоникийцам – тоже два письма, к эфесцам, колоссянам, к Филимону и филиппийцам). Чем-то вроде приложения к ним выступало «Евангелие от Луки». Оно было ощутимо меньше сохранившегося одноименного произведения. Во всяком случае, в нем не было рассказов о родословной, рождении и детстве Христа; многие события земной жизни Спасителя были описаны с меньшим количеством подробностей.

Маркион утверждал, что есть злой Яхве, творец мира, его правитель (по-эллински «космократор») и законодатель, и бесконечно благой Бог, Отец Спасителя. Яхве сделал жизнь людей невыносимой, он дал нам заповеди, которые мы не можем соблюсти, а значит, сам ввергнул нас в грех. Впрочем, к иудеям, единственному народу, почитающему его, Яхве более или менее благосклонен. Он даже собирается дать им Мессию (~Христа)... Бог же, который не имеет ни к Яхве, ни к миру никакого отношения, решил стать нашим новым отцом. В этом и заключается его беспредельная благодать: он хочет заботиться о людях, несмотря на то, что мы ему – никто. Мы не приходимся ему ни детьми, ни созданиями, и он мог бы вполне оставить все, как есть. Но ради нашего спасения он посылает на землю своего Сына. Тот принимает облик взрослого человека и становится известным под именем Иисус Христос («спаситель-помазанник»). Он призывает людей принять нового отца и отречься от мира (смирение плоти и, прежде всего, отказ от деторождения). Для подтверждения данной ему власти он творит чудеса, чем убеждает некоторых видевших это, но после вознесения его к Отцу только вера в него может спасти человека.

Христос Маркиона был существом божественной природы без примеси человеческого. У него не было ни земного рождения, ни детства, никаких земных родственников и, самое

главное, никакой плоти. Сын Бога спустился на землю и создал видимость человека, такую совершенную, что отличить его от настоящего смертного было невозможно. Его страдания и смерть на кресте были мнимыми. Сын Бога принес благую весть, открыл людям глаза на происхождение мира и проповедовал веру в него, в Сына, как единственный путь спасения. Ничьих грехов он не искупал, потому что перед тем, кто захотел усыновить нас, мы были чисты. Христос выкупил нас у властелина мира, причем так, что последний остался ни с чем. Он думал, что Христос – нечто вроде человека (насколько убедительной была эта видимость человеческого) и потребовал в обмен на свободу людей его смерти. Он еще не знал, что перед ним бессмертный бог. Договор, таким образом, все-таки был нарушен, что как будто освобождало от обязательств и властелина мира. Но на самом деле его время прошло. После своей мнимой кончины на кресте Сын Бога показал такую силу, которая делала невозможным никакое сопротивление космократора: он спустился в Аид и увел оттуда всех тех, кто этого пожелал, – еврейских грешников и все народы, которые никогда и не слышали о Яхве...

Общины, в которых держались учения Маркиона, были разбросаны по всему Римскому государству. В основных чертах эта церковь оказалась почти в точности срисованной с ессейского союза. Здесь был строгий порядок, четкая иерархия священников, не подлежащее тонким толкованиям вероучение, воздержанный образ жизни, запрет на брак и продолжение рода. Главными обрядами здесь были крещение и причащение. Церковь Маркиона почти наверняка была обречена: для большинства людей требование отказаться от супружества и деторождения звучит неприемлемо. Подобный призыв мог найти отклик только в очень суровые времена, однако Маркион сам же сделал все, чтобы они для христиан поскорее закончились. Из непосредственных учеников Маркиона по именам известны только Апеллес, Потит, Василиск, Препон и Синерос. Апеллес в конце концов склонился к мнению о едином начале сущего, а ответственность за творение мира и зло возложил на одного из ангелов Бога. Синерос, наоборот, увеличил количество начал до трех – добро, справедливость и зло (Бог, творец мира и внутримировой враг творца). Остальные названные лица придерживались точки зрения синопского учителя.

Церковь Маркиона была вытеснена государственной церковью уже при императоре Константине и почти полностью

исчезла после веронетерпимых указов Феодосия. «Послания Павла» и «Евангелие от Луки» были основательно переписаны, причем содержательно приближены к иудейству; их подлинники, а также произведение «Противоположности», которое Маркион издал под своим именем, уничтожены.

Валентин (ок. 100–160) – христианский проповедник, второй по значимости после Маркиона. Наиболее вероятный составитель «Евангелия от Филиппа» и, может быть, «Евангелия Истины». Созданное Валентином объединение в источниках именуется исключительно школой, а не церковью – по причине царившего там духа свободы (по свидетельствам, некоторые последователи Валентина считали себя необщинными, нецерковными христианами). Валентин родился в Александрии, в 30-е годы вместе с Маркионом начал выступать в защиту христианства, проповедовал полный разрыв с иудеями. После смерти Маркиона единомышленники Валентина выдвинули его в качестве вождя всего христианского сообщества, однако разногласия среди христиан уже не позволяли никакому отдельному лицу выступить примирителем и объединителем всех церквей. По некоторым данным, именно Валентин в трактате «О трех природах» объединил Отца, Сына и Духа в Троицу, которая потом стала главным предметом поклонения для большинства христиан. Сохранились небольшие отрывки из следующих произведений Валентина, которые он издавал под собственным именем, – гимн «Жатва», «Письмо к Агатоподу», проповедь «О друзьях» и еще некоторые, названия которых неизвестны.

Валентин полагал, что есть три области – Полнота, Середина и Пустота. Полнота – божественное царство, Середина – место творца мира (демиурга) и его помощников (ангелов), Пустота – материя, где правят дьявол и демоны и где все мы обитаем. Материя возникла из-за изъяна в божественном царстве. Этот изъян (именуемый также ошибкой, болезнью, выкидышем, безобразной сущностью) был вытеснен из Полноты и превратился в низшего бога – демиурга. Из остатков безобразной сущности демиург сотворил материю. В ней случайно оказались частицы божества – человеческие души. Ради их спасения Праотец посылает на землю одного из своих потомков – Иисуса Христа, который дает людям знание о происхождении мира и его скорой гибели. Но не все спасутся. Есть люди духовные, они уже боги по своей природе и не нуждаются ни в чем; есть люди душевные, которым, чтобы спастись, нужно поверить и исполнять заповеди. И есть люди

телесные. Они обречены, ибо в них нет ничего, что подлежало бы спасению.

Из школы Валентина вышло наибольшее число одаренных мыслителей, но в целом ее постигла, хотя и по другим причинам, та же участь, что постигла церковь Маркиона. Учение Валентина, особенно некоторых его последователей, было слишком сложным для восприятия, прежде всего, для запоминания. К тому же проповедуемое валентинианами неравенство людей перед богом не могло найти поддержки у тех, кто хотел просто верить и вести обычный образ жизни.

Итак, среди учеников Валентина выделяются Феодот, Марк, Птолемей, Секунд, Аксионик, Ардезиан, Гераклеон, Александр, Колорбаз, Юлий Кассиан и Теотим. Они стали известны во времена императора Марка Аврелия. Каждый из них изменял учение Валентина на свой лад – один упрощал, другой усложнял. Некоторые последователи Валентина, как сообщается, очень сильно пересмотрели взгляды основателя течения. Наиболее далеко от Валентина ушли Гераклеон, Секунд, Марк и Юлий Кассиан. Все эти люди определенно причастны к созданию евангелий, апокалипсисов и апостольских посланий, но решить, что именно кому принадлежит, здесь чрезвычайно трудно. Усредняя взгляды валентиниан, получаем примерно такое вероучение.

Изначально существовал бездонный провал (=хаос) – запредельный всему, молчащий и непостижимый. Безбрежную вечность длилось его одиночество, прежде чем он стал Праотцом. У него зародилась Мысль – Великая Милость и Тишина. С ней он произвел Ум и Истину. Ум был подобен и равен прародителю, он единственный постигал величие Праотца, а сам он есть Отец и Начало начал.

Ум и Истина дали бытие Рассудку и Жизни, а от тех в свою очередь произошли сначала Человек и Церковь, а затем Глубинный и Смешение, Нестареющий и Единение, Самородный и Наслаждение, Недвижный и Растворение, Единородный и Блаженство. Все они образовали супружества (в эллинском языке второй член пары – слово женского рода).

Затем от Человека и Церкви появились Утешитель и Вера, Отчий и Надежда, Материнский и Любовь, Вечный и Совесть, Церковный и Радость, Желанный и Мудрость. Эти тоже образовали супружества.

Рожденные Человеком и Церковью составили дюжину; братья и сестры Человека и Церкви составили десятку; первые дети Праотца и Мысли с их родителями – восьмерку, а

все они вместе – Полноту («Плерома»). Из позднерожденных никто не ведал Праотца, кроме Ума, хотя все находились в нем. Ум захотел некогда открыть родителя детям, но Мысль остановила его, дабы они сами достигли свое происхождение.

Мудрость, последняя из дочерей, прониклась желанием найти исток и начало всего. Она искала Праотца и не нашла. Неудовлетворенное желание стало болезнью. Болезнь была изъяном в мире света, она создала тень, а тень – тьму. Тьму окружили завесой, чтобы отгородить ее от света. Болезненная страсть Мудрости оторвалась от нее и, сделавшись безобразной сущностью, упала во тьму. Охранительная же сила вытеснила ее из Полноты.

Неведение и безобразие нарушило всеобщее спокойствие. Вняв мольбам детей, Праотец и Мысль породили еще двух – Христа и Святого Духа. Христос открыл потомкам, что великий родитель непознаваем и, таким образом, восстановил умиротворение и единство. Тогда успокоившиеся дети все вместе, отдавая лучшее каждый от себя, произвели Иисуса. Он стал единственным рожденным вне супружества.

Посланец Праотца Христос тем временем позаботился о безобразном выкидыше, придав ему некое подобие его матери. Так болезнь Мудрости сама превратилась в низшую мудрость с иудейским именем Ахамот (что означает то же самое – «мудрость»).

Она страдала, переживая печаль, страх и ужас, веселясь от отчаяния и страстно желая вернуться в отчий дом. К ней пришел посланец Иисус, принес ей свет, знание и частицу духа. Тогда ее веселье стало огнем, печаль – воздухом, страх – водой, ужас – землей. Страсть к воссоединению с Полнотой преобразовалась в душу. Душа, еще глубже погрузившись во тьму, превратилась в великого властелина, который сделался богом Середины («Месотес»). Властелин породил семь ангелов и вместе с ними сотворил мир, который оказался жалким подобием Полноты. Это была Пустота («Кенома»), Неведение и Тьма; здесь правят последние дети низшей мудрости – дьявол со своими демонами. В Середине и Пустоте никто не подозревал о высшем царстве, но многие были полны печали и тоски, не понимая, откуда у них это.

Властелин с ангелами создал земного человека и вдохнул в него душу. А дух вошел в человека без воли творца. Дьявол искушал первых людей, а бог Середины изгнал их из чудесного сада. Люди расплодились и расселились по земле, одни – страдая, другие – наслаждаясь жизнью.

Но те, которые получили частицу духа, совершенствовались и готовились к принятию вечного знания. В последние дни духовный Иисус соединился с духовным Христом. Этот высший Иисус Христос сошел на человека Иисуса, когда тот омывался в Иордане, и через него дал народам откровение Праотца. Его восприняли духовные и заметили душевные. Плотские же люди не обратили на него никакого внимания. Иисус претерпел мучения, но это были мучения человека, который постиг, что удостоился быть орудием великой силы. Высший Иисус Христос не был тогда с ним.

Усовершенствовавшиеся знанием духовные сущности выходят из уготовленного ангелами круга рождений и смертей и задерживаются в Середине. Ущербные души продолжают переселяться из тела в тело. Плотские же не подлежат спасению, ибо в них нет ничего, что могло бы спастись.

Таким образом, какие-то люди избраны уже почти только в силу самой их духовной природы, – исполнение обрядов, соблюдение заповедей им не нужно. Духовные, по сути, уже воскресли – задолго до конца времен. Душевные, уверовав в истину, открывшиеся духовным, получают надежду на спасение, поскольку их души могут усовершенствоваться до такой степени, что станет возможным безвозвратный исход их из Пустоты. Для этих нравственный образ жизни обязателен. Что же касается людей плотских, то они обречены, что бы ни делали. Впрочем, они и не могут ничего сделать. Их зачаточная душа [видимо, растительная и животная] просто не способна расслышать зов божественного.

Когда степень совершенства духовных достигнет достаточного уровня, их примут в Полноту. Низшая мудрость заключит брак с Иисусом, духовные сущности – с ангелами Иисуса. Властелин мира, взяв к себе души, отречется от своего творения. Тогда огонь, более не сдерживаемый разумным хозяином, обретет наивысшую силу и, пожрав телесный мир вместе с плотскими тварями, уничтожится сам. Праотец открывает себя всем детям. Неведение восполнится знанием, свет рассеет остатки тьмы, и многочисленные потомки Предвечного обретут блаженство – каждый на положенном ему месте...

Теперь скажем немного об отдельных представителях школы.

Феодот помимо прочего оставил изречение, сделавшееся знаменитым: «Освобождение – это познание того, кем мы были, кем мы стали; где мы были, куда мы заброшены; к чему стремимся, что ищем; что есть рождение и что – возрож-

дение». Еще он учил, что, пока человек не принял христианство, он всецело во власти ангелов и созданной ими злой судьбы, определяемой по звездам. Когда же человек крестится, он выходит из-под их предопределения и становится свободным, почему и составленные для него предсказания по звездам отныне перестают сбываться. Большие выписки из книг Феодота сделал Тит Флавий Климент.

Марк понимал детей Праотца как его мысли.

Птолемей оставил, в частности, «Послание к Флоре», где разъяснял происхождение так называемых законов Моисея. Согласно Птолемию, они и не от Бога, и не от дьявола, а от владыки и творца мира, т. е. от бога Середины. Одно в законах было хорошо, и эту часть в них Спаситель утвердил и дополнил (сюда относятся десять заповедей). Другое было плохо (например, правило «око за око»). Это спаситель упразднил и отменил. А остальное он повелел понимать не буквально, а иносказательно, в духе (сюда относятся обряды). Следует, однако, помнить, что в Законе Моисея не все от бога Середины, но кое-что – от самого Моисея и еще некоторых людей.

Секунд полагал, что в Полноте изначально сосуществовали темная и светлая сторона.

Гераклеон написал толкования на «Евангелие от Иоанна» и «Евангелие от Луки». Против его понимания этих произведений выступил потом Ориген.

Александр не то сам учил, не то других обвинял в утверждении, что Спаситель для того облекся в земную греховную плоть, чтобы в своем лице упразднить, т. е. уничтожить ее.

После смерти Валентина на западе союз возглавлял сначала Птолемей, потом Гераклеон; на востоке – Секунд, Феодот, Аксионик и Ардезиан. Дальнейшее преемство руководителей неизвестно.

Затем последователями Валентина стали Амвросий из Александрии, Бар-Дайшан (Вардесан) из Сирии, сын Вардесана Гармоний и, если судить по данным Порфирия, Александр из Ливии (при условии, что он не совпадает с вышеупомянутым одноименным философом), Филоком, Демострат, Лид, а также Адельфий и Аквилин. Все они действовали в III веке. Порфирий, впрочем, называет их не валентинианами, а гностиками (в переводе с эллинского «знающие»). Гностиками же первоначально именовались только приверженцы некоего малоизвестного христианского проповедника Продика, который жил, вероятно, чуть позже Валентина. Однако похо-

же, что с точки зрения Порфирия, гностики – это все христиане, которые о богах и мире рассуждают не так, как повествует иудейская книга «В начале» («Происхождение»). Вообще, из знаменитых alexandрийских христиан II–III веков, кажется, никто не избежал вполне влияния Валентина. Но дальше всего от него отстояли Пантен, Климент, Ориген и последователи Оригена.

Вардесан (ок. 155–220) различал в человеке две души – вещественную и духовную. Первая всецело подвластна судьбе и звездам, вторая – свободна и может выбирать между добром и злом. В противоположность Валентину Вардесан считал, что Пустота изначально противостоит Полноте; Мудрость, погружаясь в Пустоту, приводит ее в некоторый порядок, вследствие чего возникает наш мир.

Амвросий был состоятельным и знатным человеком в Александрии. Проникшийся сочувствием к христианству, он примкнул к валентинианам, ибо они в те времена едва ли не преобладали в Египте, но потом стал учеником и помощником Оригена. Тот, впрочем, сам был далек от протонародной веры и на все вопросы отвечал по-своему, за что подвергался преследованиям со стороны невежественной толпы. Больше всего пострадала память его у потомков: большинство христиан под давлением императора Юстиниана согласилось считать Оригена вероотступником. И действительно, по ряду положений своего учения он не то чтобы близок к Карпократу и Валентину, но, во всяком случае, человек того же склада ума.

Александр Ливийский, Филоком, Демострат и Лид известны только по именам.

Адельфий и Аквилин, по имеющимся данным, много проповедовали в Риме. Их единомышленники бывали на занятиях у знаменитого ныне платоника Плотина (205–270), когда тот тоже учил в столице. С Плотиним они, судя по всему, так повздорили, что он даже написал целую книгу с нападкамии на их взгляды. Это был единственный его труд, направленный против философов других течений. Но никаких имен он в сочинении не назвал.

Школа Валентина, вероятно, существовала в Египте и Сирии до завоевания этих мест арабами в VII веке.

Сведений о том, чтобы кто-то из валентиниан пострадал за имя христианское, нам обнаружить не удалось. И это, по видимому, легко объяснимо. Валентиниане говорили так: Бог не требует, чтобы мы жертвовали собой; исповедовать Бога

надо перед Богом, а не перед людьми. Валентиниане вели достаточно свободный образ жизни: посещали народные празднества и зрелища; уклонялись от преследований; ели все, что душа пожелает (хотя некоторые склонялись и к разного рода воздержаниям). Никакого строгого внутреннего распорядка в их союзе, судя по свидетельствам, не было.

Карпократ (II век) – христианский проповедник, основатель одной из ранних церквей. Действовал преимущественно в Египте во времена правления Антонина Пия (138–161 годы). Возможно, является составителем «Евангелия от Марка» (одного из, по меньшей мере, трех существовавших) и «Евангелия Евы». Оба произведения не сохранились. Карпократ утверждал, что мир был создан падшими ангелами, скрывающими от людей существование своего Отца, высшего Бога. Все человеческие законы, в том числе закон Моисея, тоже были даны ангелами, поэтому нарушение их, по существу, ничего не значит. Природа же вещей такова, что все на самом деле общее, все принадлежит всем (сын Карпократа Епифан в своей книге «О справедливости» совершенно в духе кинической философии призывал к равенству и обобществлению любого имущества). Все эти истины (о Праотце, падших ангелах и освобождении) были открыты народам Сыном Бога, вселившимся на время в человека по имени Иисус, который по этой причине стал Христом.

Наиболее любопытна, пожалуй, этика карпократиан, которой помимо них потом придерживались и так называемые каиниты («сыны Каина»). Каждый человек должен испытать все – пройти через всякое добро и всякое зло. Тогда он спасется, будучи принят Богом. А до тех пор ангелы будут переселять душу из тела в тело, и так может продолжаться до скончания века. Не следует бояться дурного и ужасного поступка, ибо разделение добра и зла идет не от высшего начала, а от его своевольного потомства. Иными словами, грех перед грешниками не есть грех. Не Бог установил, что в этом мире добро, а что – зло. Поэтому мы вольны делать все и будем чисты перед ним. Ангелы же именно того и хотят – чтобы мы боялись зла и бежали от него. Если человек будет почитать их зло злом, а их добро – добром, он никогда не уйдет от их власти. А ничего другого падшие ангелы и не желают...

Церковь Карпократа выделялась среди других своим богатством: карпократиане возводили храмы, устраивали пышные богослужения и праздники. Сын Карпократа Епифан, умер-

ший в возрасте семнадцати лет, был почти обожествлен. В церкви Карпократа впервые появились изображения (иконы) Иисуса Христа, якобы сделанные по распоряжению сочувствовавшего ему Понтия Пилата. Почитались также Пифагор, Платон, Аристотель и, возможно, еще какие-то эллинские философы. Большинство христиан доникейского времени отрицало храмы, алтари, изображения как разновидность чуждого поклонения образам (идолам), однако в дальнейшем в христианстве возобладала именно линия, намеченная карпократами (о чем католики, разумеется, предпочитают не вспоминать).

Во времена правления Марка Аврелия сложилось третье и самое крупное впоследствии объединение – так называемая «большая церковь». Ее основателями были: в Сардах – **Мелитон**, в Иераполе – **Аполлинарий**, в Антиохии – **Феофил**, в Александрии – **Деметрий**, в Риме – **Элевтерий**, в Лугдуне – **Ириней**. Эта церковь состояла из лиц, не присоединившихся к знаменитым учителям недавнего прошлого. И только после смерти Марка Аврелия это сообщество приобрело ясные очертания. Будучи враждебно настроенными по отношению к иудеям, как того и требовали обстоятельства, люди, пополнявшие союз, разделяли почти все убеждения иудеев.

Они считали Бога (=Яхве) единственным творцом и правителем мира, почитали Моисея с его законом, а также всех остальных мнимых еврейских пророков. Мир они рассматривали как изначально прекрасное творение, которое, однако, очень скоро было подпорчено падшим ангелом и первыми людьми, послушавшимися Бога. Люди были за провинность изгнаны из чудесного сада, где они прежде обитали, принуждены к тяжелому труду и продолжению рода. Человечество все более отдалялось от творца, несмотря на то, что тот пытался вразумить смертных разными способами – и потопом, и законом, данным через пророков. В конце концов, в Галилее некая Мария, принадлежащая к роду царя Давида, забеременела и родила сына. Часть христиан этой церкви полагала, что отцом ребенка был муж Марии Иосиф. Другая часть склонялась к мнению, что Марию осенила сила Бога (Святой Дух). Ребенка называли Иисусом. Достигнув тридцатилетнего возраста, он прошел обряд омовения (крещения) в реке Иордан, во время чего Бог или дал ему часть своей силы, или указал на него как на своего избранника, – здесь тоже были разногласия. Лишь в самом конце II века среди этих христиан укореняется мнение о том, что Иисус был

богом, который воплотился в человеке, что земного отца у него не было, а был только небесный. Тогда простое учение об одном боге оказалось вытесненным очень туманным представлением о трех предметах поклонения – Отце, Сыне и Святом Духе. Вопрос о том, в каком отношении те находятся, были ли они всегда и что значит в таком случае единство бога, в данной церкви решался по-разному... Итак, Иисус крестился, набрал себе учеников, проповедовал восстановление Закона Моисея, совершал чудеса, был распят, воскрес и вознесся на небо. Ученики основали местные общины, общины слились в церковь, которая недолго пребывала в чистоте и быстро была запятнана вероотступниками. В конце времен, который ожидается скоро, умершие воскреснут, произойдет страшный суд, после которого одних ждет блаженная жизнь с Богом в новом Иерусалиме, а других – вечные муки.

Простое учение и отсутствие строгих требований к образу жизни привлекли огромное количество людей – преимущественно из низших слоев общества. Уже через 30–40 лет после своего возникновения эта церковь начала соперничать с первоначальными христианскими объединениями...

В самые последние годы правления Марка Аврелия развернул свою деятельность еще один азийский проповедник – **Монтан** из Ардабана (Фригия). О времени его жизни точных сведений нет.

По-видимому, Монтан опирался прежде всего на «Евангелие от Иоанна». Не исключено, что он догадался, кто в действительности скрывается за именем Иоанна, и справедливо решил, что и ему не возбраняется создание откровений. Ведь в каком-то смысле Монтан занимает исключительное место в христианстве тех дней: мало кто решался столь открыто провозглашать собственную боговдохновенность. Вот его слова: «Человек – лира, я – смычок. Человек спит, я бодрствую». А люди, внимавшие ему, говорили так: «Утешитель больше открыл через Монтана, чем Христос – доброй вестью».

В «Евангелии от Иоанна» фригийский проповедник вычитал, что Спаситель, покидая наш мир, обещал послать ученикам и народам Утешителя – Святого Духа. На этой основе у него в уме родилось новое учение. Монтан, по-видимому, первым придал большой вес последовательности «Отец – Сын – Святой Дух», уравнив все ее члены в могуществе и сделав их источником трех ступеней богоявления и откровения. Согласно Монтану, есть три ступени явления Бога в мир и три откровения. Первая ступень – когда Отец говорил с

людьми через иудейских пророков, особенно через Моисея. Вторая ступень – когда на земле родился Сын, Иисус Христос, оставивший учеников. Третья ступень – когда к людям сошел Дух-Утешитель, который избрал себе новых пророков. Первой ступени соответствует Завет Отца (иудейские книги), второй – Завет Сына (христианские книги), третьей – Завет Духа. И подобно тому, как правильное понимание иудейского писания дано в писании, идущем от Христа, правильное понимание книг учеников Спасителя невозможно без помощи Утешителя. Иными словами, всякое следующее откровение по большому счету упраздняет предыдущее.

Монтан, впрочем, не стал впадать в крайности и не отказался полностью ни от иудейских пророков, ни от учеников Спасителя. Но к ним он добавил самого себя: он почувствовал в себе Духа Святого и объявил о своей богоизбранности.

Из его ближайших единомышленников и помощников нам известны по именам Приска (Прискилла), Максимилла, Фемизон, Феодот, Алкивиад, Прокл, Александр. Особым почетом у сторонников Монтана пользовались прежде всего Прискилла и Максимилла. Они почитались величайшими пророчицами. Старшей из них, Прискилле, некогда явился во сне Христос. По крайней мере, так она утверждала. Он будто бы наделил ее мудростью и открыл святость Пепузы – места, куда спустится небесный Иерусалим. После смерти этой троицы (Монтан, Прискилла, Максимилла) руководство движением принял Феодот, а его в свою очередь сменил в дальнейшем Прокл. О последующих преемниках нам ничего не известно. Большим влиянием пользовался также Фемизон. Он рассылал другим церквям послания от лица всего Нового Пророчества (так они называли свое течение). Наше общество [имеются в виду все христиане] лишилось славы и повинует-ся сатане, увещевал Фемизон, но Новое Пророчество вернет его на путь правды.

Вместе с вышеперечисленными (а также, вероятно, и с некоторыми другими людьми) Монтан написал и издал ряд откровений и песнопений, составивших Завет Утешителя. Эти книги не сохранились, но, по сведениям, они лишь в отдельных вопросах заметно отклонялись от уже широко распространенных в христианской среде сочинений. Из них Монтан, судя по всему, признавал священными письма Маркиона, известные как «Послания Павла», «Евангелие от Иоанна», евангелие Маркиона («От Луки») или его переработку в иудейском духе (тоже «От Луки»), а также «От Матфея» и

«От Марка». Известно, что в Завете Утешителя много говорилось о близости второго пришествия Христа и о страшном суде; о том, что в связи с таким положением надо больше думать о спасении души; о необходимости возврата к простой и строгой христианской жизни, когда бедность, бескорыстие, нестяжание и стойкость – первейшие добродетели; о недопустимости клятвопреступления, т. е. отречения от имени христианского ради спасения жизни; о святости мучеников и о способности их душ являться живым для укрепления тех в терпении; о недопустимости повторных браков; о предпочтительности безбрачия и воздержания от продолжения рода.

Монтан также ввел три сорокадневных поста – по одному в честь Отца, Сына и Духа. Он, говорят, первым начал крестить детей – дабы как можно раньше очистить их от скверны плотского греха. Причащались монтанисты хлебом, водой, сыром и солью; вино и мясо они отвергали. Из особых, свойственных только этому обществу, обрядов и таинств можно упомянуть еще оплакивание ничтожности человека, совершавшееся семью девственницами, и обычай прикладывать к носу во время молитвы указательный палец.

Церковь – это праведники, а не смотрители, учил Монтан. Перед Богом все равны – руководители не имеют никакого преимущества перед своей паствой. Сейчас двери церкви открыты для всяких грешников, но этого быть не должно. Отпущение грехов – само есть великий грех, придуманный смотрителями общин, привыкшими собирать деньги со своих прихожан и желающими еще более увеличить доходы.

Проповедь Монтана и его помощников имела большой успех, особенно в Азии. Они склонили на свою сторону много простых христиан, не принадлежащих к руководству общин, и обратили немало эллинов и эллинистов. Пепуза во Фригии была объявлена Новым Иерусалимом, местом, откуда пойдет спасение миру. Монтан стал первым отцом-начальником (патриархом) Пепузы. После него по значимости шли так называемые общинники (по-эллински κοινῶνοί), затем руководители местных собраний (епископы). Монтанисты называли себя духовными, а всех остальных христиан – душевными. Своему течению, как уже говорилось, они дали наименование Новое Пророчество.

Против Монтана резко выступили в основном руководители общин «большой» церкви (епископы, пресвитеры, дьяконы), которые увидели в нем угрозу своему выгодному положению: из-за фригийского пророка они могли остаться совсем

без паствы и средств к существованию, которые они добывали, обирая простых прихожан. Впрочем, некоторые монтанисты, приобретая власть, тоже занялись поборами с вдов и сирот. Испугались Монтана и те христиане, которым претила строгая жизнь.

Скоре после смерти Монтана у этой церкви появился одаренный защитник – Септимий Тертуллиан, который, однако, держался независимо. Сначала он как будто примкнул к Новому Пророчеству, но потом отошел от него и обособился у себя на родине, в Карфагене.

Новое Пророчество просуществовало по крайней мере до VIII века христианского летосчисления. После этого следы его теряются.

В III веке единственная по-настоящему новая церковь возникла уже за пределами Римской империи – в Персии. В самой империи было не до этого: государственные неурядицы и хозяйственная разруха не позволяли умам сосредоточиться на отвлеченных предметах. Если бы не Ориген в христианстве, а также Плотин и Порфирий в эллинской философии, III век можно было бы назвать царством духовной пустоты...

Манихейство, пришедшее из Персии, где жил его основатель **Мани** (ок. 215–275), представляло собой невероятную смесь иудейства, самарянства, эллинистического христианства, а также зороастрийского и буддистского учения. И эта невероятная смесь имела невероятный успех: во времена Диоклетиана манихеи стали самой быстрорастущей церковью. Манихейское учение в общих чертах таково. Изначально существовали царство света и царство тьмы, существовали порознь, не соприкасаясь. Ни одно из них даже не подозревало, что есть еще и другое. Но потом они, конечно, обнаружили друг друга. Властелины тьмы (дьявол и демоны) начали войну с силами света с целью подчинить их себе. Царства частично смешались; это их переплетение и есть ни что иное, как наш мир. В основном он темный по своей природе, но в нем заключены частицы света – человеческие души. Их задача – вспомнить и осознать свое происхождение, возжелать вернуться на родину и осуществить желаемое. В этом им помогали в разные времена Зороастр, Будда и Иисус, а сейчас помогает Мани. Все это посланники Бога света.

Теперь подробно. Мани (именуемый также Манес и Манихей) родился в Селевкии-Ктесифоне, городе на реке Тигр. Сведения о его происхождении противоречивы. По одним данным он был рабом, получившим затем свободу; по дру-

гим – принадлежал по линии матери к царской семье Арзакидов. Но ни то, ни другое не внушает большого доверия. Дело в том, что сведения о рабстве Мани исходят от его врагов из других христианских церквей, а сведения о высокородии его – от ревностных приверженцев нашего персидского пророка.

Отцом его был некий Паттик, принадлежавший к церкви елкезаитов, враждебных всем христианам, признающим «Письма Павла». Этого мнимого Павла они считали отступником и нарушителем священных законов. В церкви елкезаитов Мани впервые познакомился с христианством, в ней и оставался вместе со своим отцом до сознательного возраста. Говорят, он тогда носил другое имя. Латиняне пишут его следующим образом: Curbicus или Cubricus. Некоторые считают, что это искаженное персидское слово «кирбаккар», что означает «благодетель».

Когда Мани исполнилось 25 лет, ему открылось, что он – посланник истинного Бога. Вот как он сам повествует об этом в «Главах»: «В годы Ардашира, царя Персии, я вырос и достиг зрелости... В тот особенный год <...> живой Заступник пришел ко мне и говорил со мной. Он открыл мне тайну, скрытую в мирах и поколениях: тайну глубины и высоты; он открыл мне тайну света и тьмы, тайну столкновения и великой войны, в которую ступила тьма. Он открыл мне, как свет [погрузился во?] тьму из-за их смешения и как образовался этот мир. Он просветил меня о тайне возникновения Адама, первого человека. Он научил меня тайне древа познания, от которого вкусил Адам, благодаря чему его глаза смогли видеть; тайну посланцев [=апостолов], которые отправились в мир выбрать церкви. Так было открыто мне Заступником все, что было и будет, и все, что видят глаза, слышат уши и мыслит разум. Благодаря ему я смог познать каждую вещь, я увидел через него все, и я стал единым телом и единым духом».

После откровения Мани начал проповедническую деятельность. Правивший с 240 года в Персии царь Шахпур отнесся к его учению враждебно. Мани покинул родину, странствовал в Индии, Китае, других странах и, по слухам, всюду основывал свои общины. Когда в 270 году Шахпур умер, Мани вернулся, был благосклонно принят новым царем (имя которого Гормизд) и даже получил от него в дар крепость. Гормизд правил совсем мало, около двух лет. После его смерти на престол вступил Бахрам. Он вызвал Мани на совет жре-

цов. Обеспокоенные быстро растущим влиянием нового пророка, те объявили его лжеучителем и приговорили к смерти. Бахрам, стоявший на их стороне, поддержал решение. Мани, по сведениям, был распят на кресте. Взгляды персидского учителя следующие.

Извечно существуют два царства и два бога – царство света и царство тьмы. Вокруг света – ум, знание, мысль, осторожность, решительность. Вокруг тьмы – дым, огонь, ветер, вода, мрак. Имя света – Ахура-Мазда (в эллинском произношении Ормузд), имя тьмы – Ангра-Майнью (у эллинов – Ариман).

Царство света пребывает в спокойствии, самодостаточности и самодовольстве. В царстве тьмы идет непрерывная война злых духов друг с другом. Внезапно, неожиданно для себя злые духи обнаруживают, что их мир – не единственный. Они видят царство света. Их поражает его спокойствие и величие. Они проникаются завистью к нему и ненавистью к себе. Для нападения на свет во тьме заключается временное внутреннее перемирие.

Бог Света, видя опасность, рождает Мать Жизни, та – Первого Человека, а он в свою очередь – пять сынов: Дуновение, Ветер, Свет, Воду и Огонь. Первый Человек вместе с сыновьями начинает сражение с Царем Тьмы, у которого тоже пять потомков. Царь Тьмы одерживает победу и пленяет всех противников. Он их поглощает, и как только это происходит, те впадают в забвение, забывают о своем происхождении. Но Первый Человек сохраняет память. Царь Тьмы, довольный добычей, успокаивается. Но напрасно – потому что частицы света разъедают теперь его изнутри, словно яд. Однако поначалу он этого не замечает.

Первый Человек возносит молитвы Отцу, дабы тот освободил его. Царь Света рождает тогда Друга Света, тот – Великого Зодчего, тот – Живого Духа, тот – пять сынов. Живой Дух вызволяет Первого Человека, но его дети по-прежнему остаются во тьме.

Царь Тьмы ослабевает от присутствия инородных частиц, и это позволяет Живому Духу из смеси света и тьмы создать новый мир (космос). Наиболее чистая часть света была превращена в солнце, луну и звезды. Это корабли света. Изначально они неподвижны.

Затем Царь Света рождает Вестника. Тот нисходит в мир и приводит все в движение, в том числе и светила. Силы тьмы поражаются величию Вестника, объявившегося среди

них. Увлечшись им, они невольно ослабляют оковы, сдерживающие семена света. Полные вожделения, они устремляются к Вестнику. Чтобы не смешаться с ними, он вынужден покинуть мир. А они, падая обратно на землю, превращаются в растения и зверей (они – тоже смеси двух начал).

Тем временем освобождающийся свет начинает истекать на солнце, луну и другие звезды. Царь Тьмы, спохватившись, решает лучше сковать его частицы. Он создает Адама и Еву по образу и подобию Вестника и заключает в них весь оставшийся свет. [Однако по другому изложению, свет только в Адаме, а Ева – существо исключительно темное.]

Злые духи наделяют Еву своей похотью, дабы она совратила Адама. А нужно это для того, чтобы в потомстве первых людей свет сильнее раздробился и перепутался с тьмой, т. е. чтобы души людей как можно дольше удерживались в мире. Таким образом, работа по отделению и воссоединению света становится трудной.

Видя это, Царь Света посылает в наш мир Светоносного Иисуса [который, вероятно, является неким новым воплощением Вестника, – эта сторона учения не очень понятна]. Небесный Иисус предупреждает Адама, чтобы тот держался подальше от Евы. Он заставляет Адама вкусить от древа познания, и тому открывается истина. Но духи тьмы сбивают человека с праведного пути. Адам сходится с Евой, и они производят человеческий род, в котором свет дробится и погружается в глубокое самозабвение. Затем то же самое знание, что дал Светоносный Иисус, людям в разные времена приносят: в Индии – Просветленный (Будда), в Персии – Зороастр, в Иудее – Иисус, снова в Персии – Мани. Это истинные посланники (апостолы) Царя Света. Они пробуждают души людей. Благодаря им смешение света и тьмы постепенно сходит на нет. Вот что сказано об этих событиях в «Главах»: «От века к веку посланники Бога не переставали приносить мудрость и деяния. Так, в одно время их приход [т. е. мудрости и деяний] проявился в странах Индии через посланника, которым был Будда; в другое время в земле Персии – через Зороастра; в третье – в земле запада – через Иисуса. После этого в последние дни пришло это откровение, и пророчество пришло через меня, Мани, посланца истинного Бога в земле вавилонской».

Чем все закончится? В конце времен некий Помысел Жизни (последнее воплощение Царя Света) исторгнет из ослабевшего мира оставшиеся светлые (духовные) частицы. Тьма

будет заперта в своих пределах. Ее не уничтожат, но, ослабленная, она уже никогда больше не станет опасной для света...

Таково учение Мани. Заповеди для повседневной жизни у него были такие: пища – только растительная, браки не заключать, детей не рожать, всего мирского сторониться, эту жизнь презирать, однако смерть не торопить, – от самоубийства Мани советовал воздерживаться. Людей он делил следующим образом: есть избранные, есть их приближенные – слушатели (или воины); наконец, все остальные, т. е. грешники. Избранные соблюдают все заповеди, души их после отделения от тела уходят в царство света. Слушатели ведут менее строгий образ жизни. Их души переселяются из тела в тело пока не усовершенствуются. Грешники, по-видимому, существа исключительно темной природы и поэтому никакому спасению не подлежат. Место им – тьма. Эта часть учения Мани особенно сильно напоминает взгляды Василида, Валентина и валентиниан.

Последователи персидского пророка к концу III века распространились, кажется, по всей вселенной. Из учеников Мани, действовавших еще до времени воцарения Константина, известны Адда, Папп, Фома и Герм. Они избрали путь странствующих проповедников и действовали в основном в Египте и Африке. Здесь манихеев стало настолько много, что император Диоклетиан издал против них особый указ. Он требовал предавать огню священников и их книги, а рядовых общинников лишать всего имущества и казнить через отсечение головы. Число пострадавших среди манихеев, вероятно, было довольно большим, хотя ничего определенного мы найти не смогли.

В церкви Мани верховной властью обладали 12 посланников (апостолов). За ними следователи 72 смотрителя (епископа), затем старейшины, служители, проповедники и все остальные. При посвящении применялось омовение маслом. Было у манихеев и причащение, но не вином. По воскресеньям постились. День смерти великого учителя также отмечали постом. Тяжелейшим и непростительным грехом считалось словесное или еще какое-нибудь оскорбление памяти Мани, который сделался для манихеев Духом-Утешителем. В этом заметно родство манихейства с Новым Пророчеством, где Монтан, Прискилла и Максимиλλα тоже были воплощением Святого Духа.

Основные манихейские книги суть следующие: «Главы» (написаны, наверняка, самим Мани); «Песни» («Псалмы»);

«Рассуждения». О создателях последних двух трудно сказать что-то определенное. Помимо этого манихеи читали старые христианские откровения, особенно, по-видимому, созданные Маркионом «Письма Павла». Книги закона и пророков они, наоборот, отвергали, полагая, что все это идет от царя тьмы, или сатаны. Манихеи сильно враждовали с другими церквями, особенно с вождями никейского течения в христианстве, но побеждены никогда не были. Церкви павликиан, богомилов и чистых (катаров), доставлявших никейцам много неудобств и оспаривавших у последних благодаря своему влиянию право на власть, также выросли на почве манихейства.

ЗАГАДОЧНЫЕ ЛИЧНОСТИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА

К таковым относятся Герм, Керинф, Климент, Игнатий, Варнава, Поликарп, Папий, Кердон, Василид, Сатурнин и некоторые другие.

Герм – один из древнейших христианских писателей, создатель книги «Пастырь». Сведения о Герме извлекаются из его собственного сочинения. В юности он был продан в рабство. Его госпожа по имени Рода через какое-то время дала ему свободу. Он занялся торговлей, разбогател, женился и обзавелся детьми. С женой он, впрочем, не ладил, детей на путь добра и правды увлечь не смог, имущество растратил. Остался у него небольшой надел земли вблизи Рима, доходами с которого он кормился...

Герм упоминает также некоего Климента, очевидно, римлянина по месту жительства. Причем из его слов следует, что тот среди каких-то людей пользуется большим почетом и даже представляет их, когда дело касается отношений с общинами других областей. Поэтому весьма вероятно, что за почти сказочным образом Климента Римского (о нем речь пойдет ниже) все же скрывается действительное лицо, о котором, тем не менее, достоверно почти ничего неизвестно.

Книга «Пастырь», безусловно, христианская, но при этом Герм нигде не произносит имя Иисус и никого не называет Христом. Ни разу не встречаются также слова «христианин» и «христианство». Это один из главных признаков древности книги. Католики относят ее к 140–145 годам н. э. на основании в высшей степени сомнительных свидетельств и упускают из вида одно обстоятельство: зачем христианину, если он писал уже при Антонине Пие, нужно было до такой степени

таиться?.. Но если наше предположение верно, «Пастырь» появился не позже 30-х годов II века, например, во времена правления Адриана до того, как последний издал указ о не-наказуемости христианства.

Согласно Герму, вначале был Бог, умом не постижимый и словом не определимый, и с ним Дух, его Сын, который древнее всякой твари. Сын присутствовал на совете Отца своего о создании мира. Бог Духом Святым сотворил все из ничего и объял сотворенное в себе. Некогда, совсем недавно Бог поселил Духа в плоть, которую пожелал; та не оскверни-ла себя, и поэтому Бог принял ее потом в общение. Сын явился в образе раба, но только через него, приняв на воде его печать, люди обрели жизнь и возможность спасения. Сейчас Дух Святой обитает во многих людях, хотя может быть вытеснен злым. Сын также явится в последние дни, дабы люди могли спастись и войти в царство Бога. Еще существует дьявол. Силы он не имеет, но дел его надо сторониться. Для своих низких целей он использует сомнения людей. Слог у Герма местами очень туманный, и крайне трудно решить, Сын и Святой Дух – одно и то же или нет. Положение осложняется также наличием нескольких рукопи-сей «Пастыря», содержание которых не вполне тождественно.

Герм прославляет веру, воздержанность, простоту, невин-ность, скромность, знание, любовь, а также терпение, радость, целомудрие, правдивость, согласие и рассудительность. Это первейшие добродетели. Главные же пороки суть следующие: вероломство, неумеренность, неверие и сластолюбие. К ним близко примыкают: печаль, лукавство, похоть, гнев, ложь, неразумие, злословие и ненависть.

Несмотря на предчувствие бедствий (образ страшного кита, из пасти которого выходит огненная саранча), у Герма были весьма радужные представления о будущем нового со-общества. Во всяком случае, в его видениях оно предстало в виде строящейся ангелами величественной башни. Камни, из которых башня сложена, суть апостолы, епископы, пресвите-ры, дьяконы и учителя. Вообще, все, что Герм поведал, откры-лось ему в видениях, в которых его направляли сама Община (Церковь) в облике старой женщины и ангел покаяния, его главный пастырь, от которого и название книги...

Следующее малоизвестное лицо – **Керинф**. О нем можно, например, узнать, что учение свое он вынес из Египта. Уче-ние такое. Мир сотворен не Богом, но некой силой, которая далеко отстоит от этого высшего начала и которая до поры

до времени ничего не знала о нем. Иисус был рожден не от девы, но женщиной от мужчины, однако отличался от остальных смертных справедливостью, благоразумием и мудростью. После крещения на него от высшего начала сошел Христос в виде голубя; и потом он возвещал неведомого Отца и совершал чудеса; наконец, Христос отделился от Иисуса, а тот был предан казни, умер и воскрес; Христос же, будучи духовной сущностью, оставался чуждым страданиям (данные Иринея).

В конце II века среди христиан пошли слухи о том, что «Апокалипсис Иоанна» и «Евангелие от Иоанна» написаны именно Керинфом, а не апостолом Иоанном. Христиане, которые распространяли эти слухи, имели в виду, что, поскольку данные сочинения не апостольского происхождения, они не достойны доверия. Особенно им не нравилось положение «логос стал плотью», – они полагали, что Иисус был просто человеком.

По сведениям того же Иринея, его наставник Поликарп, о котором речь впереди, будто бы рассказал однажды, как апостол Иоанн, встретив некогда Керинфа в одной из бань города Эфес, бросился бежать, крича остальным, чтобы и те убирались подобру-поздорову: он-де совсем не уверен, что здание сможет выдержать присутствие этого врага истины и простоять еще хоть немного.

Видимо, на основании этого слишком доверчивые исследователи нашего века и решили, что Керинф – современник апостола Иоанна, прожившего будто бы очень долго и умершего чуть ли не в начале II века. Однако если отбросить эти басни, становится ясно, что Керинф, скорее всего, современник и соперник самого Поликарпа, почему тот его и ненавидел настолько, что начал сочинять о нем всякие гадости. Но Керинф не имел большого влияния на умы и, по сведениям, не создал своей церкви. Правдоподобное объяснение: он умер в молодом возрасте, и это случилось не позже 150 года н. э.

Еще меньше можно сказать о христианине по имени **Кердон**. В 30-е годы II века он прибыл в Рим и учил, что бог, проповеданный законом и пророками [=Яхве], не есть Отец Иисуса Христа, потому что того знали, а последний был неведом: тот правосуден, а этот благ. С таким же вероучением выступил одновременно или почти одновременно Маркион, которому и досталась вся слава. А Кердон словно куда-то исчез. И потом, когда те или иные христиане возражали против подобной точки зрения, они всегда мысленно посылали проклятия именно Маркиону. Поэтому сведения Иринея о

том, что Кердон опередил Маркиона, весьма вероятно, умышленно ложны. Предназначение этой лжи – хоть как-то приуменьшить Маркиона, властителя христианских дум середины века.

В Александрии длительное время проповедовал некий **Василид** (II век), сириец по происхождению. В Египет он перебрался в годы правления Адриана, умер при Антонине Пие или Марке Аврелии. Написал «Толкования» в 24 книгах (вероятно, весьма большое сочинение) и какое-то «Евангелие» (как и у Маркиона, без указания принадлежности, – возможно, «Евангелие Сына»). Поскольку все это утрачено, о Василиде мы сейчас знаем из книг Иринея (более ранние свидетельства) и Ипполита (более поздние). Их данные сильно расходятся между собой. Будем опираться на ранние свидетельства как, предположительно, на более надежные.

Итак, согласно Иринею, Василид учил о происхождении мира следующим образом. В глубине веков Отец сущего некогда породил Ум (по-эллински νοῦς), Ум породил Разум (λόγος), Разум – Рассудительность (φρόνησις), Рассудительность – Мудрость и Силу (σοφία и δύναμις), Мудрость и Сила – начала, власти и ангелов. Те сотворили первое небо и породили новое поколение начал, властей и ангелов. Последние в свою очередь сделали то же самое. Так число порядков низших сил и число небес достигло 365-ти. Поэтому и дней в году 365. Священное же имя мира и породившего его Бога – ΑΒΡΑΞΑΣ или ΑΒΡΑΣΑΞ (Абракас, Абрасаке). Это слово составлено из эллинских букв, числовые значения которых дают в совокупности 365: α [альфа] – 1 (умножается на три, поскольку альфа встречается в слове трижды), β [бета] – 2, ξ [кси] – 60, ρ [ро] – 100, σ [сигма] – 200.

Повелитель последнего неба – Сущий (по-еврейски «Яхве», по-эллински ὁ ὢν). Он правит вместе с ангелами. Вместе с ними он творит землю по образу Мудрости. Ангелы делят между собой народы и становятся у них богами. Иудеи избирают владыкой самого Яхве. Часть ангелов, недовольных возвышением этого бога, даже объединяются против него. Видя слепоту и страдания тварей, истинный Бог (которого Василид, по свидетельству Ипполита, противопоставляя Сущему, называет Не-Сущий, ὁ οὐκ ὢν) посылает к ним своего первого потомка. Это Ум, который на землю приходит в образе человека (видимо, ничего человеческого в нем в действительности нет). Яхве пытается воспрепятствовать просвещению людей путем умерщвления Христа, но его слуги по

ошибке предают кресту некоего Симона Киренского, который по воле Бога сделался похожим на Спасителя (тогда как Христос – похожим на Симона). Поэтому на самом деле надо верить не в распятого, а в того, кто пришел в облике человека. Кто верит в распятого, тот пока еще раб, а кто – в Христа, тот свободный. Это, безусловно, самая любопытная выдумка Василида.

Нет сведений, что Василид создал свою церковь и что его кто-то от какой-то церкви отлучал. Однако влияние этого человека было заметным. Так, благодаря ему, в частности, по всей империи среди христиан распространились ладанки с надписью «Абраксас». Привлечению внимания к его взглядам, наверняка, способствовало и то обстоятельство, что Василид не выдвигал слишком строгих требований к образу жизни, полагая, что Бог в значительной степени безразличен к нашим телесным действиям. Главных заповедей только три – любить все, не желать ничего, ничему не завидовать. Страдания за имя христианское Василид рассматривал как особую честь; страдания младенцев оправдывал тем, что никто не чист даже при рождении. Таким образом, у Василида начинается зарождаться представление о наследственности первородного греха. Однако это как будто противоречит свидетельствам, по которым Василид делил людей на избранных и обычных – от природы знающих Бога и верящих в него.

Из учеников Василида известен по имени только Исидор, о котором в ряде источников сообщается, что он приходился Василиду сыном. Исидор развивал мысль учителя о страстях как присосавшихся к душе злых демонах. Ему принадлежат произведения «О наростах души», «Толкования на книгу пророка Пархора» и «Этика».

Был еще некий **Сатурнин** (II век), тоже сирийский проповедник; он родился в Антиохии, действовал преимущественно в Сирии, вероятно тоже в последние годы правления Адриана и затем во времена Антонина Пия. Вполне возможно, что ему принадлежит «Евангелие от Фомы» («Иисус сказал»), но подтвердить это на источниках трудно. Согласно Сатурнину, Бог породил архангелов, ангелов, силы и власти. Семь ангелов, верховный из которых – бог иудеев, сотворили мир и тела первых людей. Поскольку эти люди изначально могли только ползать как черви, Бог дал некоторым из них душу. Эти души потом и уходят обратно к нему, а тело разлагается. С ангелами враждуют демоны, во главе которых стоит сатана. Демоны используют злых людей для покорения праведных.

Чтобы упразднить все дела иудейского бога и спасти праведников, на землю явился от истинного Бога Христос. Ничего плотского он в себе не заключал, а только казался человеком. Христос заповедовал воздерживаться от брака, продолжения рода и животной пищи.

Это вероучение не вполне понятно. Сказано, что бог дал душу некоторым людям. Получившие ее, очевидно, суть избранные. С ними, надо полагать, и враждуют люди злые, преданные сатане. Но они должны ползать как черви, потому что, очевидно, лишены души. Как же с такими ограниченными способностями можно противостоять божественному племени?! Возможное решение: свидетельство о червеобразности бездушных людей следует понимать лишь в том смысле, что те были просто как звери...

Под именем Климента и Игнатия сейчас существуют целые собрания сочинений, которые, однако, у всех без исключения вызывают большие сомнения. Но поскольку Климент и Игнатий – люди по христианским меркам очень древние (согласно преданиям, конец I – первая половина II века), равнодушным к ним может быть только человек, совсем далекий от христианства. Так называемые католики и мнимые ортодоксы (римские, константинопольские, московские) поступают следующим образом: из этих собраний сочинений они выбирают то, что более или менее соответствует католичеству, объявляют эти книги древнейшими и единственно подлинными, т. е. принадлежащими настоящему Клименту и настоящему Игнатию.

Оспаривать подобный подход к источникам, пожалуй, даже еще более смешно, чем исповедовать его. Но, отказавшись от такого рода произвольного метода, мы обнаруживаем, что вообще не можем разобраться в происхождении этих книг. Достаточно ясно лишь то, что они писались разными по мировоззрению и вере людьми в разные времена (а потом еще и исправлялись). И что из этого принадлежит какому-то Клименту и какому-то Игнатию (существование которых, впрочем, мы не отрицаем), сказать едва ли возможно.

Рассмотрим те семь писем Игнатия, которые католики и ортодоксы провозглашают подлинными. Из них следует, что **Игнатий**, влиятельный человек (возможно, епископ) из антиохийской общины, был схвачен и направлен в Рим для казни. По дороге он написал послания общинам шести городов и одно – своему знакомому Поликарпу. В скобках добавим: поздние христиане пришли к выводу, что дело происходило

во времена правления Траяна. По ходу чтения у нас возникли следующие вопросы:

- Зачем понадобилось отправлять Игнатия на растерзание в Рим? С тем же успехом его могли скормить зверям в родной Антиохии. И почему был схвачен только он, а не вся его община?

- Почему многие места в письмах, где Игнатий выражает жажду мученичества, производят впечатление упражнений в христианской риторике? Как он вообще ухитрился, будучи заключенным под стражу, написать и передать свои послания?

- Почему сохранились только эти семь посланий, написанные во время переправки в Рим? Неужели Игнатий додумался начать писать лишь перед лицом смерти?

- Почему, обращаясь к римской общине, он не называет по имени ни одного ее члена (хотя с общинами других городов все иначе)?

- Зачем Игнатий препоручает свою осиротевшую (без него) церковь римской? Не слишком ли рано (если поверить, что события происходили при Траяне) римская община приобрела такое влияние?

- Почему буквально в каждом послании он утверждает о необходимости для рядовых общинников строго подчиняться своим епископам и пресвитерам, как богу и апостолам? Означает ли это, что у христиан власть епископов резко пошатнулась?

- Почему, несмотря на вполне католическое учение об Иисусе Христе, у Игнатия присутствует странное выражение «по плоти Иисус Христос – человек, а по силе и воле – Сын Бога», что легко понять как древнееврейское представление о Христе?

- Если Игнатий казнен при Траяне, то откуда у него такое ясное осознание того, что христианство есть нечто отдельное от иудейства?

- Почему Игнатий сводит вместе апостолов Петра и Павла, хотя Петр замышлялся как главный апостол из иудеев и для иудеев, а Павел – как противостоящий иудеям апостол для остальных народов?

Отделение христиан от иудеев произошло в конце 30-х годов II века н. э., и до этого времени осознание своей обособленности могло быть только у отдельно взятых, притом немногочисленных христиан, – оно еще не было истиной большинства людей этого сообщества.

Римские общины христиан приобрели большой вес никак не раньше середины II века, когда у христиан появилась надежда, что их не только оставят в покое, но и признают в качестве одной из государственных религий. Тогда столичная община, естественно, станет главной.

«Случка» Петра и Павла вообще указывает на вторую половину II века. Но, во всяком случае, никак не раньше середины этого столетия, потому что апостола Павла изобрел и вывел на свет Маркион в 30-е годы. А образ Петра наполнился смыслом еще позже.

Составитель или переписчик, живший примерно в это время или даже в конце века, мог не назвать в письмах ни одного римского христианина домаркионовской эпохи, потому, например, что он их просто не знал. А не знал потому, что их еще не было. Зачем, в самом деле, Игнатия повезли на казнь в Рим? А чтобы римляне наконец-то посмотрели на живого христианина!..

С другой стороны, приведенное выражение об Иисусе Христе звучит так, словно бы его написал иудей...

В итоге ничего не понятно. Возникает стойкое впечатление, что за этими посланиями скрываются разные люди, писавшие на протяжении всего II века. Если же кто считает, что мы преувеличиваем, тому напоминаем, что мы сейчас, приняв на время католическую точку зрения, рассмотрели только семь писем, а есть еще восемь, и среди них – послание к деве Марии, причем к нему прилагается ответ. Об этом вздоре в Риме, в Константинополе и в Москве вспоминали и вспоминают с крайней неохотой, смешанной со стыдом.

В заключении попробуем, насколько возможно, связно изложить веру этих семи посланий. В круглых скобках указано место назначения послания, в квадратных – наши примечания и дополнения.

Иисус Христос – из рода Давида по плоти, родился от девы (*Смирна*), от семени Давида и Авраама (*Рим*), а по воле и силе Сын Бога [т. е. как Геракл!] (*Смирна*). Он – от Марии и от Бога, зачат Марией от Святого Духа; сначала страдавший, потом бесстрастный; в нем Бог явился как человек (*Эфес*). Бог явил себя через Сына – Иисуса Христа, Слово вечное (*Магнезия*). Иисус Христос – словно мысль [вечного] Отца (*Эфес*). Из видимого же ничто не вечно (*Рим*). Иисус Христос распят при Понтии Пилате и Ироде (*Смирна*). Он родился в последнее время (*Рим*). Он стал совершенным из людей (*Смирна*). Плоть Христа – хлеб жизни; кровь его –

любовь нетленная и жизнь вечная (*Рим*). Кто подражает страданиям Христа, тот воскреснет в нем (*Рим*). Он истинно страдал. А Отец его воскресил. И плоть его никуда не исчезла (*Смирна*). А некоторые безбожники говорят, что он страдал призрачно (*Тралл*). Но если бы это было так, то зачем нам, христианам, страдать? (*Смирна*) Римская община пусть не заступает за меня, Игнатия, хотя и может [ни одна римская община еще не имела такого влияния во II–III веках!], потому что я хочу пострадать (*Рим*). Вообще, христианству лучше, когда его ненавидит мир (*Рим*) [напрашивается мысль: христиане сами же и стремятся к мученичеству, – без этого они ничто!]. Мы доселе еще живем по закону иудейскому и из-за этого пока не получили благодати; так будем же христианами! В христианстве соединились все народы (*Магнезия*). Держитесь подальше от тех, кто проповедует иудейство (*Филадельфия*).

Подчиняйтесь епископу и без него ничего не делайте. Так вы будете угодны Богу (*Смирна*). Даже заключать брак надо только с согласия епископа, чтобы это был брак по духу, а не по плоти (*Смирна, Поликарпу*). Епископ – словно сам Бог, пресвитеры – словно апостолы, а дьяконам доверено служение Иисуса Христа (*Магнезия*). [Игнатий утверждает это в каждом послании. Это означает, что в некоторых общинах возникли большие разногласия, а епископы совсем зарвались!]

У Бога надо просить разума, терпения. Надо беспрестанно молиться. От скверных людей не отворачиваться. Наоборот, именно обращение таких в добрых христиан – главное дело пастыря (*Смирна, Поликарпу*). И надо быть единомысленными с апостолами (*Эфес*). А кто растлевает веру Бога, тот пойдет в огонь (*Эфес*)...

Наконец, важная мысль из послания к филиладельфийцам: евангелие – это писание; а вообще, это свершение нетления...

С Климентом дело обстоит почти так же, как с Игнатием. Его имя значится на следующих произведениях: «Первое послание Климента к коринфянам», «Второе послание Климента к коринфянам», «Послание Климента к Иакову», «Беседы Климента» (20 глав), «Встречи» (10 глав), «Краткое изложение деяний Петра», «Первое послание к девам», «Второе послание к девам», «Апостольские постановления и првила».

Климент, как его изображают католики, – лицо совершенно недостоверное, нечто вроде апостолов Спасителя. И действительно, обстоятельства его жизни, которые донесли до нас

разного рода христианские предания, маловероятны. Из них можно узнать, например, что Климент, один из трех сыновей Фавста и Маттииды, повзрослев, стал последователем Петра и Варнавы, которых Иисус наделил великими полномочиями проповедовать от его имени. Петр, в свою очередь, незадолго до гибели передал свои священные права Клименту и повелел ему написать об их совместных путешествиях, в ходе которых они просвещали народы, отвращая их от симонианского безумия, разносимого по вселенной Симоном и его учениками – Апионом и Анубионом. При этом Петр якобы встречался с самим Симоном, а Климент – с Апионом; первые спорили о богах, вторые – о нравах.

Симон резко и безоговорочно осуждается за следующие взгляды: а) есть два бога – непознаваемый и истинный Бог и бог иудеев, творец; б) души происходят от Высшего Бога, но пленены творцом и погружены в материю; в) творец зависит от Бога, хотя и не ведает об этом; г) книги Закона и пророков следует понимать буквально; д) двенадцать учеников Иисуса на деле самозванцы.

«Книги Климента», таким образом, являют собой яркое и очевидное выражение противостояния иудейского и самарянского христианства. За именами Иисус, Симон, Анубион, Петр, Варнава здесь скрываются не отдельные люди, а целые племена. Но для наглядности столкновение народов сведено к ссорам нескольких человек.

В «Книгах Климента» одно более древнее, другое – более молодое. Вероучение там, вероятно, раннего происхождения, наиболее же позднее по времени – попытки укоренения этого вероучения в недалеком прошлом, т. е. сказание – но, разумеется, под видом истории – о делах Иисуса и Симона, их учеников и учеников их учеников.

Вероучение, изложенное в «Беседах Климента», примерно такое.

Бог один, он – Отец, он и Творец. Мир – место борьбы добра и зла. Однако зло – не от материи и не от низшего ущербного бога. Оно – от свободной воли, по причине которой совершился грех, – отступление от божественного порядка. Мир состоит из противоположностей, которые образуют супружества: сильное и слабое, правое и левое, мужское и женское, небо и земля, жизнь и смерть, день и ночь, Христос и дьявол. Из-за свободы и грехопадения в мире возобладали худшая часть супружеств. Но это только до поры до времени. Добро побеждает и победит. В конечном счете, плохое служит

хорошему. Ведь и дьявол подчиняется Богу и исполняет незаметно его волю: он наказывает злых. У Бога сначала лучшее, потом худшее. У людей наоборот. Например, сперва злой Каин, затем добрый Авель. Человек свободен и сам себе готовит участь. Между человеком и Богом стоит пророк истины, предвечная сущность, небесный Христос – бессмертный и непогрешимый, образ Бога. Он действует от лица духа божественного. Он являлся много раз – сначала как Адам, затем – как Авель, Енох, Ной, Авраам, Моисей и, наконец, Иисус. Он дает народам спасительное знание (по-эллински «гносис»). Знание никогда не исчезало в людях. В душе человека изначально была заложена Богом вся истина. Но времена и обстоятельства заглушали ее голос. Если бы люди не предавали ее забвению, Христос был бы не нужен. Иудейство и христианство – два высших откровения: иудейство – для иудеев; христианство – для остальных народов. Иудейство основал Моисей. Но сам он ничего не писал, и преемники исказили его мысли. Поэтому книги Закона (да и пророков тоже) полны неточностей. Так, жертвоприношения – уступка чистого закона ложному служению. Христианство основал Иисус. Иисус – Господин, но не Бог. Иисус рожден, Отец – нет. Между Иисусом и Моисеем нет различия. Признавать Иисуса – значит признавать Моисея, и наоборот. Если иудей знает только Закон, он спасен. Если некто знает только Благую Весть, он тоже спасен. Если же человек предан эллинской философии, его участь незавидна. Философия эллинов – пустой спор о словах. Истины в ней нет...

Перейдем теперь к рассмотрению вероучения, изложенного в «Послании к коринфянам», условно называемом первым. Именно его берет на вооружение большинство нынешних христиан.

Составитель «Послания» обращается к коринфянам по поводу каких-то безобразий, незадолго до этого имевших место в дружественной ему общине Коринфа. Но что там случилось – это не очень понятно. Говорится о каком-то мятеже, восстании бесчестных против почтенных, бесславных – против славных, глупых – против разумных, молодых – против старших. Непосредственной причиной этого была сытая жизнь. Она породила всякие похоти, ревность, зависть и, видимо, желание иметь еще больше. А немного раньше какие-то бедствия обрушились на римскую общину, от чего та, занятая своими делами, какое-то время просто не могла уделить внимание братьям из Коринфа.

Бог, говорится в письме, создал все в разуме (=в логосе), в разуме может и разрушить. И все, что ни есть, от Бога. Он милостив к боящимся его и охотно раздает дары тем, кто идет к нему с чистым сердцем, кто удаляется от злословия, от скверных людей, пьянства, страсти к новшествам, от желаний, блуда и гордости. Бог приготовил нам благодеяния еще раньше, чем мы родились. Вернейший служитель в доме Бога – Моисей. А наше спасение – Иисус. Хотя он выше ангелов, у него плоть, кровь и душа. О явлении его возвестили пророки: Илия, Елисей, Иезекииль. Но он пришел не в блеске великолепия и надменности. Он пролил свою кровь ради нашего спасения, и через него по воле Владыки мы вкусили бессмертного знания. И в будущем нас ожидает воскресение. Христос послан Богом, апостолы – Христом, первые смотрители общин и их прислужники – апостолами. Апостолы видели воскресение и исполнились духа святого. По ревности и зависти они потом подверглись гонениям и были убиты. Петр претерпел мучения и отошел в место славы, в место благочестивых, где находятся упокоившиеся в любви по благодати Бога. Павел же проповедовал на востоке и западе и научил весь мир правде. Он был в узах семь раз, был изгоняем и побиваем камнями, закончил жизнь мученически и тоже был принят в святое место...

Весьма позднее по христианским меркам происхождение этого послания (не раньше середины II века) как будто выдает представление о единстве веры Петра и Павла, мнимых учеников мнимого Иисуса. В конце II века появились так называемые элевтериане – новая римская община, созданная неким малоизвестным тогда Элевтерием. Эти люди позаимствовали у маркионитов – Павла, а у христиан, наиболее близких по духу к иудеям, – Петра, помирили их, сделали друзьями и единоверцами, а также объявили их своими отцами-основателями.

Не исключено, впрочем, что рассказ о Петре и Павле – поздняя вставка в очень древнее письмо – времен Адриана или даже Траяна. Но тогда получается, что у нас в руках сейчас переписка не христиан в привычном понимании этого слова, а иудеев (например, ессеев). Разумеется, они тоже христиане, но отнюдь не те, которых обычно имеют в виду, когда произносят это имя. Отсюда, в свою очередь, следует, что «Послание к коринфянам», если оно иудейское по происхождению, было заимствовано христианами-эллинистами (скорее всего, опять же элевтерианами) для создания себе

прошлого и обоснования своих особых прав на власть и истину. Сделать это было достаточно легко: «Послание к коринфянам» настолько робкое мыслью и невнятное, что, кажется, способно удовлетворить почти каждого. Многие церкви могли бы признать его своим, не внося в него никаких исправлений...

То же самое и с «Апостольскими постановлениями», содержащими изложение почти общехристианской (по сути, еще ессейской) этики: христианину жить только с христианами; народных увеселений избегать; чуждых книг не читать; богатство, наряды и украшения почитать злом; императору платить подать и воздавать общепринятое поклонение, но не более того; в общине друг другу помогать; о детях заботиться; смотрителя общины содержать; деньги в общую казну жертвовать; от отступников ничего не брать; если деньги – от безбожников, купить на них дрова или уголь, чтобы дары нечестивых пожрал огонь и т. д.

Вернемся к вопросу о времени написания «Послания». Составитель его определенно не знает никаких особых произведений под названием «евангелия». Евангелие для него, как это и вытекает из смысла самого слова, всего лишь проповедь, распространение благой вести. Поэтому он и говорит в одной главе: «Возьмите письмо блаженного апостола Павла. Что он прежде всего писал вам в начале евангелия?» (в сохранившихся «Посланиях Павла» составитель их тоже называет свою проповедь евангелием). При большом желании, конечно, можно понять это и так, что существовало некое особое не дошедшее до нас «Евангелие Павла». Но это слишком маловероятно. И поскольку во второй половине II века евангелий было уже превеликое множество, приходится сдвинуть время создания «Послания к коринфянам» на конец 30-х – 40-е годы (а лучше просто на 40-е годы). Таков, вероятно, наиболее правдоподобный вывод. Косвенное подтверждение этому мы видим также в туманном объяснении повода написания «Послания». Несчастья, обрушившиеся на римскую общину, – это гонение на христиан во время второго иудейского восстания (131–135 годы). Затем Адриан объявляет принадлежность к христианству ненаказуемой, и у христиан начинается спокойная и сытая жизнь. Лишившись внешнего врага, те начинают враждовать друг с другом, ибо необходимость в тесном сплочении у них отпала.

Обратимся к другому «Посланию к коринфянам», условно называемому вторым. Оно сохранилось не полностью и поэто-

му гораздо меньше по объему, чем предыдущее. Понятно в связи с этим, почему его считают вторым. Составитель здесь по-прежнему чего-то боится: избегает называть сообщество, к которому он принадлежит, христианами; говорит намеками – «наш народ». В то же время заявляет, что они сделали многочисленное тех, которые считались имеющими бога (наверняка, это иудеи). Несколько раз подчеркивает необходимость блюсти чистоту плоти и осуждает отрицающих воскрешение плоти и суд над ней. Как и в первом послании, иногда как будто ссылается на какие-то книги или изречения, о которых потом никогда никто из христиан не слышал. И, похоже, призывает отказаться от супружества и продолжения рода.

Воскрешение плоти, судя по всему, отрицал еще Менандр. Но, во всяком случае, в нем не видели никакого смысла ни Маркион, ни Валентин, ни Карпократ, т. е. ведущие деятели христианства середины II века. Для валентиниан и карпократов свойственно даже представление, что духовные люди плотью могут делать все, что угодно, и это не будет иметь значения: дух не пачкается скверной тела. В итоге получается, что наиболее вероятное время написания данного «Послания» – опять же 30–40-е годы.

Следующая занимательная и загадочная личность – **Варнава**. Католики и ортодоксы считают его кем-то вроде вечного соискателя на звание апостола, до уровня полноценного апостола он не дотянул, остался в учениках Павла... Сохранилось одно «Послание Варнавы». Оно малосодержательно и даже скучно, но не это главное. Главное – что вера Варнавы простая, без изысков и излишеств; отклонений от будущего учения государственной церкви Римской империи у него немного. Поэтому для католиков крайне важно представить дело так, что послание Варнавы – одно из древнейших христианских произведений, что оно появилось еще до того, как свои «лжеучения» выдвинули великие «ересиархи» II века (Маркион, Валентин, Карпократ и др.). Что же в послании Варнавы может помочь с определением времени его написания? Ответаем:

- Варнава разделяет иудеев и христиан. При этом весьма любопытно, что, сравнивая тех и других, он ухитряется ни разу ни произнести само слово «христианин». Выглядит это так, словно он его намеренно не произносит. Никакой двусмысленности от этого, впрочем, не возникает: совершенно ясно, что речь идет о христианах.

- Осуждает иудеев, полагая, что они совсем не поняли Моисея. В сущности, заявляет он, Моисей – наш пророк, а не иудейский.

- Знает Писание, «завет Бога», но смысловые пересечения у Варнавы с книгами иудейских пророков. Сходств с евангелиями, апокалипсисами, письмами апостолов нет. В частности нет признаков знакомства с посланиями Павла, учеником которого Варнаву потом стали изображать. Возможно, что составителя послания записали в ученики Павла вообще вследствие какого-то случайного поворота христианской мифологии, тогда как на самом деле тот «Посланий Павла» терпеть не мог, почему и не упоминал их.

- Несколько раз подчеркивает, что Иисус Христос явился во плоти. Выглядит это так, будто он с кем-то спорит!

- Учение о Троице у Варнавы не просматривается.

Представление Спасителя как исключительно божественного существа, человеческая плоть которого была не более чем ложной видимостью (слышимостью, осязаемостью), появилось как противовес иудейскому учению о Христе как всецело человеке. И предложено оно было в 30-е годы II века Маркионом, первым среди христиан ярким врагом иудеев. Никаких существенно более ранних примеров этой точки зрения сейчас никому неизвестно (Керинф и Кердон здесь не подходят: они сами представляют слишком большую загадку). Сознание необходимости разделения христиан и иудеев тоже пришло в это время. Итак, три признака указывают на то, что время написания «Послания Варнавы» – четвертое или пятое десятилетие II века. Совсем не так рано, как это хотят нам внушить католики...

Поликарп, епископ одной из христианских общин Смирны. Его «вывел в люди» Ириней (ок. 140–200), считавший себя его учеником. Он представил Поликарпа влиятельным азийским епископом, носителем истинной веры, успешно противостоящим всяким лжеучителям, особенно, конечно, Маркиону и Валентину. Якобы столкнувшись как-то с Маркионом в общественном месте, он сделал вид, что его не замечает. «Разве ты не узнаешь меня?» – спросил Маркион. «Узнаю, узнаю первенца сатаны», – отвечал Поликарп... И тому подобное.

Коротко говоря, если бы не Ириней, еще неизвестно, как сложилась бы судьба (т. е. посмертная слава) Поликарпа. Но Ириней сделал свое дело, и сначала эллевтериане, а вскоре и вся «большая церковь» уцепились за Поликарпа: им ведь надо

было чем-то отвечать на вызов маркионитов, а поскольку достойного ответа все равно не было, в ход пошло все, что было под рукой, — в великих вождей христианства стали превращать посредственных проповедников. Словом, Поликарп понадобился как противовес Маркиону. В итоге о нем сложился целый миф, столь же красивый, сколь и лживый, и все католики до сих пор умиляются, читая предания о мученической смерти святого старца, воспитанного самим апостолом Иоанном, о смерти, которая якобы приходится на 156 или 166 год н. э. (второе более вероятно). Поликарпу тогда будто бы было 86 лет. На самом деле, это почти наверняка такая же басня, как и все остальное: если сообщение Ириней — правда, Маркион и Поликарп, скорее всего, были ровесниками...

До наших дней дошло небольшое сочинение, известное как «Послание Поликарпа и пресвитеров к филиппийцам». Оно малосодержательно, но имеет ряд весьма любопытных особенностей:

- В произведении немало сходств с отдельными местами из некоторых евангелий и писем так называемых апостолов (не Поликарп ли является сочинителем какой-то их части?). По имени, однако, назван только Павел, остальные обозначены как «прочие». Ясно, что они менее важны для Поликарпа. Все это хорошо вписывается в только что нарисованную картину. Составитель послания, кто бы он ни был, понимал, что Павел — апостол Маркиона, знамя маркионитов; поэтому ему важно представить дело прямо противоположным образом: Павел — не маркионов, а «наш» апостол.

- Сочинение написано как будто вскоре после каких-то событий с Игнатием (но каких — непонятно). Особенно примечательно то, что это случилось не только с самим Игнатием, но и с еще какими-то близкими к нему людьми. В каком-то смысле здесь можно усмотреть ответ на вопрос, который мы ставили выше: схвачен в Антиохии и отправлен на казнь в Рим был далеко не один Игнатий. Из слов Поликарпа вытекает также, что сведениями о кончине этих лиц он пока не располагает. В то же время Поликарп называет Игнатия блаженным. Не слишком ли рано? Павел у него, кстати, тоже «блаженный». Неужели он не чувствует разницу между Павлом и Игнатием? Напрашивается мысль: переписчики перестарались. Они-то уже «знали», что Игнатий удостоился высшего блаженства, и со спокойной совестью вставили в письмо Поликарпа нужное слово в нужное место.

• Поликарп говорит, что есть истинные братья и есть лжебратья. От последних надо держаться подальше. Лжебратья (или антихристы) суть те, которые, например, не признают плоти Иисуса Христа. А кто учит, что не будет ни воскресения [плоти], ни страшного суда, тот первенец сатаны... Замечаем, что все это наилучшим образом подходит для Маркиона. Но совпадение со свидетельством Иринея (имеется в виду выражение «первенец сатаны») выглядит довольно подозрительно.

Итак, поскольку письмо Поликарпа написано после выступления Маркиона, т. е. никак не раньше 30-х годов II века, оно не могло быть написано вскоре после отправки Игнатия в Рим, которое, согласно некоторым преданиям, случилось при Траяне (правление: 98–117 годы). Это разительное противоречие может быть разрешено так: либо допускаем, что Маркион выступил со своим вероучением задолго до второго иудейского восстания, либо передвигаем казнь Игнатия на годы владычества Адриана или даже Антонина Пия (117–138 и 138–161), либо признаём переписку Игнатия и Поликарпа обыкновенной христианской подделкой, каких много. Наиболее правдоподобно третье, но и второе, надо сказать, совсем не лишено вероятности, ведь узнаем мы о казни Игнатия при Траяне из католических сказок, которым как историческим свидетельствам цена – грош. Игнатий вообще мог и не быть казнен, а лишь на длительное время заключен в темницу... Первая из вышеперечисленных возможностей представляется нам ничтожно малой.

Иоанн, Аристион и Папий. Об этих людях можно сказать совсем немного. Иоанн был пресвитером, вероятно, в Эфесе; Аристион – тоже пресвитер; Папий – епископ в Иераполе и друг Поликарпа. Папий написал «Толкование изречений Господа» в пяти книгах. Кое-какие отрывки из этого произведения приводит Евсевий Кесарийский (III–IV века). Из них прямо вытекает, что Папий поставил перед собой цель разобраться в том, что же на самом деле говорили [=писали] великие старцы – Андрей, Петр, Филипп, Фома, Иаков, Иоанн, Матфей и прочие ученики Спасителя. Он решил, что в этом деле не книги принесут ему пользу, но только живой голос старцев, который сохранили в душах люди, говорившие с ними. Поэтому он начал таких людей искать.

Чем это закончилось – непонятно: Евсевий почти ничего не сообщает. Но совершенно ясно одно: «Толкование изречений Господа» было написано во времена, когда под именем

Андрея, Матфея, Филиппа, Петра и прочих существовало уже целое море произведений (евангелий, апокалипсисов, писем), от разноречивости которых путались мысли. Например, Папий говорит: Матфей написал свое евангелие по-еврейски, а потом его переводил кто как мог. О Матфее Папий, конечно, на самом деле ничего не знал и не мог знать, потому что никакого Матфея, скорее всего, не было; но из второй части высказывания следует: под именем Матфея тогда ходило несколько евангелий, настолько похожих, что их можно было принять за разные переводы одного и того же сочинения... Так вот, метод нахождения критерия, с помощью которого Папий собирался отделить «подлинные» книги от «подложных», конечно, насквозь ложен и лжив. Папий лицемерит: он с самого начала знает, какие книги – «апостольские», но делает вид, будто подкрепляет сугубо личное мнение авторитетными свидетельствами (на деле он беспрестанно ссылается на своих приятелей Аристиона и Иоанна). Удивительно только, что его «искреннюю жажду истины» приняли за чистую монету многие новейшие исследователи. Вывод: «Толкование изречений Господа» написано в 50-е, если вообще не в 60–70-е годы II века. Примечательно, что хотя католики и ортодоксы постоянно используют имя Папия для обоснования своих исключительных притязаний на истину и власть, права на это они не имеют: Папий писал все-таки во времена, когда католическое учение еще не сложилось, и у него обнаруживается, например, отвергнутое потом католиками представление о тысячелетнем царствовании Христа на земле перед страшным судом. А некоторые его притчи о Спасителе Евсевий и вовсе назвал странными. Вообще, со стороны католиков и ортодоксов мы имеем почти одну сплошную ложь, основанную только на их желании преподнести свое вероучение как древнейшее христианство.

Любопытна также некоторая путаница с Иоаннами. Согласно христианским преданиям существовал апостол Иоанн; Папий же ссылается еще на какого-то пресвитера Иоанна (был упомянут выше). Когда в новейшие времена стало ясно, что апостолы – лица сказочные, сочинителей евангелий и апокалипсисов начали искать среди действительно существовавших христиан II века, и пресвитер Иоанн тогда пришелся очень кстати: многие решили, что именно ему принадлежат соответствующие евангелие, апокалипсис и послания...

Завершаем перечень загадочных личностей II века рассказом о некоем Перегрине, который, если верить свидетель-

ствам, являет собой ярчайший пример человека, случайно примкнувшего к христианству. Таких, наверняка, было немало во все времена.

Перегрин упоминается многими, например, такими христианскими писателями II века, как Татиан и Афинагор. Они, впрочем, предпочитают именовать его Протеем. Подробности же его жизни обнаруживаются у Лукиана и Авла Геллия. Лукиан – сириец из Самосаты, младший современник Перегрин, по складу ума киник, но независимый, не связывающий себя ни с одним течением в философии.

Изложение Лукиана весьма забавно, и остается непонятным, не жертвует ли он правдой ради красного словца. Ведь одна из главных целей его повествования – высмеять христиан (впрочем, в большинстве своем достойных того). Смеется он, правда, и над киниками, в чем некоторые видят опровержение его причастности к этой философии. Однако мы думаем, что нет такой собаки, которая никогда не кусала бы себя за хвост. Не ясно также, откуда Лукиан столько знает об этом человеке.

Авл Геллий – римский писатель того же времени, человек неопределенных взглядов, зато любознательный и разносторонний. О Перегрине он отзывался уважительно.

Как видим, положение с этим человеком такое же, как, например, с Сократом: свидетельства слишком сильно разнятся между собой и склоняют ко крайней осторожности с конечными выводами. Мы приводим данные Лукиана без каких-либо сокращений, которые могли бы сделать из соображений благопристойности и из уважения к христианам, и опускаем только пространные описания, а также все то, что представляется нам догадками сирийского писателя.

Перегрин происходил из города Парий, что на берегу Геллеспонта. В юности в Армении его поймали на прелюбодеянии и соответственно тогдашним обычаям наказали: хорошенько поколотили и засунули ему редьку в зад. Затем он совратил мальчика, а от его родителей откупился за 3000 драхм.

Примерно в это время в возрасте шестидесяти лет умер его отец, причем, судя по всему, без видимой причины и при таинственных обстоятельствах, поскольку по городу поползли слухи, что это дело рук сына: якобы тот просто задушил его. Перегрин тогда покинул родину. Он посетил Палестину, ознакомился с христианством и стал христианином. Сделался главой некой общины, толковал книги и сам сочинял. У

своих христиан пользовался большим почетом: они почитали его богом.

За приверженность этому учению был схвачен и брошен в тюрьму. Братья по убеждениям вступились за него, приносили ему в темницу пищу, проводили там вместе с ним много времени, подкупив стражу. Общины азийских городов посылали к нему своих представителей. Перегрин от всего этого имел немалый доход – как деньгами, так и славой. Знакомые христиане уже называли его новым Сократом. Освободил его из тюрьмы правитель Сирии, человек, склонный к философии. Он увидел в Перегрине глупца, которому ничего не надо, кроме громкой славы.

Увлечение христианством у Перегрина, как явствует из слов Лукиана, пошло тогда на спад. Он изменил свою внешность: отпустил длинные волосы, стал одеваться в плащ, носил сумку через плечо, ходил с суковатой палкой. Вероятно, это знаменовало его обращение в киническую философию.

Он вернулся на родину и обнаружил, что большая часть его имущества расхищена. Осталась только земля – на 15 талантов. Сограждане Перегрина все еще пребывали в возбуждении из-за слухов о насильственной смерти его отца. Чтобы их успокоить, Перегрин роздал им оставшееся имущество. Это подействовало.

Тем временем собратья по убеждениям начали сомневаться в нем. Христиане из его общины заметили будто бы [здесь Лукиан не совсем уверен], что Перегрин употребляет в пищу то, что у них есть не принято. Перегрин не смог оправдаться и был отвергнут своими бывшими единомышленниками. Лишившись помощи общины, он остался совсем без средств к существованию. Он обратился к императору с просьбой, чтобы ему вернули имущество. Парiane тоже подали прошение – чтобы ничего ему не возвращать. Ходатайство Перегрина не удовлетворили.

Вероятно, примерно в это время, т. е. после разрыва с христианами, Перегрин стал называть себя Протеем – по имени бога, умевшего принимать различные звериные облики. Он отправился в Египет к некоему Агатобулу. Там он обрил голову наполовину, ходил с измазанным грязью лицом, прилюдно рукоблудствовал (это называлось упражнением в безразличии), сек чужие зады и свой подставлял, а также продаывал множество иных нелепых вещей.

Затем он приехал в Италию, где принялся открыто поносить императора, зная, что тот – человек кроткий и может

многое стерпеть. Градоначальник Рима изгнал его через какое-то время, сказав, что городу такой философ не нужен. Это увеличило славу Перегрин. Его теперь сравнивали с Мусонием, Дионом и Эпиктетом. А некий Теаген, стоик, заявил даже, что Перегрин превосходит Антисфена, Диогена и Сократа. Перегрин возгордился и исполнился неприязни к Демонакту с Кипра, тоже притязавшему на звание великого кинического философа. «Демонакт, ты не похож на киника», – сказал он ему как-то при встрече (видимо, в Афинах). «Перегрин, ты не похож на человека», – нашелся противник.

Затем Перегрин прибыл в Олимпию, причем с большими намерениями. Первым делом он обругал всех, кого мог: эллинов – за изнеженность, жителей Олимпии – за то, что у них есть водопровод (очевиднейший признак расслабленности), римлян – еще за что-то. Он даже начал подстрекать эллинов к войне с Римом. Местные жители чуть не побили его за это камнями, но он нашел убежище, усевшись у алтаря Зевса.

Перегрин объявил жителям Олимпии, что готовится к самосожжению. Цель: выказать презрение к смерти, увенчать прекрасную, как он утверждал, жизнь прекрасным концом. С этой поры он взял себе новое имя – Феникс (по названию сказочной индийской птицы, которая в старости кончает дни свои, устраивая сама для себя костер). Лукиан предполагает: Перегрин решился на такое заявление в надежде, что люди из любви к нему отговорят его от этого дела. Но, видимо, расчет не оправдался. Напротив, во многих этот человек возбудил любопытство, и теперь все хотели посмотреть, неужели он и вправду на такое отважится.

Между тем Перегрин принялся рассылать по городам заветы, увещания и законы. Разносили их его посланники, называвшиеся «вестники мертвых» и «гонцы преисподней». Впрочем, в действительности этих событий Лукиан опять не уверен.

За несколько дней до смерти Перегрин по своему обыкновению объелся, у него началась рвота и сильная лихорадка. У некоего врача по имени Александр он просил чего-нибудь холодного, но тот отказал, заявив, что если уж Перегрин так стремится умереть, то не стоит цепляться за жизнь. Но такая смерть не принесет славы, воскликнул в ответ больной. По окончании олимпийских игр Перегрин спрыгнул в яму, где был разведен огонь. Присутствовало при этом немало людей и, прежде всего, известные учителя киников. Случилось это в 165 году.

После смерти Перегринна часть его вещей, похоже, выставили на продажу: люди всегда были падки на знаменитостей, и некоторые уже тогда готовы были выкладывать большие деньги ради того, чтобы иметь хоть какую-нибудь безделушку, которая напоминала бы им о прославившемся современнике и которой они всегда могли бы похвастаться перед соседями. Так вот, какой-то богач приобрел посох Перегринна ни много ни мало за шесть тысяч драхм. Это последнее, что мы узнаем об этом человеке от сирийского писателя...

Такова, согласно Лукиану, жизнь Перегринна, сначала христианина, потом киника. О его взглядах Лукиан ничего не сообщает, что и понятно.

Авл Геллий в противоположность сирийцу называет Перегринна человеком почтенным, строгим и невозмутимым. Он рассказывает, что Перегрин некогда жил в Афинах, но не в самом городе, а в окрестностях. Он соорудил себе какую-то хижину и проводил большую часть времени в уединении. Авл Геллий приходил к нему, слушал его рассуждения и набирался мудрости. Перегрин учил, что к праведности нужно стремиться не из страха перед наказанием и бесчестьем, а потому что такова естественная обязанность человека. Многие люди, несовершенные от природы, ошибаются и грешат, причем делают это тем легче, чем более уверены в своей способности сокрыть проступок. Безобразий было бы куда меньше, если бы они не надеялись утаить несправедливость. Между тем, ничто не остается тайным навсегда, и всевидящее время однажды обнаруживает все. Но совершенный человек отличается от других смертных, во-первых, тем, что редко ошибается (грешит), а во-вторых, тем, что даже если ошибается, то об этом не узнаёт никто — ни люди, ни боги. Это последнее заявление — единственное в рассказе Авла Геллия, что неплохо согласуется с образом, нарисованным Лукианом.

Из слов Авла Геллия вытекает также, что прозвище Протей философ из Пария получил уже посмертно. Татиан тоже подтверждает некоторые сведения Лукиана: Перегрин одевался в плащ, носил сумку, ходил с палкой и был чревоугодник, поэтому не мог жить без богатых покровителей и искусных поваров. Афинагор свидетельствует, что в Парии, на родине Перегринна, последнему кто-то воздвиг медное изваяние и что некоторые люди приходили к нему (к изваянию) с вопросами, поскольку считали, что оно обладает способностью давать пророчества. Афинагор заявляет, что все это достойно только смеха.

Любопытно, что Перегрин в переводе с латыни означает то же самое, что Аллоген в переводе с эллинского, т. е. чужеземец. Между тем известно христианское произведение именно под таким названием – «Аллоген». Все это крайне любопытно, но ничего определенного мы здесь пока сказать не можем.

АПОЛОГЕТЫ И АПОЛОГЕТИКА

Апологеты – это христиане, выступавшие с сочинениями в защиту христианства. В наши дни нередко апологетами называют всех христианских писателей раннего периода (II–III века н. э.), что не очень верно. Дело в том, что для некоторых из них апологетика была явно побочным видом деятельности; главная же состояла, например, в основании церквей или в попытках разобраться с противоречиями внутри христианства. Само существование апологетики убедительно доказывает в целом терпимое отношение властей к христианству в указанный период – начиная с императора Адриана. Остается только загадкой, что появилось раньше – первые апологии или указ Адриана о ненаказуемости христианства. Первоначальная защита состояла в размежевании с «вечно бунтующими» иудеями. В 30-е годы II века об этом объявили в Риме некоторые христианские проповедники, прежде всего, Маркион и Валентин. Они, таким образом, и являются первыми апологетами, хотя их сочинения по этим вопросам («Противоположности» Маркиона) не сохранились. С апологиями в разное время выступали **Квадрат, Аристид, Юстин, Афинагор, Татиан, Мелитон, Феофил Антиохийский, Аполлинарий Иерапольский, Тит Флавий Климент, Марк Минуций Феликс, Септимий Тертуллиан, Ориген, Арнобий, Лактанций** и некоторые другие. Их можно разделить на западных (латиноязычных – Феликс и Тертуллиан) и восточных (грекоязычных – все остальные), на умеренных (относились достаточно спокойно ко всему нехристианскому, прежде всего, к эллинизму) и непримиримых. К числу последних принадлежат разве что Татиан и Тертуллиан, которые выступили еще и основателями новых церквей: Татиан – в Сирии, Тертуллиан – в северной Африке. Сочинения апологетической направленности появлялись еще какое-то время даже после превращения христианства в государственную религию Римской империи. Закономерно, что сохранились лишь апологии христиан иудейского направления: государственная церковь Римской

империи, следовавшая иудейству, постаралась уничтожить вообще все сочинения представителей самарянской ветви христианства.

По приводимым ниже подробным изложениям можно хорошо проследить развитие раннего христианства, особенно представлений о божестве, постепенное (а не единовременное) складывание учения о триединстве отца, сына и духа...

Древнейшую сохранившуюся апологию написал малоизвестный христианин по имени **Аристид**, афинянин по происхождению. Имя императора, которому апология была подана (Адриан), звучит только в заголовке. Исследователи, которые изучали обнаружившуюся недавно сирийскую рукопись апологии, утверждают, что на самом деле она была направлена Антонину Пию. Во всяком случае, можно сказать, что, поскольку Аристид уверенно отделяет христиан от иудеев и как будто обнаруживает знакомство с «Посланиями Павла», его сочинение создано не раньше самого конца 30-х годов II века. А спокойное изложение предмета показывает, что христиане уже в целом чувствуют себя в безопасности.

Аристид различает варваров, эллинов, иудеев и христиан и пытается показать, что только последние имеют правильное представление о божестве. Варвары почитают изображения, стихии и светила. Но изображения не могут помочь, поскольку сами нуждаются в защите от посягательств. Стихии и светила предназначены для людей. Это очевидно. Эллины приписали богам все человеческие пороки (здесь Аристид повторяет то, что еще за 600 лет до него написал Ксенофан). Ближе всех подошли к истине иудеи. Но они не стойки в вере, часто не соблюдают свои же заповеди и скатились до почитания ангелов вместо Бога.

Истину обрели христиане. Их религия идет от Иисуса Христа, Сына Бога, который снизошел в Духе Святом и был рожден девой из народа еврейского. Он принял плоть и стал человеком. Свершив свои удивительные дела, он был распят, на третий день воскрес и вознесся на небо, а двенадцать его учеников разнесли весть о нем по всей вселенной. И кто последовал за ними, те стали называться христианами.

Христиане знают, что Бог не рожден, не сотворен, безначален и бесконечен, бессмертен, лишен облика и имени, ни в чем не имеет нужды, не подвержен страстям, все знает и не делает ошибок. Он двигатель мира, промыслитель и руководитель всего... Христиане получили от Бога заповеди и твердо держатся их, ибо ожидают воскресения мертвых и жизни в

будущем веке. Они не распутствуют, не лжесвидетельствуют, не ищут чужого, почитают родителей, справедливо судят, не желают другим того, чего не хотят себе, помогают друг другу, они кротки и уступчивы...

Такова вкратце суть христианства, заключает Аристид. Подробности же можно узнать из христианских книг, в частности из евангельского писания.

Подводя итог, можно сказать, что учение, изложенное Аристидом, приближается к католическому. Но у него все-таки отсутствуют некоторые важные положения. Во-первых, это триединство бога (нигде нет даже намек на то, что бог и его сын – одно и то же); во-вторых, это наследственность первородного греха (младенцы, по Аристиду, чисты, безгрешны). Очень хорошо просматривается то, что впоследствии стали называть пелагианством (учением Пелагия): свобода и возможности человека вполне достаточны для того, чтобы он своими силами без помощи бога ступил на путь праведности и удержался на нем. Таким образом, в каком-то смысле человек в своей земной жизни в боге даже и не нуждается. Наконец, у Аристида не сказано ничего о значении ангелов и демонов.

Юстин (ок. 105–165) – один из древнейших достоверно и достаточно хорошо известных христиан, самарянин по происхождению – его родители были из Флавия Неаполя (т. е. из Сихема в Самарии). В молодости Юстин изучал эллинскую философию, больше всего увлекался Платоном. Потом обратился в христианство, по-видимому, присоединился к той пока еще слабо упорядоченной христианской толпе, которая в последнюю треть II века сплотится вокруг некоторых вождей и превратится в так называемую большую церковь. Написал две апологии (к сожалению, по крайней мере одну из них частично подделали в более поздние времена). Был казнен. Судя по духу апологий, главная причина такого конца – беспокойный нрав Юстина и его стремление пострадать за истину. Юстина определенно вдохновлял пример Сократа, и он сам навлек на себя беды своими неосторожными поступками.

Мы, христиане, говорит Юстин, обращаясь к Антонину Пию, почитаем только Бога, его Сына, Духа пророческого, а также благих ангелов. Мы не приносим жертв и не поклоняемся изображениям, ибо не думаем, чтобы Бог походил хотя бы на одно из них. А в вещественных приношениях Бог вообще не нуждается. Он сам нам все дает. Но он желает,

чтобы люди были целомудренны, правдивы и любили друг друга.

У Бога нет имени. Бог – не имя, а мысль о непостижимом. Он все устроил для нас из безобразного вещества. Ангелов и людей он наделил свободой воли. Поэтому человек свободен, может избрать доброе и воздержаться от зла, а судьба состоит лишь в неизбежности наград для праведников и наказаний для грешников. Бог поручил ангелам попечение о земле, но некоторые ангелы увлеклись смертными женщинами и породили демонов, а потом поработили разными способами человеческого род. Предводитель злых демонов именуется змеем, сатаной и дьяволом. Он и его помощники для своих скверных дел используют склонность к злу, которая есть в каждом человеке.

Учитель христиан – Иисус Христос. Он есть Логос («разум», «слово» в смысле «речь»), Сын Бога, его первое порождение, он появился прежде всех тварей. На земле он родился особым образом – от девы, которую осенила сила Бога. Сила эта – Дух Святой, тождественный Логосу. Ради нас он стал человеком, чтобы сделаться причастным нашим страданиям и исцелить нас. Иудеи и самаряне, которые издревле ждали Христа, не узнали его. Иисус был распят при Понтии Пилате во времена цезаря Тиберия, умер, воскрес и вознесся на небо. А апостолы написали о нем сказания, называемые евангелиями. Будет и второе пришествие: Христос явится с небес вместе с ангелами, воскресит тела, праведников облечет в нетление, удостоит жить и царствовать с ним, нечестивых и демонов предаст вечному мучению в огне.

Демоны с самого начала принялись извращать предсказания Моисея, который древнее всех эллинских писателей, и других еврейских пророков. Так у эллинов появился, например, страдающий сын Зевса Дионис. В таинствах Митры демоны исказили христианскую евхаристию (вкушение плоти и крови Христа). Недавно они клеветали через Менандра, а сейчас клеветают через Маркиона. И что мы видим? Почти вся Самария верит в Симона и Елену, а вместе с Самарией и некоторые из других народов. Маркион же увлек за собой множество людей из всех народов...

Христианство легко принять, ведь многое из того, что есть у христиан, давно известно. Что все сотворено богом – об этом учил еще Платон; что мир сгорит – стоики; что нельзя поклоняться творениям рук человеческих – Менандр-комедиограф. Сын Зевса Гермес тоже называется Логосом, Персей

родился от девы, Дионис претерпел страдания. Согласно Логосу жили философы Сократ, Гераклит и Музоний.

Но полнота Логоса, конечно, открыта только христианам, независимо от того, кто они – эллины или варвары. У нас веры исполнены и самые необразованные из варваров, заявляет Юстин. И, несмотря на то, что поклоняемся мы только Богу, мы охотно служим вам, цезарям, и молимся за вас, чтобы у вас всегда было здоровое суждение.

Татиан (ок. 120–185) – сирийский христианин, основатель одной из небольших сирийских церквей. Сначала был эллинистом, потом в Риме под влиянием Юстина принял христианство и написал апологетическое по замыслу сочинение «Обращение к эллинам». После смерти Юстина склонился к учению Маркиона, вернулся в Сирию и создал новую церковь. В это время он выпустил такие сочинения, как «Об очищении ради Христа», «Затруднения» и «Евангелие четырех». Последнее, как обычно думают, представляло собой попытку окончательного согласования каких-то четырех и, видимо, очень похожих евангелий (например, от Луки, от Марка, от Матфея, от Петра или им подобных), которые уже успели достаточно широко распространиться среди христиан.

В «Обращении к эллинам» Татиан обнаруживает такие взгляды.

Бог бестелесен, Бог есть дух. Бог и Разум («логос») в Боге произвели все. Разум – первородное дело Бога. Разум появился путем разделения, но не путем отсечения. Все остальное произошло через Бога, и ничто не через него. И мы познаем Бога, созерцая творение.

Бог сотворил ангелов. Был среди них некий первородный и превосходящий по этой причине всех остальных умом своим. Его, восставшего против закона Бога, отлучили за неповиновение высшей силой. Так он сделался первородным демоном. Многих он совратил и увлек на путь смерти. Его братья, демоны, придумали и сделали судьбу. Демоны духовны, тело их – как пламя и воздух. Но те, с кем пребывает дух Бога, могут их видеть. А у кого только душа, те их не замечают. Душевные наблюдают демонов только тогда, когда те хотят навредить им и сбить с пути истинного.

Мир же создан ради людей. Устройство его прекрасно, а жизнь в нем – дурна. Мир разрушится некогда от великого пожара, и будет это только один раз.

Есть некий дух, пронизывающий вещество. Он не божественный, везде один и тот же, но имеет в себе различия. Он

живет в светилах, в ангелах, в людях, зверях и растениях. Одушевленное им вещество и почитают, словно бога, эллины.

Человек и ангел имеют свободу воли. Бог добр по природе, люди и ангелы – только по свободному выбору. Всякий смертный сам по себе становится негодяем или праведником. Мы сами породили зло, а, породив, можем и отвергнуть. Сущность же зла подобна крохотному семени – при малейшей возможности оно разрастается. Дух Бога изначально пребывал со всеми душами. Но некоторые его отвергли, и он покинул их.

Некогда Бог родился в облике человеческом. И это не вздор, как говорят эллины. Ведь через веру в это люди после утраты бессмертия победили смерть. Душа смертна, но может и не умирать. Смерть – разрушение как тела, так и души. По окончании веков произойдет телесное воскрешение всех людей. Истинная гибель человека – это смерть через наказание в бессмертии. Подлинное бессмертие – это вечность с Богом.

Первейшая заповедь: умри для мира, живи для Бога. Отвергни власть, богатство, воинскую доблесть, блуд, алчность, торговлю, состязания, тщеславие, страх смерти, страх перед болезнями, скорбь. Будь терпелив в рабстве, в свободе же не возвышайся.

Таково основное содержание «Обращения к эллинам» в том его виде, в каком оно до нас дошло. Книга эта едва ли могла расположить народы Римской империи к христианству: в резких выражениях Татиан осуждает и осмеивает все эллинское и самое главное – утверждает, что все великие достижения эллинов заимствованы или даже украдены ими у варваров.

Как маркионит, Татиан стал исповедовать крайнюю противоположность Бога и творца мира с подчиненными ему силами и властями. Бог есть начало добра, творец – начало зла. Творец зависим от Бога. Он создавал, говоря: «Да будет свет, да будет земля». Это было не повеление, а молитва, обращенная к Первому началу. Так будущий властелин мира испрашивал для своего дела высочайшее дозволение. Закон – тоже от творца. Евангелие же, напротив, – от Бога. Спаситель, согласно Татиану, был посланцем (ангелом) Высшего начала, принявшим на земле облик взрослого человека. Поэтому в евангелии Татиана не имелось никаких сведений ни о так называемом рождении, ни о детстве, ни о юности Христа. Однако в целом подробностей о существовании Сына в образе человека в данной книге оказалось уже предостаточно.

Далее, Татиан провозгласил безбрачие и полное воздержание от любовного общения, а также запретил вкушение всякого вина и мяса, по каковой причине даже причащение вином стало для него и его единомышленников невозможным. Причащались они водой. К маркионитам Татиан принадлежал, по-видимому, лишь по взглядам. Церковь же его в Сирии была, насколько можно судить, вполне самостоятельной. О продолжительности ее существования сведений не имеем.

Афинагор (II век) – малоизвестный христианин, один из апологетов, родился, скорее всего, во времена правления Адриана, умер при Коммод. Афинагору принадлежат следующие два сочинения: «Прошение за христиан афинянина Афинагора, христианского философа, поданное императорам Марку Аврелию Антонину и Луцию Аврелию Коммоду – армянским, сарматским, а наиболее всего – философам» (написано, очевидно, между 176 и 180 годами) и «О воскрешении мертвых».

Афинагор о боге. Всякое нечто либо не возникло и вечно, либо возникло и тленно. Бог не возник, он вечен и только умопостигаем. Он бесстрастен, непостижим, невместим [безграничен], неподвижен, неизменен. Он есть все, сам в себе, свет недостижимый, совершенный порядок. Он – дух, сила и разум («логос»). Ни гнев, ни вожелание, ни похоть не свойственны ему.

Есть Бог-Отец, в котором изначально был Разум. Есть Сын Бога, первое порождение Отца, но не как возникший некогда, а как исшедший. И есть Святой Дух. Они соединены силой, они – сила в единстве, но различаются по чину. Сын – Разум («логос») в возможности и в действии, ум и мудрость Отца. Дух – истечение. Он истекает от Отца, как свет от огня. Отец и Сын – одно: Сын – в Отце, а Отец – в Сыне единством и силой Духа. Сын – образ и осуществление всего вещественного. Через Сына возникло все, ему же все подчинено. Через Духа все соблюдается как оно есть. Наконец, Бог однажды принимает плоть по божественному домостроительству [~ради управления своим имуществом?].

О мире. Мир, сотворенный Богом, прекрасен. Ничто не выходит за пределы положенного порядка. Земля в середине, вода собрана в моря, небо шарообразно. В эфире носятся светила. Свет отделен от тьмы. Земля пригодна для живых существ. За вещественным миром наблюдают вестники и прислужники Бога. Вещество, однако, преходяще, тленно, и поклонения не заслуживает.

Об ангелах и противоположном боге. Ангелы суть духи, произошедшие от Бога. Ангелы – орудия промысла Бога. У них есть свобода выбора между добром и злом (у людей тоже). Часть ангелов дерзко восстала против своей сущности и порученного им дела. Но особенно в этом безобразии отличился один из них, которому было доверено надзирать за веществом. Он стал противобогом.

Дерзкие ангелы оказались в воздухе и на земле. В занебесные края они подняться не могут. Они сделались рабами плоти и дошли до того, что возжелали женщин. Женщины от них рождали так называемых гигантов. Души гигантов после отделения от тел превращаются в демонов и блуждают над миром в соответствии со своей природой.

Демоны влекут людей к изображениям мнимых богов, к жертвоприношениям, к вкушению жертвенного мяса. Боги, которым поклоняются народы, – это просто люди, жившие когда-то давно. Демоны присвоили себе их имена и заставили людей воздавать им великие почести. Демоны питаются жертвенным мясом и кровью и, дабы держать людей в повиновении, устраивают им видения.

О жизни христиан и о посмертных воздаяниях. Богу известны все наши дела, слова и помыслы. Поэтому мы не пытаемся скрыться от него, но держимся его установлений. Мы чаем жизни вечной и ради нее презираем радости этой – вплоть до душевных.

В жизни мы называем друг друга, если мы ровесники, братьями и сестрами; младших – сыновьями и дочерьми; старших – отцами и матерями. Мужчины у нас смотрят на женщин как на матерей их детей – не более. Многие у нас сохраняют полное безбрачие. Второго брака мы не допускаем. Женщин, губящих плод, мы почитаем убийцами. Жертв мы не приносим, поскольку Бог в этом не нуждается. Лучшая жертва – познание Бога через его творения. Жертва должна быть бескровной, служение должно осуществляться разумом.

Мы любим врагов, благословляем проклинающих нас, молимся за преследователей, дабы стать детьми Отца небес. Молимся мы и за правителей. Не отказываемся от рабов.

Вы же ненавидите христиан только за имя. Обвиняете нас в безбожии, но сами поклоняетесь не богу, а веществу. Приписываете нам пиры Фиеста [людоедство] и браки Эдипа [кровосмешение]. Вся чернь настроилась против христиан. Мы не можем освободиться от побоев – нас просто не слушают. Но мы знаем, что за праведность и терпение нам уго-

тована другая, небесная жизнь. Мы будем у Бога и с Богом, душой неизменные и бесстрастные. Мы станем небесными духами – но не как телесные существа, хотя плоть наша и восстанет. Если же ниспадем, нас ждет мучение в огне.

Тит Флавий Климент (ок. 150–215) принадлежит к числу наиболее одаренных христианских писателей. Место его рождения точно неизвестно, жил в основном в Александрии, сначала по взглядам был эллином, затем обратился в христианство. В течение примерно двух лет руководил работой так называемого огласительного училища – заведения, где наставляли в христианской вере тех людей, которые собирались вскоре принять крещение. Немало путешествовал: посетил Италию, Сирию и Иудею. Указ Септимия Севера о запрете обращения в христианство и иудейство заставил Климента свернуть деятельность и удалиться в Азию. Там в какой-то общине он замещал на должности епископа своего друга Александра, который, по сведениям, попал тогда в темницу.

Клименту принадлежат следующие сочинения: «Увещание к эллинам», «Воспитатель», «Строматы», «Какой богач спасется?», «Очерки». В первой книге он пытается сделать эллина христианином, толкуя иудейские книги и опровергая эллинские учения о богах, народное богопочитание, вообще всю чуждую философию. Во второй наставляет новообращенного в христианском образе жизни, не забывая, как водится, ругать эллинов.

«Строматы» Климента (в переводе это означает нечто вроде «сборника заметок») – великолепное руководство по истории, доксографии, этике и, конечно, по христианству. Кажется, одной этой книги человеку хватило бы для того, чтобы стать искушенным в философии. Но мы здесь основательно затронем лишь один вопрос из этой россыпи мудрости нашего александрийского писателя.

Клименту обычно приписывается не то изречение, не то мысль, которая звучит так: «Философия – служанка теологии». Однако в его книге этого не обнаруживается. Сам Климент, по-видимому, все-таки думал несколько иначе, по-своему иначе выражался.

Он выделяет три ступени обучения и знания: общее образование (ἡ ἐγκύκλιος παιδεία), философия и мудрость (вера). Общее образование состоит в усвоении общих наук (τὰ ἐγκύκλια μαθήματα), более или менее полный список которых, должно быть, такой: грамматика, риторика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка (сам Климент в качестве примера

называет только геометрию, музыку и грамматику). Мудрость есть достоверная наука (ἐπιστήμη) о причинах божественных и человеческих.

В свете этого не очень понятно, что представляет собой философия (хотя, скорее всего, это, как обычно, логика, физика и этика). Климент только многократно повторяет, что она выступает предварением, введением (προπαιδεία) по отношению к вере (мудрости), – подобно тому как общие науки – предварением к философии.

Философия же бывает эллинская и варварская, причем эллинская имеет варварское происхождение, а значит, ниже ее (эта христианская нелепица стала потом общим местом и благополучно дожила до наших дней: еще и поныне исследователи увлеченно пересказывают сказки о поездках Фалеса и Пифагора в Египет и Вавилон). Философия для эллинов то же самое, что Закон Моисея для евреев. Она исправляет и готовит к принятию истины, она уже причастна к истине, что объясняется ее божественными истоками, ибо все от Бога. Но эллины, конечно, разбойники, воры, слепцы и дети: все лучшее они украли у евреев, приписали себе, местами извратили; все они безбожники и рабы наслаждений, вместо Христа они изучают стихи.

Философия необязательна для человека: хорошо известно, что истина и вера открываются даже совершенно необразованным. Но полностью философию отрицать не следует. В первых, через ее доказательства можно прийти к вере; во вторых, она может хорошо послужить для защиты веры от посягательств врагов. Путь к истине много, но сама истина одна и в полноте постигается только через Христа.

Как видим, Климент говорит все-таки не совсем то, что ему принято приписывать.

В общих чертах взгляды Климента такие. Христианство есть учение о творении мира и спасении человечества через Разум Бога («логос»), дело которого продолжают посвященные. Бог – сама справедливость, красота, сила, истина. Он действителен, но невидим, и постигается только умом. Разум – посредник, исполняющий волю Отца. Им мы просвещены; он – словно солнце, без которого была бы только ночь. Без него мы во тьме и смерти, как звери. Человек, следующий Богу, сам становится богом. Бог в человеке, и человек – бог. А посредник – общий им обоим.

Тело – темница души. Однако, даже пребывая в теле, она может быть чистой и подобной свету. Счастлив дух детей

Христа, живущих в терпении, ибо в нем радость, а не в чреве и срамном члене. Чистые души сумеют подняться на высшую ступень таинственного созерцания. Им уготовано посмертное блаженство, они обретут божественность и вечный покой. Злым же душам предначертано страдание. Такова игра Бога. И никто не скроется от него, ведь спрятаться можно только от телесного; бестелесное же проникает все.

Эллинская философия – подготовка к христианству, лестница ко Христу. Каждая философская школа усвоила часть истины. Стоики подошли к истине ближе всех. Для познания Бога у иудеев были пророки, у эллинов – боговдохновенные люди, вроде Сивиллы или Гистаспа. Писания иудеев и эллинов составляют как бы два завета. Но эллины по отношению к иудеям все-таки дети: свои основные истины они позаимствовали именно у тех. Однако им не удалось главное – составить правильное представление о божественном. Кого эллины называли безбожниками (Диогор, Феодор, Эвгемер и другие), те, напротив, были проникательны и благочестивы, ибо они разглядели заблуждения других. Ведь все боги эллинов – это древние люди, которых потом наделили высшей силой. Сказки и время обожествили смертных.

Первые два завета – иудеев и эллинов – упраздняет третий (завет Иисуса Христа), открывший духовное познание. Кто не обратился ко Христу, тот обречен...

Марк Минуций Феликс – лицо малоизвестное. О времени его жизни наши знания крайне приблизительны: здесь достаточно достоверно можно утверждать лишь то, что он жил во второй половине II века. Происходил из Северной Африки. По роду занятий был судебным защитником и часто бывал в столице. Он оставил одно из лучших произведений в защиту христианства. Написанное прекрасным языком, оно производит очень благоприятное впечатление.

В этой книге, название которой «Октавий» (создана, вероятно, в самом конце II века), Феликс рисует скорее воображаемую, нежели действительную беседу между ним и двумя его знакомыми – христианином Октавием Януарием и приверженцем народной веры Цецилием Наталием. Октавий, недовольный преклонением Цецилия перед древними богами, замышляет обратить его в христианство. Тогда Цецилий просит Феликса, как человека, который совсем недавно переменил убеждения и, следовательно, хорошо помнит свое прежнее состояние, выступить независимым и беспристрастным судьей в споре.

Сначала берет слово Цецилий. Он утверждает, что все явления в мире можно объяснить и без предположения о богах – с помощью естественных причин: случайное смешение и разделение стихий способно породить все наблюдаемые вещи. Несправедливость же, царящая у людей, скорее склоняет к мысли об отсутствии божественного управления, нежели о его наличии.

Но природа вещей, в чем мы убеждаемся на каждом шагу, до конца не постижима. Причина установившегося порядка тоже: нам неизвестно, промысел это бога или слепая судьба. Поэтому высшая мудрость человека – это сознание своего неведения. В таких обстоятельствах лучше ничего не исследовать дальше (поскольку углубление только умножает сомнения), но держаться древних обычаев, проверенных истин, поклоняться отеческим богам. Особенно правильно поступают римляне, которые чтят всех богов – как своих, так и чужих. В этом их необычайное благочестие и причина успехов, ибо, признавая божества даже поверженных ими народов, они завоевали множество царств.

Затем Цецилий переходит к вопросу о христианах. Он припоминает, пожалуй, все основные слухи, которые в те времена ходили об этом новом обществе: поклонение голове осла и детородному члену настоятелей и жрецов; поедание мяса убитого младенца при обряде посвящения [пиры Фиеста]; кровосмешение на ночных сборищах [браки Эдипа]; отсутствие храмов и изображений бога, что является признаком неблагочестия; связь с презренными иудеями, у которых христиане, вероятно, позаимствовали представление о едином боге; наконец, скрытность христиан, которая служит лучшим доказательством их преступлений. Цецилий полагает, что слухи о злодеяниях христиан никак не могли возникнуть на пустом месте.

Далее, как верх нелепости, он упоминает поклонение христиан человеку, некогда казненному за преступления, и деревянному кресту как орудию казни; христианское учение о единственном боге, которому будто бы ведомы все дела и мысли смертных и который управляет миром настолько, что даже обращение в христианство совершается по его воле. Приписывает и распространенный у этих людей запрет на наслаждения, увеселения, зрелища, на хорошую пищу, украшения и заботы о красоте тела; учение о необходимости страданий, якобы угодных богу; обычай непременно погребения тел вместо сожжения. Наконец, он удивляется их представле-

нию о гибели всего сущего в мировом пожаре, о возрождении после смерти, о вечной жизни для праведников и вечной муке для остальных. Христиан Цецилий описывает как жалких, невежественных, легковых, низменных, вечно голодных, бледных и запуганных.

Затем выступает Октавий. Истина одна для всех, говорит он. Все могут ее найти, и все должны искать. Порядок мира и человеческая душа – доказательство провидения Бога. О провидении рассуждали и древние философы. Платон прекрасно написал о нем, но потом все испортил своим преклонением перед ложным народным богопочитанием. Те, кого народы называют богами, на самом деле не заслуживают этого имени и достойны только смеха.

Итак, существование нашего Бога очевидно. Бог создал мир и сможет разрушить его, когда пожелает. Даже эллинские философы учат, что мир время от времени сгорает в огне. Но мы утверждаем, что это случится лишь раз. Бог сотворил человека, он же однажды воскресит его из мертвых. Христиане почитают и боятся только Бога. У них действительно нет ни храмов, ни алтарей, ни изваяний. И это очень правильно, ибо истинный храм Бога – душа человека. Совесть и справедливость – вот что угодно властелину. Жертвоприношения ему не нужны. Люди вообще различаются только в добродетели. В остальном они равны. Христиане – народ более добродетельный. Они не виновны ни в одном из тех гнусных преступлений, в которых их обвиняют. Что же касается успехов Рима, то он господствует вовсе не благодаря уважению к богам. Насилием, коварством и жестокостью приобрел он себе могущество. Верно также, что христиане почитают крест. Но ведь он везде – на римских знаменах, в мачтах кораблей, в ярме колесницы. Крест – основание всех религий.

Цецилий, пораженный речью Октавия, признает его правоту. Вмешательство Феликса в качестве судьи уже и не требуется. Ясно, что такой исход воображаемого спора вполне естествен, если учесть, что его описывает христианин.

Можно заметить, что книга Феликса, несмотря на прекрасный слог, обладает и известными недостатками. Феликс, например, устами Октавия ни разу не упоминает ни Христа, ни учеников его, ни священных писаний. Христианство в его изложении кажется несколько поверхностным, а главное – недалеко ушедшим от эллинства. Феликс – словно торговец, которому нужно во что бы то ни стало продать свой товар. Поэтому он выставляет напоказ только те стороны нового

богопочитания и образа жизни, в которых для эллина, по сути, ничего нового и нет. Феликс как бы говорит: посмотрите-ка получше на эту вещь, она кажется вам необычной, но на деле вы уже давно пользуетесь чем-то подобным, так что берите и это.

Септимий Тертуллиан (ок. 155–225) является, пожалуй, наиболее красноречивым из латинских апологетов. Он получил хорошее философское и риторическое образование. Изучал также право, что немного заметно по его произведениям. В молодости вел свободный образ жизни, но потом раскаялся в этом и, обратившись в христианство, сделался человеком очень строгого нрава. Поначалу он связывал свою судьбу с христианским большинством, однако вскоре нашел, что среди людей, с которыми он держался вместе (т. е. вожди общин), уже давно поселилась распущенность. Таковой он почитал спокойное отношение к повторному браку, пренебрежение безбрачием и увлечение мирским.

Тогда Тертуллиан написал ряд книг, в которых обличил своих братьев и сестер по церкви, и стал одобрительно отзываться о Новом Пророчестве Монтана, которое лучше соответствовало его высоким запросам, а также о самом Монтане и его пророчицах – о Приске и Максимилле. Своих прежних товарищей он теперь по обычаю первых христиан именовал душевными, а монтанистов – духовными, т. е. совершенными. Будучи не в силах оставаться более в этом царстве порока, каким ему теперь представлялось правящее сословие его общества, он ушел к монтанистам, но и там долго не задержался; отделившись и от них, он у себя на родине, в Карфагене, основал собственную церковь – церковь Тертуллиана. Просуществовала она, несмотря на притеснения со стороны христианского большинства, довольно долго – вероятно, до завоевания арабами Северной Африки в VII веке христианского летосчисления.

До наших дней сохранилось три десятка книг Тертуллиана. О нравственности сочинения такие: «К мученикам», «Против иудеев», «О зрелищах», «О молитве», «О покаянии», «О терпении», «К жене», «О женском убранстве», «О девичьих покрывалах», «О поощрении целомудрия», «О поклонении изображениям», «О бегстве во время гонения», «О единобрачии», «О посте», «О стыдливости». В последних четырех он сильно нападает на «большую» церковь и хвалит монтанистов. О христианском учении: «Возражение отступникам», «Против Маркиона», «Против валентиниан», «Против Гермо-

гена», «Против Праксея», «О душе», «О плоти Христа», «О воскресении плоти», «О крещении», «Противоядие от скорпионов». В защиту христианства сочинения такие: «К народам», «Оправдание» (Apologeticum), «О свидетельстве души», «К Скапуле».

Апологетика (по книгам «К народам» и «О свидетельстве души»). Нас казнят только за то, что мы христиане, говорит Тертуллиан. Но как странно это! Если человек сознается в преступлении, его наказывают; если же мы, христиане, отречемся от своего преступления (христианство), нас отпускают. Нас обвиняют в безбожии, но обвинители, по сути, сами безбожники. Посмотрите, как вы поступаете со своими богами, обращается он к противникам. Приписываете им худшие человеческие слабости. За все берете плату – за вход в храм, за жертву; жертвуете богам самые ненужные части тел животных. Императоров боитесь больше, чем Юпитера. Продаете изображения своих предков. А что показывают в ваших театрах? – Рабы изображают богов!.. Вы говорите, что мы забыли законы предков. А вы разве нет? Разве вы живете по древним обычаям? Разврата и кровосмешения, которые нам вменяются в вину, у вас всегда хватало. И детей убиваете, прерывая беременность.

Есть боги философов, поэтов и народов. Первые ненадежны, вторые смешны, третьи произвольны. Римляне говорят, что почитают всех богов, благодаря чему будто бы и сделались властителями вселенной. Но это неправда. Римляне стали религиозны уже после того, как завоевали мир. И нельзя забывать о том, что, захватывая народы, они попирали и их богов.

Если душа будет просто следовать своей природе, она обнаружит, что во всем согласна с христианством: она часто обращается просто к богу (а не к Зевсу, Аполлону и т. д.); она считает, что бог – благ, а человек – зол, что бог знает все, что некогда она вновь обретет тело и получит воздаяние. Она чувствует, что бессмертна, и боится смерти, ибо не хочет быть наказана...

Об эллинизме и христианстве. Эллинскую философию Тертуллиан ставит много ниже христианской веры: «Что общего между философом и христианином? Между учеником Греции и учеником неба? Между искателем истины и искателем вечной жизни?»; «Что Афины – Иерусалиму? Что Академия – церкви?»; «Тем более следует верить там, где именно потому и не верится, что это удивительно. Ибо како-

вы должны быть дела Бога, если не сверх всякого удивления? Мы и сами удивляемся — но потому, что верим».

Тертуллиан различает пророков, апостолов, мужей апостольских [т. е. учеников апостолов] и просто христиан. Первые распознаются по пророчествам о Спасителе, которые, разумеется, не ложны. Вторые о Спасителе учат, ибо видели его. Третьи поставлены вторыми во главе древнейших общин. Их дело — передавать апостольскую истину. Все вышеперечисленные, если так можно выразиться, люди особые и избранные. И все они, по мнению Тертуллиана, обнаруживают прочное согласие между собой [здесь он, безусловно, преувеличивает].

Что же касается простых христиан, то им надлежит лишь верить в то, что передано. Суть предания, идущего от самого Иисуса Христа, кратко выражена в правиле веры. Тертуллиан приводит его в таком виде:

Бог один и нет иного Бога, кроме творца мира, который произвел все из ничего через Разум свой, возникший прежде всего. Разум этот, названный Сыном его, который по-разному открывался патриархам в имени божьем и всегда слышен был в пророках, сошел, наконец, из Духа Бога-Отца и благодати его на деву Марию, стал плотью во чреве ее и произвел родившегося от нее Иисуса Христа, который возвестил новый закон и новое обещание царства небесного, творил чудеса, был распят на кресте, на третий день воскрес. Вознесшись на небо, он воссел справа от Отца, послал наместником своим Духа Святого, чтобы тот наставлял верующих. И еще придет со славой даровать праведным плоды жизни вечной и небесного блаженства, а нечестивых осудить к пламени вечному, воскресив тех и других и возвратив им плоть.

Если человек — не пророк, не апостол, не ставленник апостола и не простой христианин, он, по мысли Тертуллиана, вполне достоин смерти. Впрочем, по существу, он уже мертв.

О Боге, Иисусе Христе и мире. Бог первоначально един. Причем он телесен, ибо все существующее, поскольку оно не ничто, есть некоторого рода тело. Бог был Богом всегда, а Господином, Отцом и Судьей — нет, так как было время, когда не существовало ни мира, для которого он стал бы

Господином, ни Сына, которому приходился бы Отцом, ни греха, по отношению к которому выступил бы как Судья. Сын есть Разум/Слово Отца и Мудрость (по-эллински, «логос» и «софия»). Отец – полнота сущности (Pater tota substantia), Сын – производное и часть его (Filius vero derivatio et portio). Дух исходит от Отца и Сына.

Иисус Христос – человек, соединенный с Богом (homo Deo mixtus); двоякое состояние – не смешанное, но объединенное в одном лице (duplex status, non confusus, sed conjunctus in una persona). Если бы Христос не был человеком, не имело бы смысла говорить о его страстях и воскресении. Плоть Христа – человеческая, но лишена первородного греха. Иисус рожден Марией безгрешно. Само воплощение Слова, то, как оно стало плотью, есть величайшая тайна. С рождением Иисуса девственность Марии прекращается.

О непостижимости человеческой кончины Бога у Тертуллиана есть знаменитое изречение: «Сын Божий распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это вполне достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес – это несомненно, ибо невозможно».

Мир сотворен не из предвечной материи, а из Мудрости Бога. Мир сам по себе не зло. Зло в нем – следствие неправильного использования свободной воли сначала дьяволом и демонами, потом людьми.

О человеке. Человек – образ и подобие Бога, разумное существо, состоящее из тела и души. Образ Бога – сама душа, подобие – ее доброе расположение. Душа есть дыхание Бога, сотворенное из Духа (flatus Dei factus ex Spiritu). Она заключена в сердце. Разум – ее особое свойство. Душа знает о Боге, о сатане, о своем бессмертии и страшном суде. Это знание в ней – от природы, ибо она – творение Бога.

Сущность души заключается в ощущении, и всякое познание начинается с ощущения себя и ощущения других вещей. Душа порождается как тело и передается по наследству от родителей, сохраняя родительские свойства. В конечном же счете, всякая душа – отросток души первого человека, т. е. Адама. Рождение – соединение души и тела, смерть – их разделение.

Тело не презренно, ибо оно появилось прежде души. Ведь сначала Бог сотворил плоть Адама из праха земного и только потом вдохнул в нее дыхание жизни. Плоть разделяет с душой грехи и, воскреснув в конце времен, тоже предстанет перед страшным судом.

О причинах зла и о христианском образе жизни. Зло – не от материи и не от Бога. Оно от свободной воли ангела и человека. Дьявол первый согрешил свободно, за ним последовал человек.

Высокий нрав дан нам от природы, злонравие – противостоит естественному. Зло и грех – это неисполнение долга и нарушение заповедей. Для избавления от грехов требуется покаяние, которое есть дар милосердия Бога. Покаяние необходимо при обращении в христианство. Возможно и второе, последнее покаяние. Оно пусть совершается перед всеми, как бы трудно это ни было. Второе покаяние – свидетельство безграничного милосердия Бога.

Нужно помнить о скором страшном суде и жить в страхе перед Богом, а не перед миром. Христианам грозят темницами. Но темница только избавляет от мирской суеты и скверны. Она укрепляет мужество людей Христа, она учит их и терпению. Терпение и вера неотделимы. Терпение – путь к Богу, нетерпение – путь к дьяволу. А что касается страданий, то за них уготована награда на небе.

Христианин должен сторониться зрелищ, ибо они суть жертвоприношения дьяволу. Все эти игры посвящены тем, кого народ именует богами. Но это не боги, а только изображения. Почитание изображений – изобретение дьявола. Даже люди, посещающие зрелища, отзываются о них неодобрительно. Тем более должен думать так христианин, истинное наслаждение для которого – укрепление в вере, смирение, милосердие и целомудрие. Самое же лучшее из зрелищ – будущий страшный суд.

Брак для христианина не запрещен, но безбрачие лучше. Даже народы, далекие от христианства, уважают безбрачие. Если решаешься на супружество, пусть оно будет единственным. Недопустимо вторично вступать в брак после смерти супруга. Также не следует христианину связывать себя узами с человеком нехристианских убеждений.

Женщина пусть откажется от украшений, – чтобы не искажать божественное творение. Украшения и наряды – изображение падших ангелов, дьявольский соблазн. Муж должен любить жену и без этого. Только целомудрие и стыдливость по-настоящему красят жену. Нужно помнить, наконец, что всякий брак – разврат, поскольку его причина – плотская похоть. В сущности, прелюбодеяние совершается еще до брака, а именно когда будущие супруги с вождением взируют друг на друга.

Христианину не нужно заботиться о завтрашнем дне. Вообще для него лучше поскорее расстаться с миром. Но многие христиане хотят подольше пожить и оставить потомство. Разве не бессмысленны подобные помыслы накануне страшного суда? А сколько тягот таит в себе семейная жизнь? Ведь никто добровольно не возложит на себя воспитание детей, — это делают только потому, что закон того требует...

Последним великим представителем раннего христианства был **Ориген** (ок. 185–255). Его взгляды — нечто среднее между откровенно убогой верой толпы и изысканными учениями Валентина, Василида и Карпократа, предназначенными для немногих избранных. Пожалуй, именно поэтому Ориген имел такой успех. Он пришелся по душе тем довольно многочисленным более или менее образованным христианам, которые, смутно ощущая свое превосходство над чернью, все же опасались порывать с ней.

Ориген, эллин по происхождению, родился в Александрии. По воспитанию был, скорее, эллин, хотя, уже в юности — вероятно, под влиянием Пантена и Климента — перешел в христианство. Впрочем, это не помешало ему сохранить известную приверженность древней философии. С книгами Платона он, как заявляет философ Порфирий, вообще никогда не расставался, а помимо этого хорошо знал труды других. Стоики Херемон и Корнут, диалектик Аполлофан, математики Модерат и Никомах, пифагорейцы Кроний и Нумений, ритор Кассий Лонгин — вот философы, произведения которых он усердно изучал. Став христианином, он не захотел подчиниться букве писаний, считавшихся священными у многих его собратьев. Книги Моисея он объявил иносказанием и наделил себя полной свободой толковать их по собственному усмотрению. Таким образом, он приспособил не свои измышления к Моисею, а Моисея к ним. И этот обычай — иносказательного толкования иудейских сочинений — идет от него (здесь Порфирий, очевидно, все же обнаруживает неосведомленность, ибо задолго до него в произвольном понимании закона и пророков Тертуллиан обвинял Валентина, умершего еще до рождения Оригена).

Какое-то время Ориген преподавал грамматику, заботился о состоянии дел в местном огласительном училище. Бывал в Кесарии, Иерусалиме, Афинах, Риме, в Аравии. Не лучшим образом сложились отношения Оригена с руководителем его общины — неким Деметрием. Причина этого не очень ясна. Скорее всего, Ориген был слишком свободолюбив, а Демет-

рий – слишком ревнив: он не мог допустить рядом с собой такого независимого и в то же время влиятельного человека. Враждебность Деметрия усилило также то обстоятельство, что азийские епископы Феоктист Кесарийский и Александр Иерусалимский без его ведома возвели Оригена в чин пресвитера. При императоре Деции Ориген попал в тюрьму, подвергся пыткам и через несколько лет умер.

Оригену принадлежат толкования ряда христианских книг; нравоучительные сочинения (например, «О молитве» и «О мучениках»); догматические («О началах» и «Строматы»); апологетические («Против Цельса»).

Занимался он также изданием некоторых произведений, которые почитал священными. Так, со своими помощниками он переписал иудейский завет шестью столбцами: первый столбец – по-иудейски; второй – по-иудейски, но эллинскими буквами; третий – древнейший перевод сборника на язык эллинов; четвертый – перевод Аквиллы; пятый – перевод Симмаха; шестой – перевод Феодотия. Всего получилось 6500 страниц.

Взгляды Оригена следующие. Не сотворен только Бог, который Отец. Бог ограничен, иначе он был бы непознаваем для себя, ибо безграничное по природе непознаваемо. Сын есть творение (порождение) Отца. Дух – творение Сына. Отец от вечности и вечно рождает Сына. Сын происходит не из сущности Отца, ибо в противном случае Отец бы уменьшился. Отец – свет, истина, благо, сила. Сын – образ Отца, т. е. света, истины, блага и силы. Дух – образ Сына. Отец – полнота могущества, Сын – меньшее могущество, Дух – еще меньшее могущество. Власть и сила Отца простирается на всю тварь, власть и сила Сына – только на разумных тварей, власть и сила Духа – только на праведных.

Отец творит также умственный мир. Умы отпадают от него по причине своеволия, лености и непослушания, т. е. из-за неправильного использования свободы. Для их исправления существует телесный космос. Миротворение, как и создание Сына, Духа и умов, происходит извечно, а не во времени. Космос один, но развитие в нем идет по кругу.

После падения лучшие умы становятся ангелами, другие, которые похуже, – душами, третьи, совсем злые, – демонами. Умы совершенствуются своей исконной природой (которая свободна и добра), Законом Моисея и Евангелием. Но главный их помощник – Сын Бога, который на земле воспользовался смертным телом.

Ангелы, души и демоны могут превращаться друг в друга. Переход на более низкую или более высокую ступень происходит после очередного мирового переворота. Для ангела превращение в душу есть падение. Для души превращение в ангела – восстановление.

Грубое земное тело – тьма и мрак. Когда мы покоримся Христу и Богу, наша телесная природа разрешится в ничто. Не будет вечных мук ада, – адский огонь это просто иносказание о совести преступивших заповеди. Все умы без исключения просветятся и воссоединятся с Богом. Не будет и воскресения плоти, ибо она недостойна духовных существ. Однако в случае нового грехопадения мир вновь будет задействован для исправления грешников...

Арнобий родился, вероятно, в середине III века и умер в начале IV века. Его родители придерживались древних обычаев и сына своего пытались приучить к тому же. Но, как видно, недостаточно: в зрелом возрасте Арнобий все-таки отверг отеческих богов. Поначалу он занимался риторикой, к которой у него рано обнаружились способности. В городе Сикка он одно время руководил риторической школой, а среди учеников его тогда был некий Лактанций, впоследствии сделавшийся довольно известным писателем.

Обратившись в христианство, Арнобий сочинил труд «Против народов» в семи частях. Произведение исполнено нападок на эллинских и римских богов, а также мрачных рассуждений о человеческой доле. В древних богах Арнобий теперь не видел уже ничего, кроме слепков с развратных людей; изготовление их изображений казалось ему смешным и позорным обычаем. Что касается человека, то, по мнению Арнобия, судьба его незавидна: он уродлив телом, порочен душой, а вся его жизнь ничтожна и бесплодна...

Человек в этом мире – как в пещере. Он беспомощнее и глупее животных, которые многим наделены уже от рождения. И разум почти не восполняет эти недостатки. Мы не ведаем ни божественной истины, ни блага, ни прекрасного, потому что из наблюдения вещей ничего этого не вывести. И никакая философия здесь не поможет: философы запутались в противоречиях, они ни в чем не согласны друг с другом – что у одного истина, у другого – ложь. Философы не любят веру, но ведь без нее нельзя. Все кому-то доверяют: больной – врачу, ученик – учителю и т. д. Без веры никто не живет. Христианская же вера – лучшая, ибо она проста и естественна. Ее суть в следующем. Бог один, он заpredелен ощущени-

ям. Есть, впрочем, и низшие, подчиненные ему божества. Среди них – Христос. Человек творится дважды: первый раз – низшим творцом, второй – Христом, когда через веру уподобляется Богу и становится бессмертным. Ибо по природе душа телесна и смертна, и без приобщения к Христу и вере таковой и остается.

Луций Цецилий Фирмиан Лактанций (ок. 250–325) родился в северной Африке. В молодости получил риторическое образование в школе города Сикка. Учителем его был Арнобий. Примерно в 290 году император Диоклетиан пригласил Лактанция преподавать риторику в Никомедии (Азия). Где-то в это время он, как полагают, и поменял одних богов на других. Когда начались преследования христиан, Лактанций оставил преподавание. Затем к власти пришел Константин, предложивший африканскому ритору стать воспитателем его сына Криспа. Лактанций принял предложение и отправился в город Трир, где находилось галльское поместье Константина. Это последние известные события из жизни Лактанция. От его достаточно многочисленных творений сохранились лишь следующие: «О творении Бога», «О гневе Бога», «Божественные установления», «О смертях преследователей».

Первая книга направлена против Эпикура и Лукреция. Вторая – против эпикурейцев и стоиков в целом. Третья представляет из себя обращение к эллинам. В принадлежности Лактанцию четвертой есть сомнения. Это произведение – собрание глупых сказок о римских императорах и красивых оборотов речи, не заключающих в себе никакого иного содержания, кроме злобы сочинителя. Смысл же писания такой: все, поднимавшие руку на христиан, умерли позорной смертью по воле нашего бога.

Взывая к народам, Лактанций доказывает истинность христианства ссылками на эллинских философов, особенно на Гермеса. Прибегает он также к помощи Пифагора, Платона и Цицерона. Но Гермес – прежде всего. Согласно Лактанцию, всего было пять Гермесов. Пятый прибыл в Египет и дал народу этой земли законы и письмо. Он получил имя Тот и основал город своего имени – Гермополь. Гермес – человек, но триждывеличайший. Он древнее мудрецов, Пифагора и Платона. Гермес был предвестником христианства. Он провидец и боговдохновенный человек, – по крайней мере, иногда. Ибо он возвестил Божественную Троицу, которая у него складывается из Первого Ума, Ума-Творца (Демииурга) и Разума (Логоса).

Христианское же учение таково. Бог не имеет имени – только имя Бог. Он один, хотя и троичен. Бог создал мир ради живых существ, а живых существ – ради людей. Предназначение человека – восхищаться творением Бога. Только человек достоин этой чести. Поэтому человек существует ради Бога. Он – блюститель божественного храма.

Вещи мира служат зверям, звери – человеку. Звери защищены и вооружены от природы. Человеку же Бог дал один только разум. Поэтому человек может познавать сущность добра и зла. А чтобы стремиться к хорошему и удаляться от дурного, у него есть воля, которая свободна. И всякий, вступающий на путь зла, делает это по собственному выбору. Впрочем, людей могут отвратить от добра и демоны.

Человек один, кто ходит прямо, – ибо так лучше созерцать чудеса Бога и его самого. Человек один получил дар речи, язык, передающий мысль. Это для того, чтобы словами выразить величие своего Господина. Все подчинено человеку, а человек – Богу. Бог хочет одного – чтобы человек любил Бога и человека, а именно: чтобы Бога чтили как отца, а человеком дорожили как братом. В этом и состоит вся истинная религия, вся справедливость, все благочестие. Благочестие превыше всего. Над благочестивыми не властны ни судьба, ни демоны. Бог избавляет благочестивых от любого зла. Но, если человек впадает в гордыню, если начинает поступать своевольно и несправедливо, Бог непременно накажет его в назидание другим. Так благодаря провидению сохраняется общество и целый род людской.

Век мира сего короток – 6000 лет (по тысяче на каждый день творения). Наступление страшного суда будет отмечено знамениями. Благочестие и добрые нравы придут в упадок, люди перестанут подчиняться законам, восторжествует насилие, разразится всеобщая война народов. Раньше всех кару понесет Египет – за свою нелепую и глупую богобоязненность. После Египта падет Рим. Воздух тогда делается ядовитым, земля – бесплодной, звезды упадут, небо лишится света, море делается несудоходным. А затем произойдет второе пришествие и страшный суд.

Таково учение Лактанция. В заключение добавим, что большое преклонение этого человека перед Гермесом Тригдывеличайшим (египетским Тотом), по нашему мнению, может являться свидетельством его причастности к созданию небезызвестных таинственных сочинений, подписанных именем этого бога.

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕРКВИ

Имеются не слишком достоверные данные о том, что признание христианства верховной римской властью могло состояться уже в III веке. Император Антонин Элагабал, правивший в 218–222 годах, якобы собирался объединить все обряды, в том числе иудейские, самарянские и христианские, в таинстве сирийского бога Элагабала. Что-то там, однако, не сложилось. Следующий император Александр Север (222–235) тоже будто бы хотел сделать нечто подобное – принять Христа в число государственных богов и возвести в честь него храм. Его отговорили, указав на плохие знамения.

Все это, повторяем, очень сомнительно. Зато достоверно, что на III век приходится первое крупное преследование христиан. Его развязал император Деций (годы правления: 249–251). Он потребовал, чтобы все христиане отреклись от своей веры и подтвердили слова делом: помолились ему, императору, как богу, призвали народных богов, поругали Христа. Считалось, что настоящий христианин на такое никогда не согласится, и если подозреваемый в принадлежности к христианству делал это, значит, с ним все было в порядке. Прошедшим проверку выдавались соответствующие удостоверения, и некоторые из них сохранились до наших дней. Многие христиане тогда под страхом смерти отреклись от Христа, многие были подвергнуты пыткам и казнены, и неизвестно чем бы все это закончилось, если бы Деций внезапно не умер. Следует подчеркнуть, что ничего подобного раньше не было. После Траяна императоры в большинстве своем были безразличны к христианству, и уж во всяком случае ни один из них не предпринимал столь решительных действий. Издавая указы, направленные против христиан, как это сделали Септимий Север (193–211) и Максимин Фракиянин (235–238), они не слишком заботились об их исполнении. Поэтому количество жертв местной религиозной вражды с христианской стороны в период между Траяном и Децием едва ли достигает ста человек. И это еще очень щедрая оценка. Данные самих христиан о непрекращающихся гонениях на них в доконстантиновскую эпоху суть почти одна сплошная ложь. Постановление Валериана (253–259) о казни христианских священников и о запрете любых христианских собраний тоже не имело заметных последствий.

Затем был еще Диоклетиан, правивший в 284–305 годах. В течение первых двадцати лет своего властвования он хри-

стиан как будто вообще не замечал, и вдруг ему пришла на ум мысль истребить их полностью. «Да погибнет само имя христианское!» – провозгласил он. Снова все пошло как при Деции – доносы, проверки, пытки, казни и отречения. И снова христианам повезло: Диоклетиан внезапно добровольно отказался от престола и удалился в свое имение разводить капусту. Преемники Диоклетиана уже были не столь последовательны и настойчивы, так что его начинание вскоре заглохло.

Поворот начался при Галерии (293–306), который разрешил собрания христиан с условием, что те будут молить своего бога о процветании Рима, всего государства и его правителей. Завершил начатое Константин (306–337). Вместе с соправителем Лицинием в 313 году он издал указ, согласно которому в Римском государстве отныне были разрешены все религии, а христианам уже без всяких условий возвращалось имущество, если таковое прежде когда-либо было изъято у них. Константин, очевидно, внутренне уже принял христианство, но пока боялся открыто об этом заявить.

В 325 году в азийском городе Никея Константин созвал совет епископов. Это было первое подобное собрание, состоявшееся по желанию императора. Цель: определить отношение церкви ко взглядам александрийского пресвитера Ария. Однако крайне маловероятно, чтобы Константин додумался до этого сам. Но, будучи в душе христианином, он естественным образом попал под влияние некоторых епископов, которые не преминули воспользоваться этим в своих корыстных целях. Они взяли себе в помощники императора, чтобы разделаться с неудобным для них проповедником. Споры вокруг Ария шли с начала 20-х годов; то здесь, то там собирались церковные советы, пытавшиеся выяснить степень правоверности его высказываний. И, как всегда, мнения разделились.

Арий (ум. ок. 335) происходил из Ливии, но действовал в основном в Александрии. В свое время он отказался от должности епископа в пользу некоего Александра, который потом его же и начал преследовать. Арий был учеником сирийца Лукиана, близкого к Павлу, который возглавлял кое-какие общины в Антиохии и Самосате. Арий довел учение Оригена о подчинении Сына Отцу до конца. Утверждал он следующее. Безначален только Бог-Отец. Сын Бога, или Разум («логос»), имеет начало бытия. Он не вечен, хотя существовал до мира и до времени. Он сотворен из ничего по воле Отца. Поэтому Сын Бога – творение, произведение. Однако

он имеет преимущество перед прочим творением: через него Бог создал мир и время. И по благодати Отца он сделался его Сыном. Он, таким образом, усыновленный сын. Теперь он равен Отцу. И природа его первоначально не была неизменна, но Бог, предвидя твердость его воли в отношении добра и зла, избрал его для своих целей. Таким образом, в целом будущий сын сделался безгрешным опять же по благодати Отца.

На совет в Никее собралось около 300 епископов. Точнее определить сейчас невозможно. Во всяком случае, следует иметь в виду, что предание, согласно которому их было 318, сказочно: оно ничем не подтверждается. Любопытно, что из этого числа только семь были из западных областей, остальные – с востока. Это косвенно свидетельствует о степени распространения христианства в различных частях Римской империи.

У Ария на совете было немало сторонников, и они представляли собой заметную силу. Они предложили на утверждение два правила (символа) веры. Сначала, конечно, одно, но оно вызвало очень большие возражения, потом другое – более мягкое, примирительное. Это последнее составил **Евсевий** из Кесарии (ок. 260–345), сторонник Оригена, широко известный ныне как летописец христианства. По вопросу о Боге придерживался вполне оригеновского мнения о меньшей божественности Сына по сравнению с Отцом. Евсевию принадлежат «Церковная история», «Жизнь Константина», «Приготовление к евангелию», «Против Гиерокла», «Собрание древних мученичеств» и другие книги. Его правило веры звучало так:

Верим в одного Бога, отца и правителя всего, творца всего видимого и невидимого. И в одного господина – Иисуса Христа, который есть Разум Бога, Бог от Бога, свет от света, жизнь от жизни; который есть Сын единственный, рожденный прежде всякой твари, прежде всего сущего (πρὸ πάντων τῶν αἰώνων) от Отца произошедший; через которого все произошло; который ради нашего спасения воплотился, жил среди людей, пострадал, воскрес на третий день и возшел к Отцу; и идет в славе судить живых и мертвых. Верим также в Духа Святого.

Поскольку снова назревали склоки, Константин потребовал внести в правило веры определенные изменения, после

чего всякие дальнейшие споры прекратить. Сделал он это по подсказке Осия, одного из семи западных епископов, а именно епископа Кордубы (Иберия). Этому человеку он, по-видимому, почти безгранично доверял в христианских вопросах. Таким образом, **Осий** (наряду с Евсевием) и является главным творцом знаменитого никейского символа веры. В новом виде он выглядел так:

Верим в одного Бога – отца и вседержителя, творца всего видимого и невидимого. И в одного господина – Иисуса Христа, Сына Бога, единственного рожденного от Отца, который из сущности (ἐκ τῆς οὐσίας) Отца, который бог от бога, свет от света, бог истинный от бога истинного; который рожден, а не сотворен, который единосущный (ὁμοούσιον) Отцу, через которого все произошло – все, что на небе, и все, что на земле; который ради нас, людей, и ради нашего спасения сошел, воплотился, вочеловечился, пострадал и на третий день воскрес; и взошел на небеса; и идет в славе судить живых и мертвых. Верим также в Духа Святого.

На этом символ не заканчивался. К нему еще прилагалась приписка с проклятиями для ариан, которую в дальнейшем стали опускать. Вот она:

Католическая (и апостольская) церковь проклинает тех, кто говорит: было некогда, когда его не было, и до рождения его не было; и что из не-сущего (ἐξ οὐκ ὄντων) произошел он; или что из другой ипостаси или сущности (ἐξ ἑτέρας ὑποστάσεως ἢ οὐσίας) Сын Бога; или что он непостоянный или переменчивый.

Константин потребовал, чтобы все присутствующие подписались под этим правилом. Арий и еще некоторые, несмотря на явное давление со стороны большинства и царствующей особы, отказались. Их прокляли и отправили в ссылку. Очень скоро это стало «добрым» обычаем в государственной церкви – отлучать, проклинать и ссылая любых инакомыслящих.

Константин после Никеи возмнил себя главой церкви. В 328 году он уже сам склонился от никейства к арианству и распорядился вернуть на прежние места всех сосланных. Крестился он, правда, только в 337-м и в том же году умер; обряд крещения совершил арианин Евсевий Никомедийский.

Восточная католическая церковь, пусть даже в ней потом возобладало никейское направление, со временем объявила Константина «великим», «святым» и «равным апостолам», – и это несмотря на то, что на совести этого человека пять убийств (в том числе убийство жены и сына).

После Константина длительное время (до 361 года) правил его сын Констанций. Он тоже был арианом и тоже считал себя главой церкви. При Констанции произошли следующие важные изменения: в 341 году он запретил приносить жертвы ложным богам; в 346 году распорядился закрыть в городах храмы древних богов (за пределами городов они пока оставались); и в 356 году приказал закрыть храмы древних богов уже повсеместно. В 341 году в Антиохии состоялся церковный съезд, где большинство голосов имели ариане. Они утвердили 25 законов, из которых два были направлены против некоего Афанасия, нового епископа Александрии, который быстро сделался главным вождем никейцев. Все это происходило, почти наверняка, при поддержке (или хотя бы при молчаливом согласии) Констанция.

Попытки примирения со стороны ариан и никейцев, споры между которыми никак не прекращались, выражались, например, в том, что те и другие соглашались считать Сына не единосущным (как того требовал никейский символ веры), а подобосущным Отцу (*ὁμοούσιος τῷ πατρί*). Эти слова в греческом языке различаются всего одной буквой – йотой (ι). Вопреки заявлениям самих никейцев, они не одержали полной победы не только в те времена, но даже и по сей день (достаточно порасспросить нынешних христиан, чтобы быстро убедиться в том, что они вообще верят во что попало). На церковных советах перевес никейцы имели разве что со времен Феодосия I, поэтому константинопольский символ веры, который и в наши дни исповедует большинство западных и восточных католиков, по сути своей никейский, а не арианский.

Но вернемся к никейскому символу веры. Выражения «из сущности Отца», «единосущный Отцу», «ипостась или сущность», которые там встречаются, вызвали большие сомнения у многих христиан: видимо, они были для них слишком философскими. Первых двух выражений нет ни в евангелиях, ни в так называемых «посланиях апостолов» Нового Завета католической церкви; слово «ипостась» хотя и встречается там, но в другом – земном, не философском смысле. Например, в «Послании апостола Павла к евреям»: «...вера – опора

(ὕποστασις) надеждам и доказательство вещей невидимых». Действительно, «ипостась» в исконном значении – подпорка, подставка, основание. В философии это понятие начинает широко использоваться, предположительно, со II–III веков. Здесь можно вспомнить христианскую книгу «Ипостась архонтов» («Сущность властителей»), время появления которой, к сожалению, определяется в высшей степени приблизительно, а также некоторых платоников, например, Плотина и Порфирия.

Согласно Плотину, есть три природы (начала, силы, ипостаси) божественного – единое, ум и душа, извечно существующие и соприисутствующие, разделенные не в пространстве и не во времени, а только сущностно. Единое извечно рождает ум, который есть двойственное; ум, отражаясь извечно в не-существующем (материя), порождает душу мира, которая есть множественное, и, следовательно, сам мир (космос). Космос вечен (всегда был и всегда будет), единственно возможен и, насколько возможно, прекрасен. Платиновский порядок, впрочем, правильное представлять в таком виде: сверхсущее (единое) – сущее (ум, душа, частные души) – не-сущее (материя). У Порфирия, который во многих отношениях был последователем Плотина, есть выражение: до трех ипостасей развилась божественная сущность. Отсюда уже легко сделать вывод, что сущность – понятие более общее (родовое), а ипостась – менее (видовое). Такое словоупотребление в конечном счете и было заимствовано христианством IV века. Но это в конечном счете. Поначалу же вопрос выглядел довольно темным. Было ясно только одно: в своем наиболее общем смысле οὐσία и ὑπόστασις неразличимы (оба слова могут переводиться как «сущность», «состояние»). Поэтому после Никейского церковного совета высказывались разные мнения. Первое: сущность и ипостась – одно и то же, и выражают эти понятия различие в Боге, а значит, правильно говорить так: Отец, Сын и Дух – это три сущности, или три ипостаси. Второе: сущность и ипостась – одно и то же, но они выражают единство Бога, поэтому правильно говорить, что Отец, Сын и Дух – одна сущность, или одна ипостась. Третье: сущность и ипостась соотносятся как общее и частное, и, таким образом, Отец, Сын и Дух – одна сущность и три ипостаси. Эту точку зрения проводили, в частности, такие влиятельные деятели церкви, как **Василий** из Кесарии и **Григорий** из Назианза. В значительной степени благодаря им она потом и стала преобладающей в христианской мысли. Но случилось это не сразу.

Следующим значительным императором был Юлиан (331–363). Эллин по происхождению, он получил воспитание уже в христианском духе. С 355 года – цезарь (т. е. соправитель Констанция), с 361 года – август. Сохранившиеся сочинения Юлиана выдают его высокое образование и утонченность; по взглядам он наиболее близок к Ямвлиху, учителю большинства философов IV–VI веков. Став императором, Юлиан объявил себя поклонником философии и почитателем исконных эллинских богов. Начал открывать старые храмы, убрал христианские символы со щитов и монет. Попытался вернуть империю к тому состоянию, которое было заявлено еще в указе Константина и Лициния, а именно провозгласил равенство религий. С этой целью он перестал поддерживать какую бы то ни было церковь, а также вернул из ссылки всех осужденных. Легко представить звериную ярость епископов, лишившихся власти. Их словно отбросило на пятьдесят лет назад в прошлое, во времена Диоклетиана, когда они были пустым местом в государстве и жили в страхе. Затем Юлиан перешел в наступление: запретил христианам преподавать грамматику и риторику, начал смещать их с высоких постов, изымать у них имущество, подаренное предыдущими христианскими императорами. Но все внезапно оборвалось: Юлиан погиб во время военного похода против персов. По весьма вероятному предположению он был убит христианином из своей же собственной свиты. После Юлиана его начинания не получили никакого развития. Христиане всячески поиздевались над памятью этого человека, наградив прозвищем «отступник» и придумав кучу ужасных историй о кровавых жертвоприношениях, к которым он будто бы имел особую страсть: якобы после его смерти были обнаружены тайные храмы и пещеры, буквально доверху наполненные выпотрошенными и обезглавленными человеческими телами. Все это, впрочем, понятно. Но как всегда, удивляет другое: даже в наши дни некоторые историки, мнящие себя светскими, продолжают называть Юлиана не иначе как Юлианом Отступником...

Вообще, надо сказать, что когда при Константине христиане перестали таиться, все их, мягко говоря, странности и нелепости всплыли на поверхность. По выражению историка Аммиана Марцеллина, дикий зверь не проявлял такой злобы по отношению к человеку, какая была между христианами, когда у них возникали хоть какие-то разногласия. На основании церковных летописей можно сделать вывод о том, что в

среде христианской черни кровавые столкновения были частым явлением. Есть сведения, что христиане готовы были объявить мучениками за веру любого казненного человека (Аммиан Марцеллин). Есть сведения, что в поисках новых святых (а у них шло прямо-таки соревнование по этому показателю: у какой общины их больше!) они разрывали безымянные могилы (там, очевидно, были похоронены рабы, бродяги и злостные преступники), придумывали для погребенных историю мученичества и требовали от всех признания тех исповедниками; сами же начинали поклоняться останкам этих людей (Евнапий). Они сочиняли друг о друге всякие гадости. Так, по-прежнему ходили слухи, что «плохие» христиане поедают младенцев и занимаются развратом на своих тайных собраниях. Сильно досталось от никейцев и Арию. Для него придумали позорную смерть: якобы в отхожем месте из него вывалились не только отбросы жизнедеятельности, но вместе с ними и внутренности, а произошло это будто бы по воле бога, откликнувшегося на молитву «хороших» христиан, истинных никейцев. И так далее...

Никейцы, кстати говоря, со своей стороны, сразу после того, как Констанций умер, а Юлиан обнаружил безразличие к христианской догматике, собрали совещание 22-х епископов в Александрии в 362 году. Председательствовал на нем вышеупомянутый **Афанасий** (ок. 295–375). Совет подтвердил никейскую веру, предал проклятию ариан и так называемых пневматомахов (т. е. «духоборцев» – христиан, отрицающих божественность святого духа); принял определение, согласно которому Отец, Сын и Дух суть три ипостаси.

После Юлиана некоторое время (с 364-го по 370-й) на западе правил Валентиниан, никеец по взглядам. Он считал, что церковь должна быть самостоятельной в принятии решений, и ни во что особенно не вмешивался. На востоке тем временем царствовал его брат Валент, арианин. Есть сведения, что он притеснял никейцев, но это почти наверняка ложь. На самом деле никейцы и ариане и без помощи императоров грызлись между собой везде, где только могли.

Затем Грациан (правление: 375–383), сын Валентиниана, перешел к решительным действиям: запретил некатолическое богослужение и лишил прав всех, кто не был католиком. Его дело завершил Феодосий I (347–395), который правил с 379 года до своих последних дней. Он сделал то, на что не отважился ни один его предшественник, – объявил христианство государственной религией. На деле христианство стало

главной верой империи уже при Константине, но, видимо, требовалась известная смелость, чтобы провозгласить это открыто. Итак, это свершилось в 381 году. Затем Феодосий запретил любые вероучения, не согласующиеся с государственным (383 год). Звучало это примерно следующим образом: все, кто не исповедует веру апостола Петра как ее возвещают Дамасий, епископ Рима, и Петр, епископ Александрии, суть отступники. В 391–392 годах появились указы о недопустимости исполнения любых нехристианских обрядов; в 394-м – о прекращении проведения олимпийских игр как состязаний в честь ложных богов.

В 381 году Феодосий созвал церковный совет в Константинополе. Присутствовало 150 епископов, руководил всем в конечном счете сам Феодосий. Совет подтвердил никейскую веру и в очередной раз предал проклятию несогласных, особенно ариан, пневматомахов, савеллиан и аполлинариан. Опуская подробности, скажем, что савеллианством у католиков принято называть точку зрения Савеллия (III век), согласно которому Бог не одновременно Отец, Сын и Дух, но последовательно: в таком порядке лиц он являет себя народам. Аполлинарианство же есть мнение Аполлинария Лаодикийского (ум. 390), по которому в Иисусе Христе человеческая часть не имела разумной души (но разве только растительную и животную). Аполлинарий до этого уже осуждался церковным советом в Риме в 377 году. На востоке из уважения к нему осудили не его самого, а лишь его последователей, в чем заключается известная странность.

Далее, константинопольский совет принял семь законов, из которых один имел большие и роковые последствия. Звучал он так: епископ Константинополя по достоинству идет сразу после римского, а всего главных церковных кафедр пять: в Риме, в Константинополе, Александрии, Антиохии и в Элии Капитолине (Иерусалим). Поначалу постановление вызвало большое недовольство александрийского папы, который до этого был первым на востоке. Сейчас же выходило, что его сдвинули на третье место. Однако очень скоро и римские папы увидели, что для них тоже отсюда не вытекает ничего хорошего. Дело в том, что константинопольские архиепископы в скором времени стали понимать этот закон в том смысле, что они как столичные не вторые, а первые: они во всем равны римским первосвященникам. Это ознаменовало начало борьбы за власть внутри государственной церкви, борьбы, которая в конце V века завершилась разделением церкви.

Еще есть сведения, что константинопольский совет, несмотря на преклонение перед никейской верой, утвердил несколько видоизмененный символ ее. Он получил название константинопольского. Неясность здесь заключается в том, что в сохранившихся постановлениях этого совета никакого нового символа веры нет. Он обнаруживается впервые в постановлениях совета в Халкидоне (451 год). Но поскольку он в силу обычая считается константинопольским, мы все же приведем его здесь:

Верю в одного Бога – Отца, правителя всего, творца неба и земли, всего видимого и невидимого. И в одного Господина – Иисуса Христа, единственного Сына Бога, который родился от Отца прежде всего сущего, который свет от света, бог истинный от бога истинного; который был рожден, а не сотворен, который одной сущности с Отцом; через которого все произошло; который ради нас, людей, и ради нашего спасения сошел с небес, воплотился от Духа Святого и девы Марии и сделался человеком, был распят за нас при Понтии Пилате, страдал и был погребен; и на третий день воскрес согласно Писаниям; и взошел на небеса, воссел справа от Отца и снова идет в славе судить живых и мертвых; и царству его не будет конца. Верю также в Духа Святого, господствующего, житнетворного, от Отца исходящего, которого славим и почитаем вместе с Отцом и Сыном; и который говорил через пророков. Верю в одну святую католическую и апостольскую церковь. Признаю одно крещение для прощения грехов. Ожидая воскресения мертвых и жизни в новом мире. Истина.

Забегая вперед, скажем, что западная церковь в Средние века сделала вставку в выражение «...от Отца исходящего», которое относится к Святому духу. Теперь в ее символе это место звучит как «...от Отца и Сына исходящего».

В 390 году епископ Александрии Феофил вместе со своей паствой совершил в буквальном смысле налет на самый большой и самый роскошный храм Римской империи – храм Сераписа (Серапейон, Сераней). Ярость христианской черни была направлена в основном против огромной деревянной статуи Сераписа. Статую изрубили и сожгли, а попутно разорили располагавшееся в храме книжное собрание. Книги

частично уничтожили, частично разграбили, даже ящики из-под книг унесли. А надо заметить, что хранилище Серапейона было второй частью знаменитой александрийской библиотеки. Первая часть была полностью или почти полностью уничтожена еще в 273 году в ходе разрушения императором Аврелианом местных царских дворцов (к которым относился и храм Муз). В свете этих событий становится понятным, почему такое огромное количество древних сочинений до нас не дошло. То, что осталось от александрийской библиотеки после налета Феофила, просуществовало еще до 641 года, когда арабы окончательно все там уничтожили...

Следующий по времени крупный спор в христианском сообществе начался в западных областях Римской империи. Касается он греховности человека и путей спасения. Противоборствующие стороны представляют британец Пелагий и ливиец Августин Аврелий.

Зачинщиком здесь, вероятно, выступает **Пелагий** (ок. 360–420 гг. н. э.). Его настоящее имя Морган, а Пелагий – перевод имени на эллинский язык. То и другое означает «морской». Пелагий родился в Британии, но долго жил в Риме. Прославился как проповедник и человек высоконравственный. Взгляды его широко распространились благодаря проповедям, а нам сейчас известны из небольшого письма, которое он по просьбе очень знатной женщины написал для ее дочери. Это так называемое «Послание к Деметриаде». Изложено в письме следующее.

Природа человека изначально сотворена доброй. Доказательство этого: даже люди, не ведающие закона, установленного истинным Богом, тем не менее иногда совершают законное. Главное отличие человека как разумной твари – воля. Человек может выбирать между добром и злом, и сам этот выбор есть безусловное благо. Бог указывает человеку, какой выбор он должен совершить, но не принуждает его к этому. И от природы в нас заложены совесть и святость, направляющие нас к добру. Что же в таком случае мешает человеку поступать соответственно? Ответ Пелагия: привычка к злу. Поэтому скверную привычку надо вытеснить хорошей. Сначала требуется покаяние в грехах. Затем человек должен исполнять закон – делать то, что велено, и воздерживаться от запрещенного. Можно также отказаться от того, что разрешено, но от чего советуют отречься – супружество, красивая одежда, употребление в пищу мяса и вина и т. п. Бог знает, что человеку по силам, и не принуждает его к невозможному.

Кроме того, он особое внимание обращает на помыслы человека. Поэтому главное – чтобы мы в душе своей выбирали добро (даже если в делах что-то не получается). И если человек все это исполняет, его ждет царство небесное, вхождение в сонм ангелов и вечная жизнь с Христом...

Пелагий, таким образом, высказывался против уже набравшей силу точки зрения об испорченности грехом человеческой природы. Подобное убеждение, будь оно принято христианином, обрекало его на бездействие – все надежды на спасение он теперь должен был возлагать исключительно на бога, а не на свои заслуги.

Еще можно заметить, что Пелагий в некоторых своих рассуждениях о спасении вообще не упоминал церковь. Если понять то, что он сказал, буквально, церковь для него не имеет почти никакого значения. Можно быть одиноким праведником, так сказать, отдельно взятым христианином и достичь спасения. Даже бог Пелагию в каком-то смысле не нужен, ведь бог, как у него сказано, не требует от человека невозможного, а значит, усвоив закон, мы можем достаточно легко его соблюсти. После чего прямо-таки с какой-то механической необходимостью попадем в царство небесное. На эту вторую особенность древние епископы, может быть, и не обратили внимания. Но их наверняка испугало первое – между строк у Пелагия прочитывалось, что от них, церковных чиновников, никакой пользы нет. Такого они стерпеть, разумеется, не могли, поэтому дружно и с превеликим удовольствием, смешанным со страхом за свои места, предали Пелагия проклятию, вписав его имя в перечень самых злостных и отъявленных еретиков всех времен и народов.

Итак, в начале V века у Пелагия появилось немало сторонников и противников. Самым заметным среди последних был Августин.

Августин Аврелий (354–430) родился в городе Тагаст (северная Африка) и большую часть жизни провел там же. Изучал риторику и сам в течение двенадцати лет преподавал ее. По взглядам был сначала манихеем, потом академиком наподобие Аркесилая и Карнеада, наконец католиком (с 386 года). В 396 году избран на должность епископа Гиппона (тоже в северной Африке), и в этом чине он завершает свои дни.

В качестве противовеса пелагианской точке зрения Августин предложил следующее. Бог – существо совершенно свободное и ничем не обусловленное. Он создает первого чело-

века, Адама, по своему образу и подобию – свободным. Адам свободен грешить и не грешить. Но он впадает в грех и вместе с этим теряет свое высокое положение: теперь он способен выбирать уже не между добром и злом, но только между одним злом и другим. Поскольку Адам – прародитель всего рода человеческого, в нем согрешило и потеряло свободу все человечество. Грех стал наследственным, и никто своими силами не может ступить на праведный путь. Испорченный человек не в состоянии даже пожелать избавиться от греха. Бог со своей стороны избирает людей к искуплению, но, во-первых, не всех, а во-вторых, даже те, кого он избрал, ничем не заслужили такого дара – ведь все одинаково грешны. В этом и заключается одна из тайн высшего промысла: непонятно, почему божественная благодать нисходит на одних и проходит мимо других. Избранным Бог через Иисуса Христа дарует свое откровение и приобщает к церкви. Таким образом, без ничем не обусловленной божественной благодати, без принятия Христа и вне церкви спасение невозможно. И, может быть, самое главное: праведником человек становится исключительно по милости Бога, а не собственными усилиями; грешником же он является по вине всеобщего прародителя Адама...

На церковном совете в Карфагене (412 год) был осужден некий Целестий, знатный римлянин, единомышленник Пелагия. Вскоре после этого уже самого Пелагия обвинили Иероним и Орозий, но палестинские епископы, исследовавшие дело, в 415 году оправдали британского монаха. Однако запад был непреклонен: два очередных карфагенских совета (416 и 418) признали его вероотступником, а римский папа Иннокентий I подтвердил их решение. Пелагий вскоре умер, а его сторонников начали преследовать – лишать церковных должностей и изгонять в восточные области империи. Но дело это было непростое: обнаружилось, что пелагиан очень много в Галлии (современная Франция).

Любопытна также судьба августинианской точки зрения. Оказывается, и она не нашла одобрения. Дело в том, что лишение человека, пусть даже грешного, свободы выбирать между добром и злом есть ничуть не меньшее вероотступничество, чем пелагианство. Епископы не осудили своего собрата, такого же, как они, епископа Августина, поскольку он всячески подчеркивал значение церкви для спасения, а значит, утверждал их власть. Они закрыли глаза на все эти выдумки, оправдав их тем, что они родились в его уме исклю-

чительно как средство борьбы с этим «чудовищным», «омерзительным», «богохульным» Пелагием...

Следующий крупный раскол – он касается природы Иисуса Христа – произошел на востоке ближе к середине V века. Главными его виновниками являются сириец **Несторий** (ок. 381–451) и александриец **Кирилл** (ок. 378–444). Оба занимали одно время высочайшие должности в церкви: Несторий в 428–431 годах был епископом Константинополя; Кирилл в 412–444 годах – епископом Александрии. Кирилл, племянник Феофила, был таким же ретивым, как его дядя: преследовал инакомыслящих христиан, устраивал погромы и грабежи у евреев.

Как, согласно Кириллу, Сын Бога стал человеком? – Он соединился с человеческой природой, но не смешался; он сделал плоть своей. Это было соединение по сути, по природе, по ипостаси. Бога, соединившегося с плотью, родила плотским образом святая дева, поэтому мы называем ее богородицей. После рождения от девы Сын Бога пребывает таким, каким был. Только теперь он и бог, и человек. Или: он есть теперь одна воплотившаяся природа Логоса Бога. И в нем существует полная человеческая природа, т. е. тело и душа... Соединение с человеком не унижает Бога. Человек в Иисусе Христе не ограничивает Бога, подобно тому как тело в любом человеке не ограничивает души. Главное: если бы Бог имел не человеческое воплощение или не полное человеческое воплощение, искупления бы не было. Постыден порок человека, а не его природа, а этот порок Бог исправляет.

Как видим, точка зрения Кирилла в некоторых отношениях весьма запутанная и туманная. Теперь Несторий. Он отвечает на тот же вопрос.

Сын Бога вселился в человека как в храм, как в одежду и использовал человека в качестве орудия. Соединение природы – божественной и человеческой – было внешним: природы только соприкоснулись. Дева Мария не родила Бога, потому что от человека бог родиться не может. На самом деле Сын Бога как бы прошел через Марию. Поэтому в строгом смысле ее нельзя называть богородицей, но только христородицей, человекородицей и богоносицей. И, живя в человеке как в храме, Сын Бога не страдал на кресте, а оставался бесстрастным.

Надо заметить, что Несторий был совсем не одинок в своих взглядах. К такому пониманию богочеловечества Христа тяготело большинство антиохийцев, например, Феодор

Мопсуэстийский и Диодор Тарсский, которые были учителями Нестория. Последний, вполне понимая крайнюю необычность предложенных им определений Марии, вовсе не настаивал на том, чтобы христиане вдруг разом бросились так ее именовать: по установившемуся давнему обычаю пусть продолжают называть ее богородицей, сколько хотят, – он, Несторий, не будет им в этом препятствовать. Речь, таким образом, шла о том, *что* имеет место в действительности, а привычное словоупотребление никто менять не собирался.

Но в чем же все-таки состояла «ошибка» Нестория, ведь именно он, а не Кирилл, был признан вероотступником? Этот вопрос не имеет простого ответа. Многие исследователи, которые смотрели на все это не через католические очки, так и не смогли прояснить дело. Ведь если, например, принять во внимание, что Сын Бога – сущность духовная, то разница между «обитал в человеке» (Несторий) и «воспринял человека, не смешиваясь с ним» (Кирилл) исчезает, поскольку то и другое – всего лишь иносказания. Таким образом, приходится признать: константинопольский епископ пострадал лишь за то, что оскорбил слух христиан странными на первый взгляд рассуждениями о матери Иисуса.

По этому поводу император Феодосий II распорядился созвать церковный совет, который и состоялся в Эфесе в 431 году. Заседания совета открылись при 157-ми епископах; затем гости продолжали прибывать, и в конце концов число участников перевалило далеко за двести.

Что было сделано? – Во-первых, подтверждено осуждение Пелагия; во-вторых, осужден и низложен Несторий. Но совет не дал никакого положительного определения: не было указано, что именно отвергается и какова правильная вера. Просто Кирилл, воспользовавшись тем, что на его стороне большинство, без всяких разъяснений провел угодное ему решение. Вообще, накал страстей на совете достиг такой силы, что Феодосий вынужден был низложить сразу трех епископов – Нестория, Кирилла и епископа Эфеса (последних двух, правда, временно). Монахи и народ поддержали Кирилла – особенно в Константинополе; Феодосий не решился противостоять толпе и сдал Нестория, а Кирилл поставил на его место в восточной столице своего человека – некоего Максимiana.

Положительное определение, которое должен был дать совет, появилось только в 433 году. Находилось оно в согласии с учением Кирилла, хотя и было несколько проще на вид. Благодаря этому состоялось примирение александрийской и

антиохийской кафедры, которая прежде поддерживала Нестория, т. е. антиохийцы пошли на уступки.

Итак, Несторий был осужден, смещен с должности и сослан в отдаленную и малонаселенную область — сначала в Аравии, потом в Египте. Все его произведения подлежали уничтожению. Начались гонения на несториански настроенных христиан, которых было особенно много в Сирии. Спасаясь от преследований, многие из них даже покинули Римскую империю, значительное их число поселилось в Аравии и Персии.

Последний крупнейший раскол олицетворяет собой некий **Евтихий**, константинопольский архимандрит. Свои взгляды этот человек обнаружил в 448 году, когда ему было уже семьдесят лет. Евтихий исповедовал, что Спаситель был из двух природ до их соединения, а после соединения осталась одна. На вопрос, какая именно осталась природа, Евтихий отвечал уклончиво, но все же предполагал, что божественная.

На небольшом константинопольском совете 448 года его осудили, отлучили и лишили чина. Но это было только начало. Некто **Диоскор** (ум. 454), епископ Александрии в 444–451 годах, разделял то же мнение, что и Евтихий. Пользуясь поддержкой императора Феодосия II, он созвал в 449 году церковный совет в Эфесе, на котором отомстил константинопольцам. На совете, где всего присутствовало 138 человек, преобладали единомышленники Диоскора, поэтому неудивительно, что они одержали верх. Так было всегда... Исход голосования: Евтихий оправдан, его противники осуждены; принято определение, согласно которому Спаситель есть одна сделавшаяся человеческой природа Логоса Бога, как и учил еще Кирилл. Вообще, Диоскор, опираясь на Феодосия, отлучил от церкви даже римского епископа. Тот, впрочем, от этого не пострадал.

Феодосий II умер в 450 году, воцарились Пульхерия и Маркиан, Диоскор лишился поддержки.

В 451 году был созван большой совет в Халкидоне. Прибыло свыше шестисот епископов. Совет осудил Диоскора и его единомышленников за нарушение правил церковной жизни, и всех этих людей низложили. В то же время их не обвинили в вероотступничестве, потому что к тому времени выяснилось: на их стороне огромное количество христиан. Было принято определение: Иисус Христос — две природы и одна ипостась (или одно лицо). И, наконец, совет подтвердил преимущества епископа Константинополя. Посланники Рима

заявили, что они не уполномочены обсуждать такие вопросы и покинули заседания; они думали, что у восточных епископов не хватит смелости принять такое решение без них. Но у тех смелости хватило.

Ничего хорошего этот совет не принес. Он породил очень большой раскол в восточном христианстве: в Египте и Сирии большинство исповедовало одну природу в Христе, в Азии и Элладе – две (латинский запад в целом присоединялся к двуприродникам). С точки зрения здравомыслящего человека спор в известной степени был надуманным: дело в том, что многие евтихиане считали природу Христа единой и сложной одновременно, состоящей из человеческой части и божественной. Таким образом, здесь иногда имели место чисто словесные разногласия.

Между противоборствующими направлениями начались столкновения, причем с немалым количеством жертв. Правители Восточной Римской империи, как правило (но, конечно, не всегда), принимали решение халкидонского совета. Отсюда ясно, что жизнь египетских и сирийских христиан была не очень радостной. Преследования этих христиан прекратились только в середине VII века, когда Сирию и Египет захватили арабы. Им было все равно, сколько природ во Христе, да и христиане для них были на одно лицо. Но, разумеется, после арабского завоевания христианство в этих странах стало медленно, но верно сходить на нет (хотя отдельные христианские церкви существуют там и по сей день)...

В 484 году восточный император Зенон и константинопольский епископ Акакий издают некий указ о единстве – изложение веры на основе решений церковных советов в Никее, Константинополе и Эфесе (431), а также с опорой на сочинения Кирилла Александрийского. Хотя указ был направлен на восстановление единства, им были недовольны, кажется, все. В том же году римский епископ Феликс II созывает свой совет и отлучает Акакия от церкви. Тот, со своей стороны, вычеркивает имя Феликса из церковных списков. И в течение 35 лет (до 519 года) римская и константинопольская кафедры друг с другом не общались. Этому очень способствовало то обстоятельство, что к тому времени они находились уже в разных государствах, а значит, каждая чувствовала себя самостоятельной и независимой. Длительного и прочного мира между Римом и Константинополем больше никогда уже не было – имели место только временные перемирия. Поэтому, вопреки широко распространенному мнению, более или

менее единая государственная церковь Римской империи разделилась на западную и восточную не в 1054-м (в этом году они просто в очередной раз сильно поссорились), а почти на шестьсот лет раньше – в 484 году.

КАТОЛИЧЕСКИЕ ОТЦЫ

Василий Кесарийский (ок. 330–380) – известный христианский писатель, представитель восточной ветви католической церкви. Родился в Кесарии, учился в Афинах, преподавал риторику, крестился только в 360 году. С 362 года – пресвитер, с 370-го – епископ Кесарии. Как и многие на Востоке, находился под сильным влиянием Оригена, однако в то же время настаивал на почти буквальном понимании первых глав книги «Происхождение» (в устаревшем русском переводе – «Бытие»), входящей в состав Закона Моисея. В споре о сущностях и ипостасях защищал положение: Бог – одна сущность и три ипостаси. Признаки сущности есть у каждого лица троицы (не создана, непостижима, всезнающая, всемогуща); ипостасные признаки в троице у каждого свои: Отец рождает, Сын рождается, Дух освящает. Три ипостаси, согласно Василию, не разрывают Бога на три части, ибо Отец, Сын и Дух не разделены ни пространством, ни временем, ни волей. Но еще более важно то, что к простому и бестелесному понятие числа вообще неприменимо. Поэтому в строгом смысле нет ни трех богов, ни одного. Бог один не по числу, а по сущности [=исключительный, единственный в своем роде]. Однако сравнение сущности с родом, а ипостасей – с видами все-таки привело к тому, что Василия стали обвинять в троебожии. Он также вызывал у некоторых сильное недовольство своим стремлением примириться с теми христианами, которые отказывались называть Святого Духа богом. В сложном вопросе о соотношении благодати Бога и зла мира предложил такое решение: единственная причина зла – изменчивая воля ангелов и людей; разрушительные явления, а также случайная гибель, казалось бы, невинных людей – это либо наказание нам за уже свершенные грехи, либо предотвращение грехов будущих и еще больших.

Григорий из Назианза (ок. 330–390) – еще один крупный представитель восточного католичества. Родился в семье епископа Назианза, учился в Александрии и Афинах, в 360 году крестился. В 362 году избран пресвитером родного горо-

да, в 372 году Василий Кесарийский назначил его епископом Сасима (от этой должности Григорий вскоре отказался). В 380 году уже сам император Феодосий назначает его епископом Константинополя, и в следующем году Григорий председательствует на местном церковном совете. В вопросе о сущностях и ипостасях применительно к божеству полностью поддерживал Василия, требовал от всех христиан признания божественности Духа: все сущее – либо Бог, либо творение Бога, но ясно, что Дух – не творение, значит, он – бог. Склонялся почти что к учению Монтана, полагая, что Дух ныне сошел на землю и живет в людях. Опровергал Аполлинария Лаодикийского: невозможно, чтобы в Иисусе Христе была лишь неразумная душа, ведь только ум отличает нас от зверей, и только через ум Сын Бога мог соединиться с человеком; и если ум – источник воли и греха – не воспринят Сыном, то наше искупление и спасение не может быть полным. Наконец, Григорий сомневался в бесконечности мучений для грешников и полагал, что те будут очищены в аду особым огнем, после чего их тоже примет Бог.

Григорий Кесарийский (ок. 335–395) – младший брат вышеупомянутого Василия. Был одно время епископом Нисы (с 371 года), низложен арианами (378), восстановлен никейцами (379), в малой Армении против воли назначен митрополитом Севастийским. Григорий выделяет три пути богопознания: от мира к первопричине его; наблюдение собственной души; отрешение от чувств и разума и выход за пределы себя. Бог в своем существе, тем не менее, непознаваем: всякое понятие о нем – лишь подобие его. Но мы все же знаем Бога как троицу, как бытие, благо и истину. После Бога идут ангелы – сущности духовные и внепространственные (их в 99 раз больше, чем людей). Бог сначала сотворил беспорядочное вещество, затем за шесть дней мир вполне упорядочился и развился сам под действием тяжести и плотности тел [очень похоже на Анаксагора!]. Качества вещества – мысли Бога, и без этих качеств вещество – ничто. Следовательно, вещество – духовно. Рай был на небе, первый человек имел в нем эфирное тело. Древо жизни – следование добру, древо познания – следование злу. Человек выбрал зло, согрешил, облекся в плоть и только тогда упал на землю. Поэтому избавление от плоти – благо. Ради нашего спасения Сын Бога воплотился, скрыв свою божественность в человеке, страдал и умер. Это была плата дьяволу за освобождение людей. После воскрешения человеческая природа в нем обоготворилась и ра-

створилась в божестве (можно заметить также, что, говоря об Иисусе Христе, Григорий позволял себе некатолические выражения – «смешение природ», «слияние природ»). В последний день люди воскреснут, плоть восстановится, ибо душа сохраняет связь со всеми частицами своего бывшего тела. На страшном суде все постигнут безумство греха и возжаждут очищения. Бог пошлет искупительные страдания в огне, и все восстановятся после долгого испытания – даже дьявол. Зло бесследно исчезнет... Удивительно, но, несмотря на эти свои совершенно некатолические взгляды, Григорий в одном из указов императора Феодосия был назван человеком образцово правоверным.

Амвросий (333–397) происходил из знатной и богатой семьи. Место его рождения точно неизвестно (Галлия или Германия). Родители его, возможно, были христианами, но это тоже недостоверно. В 50-е годы после кончины отца семейства мать Амвросия вместе с детьми переехала в Рим, где их дом потом якобы посещал даже папа Дамас. Амвросий изучал словесность, красноречие, право, работал судебным защитником. Префект Италии и епарх Рима Проб представил его однажды императору Валентиниану I. Тот назначил Амвросия (ок. 373) наместником Лигурии и Эмилии, столицей которых был город Медиолан. Вскоре Амвросий получает звание сенатора и светлейшего. В 374 году умирает епископ Медиолана арианин Авксентий. На собрании в главном городском храме толпа предлагает епископство Амвросию. Тот принимает крещение и за семь дней (!!!) проходит все низшие ступени церковного священноначалия (дьякон и пресвитер). Католики говорят об этом совершенно спокойно, но, если подумать, это просто безобразие, вопиющее нарушение католических обычаев. По сведениям, сделавшись епископом, Амвросий пожертвовал церкви все имущество и начал вести в высшей степени строгий и умеренный образ жизни. Используя свою высокую должность, Амвросий, ревностный христианин и никеец, повел себя несдержанно: стал притеснять почитателей древних богов и ариан. Вместе с тем он пытался оградить церковь от вмешательства светской власти. Однажды будто бы осмелился даже отлучить Феодосия от участия в богослужениях на восемь месяцев за то, что тот устроил кровавую резню в Фессалониках с целью отомстить местным жителям за убийство одного из своих военачальников. Феодосий, по слухам, кротко стерпел наказание. Это предание звучит не слишком правдоподобно. Очевидно, здесь имел

место, по меньшей мере, сговор между императором и епископом: первый, возможно, осознавая свой грех, сам попросил руководителей церкви создать видимость сурового порицания. Враждовал также с императором Гонорием (395–423) и его первым министром Стилихоном, требуя, чтобы они признали право церковного убежища: если человек просит защиты в храме, он неприкосновенен. Обратил в христианство князя и княгиню маркоманов, после чего те заключили с Римом мирный договор... Произведения Амвросия сравнительно немногочисленны, его взгляды лишены малейших признаков самостоятельности и самобытности. В этом смысле он был верный сын никейской церкви.

Иероним (ок. 340–420) по происхождению был эллином или иллиром, родился в городе Стридон (на границе Далмации и Паннонии). Еще будучи ребенком попал в Рим, где принял крещение. Иероним много путешествовал: побывал в Трире (Галлия), в Аквилее, в Антиохии, Константинополе (там он присутствовал на большом церковном совете 381 года и познакомился с Григорием из Назианза.). Затем он возвращается в Рим, где папа Дамасий поручает ему взяться за исправление латинского перевода Писания. После смерти Дамасия (384) Иероним вынужден покинуть столицу, видя, что многие ненавидят его за сочинение «О сохранении девственности», в котором он высмеял некоторых сенаторов – бездельников, развратников и прихлебателей. Последнее пристанище Иеронима – Вифлеем. Там он основывает мужской монастырь, создает библиотеку, преподает в монастырской школе и усердно занимается переводами (хорошее знание эллинского и еврейского позволяло это). Словесные нападки на Пелагия привели к тому, что пелагиане начали осаждать его монастырь; Иерониму иногда приходилось даже спасаться от них бегством... Иероним говорил о себе: «Я – человек трех языков. Я – философ, ритор, грамматик и диалектик, иудей, грек и латинянин». Ужасаясь своей увлеченности светскими науками, он как-то раз даже давал при свидетелях клятву или бросить это, или отречься от Христа. Руфин Аквилейский, сначала его друг, а потом враг, сказал: «Ты не сдержал слова!» Главное значение Иеронима состоит в том, что он заново частично перевел на латынь Ветхий Завет (кроме «Премудрости Соломона», «Книги Иисуса, сына Сираха», «Книги Варуха» и трех книг Маккавейских), заново перевел четыре католических евангелия и исправил перевод остальной части Нового Завета. Сам написал весьма много, но произведения

его по большей части скучны, не самостоятельны, иногда просто бездарны. Это особенно относится к его толкованиям Писания, в которых он нередко лишь пересказывает своими словами все сочинение, не привнося при этом совершенно ничего нового.

Августин Аврелий (354–430) – христианский мыслитель и писатель, родом из Тагаста (Северная Африка). В течение жизни несколько раз существенно менял свои взгляды: сначала был христианином-манихеем, потом академиком, наконец, христианином-католиком. Приняв католичество, прошел все ступени церковной иерархии и был избран епископом Гиппона (тоже в Африке), на каковой должности оставался свыше тридцати лет вплоть до самой смерти. Письменное наследие Августина огромно и охватывает, пожалуй, все основные вопросы христианства и многие вопросы философии. Плодовитость и добротность Августина как писателя возмещает отсутствие у этого человека больших творческих способностей и самобытного видения мира. Только в споре с Пелагием и его последователями Августин выдвинул по-настоящему новое учение. Согласно ему, человек вследствие грехопадения Адама и Евы утратил возможность выбирать между грехом и праведностью; теперь свобода у него есть только в пределах греха, и без помощи Бога он обрести спасение не может. Бог же дарует веру и добрые помыслы по своему произволу лишь некоторым избранным, оставляя большинство в царстве порока... Из-за своей безоговорочности и резкости учение не было поддержано католической церковью, хотя и не подверглось осуждению. В Средние века оно послужило источником большого спора о двойном предопределении (Готшалк, Эриугена, Рабан, Гинкмар, позднее Жан Кальвин и другие). Благодаря широте охвата мировоззренческих вопросов и доступности изложения произведения Августина пользовались большим успехом на латинском западе до XVII века включительно. Затем влияние Августина несколько падает...

Таков краткий обзор жизни и творчества Августина. Теперь то же самое в подробностях.

В молодости Августин увлекся учением Мани и вступил в манихейскую церковь. Затем он примкнул к Академии, в которой уживались положительное учение Платона и отрицательная диалектика Аркесилая и Карнеада. В возрасте тридцати с небольшим лет присоединился к государственной церкви. В ней он достиг высокого положения: был возведен со

временем в чин епископа Гиппона (в северной Африке). Как манихей он находился под влиянием таких, вероятно, довольно заметных мыслителей этой церкви как Адимант, Секундин, Фавст и Фортунат. Из эллинистов того времени ему был особенно близок Марий Викторин, который, впрочем, в последние годы жизни тоже перешел в христианство. В государственную же церковь Августина привели Амвросий и Симплициан. Основные произведения Августина: «Против академиков», «Об истинной религии», «О блаженной жизни», «О количестве души», «О бессмертии души», «О порядке», «Об учителе», «Монологи», «О согласии евангелистов», «О книге “Бытие”», «О государстве Бога», «Руководство для Лаврентия».

Связано ли как-нибудь духовное взросление Августина с событиями в Римском государстве того времени? Изучающие христианство знают, что во II–III веках н. э. оно находилось на положении религии либо пользующейся терпимостью, либо (в некоторые годы) преследуемой. Признание христианства произошло при императоре Константине, который объявил равенство всех обрядов и богов перед государством. Но это было лишь на словах; на деле Константин сочувствовал одной из многочисленных тогда христианских церквей. Едва ли подлежит сомнению, что это была самая большая по количеству приверженцев церковь. Константин поддержал ее, вследствие чего она получила огромные преимущества перед всеми остальными христианскими и нехристианскими объединениями и понемногу начала их вытеснять или поглощать.

Преемники Константина действовали в том же духе (исключение составляет лишь император Юлиан, но он правил всего каких-то два с половиной года). Однако никто как будто не осмеливался узаконить такое положение. На это решился император Феодосий (годы правления 379–395).

Феодосий издал целый ряд законов, резко ограничивающих возможности и права людей, не принадлежащих к той церкви, которая уже при Константине стала государственной. Вот эти законы:

- 380 г.: все должны исповедовать апостольскую веру, которой ныне держатся Дамасий, епископ римский, и Петр, епископ александрийский;
- 381 г.: поклоняющиеся ложным богам лишаются права свидетельства и наследования;
- 382 г.: манихеи подлежат смертной казни;

- 382 г.: должно быть создано особое ведомство по расследованию дел о вероотступничестве («расследование» по латыни звучит как *inquisitio*, так что, по сути, это указ о создании инквизиции; однако данное начинание Феодосия при его жизни так и осталось на бумаге – в этом направлении ничего сделано не было);
- 383 г.: нехристиане, евреи, манихеи, валентиниане – еретики; их храмы передаются государственной церкви; продвижение по службе для них закрыто; им запрещено устраивать собрания, запрещено обучать, вести споры, возводить в церковный сан.
- 391–392 гг.: все нехристианские обряды вне закона, запрещено молиться народным богам и приносить им жертвы.

Последствия нетерпимости к инакомыслию, которую насаждал Феодосий и некоторые верховные епископы государственной церкви, не замедлили сказаться. Уже в 385 году казнили некоего Присциллиана и его ближайших сторонников (всего семь человек), – насколько известно, это была первая казнь одних христиан другими. Обвинение, выдвинутое против них, звучало так: вероотступничество, колдовство и чрезмерная воздержанность (отказ от мясной пищи).

Остановимся еще раз на двух законах Феодосия: смертная казнь за принадлежность к манихейству (март 382 года) и лишение нехристиан права свидетельства и наследования (381 год, подтверждено в 383 году). Эти указы представляют в ином свете некоторые события из частной жизни Августина. Спрашивается: а были ли у него на самом деле те духовные метания и искания, которые он так красочно описал в «Исповеди»? Принято считать, что были, коль скоро он о них повествует. Думают обычно, что Августин много размышлял, прежде чем понял, что манихейство – вещь не очень хорошая; что, обратившись к академической философии, вскоре оставил и ее, ибо не находил в ней Христа.

Августин утверждает, что порвал с манихеями, когда ему было 29 лет. Августин родился в 354 году. Проведем несложный подсчет: $354 + 29 = 383$. А в марте 382 года, как уже говорилось, Феодосий издал закон о смертной казни для манихеев. Совпадение этих дат трудно признать случайным. Выходит, Августин расстался с манихейством не потому, что после тщательного исследования разочаровался в нем, а пото-

му, что оно, по меньшей мере, угрожало его благополучию, а, возможно, и жизни. То, что он не сразу порвал с манихеями, легко объяснить. Августин не занимал никакого видного места в этой церкви: в манихейской иерархии он стоял на самом низу, а, как нетрудно понять, когда начинаются гонения на какое-либо общество, в первую очередь страдают его руководители, поскольку это люди наиболее заметные, их все знают.

Законы Феодосия указывали человеку, который желал жить спокойно, только один путь – в государственную церковь. Не удивительно, что Августин оказался там: в 386 году он принял католическое учение, в 387-м крестился, а через десять лет стал епископом Гиппона (недалеко от Карфагена). Но похоже, что с его стороны все это было вынужденным действием: и уход из манихейской церкви, и вступление в католическую.

Легко также объяснить, почему в «Исповедь», которая писалась около 400 года, ничего из этого не попало. Потому что Августин уже четыре года как был епископом государственной церкви, и подобные признания могли, мягко говоря, ему повредить. Он не мог написать: я, Августин, стал католиком только потому (или, прежде всего, потому), что этого требовали законы Феодосия. Можно представить, как бы это выглядело!

Наконец, становится более понятной и его вражда с так называемыми донатистами, т. е. последователями Доната из Казы (ок. 270–355). Донатисты в числе прочего очень строго относились к людям, которые отреклись от христианства под угрозой наказаний, например, смерти. Речь идет еще о тех преследованиях, которые устроил Диоклетиан в 303–304 годах. По мнению многих донатистов, падших вообще не следовало принимать обратно в церковь. И уж во всяком случае, перед возвращением в ее лоно такие люди должны были пройти все возможные ступени очищения и покаяния. Но Августин, который, по-видимому, сам достаточно легко менял убеждения под влиянием внешних обстоятельств, допускал это и для других людей, хотя открыто тоже этого не признавал...

Философию эллинов и эллинистов Августин представлял себе так (все красочные выражения, которые читатель обнаружит в дальнейшем пересказе, взяты из произведения «Против академиков»). Платон был мудрейшим и ученейшим из философов. Что бы он ни говорил, все было великим. У Сократа он перенял нравственное учение и тонкость рассу-

дений. После смерти наставника он сблизился с последователями Пифагора, во времена которого философия еще почти не существовала или содержалась в большой тайне. Пифагор же – и в этом, видимо, его самое большое достижение – под влиянием Ферекида пришел к выводу о бессмертии души. От пифагорейцев Платон получил знание вещей естественных и божественных. А от себя он добавил ко всему этому диалектику. Диалектика – судья в философии, сама мудрость. По крайней мере, без нее мудрость невозможна. Платон утверждал, что есть два мира – умопостигаемый (истинный) и чувственный (истиноподобный, созданный по образу первого). В разумной душе – истина из первого мира, знание; в душе глупой – мнения. Добродетели истинные открыты немногим мудрым, добродетели гражданские существуют для этого мира и хорошо известны.

Затем при Полевоне в Академию, созданную Платоном, пришел Зенон, который говорил, что душа смертна, все телесно, а божество имеет огненную сущность. И поскольку чернь была склонна ко всему телесному, взгляды Зенона ей пришлись по вкусу и широко распространились. Тогда, опасаясь за учение Платона, Аркесилай скрыл его и начал опровергать Зенона, дабы искоренить его вредное мнение. Таким образом, он только защищал истину. Но он слишком увлекся и начал отрицать вообще все, чем обесславил себя. Против стоика Хрисиппа, весьма сильного философа, выступил потом Карнеад, который избежал крайностей Аркесилая: он опровергал только Хрисиппа и прочих стоиков. Он также предложил учение о том, чем нам руководствоваться в жизни (ведь если ничему не доверяешь, то и делать ничего не можешь). Эти выведенные им основания он назвал истиноподобными. А это значит, что он знал ту самую истину.

Противостояние академиков и стоиков стало ослабевать ко времени Марка Туллия, и Филон из Лариссы уже начал приоткрывать двери тем врагам, которые раскаивались. Он решил вернуть Академию к учению Платона. А еще раньше то же самое пытался сделать Метродор, который постиг, что отрицание знания – лишь оружие против стоиков. Но стада эпикурейцев уже устроили козлиные стойла в душах сладострастных народов. Антиох из Аскалона – из сена сложенный платоник – вновь попытался внести в Академию скверну из праха стоиков. Он оскорбил святыню Платона. Сам он был ученик Филона и стоика Мнесарха. Против Антиоха выступил Филон, а затем Марк Туллий. Противостояние закончи-

лось, и вскоре чистейшее и светлейшее лицо Платона воссияло – особенно в Плотине, которого даже признали похожим на Платона. Эти люди как будто жили вместе. Или один жил в другом.

В наши дни, заявляет Августин, остались только платоники, перипатетики и киники. При этом от киников никакого толку. Собственно, у них вообще нет философии, просто это люди, которым нравится распущенность и которые пользуются существующей свободой. Проницательнейшие же философы нашего времени, продолжает Августин, поняли, что Аристотель и Платон согласны между собой, а противоречащими кажутся только несведущим. Так создано было истинное учение. Это философия умопостигаемого, а не чувственного, от которого отвращает и христианство.

В познании у человека две опоры: авторитет (вера) и сила разума. Самый сильный авторитет – Христос. Но если ищешь истину не верой, а разумом, то найдешь ее у платоников. Но это, конечно, лишь постольку, поскольку она (истина платоников) не противоречит христианской религии.

О познании. Есть три познавательные способности – ощущения, рассудок и вера. Первые два вместе составляют разум. Он вполне достаточен для того, чтобы определять даже сущность вселенской веры. Но где разум слаб, там надо верить свидетелям, оставившим божественные писания.

Предмет веры не обязательно недоступен телесным очам, но вера, о которой учит Писание, это действительно вера в незримое, она есть доказательство вещей невидимых. Истинное основание всеобщей веры – Христос. Для христианина достаточно верить в следующее: причина всего – доброта Творца; Творец – единственный и истинный Бог; всякая природа – либо Бог, либо от Бога; Бог есть Троица – Отец, Сын и Дух; Сын рождается, а Дух исходит от Отца.

Вера всегда добрая, но верить можно и дурное и хорошее; в прошлое, настоящее и будущее; в свое и чужое. Вера в хорошее будущее – это надежда. А надежды без любви не бывает. Демоны тоже верят, но не надеются и не любят, – они боятся. Верой, надеждой и любовью и следует почитать Бога. Почитание Бога – это благочестие, и в благочестии состоит человеческая мудрость. Всякое познание начинается с веры, т. е. с доверия к авторитету, и лишь после вступает в свои права разум. Что мы понимаем, тому и верим; но не все, чему верим, способны понять. Что понимаем, то и знаем; но не все то знаем, чему верим. Есть вещи, незнание которых

вредно, а познание – невозможно. О них говорит Священное Писание.

Мыслимое – неизменно, а телесное никогда не стоит на месте. Поэтому тело не может помогать душе в ее стремлении к истине. Если оно просто не мешает, это уже хорошо. Есть много истин – каждая для своего народа и в свое время. Но Истина – одна. Невозможно сомневаться в существовании истины, ибо даже сомнение имеет свои основания. Они-то и составляют истину сомневающегося.

О бoге. Бог один, но он есть Троица – Отец, Сын и Дух. Сын рождается от Отца, а Дух исходит от Отца. Все они, однако, суть одно и все равны друг другу. Бог есть добро – высочайшее и неизменное. Он также источник всякого добра. Все, что не Бог, – от него, т. е. сотворено им.

Бог создал мир из бесформенной материи, которая есть почти ничто. Мир уже был в ней изначально, но в неупорядоченном состоянии – без различия в качествах и видах. Бог разделил небо и землю – область духовную и область телесную. Бог непрерывно поддерживает творение. Отними он от вещей свою производящую силу, и они сразу исчезнут.

Бог всемогущ. Он может сделать все, что пожелает. Ничья воля не способна ограничить его могущества. Помимо воли Бога не происходит ничего – даже то, что свершается против его воли. Ибо он допускает не только то, чего сам желает, но и то, чего не желает. Например, он допускает зло, хотя и не желает его. Но делает он так не потому, что вынужден, а по собственной воле. И как всемогущий он способен творить из зла добро. Бог непоколебим в своей воле. Он справедлив, а кто справедлив, тот не может быть злым. Но он не только справедлив, он еще и милосерден.

Бог создал все (т. е. мир) через Разум/Слово (по-эллински «логос»), которое есть Сын Бога. Временное он создал через вечное. Бог сотворил и ангелов, но часть их отпала от него по своей воле. Ныне это демоны. Они не могут раскаяться и вернуться в сонм ангелов. Ангелы же, оставшиеся с Богом, образуют небесную церковь.

О добре и зле. Всякая природа – добро, а их Творец – высочайшее и неизменное добро. В природах же добро может уменьшаться и возрастать. Уменьшение добра и есть зло. Но пока некая природа существует, в ней есть хоть немного добра. Сколько бы природа не подвергалась порче, добро в ней все равно будет сохраняться. Порча не может уничтожить добро иначе, как уничтожив природу. Но когда зло уничто-

жает добро, оно уничтожает и само себя. Единственный источник зла — изменчивая воля некоторых существ. К ним относятся ангелы и люди. И никто не может быть несправедливым и злым, кроме ангела и человека.

О времени. Вся череда веков, если сравнить ее с беспредельной вечностью, не просто мала, — она есть полнейшее ничто. Время появилось вместе с миром. Поэтому нельзя спрашивать, что делал Бог до того, как сотворил небо и землю. Где нет времени, там нет ни «прежде», ни «после». Время появилось, когда все было уже облечено в форму, а значит, неправильно думать, будто неупорядоченное вещество предшествовало упорядоченному миру. Временем мы измеряем движение тела. А само время чем измерить? Другим временем, подобно тому, как более длинный предмет мы сравниваем с более коротким. Но время мы обязательно соотносим с движением. Получается, что без разнообразия в движении нет времени, а где нет никакого порядка и вида, там нет и разнообразия. Время представляется нам растяжением. Но это, скорее всего, растяжение души. Ведь прошлого никогда уже нет, а будущего еще нет. Что касается настоящего, то оно постоянно стремится к небытию, каждое мгновение переставая существовать. Поэтому существует только настоящее прошедшего (память), настоящее настоящего (непосредственное созерцание) и настоящее будущего (ожидание).

О человеке. Причина всякого добра в человеке — только в доброте Бога; причина всякого зла — в воле изменяемого добра. Эта воля может отступать от добра неизменного. Такова она у ангелов и у людей.

Первый человек был свободен грешить и не грешить, но согрешил, был изгнан из рая и заразил род свой грехом. Все его потомство рождалось от плотской похоти и получало первородный грех. Похоть же была наказанием за непослушание. Кроме того, дети, как известно, ответственны за ошибки предков... Итак, человек стал рабом греха. С победой греха он потерял свободу. Или: поскольку он раб греха, он свободен только грешить. Никто не в состоянии спастись заслугами дел своих. Обновление рода человеческого теперь не может свершиться вследствие свободного решения воли. Ее для спасения недостаточно, нужна внешняя помощь. Она приходит от Творца. Бог сам дает нам веру, сам внушает нам добрые желания, сам же помогает их осуществить.

Таким образом, никто не осуждается иначе, как заслуженным судом; никто не спасается иначе, как незаслуженной

милостью. Весь род человеческий осужден по справедливости, и, даже если бы ни один человек не спасся, мы не могли бы порицать правосудие Бога.

Но почему милость распространяется не на всех? Ведь большая часть людей не спасается. Обычно думают: Бог спасает тех, кто этого захотел и кто этого заслужил. Нельзя так мыслить. Какие могут быть заслуги, когда все – одинаково рабы греха? Следует представлять себе положение дел следующим образом: из двух одинаково грешных Бог одного спас по незаслуженной милости, а другого осудил по заслуженному суду. Спасенный не может хвалиться своими заслугами; осужденный же должен сетовать только на свою вину. Тогда получается, что искупленных от погибших отделяет только благодать. Воля освобождается от рабства при помощи благодати, основанной на вере в Христа. Отсюда мы понимаем: человек создан так, что в своем совершенном состоянии он может оставаться только при содействии Бога; а извратить себя может и собственным желанием.

Итак, человек грешит, Бог спасает. Первая ступень очищения – крещение. Оно снимает первородный грех с младенцев, а со взрослых – как первородный, так и приобретенные грехи. Но человек грешит и после крещения. Легкие проступки заглаживаются ежедневной молитвой, тяжелые – покаянием. Покаяние – это извинение перед Богом и церковью. Покаяние назначается предстоятелями церкви (т. е. руководителями местных общин) и только так, – вне церкви грехи не отпускаются. И любые грехи, какими бы они ни были, отпускаются через Святого Духа. Поэтому хула на Духа есть непростительный грех. Ни на земле, ни на небе искупить его невозможно.

Об Иисусе Христе. Основное предназначение Христа – быть примирителем Бога и рода людского. Человек вследствие первородного греха пребывал в гневе Бога. Гнев был прекращен путем принесения единичной жертвы.

Иисус Христос – Бог и человек. Как Бог он был еще до времени. Он – Бог от природы, а не по благодати. А как человек он появился в наши дни. Как Бог он рожден Богом-Отцом; как человек – рожден от Святого Духа и девы Марии. Но при этом он не сын Святого Духа, хотя и сын Марии. Он – Сын Бога-Отца. Как человек он был зачат без всякого удовлетворения плотской похоти, и поэтому на нем нет первородного греха. Но он имеет подобие плоти греха, и поэтому сам именуется грехом. Как Бог он есть Разум/Слово Бога («логос»). Этот Разум стал плотью. Но как он сделался ею?

Он воспринял в себя плоть, а не превратился в нее. Но когда говорится «плоть», нельзя подразумевать только тело. В единство лица с Разумом вступила плоть и разумная душа. Поэтому Иисус Христос одновременно Сын Бога и сын человека. Но он – одно существо. Как Сын Бога он – одно с Отцом и равен ему; как сын человека – ниже Отца. Не имея греха, Иисус Христос умер плотью, в которой было подобие греха. Он взял на себя грех мира, взял один, подобно тому, как через одного грех вошел в мир. И благодаря этому дьявол отпустил тех, кого удерживал по причине их греховности.

О человечестве и временах. Есть три состояния человечества в этом мире – до закона, под законом и под благодатью. До закона – это когда люди жили в грехе, но подобно зверям не ведали об этом. Под законом Моисея – когда люди познали грех, но продолжали пребывать в нем, ибо не могли иначе. Теперь они грешили с сознанием греха, и от этого он становился только тяжелее. Как сказано в одном из посланий Павла, закон не искоренил преступление, а только умножил его. Под благодатью – когда Бог, видя желание народов вернуться на путь праведности, начал им в этом содействовать. Данное состояние открывается явлением Сына Бога в мир, т. е. рождением Иисуса Христа. Существует и четвертое состояние, но оно наступит уже в мире ином, а именно после конца света.

Век мира сего делится также на шесть времен по числу человеческих возрастов: от Адама до Ноя (до потопа), от Ноя до Авраама, от Авраама до Давида, от Давида до вавилонского пленения иудеев, от вавилонского пленения до рождения Иисуса Христа, от рождения Иисуса Христа до конца света.

В промежутке времени от смерти до последнего воскресения души содержатся в неких сокровенных местах, причем одни пребывают в покое, а другие – в тяготах. Родственники умершего могут до некоторой степени способствовать облегчению участи души, пока она в среднем мире. Это достигается путем принесения жертвы Христа [т. е. они сами должны принять христианство?] и свершением милостыни в церкви.

Однако некоторые люди настолько хороши, что им эта помощь не требуется; другие настолько плохи, что им она тоже не нужна – не принесет пользы; наконец, третьи – они как бы посередине, – для них-то и предназначаются усилия родственников. Эту заслугу каждый приготовил себе, чтобы жертвы и милостыни могли принести ему пользу. [Но ведь хороший человек или плохой – это зависит от Бога, согласно

вышесказанному. Получается, что у Августина здесь известное противоречие: он то признает значение собственной воли человека, то полностью его отрицает.]

По окончании времен люди воскреснут. Каждый вновь обретет тело, или плоть. Единственно, кто находится под сомнением, – это зародыши людей, которые не смогли родиться из-за выкидыша у матери. [Августин признается, что не знает, с какого времени зародыш в утробе можно считать человеком. Он полагает, что существует некая граница во времени, до которой зародыш еще не живой, а после которой – уже живой. Зародыши, перешедшие этот предел, воскреснут.]

В этом мире все люди очень разные: одни – толстые, другие – худые. У многих даже уродства. Бог сохранит отличительные черты каждого в его лице, но остальные качества будут у всех одинаковы. Таким образом, воскреснет исправленная природа: не будет никаких телесных недостатков, тем более пороков. Кроме того, у людей наступит полное согласие тела и души. Воля отныне не возжелает зла, от чего сделается только еще свободнее. Но это верно относительно праведников, святых. Воскресшие святые сравняются с ангелами, а значит, убыль в сонме ангелов восполнится. Что же касается того, какой облик примут те, коим уготовано вечное осуждение, то этот вопрос не должен нас волновать.

Затем произойдет страшный суд, окончательный суд, и вслед за ним – полное разделение двух царств – царства Иисуса Христа и царства дьявола. В первом будет блаженная вечная жизнь при отсутствии даже малейшего желания грешить; во втором – никакой способности грешить и вечная смерть без возможности умереть.

Часть 2

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

Глава 1

Восточная Римская империя (Византия)

ГОСУДАРСТВО

Мысль разделить Римскую империю на две части пришла на ум Диоклетиану, который правил в 284–305 годах. Предполагалось, что во главе государства будут стоять четыре человека – два августа (один на востоке, другой на западе) и два цезаря, младшие соправители и будущие преемники августов. Диоклетиан осуществил преобразование, но укоренился введенный им обычай не сразу: только с 395 года раздельное управление империей стало постоянным. Западные области в IV–V веках подвергались почти непрерывным варварским нашествиям, Рим трижды захватывали (410, 455 и 476 годы). После 476 года Западная Римская империя, ставшая к тому времени уже почти полностью самостоятельным государством, распалась. Восточная империя пострадала от вторжений гораздо меньше и сохранила свою целостность. В VI веке при Юстиниане она достигла своего наибольшего могущества. В ее состав тогда входили Эллада, Фракия, Азия, Сирия, Египет и даже часть Италии (Сицилия, Сардиния, Корсика). Однако впоследствии столетие за столетием империя медленно, но верно теряла силу и соответственно уменьшалась в размерах. В VII веке арабы отторгли Сирию и Египет, а болгары – Фракию. В самом начале XIII века империя была полностью захвачена крестоносцами, и в течение шестидесяти лет ее и вовсе не существовало как единого государственного образования – на ее месте были четыре царства меньшего размера. Потом они все-таки объединились, но дело уже шло к концу. В XIV–XV веках империя стремительно теряет свои земли

под напором турок; от некогда огромного государства остается одно название – Константинополь и небольшая область на юге полуострова Пелопоннес. В 1453 году турки захватывают и эти части – государство окончательно исчезает... С тех пор и до наших дней в Европе его называют Византией – от имени древнего эллинского города Византий, на месте которого император Константин примерно в 330 году начал строить новую восточную столицу. Примечательно также, что, несмотря на очевидную духовную зависимость от Эллады, несмотря на единство языка (большинство здесь говорило по-эллински), жители Восточной Римской империи называли себя вовсе не элинами, а ромеями, что значит «римляне».

ПОСЛЕДНИЕ ВСЕЛЕНСКИЕ СОВЕТЫ НА ВОСТОКЕ

В 532 году на очередном церковном собрании в Константинополе впервые были представлены четыре произведения, подписанные именем якобы первого епископа Афин – некоего Дионисия Ареопагита (т. е. Судьи): «О мистической теологии», «О божественных именах», «О небесной иерархии», «О церковной иерархии». До сих пор остается загадкой кто и когда их написал, но, во всяком случае, крайне маловероятно, что эти книги хранились где-то почти пять столетий (ибо Дионисия относят к I веку н. э.), и никто о них не знал, а потом они неожиданно всплыли. В первых двух сочинениях развивается так называемая апофатическая (отрицательная) теология, согласно которой бог непостижим и невыразим ни в каких понятиях; можно уверенно сказать, чем он не является, но нельзя сказать, чем он является. О том, кто превышает все существующее и несуществующее, невозможно понастоящему утверждать даже то, что он есть. Хотя ошибочным было бы и заявление о том, что его нет. Коротко говоря, что бы ты ни изрек о боге, все неверно, так что истинное знание о нем есть полное неведение.

В сущности, эти мысли не новы. Нечто в таком роде высказывали на заре христианства еще Филон и Василид, но к VI веку христиане все это основательно подзабыли. Они попытались как бы разложить своего бога по перипатетическим категориям, и это им вполне удалось. Но от этого бог утратил свою таинственность и привлекательность...

Влияния книг Лже-Дионисия на протяжении Средних веков было весьма заметным не только на греческом востоке,

но и на на латинском западе, хотя споры о том, кто же в действительности их написал, имели место.

В 553 году состоялся новый довольно большой церковный совет в Константинополе. Под конец на нем присутствовало 164 епископа. Председательствовал сам император Юстиниан, человек жестокий, нетерпимый, но высокообразованный, знающий творения отцов своей церкви и вникающий во все тонкости христианского вероучения. У Юстиниана было большое желание воссоединить восточных христиан, т. е. преодолеть несторианский и евтихианский раскол, но средства для достижения этой цели он выбирал не всегда соответствующие. В данном случае он решил «расправиться» со старыми веротступниками, которых уже давно не было в живых. Изучив их произведения, он сам написал ряд опровержений на них и созвал совет. На нем по требованию Юстиниана были осуждены Феодор Мопсуэстийский, Феодорит Кирский, Ив Эдесский и Ориген. Феодор был широко известен как один из учителей Нестория; считалось, что последний своих вредных мыслей хватался именно у него. Феодорит оказался в немилости за то, что осмелился возражать Кириллу Александрийскому. Ива вспоминали недобрым словом за такое высказывание: «Я не завидую Христу, сделавшемуся богом, потому что насколько он сделался богом, настолько и я». Оригену вменялось в вину прежде всего учение о предсуществовании душ, отрицание воскресения плоти и вечных мук грешников... Многие христиане были недовольны итогами совета, справедливо полагая, что все осужденные, коль скоро они уже умерли, причем в мире со своей церковью, подлежат уже только суду Бога...

Еще на этом совещании епископы утвердили список отцов церкви, куда попал, в частности, вышеупомянутый сказочный Дионисий Ареопагит.

VII–VIII века у восточных христиан прошли под знаком очередного раскола. Камнем преткновения стал вопрос о количестве воли, желаний и действий в Иисусе Христе. Одна сторона утверждала, что в нем одна воля, одно желание, и совершает он все неким единым действием. Другие говорили, что у Христа всего по два. Это второе решение как будто предполагает возможность противоречия в делах Спасителя, ведь человеческая воля может и не желать того же самого, что божественная. На это обычно отвечали так: да, в Христе две воли, но человек в нем всецело и без внешнего принуждения подчиняется Богу.

По сложившемуся обычаю дело опять дошло до крайностей. Первоначально мнение об одной воле попытался утвердить патриарх Сергей. В 638 году он издал соответствующее «Изложение веры». В 40-е годы император Констанс и новый патриарх Павел отменили его и запретили всякие споры по данному вопросу. В 649 году папа Мартин осмелился нарушить запрет. Он созвал полторы сотни епископов на латеранский совет, где было принято определение о двух волях. Разъяренный Констанс приказал схватить папу, подвергнуть пыткам и сослать. Мартин вскоре умер (655 год).

Решения церкви на востоке находились в исключительной зависимости от императоров: менялись императоры – менялось вероучение. После Констанса дела шли так. Константинопольский совет 680–680 годов утверждает положение о двух волях, совет 712 года – об одной, совет 715–716 годов – снова о двух. Наконец, споры стали утихать – но только для того, чтобы тут же разразиться по новому поводу: VIII–IX века отмечены разногласиями о допустимости использования и почитания икон.

Первые иконы появились во II веке в церкви Карпократа, но в те времена для христианства это было исключение из правил. В широкое употребление иконы вводятся только с IV века, когда христианство превращается в государственную религию. Мнения об иконах были такие. Первое: иконы можно использовать и почитать. Второе: иконы можно использовать – для украшения и поучения, но почитать нельзя. Третье: недопустимо не только почитать иконы, но даже использовать, ибо, во-первых, невозможно изобразить ни ангелов, ни Бога, ни даже Христа – будет нарисована только его человеческая часть, во-вторых, изображение богов и вообще чего бы то ни было есть греческий обычай, ненавистный христианству. Здесь достаточно сказать, что в греческом языке «икона» и «идол» – почти синонимы, так что иконопочитание с трудом отличимо от идолопоклонства.

Впервые резко выступил против икон в 726 году император Лев Исавр, и затем на протяжении более чем ста лет противостояние между иконоборцами и иконопочитателями шло с переменным успехом. Иконоборцы подтверждали свои слова делом – уничтожали иконы, и надо сказать, что немало их количество таким образом исчезло навсегда... На большом церковном совете в Нике в 787 году (присутствовало 673 епископа) было вынесено решение: поклонению иконам быть! В 843 году императрица Феодора еще раз подтвердила

использование и почитание икон. По этому случаю даже устроили праздник торжества православия. Затем на протяжении многих веков (вплоть до протестантизма) все оставалось на прежних местах...

И вот где-то в IX–X веках в Восточной Римской империи сложилось представление о семи вселенских церковных советах (съездах, соборах): Никея (325), Константинополь (381), Эфес (431), Халкидон (451), Константинополь (553), Константинополь (680–681), Никея (787). Мысль была такая: вселенских советов может быть семь и только семь. С тех пор подобные собрания на востоке не созывались и вероучение существенных изменений не претерпевало. Хотя, по большому счету, оно перестало развиваться уже в V веке. Даже такие достаточно мощные новые течения, как павликиане и богомилы (оба манихейской направленности) не смогли заметно оживить восточное христианство.

ОБРАЗОВАНИЕ И ФИЛОСОФИЯ

Средневековье наступает в Восточной Римской империи несколько позже, чем на западе – примерно в VII веке, когда вполне завершилось наступление церкви на нехристианскую философию. В предыдущем столетии еще были живы Академия, александрийская школа, и все еще витал в воздухе ищущий, вечно неудовлетворенный дух древних Афин. Но, когда эти объединения ушли в прошлое, страсть к диалектическим тонкостям постепенно выветрилась. Христианская мысль становится более спокойной и по-средневековому простой и даже вялой. Возрождение духа Афин начинается только с XI века...

Несмотря на торжество христианства, несмотря на закрытие старых философских школ, отношение ромеев к дохристианской философии было достаточно спокойным. Но многое, конечно, стало другим. Перемены коснулись прежде всего начального образования (чтение, письмо). Раньше в его основе было изучение творений древнейших поэтов – Гесиода и Гомера. Теперь их место заняла ветхозаветная книга «Псалтырь», которая представляет собой сборник песен-молитв, обращенных к богу. Но это только первая ступень образования. В школах грамматики по-прежнему изучалась вся эллинская словесность, причем основной упор делался на аттических поэтов и писателей – Эсхил, Софокл, Еврипид, Фукидид,

Ксенофонт, Платон. В школах риторики опять же за образец принимались аттические ораторы – Исократ, Лисий, Демосфен.

Время от времени предпринимались попытки создавать нечто вроде высших учебных заведений. Первое такое учреждение появилось в середине IX века и было тесно связано с именем некоего Льва, носившего прозвища **Философ** и **Математик**. **Лев Философ** (конец VIII – 60-е годы IX века) – образованнейший человек своего времени, учился в Константинополе и на острове Андрос, знал древнюю философию, математические науки, ятрику. На него обратили внимание два императора, и, поскольку Льва, по-видимому, приглашали ко двору арабские халифы, они решили создать для него хорошие условия на родине. В середине IX века император Вард распорядился открыть учебное заведение с четырьмя отделениями – философии, грамматики, геометрии и астрономии. Возглавил заведение Лев, и он же вел занятия на отделениях философии. Располагалось это учреждение в одном из царских дворцов – в так называемом Магнаврском дворце – и поэтому вошло в историю как Магнавская школа.

Через какое-то время школа пришла в упадок. Вероятно, там вообще прекратились занятия. Но в середине X века ее возродил император Константин Порфирогенет (913–959). При нем школа имела почти те же самые отделения – философия, риторика, геометрия, астрономия. Константин сам вникал во все школьные дела, назначал руководителей отделений. Учреждение содержалось за счет казны; преподаватели и ученики получали деньги и питание. Из числа способных учеников император выбирал и назначал судей, священников и чиновников. Однако вскоре после смерти Константина школу закрыли.

В 1054 году в Константинополе вновь появляется высшее учебное заведение с двумя отделениями – философии и права. Предложение о его создании исходило от знаменитого Михаила Пселла, император Константин Мономах утвердил начинание. Отделение философии первоначально возглавлял сам Пселл. Школа была открыта для всех независимо от благородства происхождения и имущественного положения, но для поступления в нее надо было пройти испытания – показать качество уже имеющихся знаний. Преподаватели получали от государства жалование и одежду. Школа просуществовала до 1204 года, т. е. до страшного разрушения Константинополя крестоносцами.

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Раннее Средневековье у ромеев небогато одаренными и глубокими мыслителями. Более или менее здесь выделяются Иоанн Филопон, Максим Исповедник, Феодор Студит, Иоанн Дамаскин, Лев Философ, Фотий и Симеон. Но мы коснемся личности и творчества только троих из них, вероятно, самых значительных.

Иоанн по прозвищу **Филопон**, что значит Трудолюбивый (ок. 490–575), родился в Египте, возможно, в христианской семье. Учился у Аммония, который сам приходился учеником великому и ужасному Проклу. Период увлечения эллинской философией, особенно Аристотелем, продолжался примерно с 505-го по 529-й год, после чего Иоанн переходит в христианство. Один за другим появляются его трактаты соответствующего содержания – «О вечности мира, против Прокла», «Против Аристотеля», «Судья», «Четыре отрывка против Халкидона», «О целых и частях», «О Троице», «О воскрешении», «Против послания Досифея» и другие. Существует даже точка зрения, что Юстиниан закрыл Академию под впечатлением от первого из вышеперечисленных трактатов.

Из нехристианских сочинений Иоанна наиболее важны «Об употреблении и устройстве астролябии» (едва ли не древнейшее дошедшее до нас описание этого прибора) и «Примечания к “Физике” Аристотеля», где развивается, в частности, мысль о том, что движущееся тело обладает некой внутренней силой, которая расходуется на преодоление сопротивления среды, и, когда сила растрачивается полностью, движение прекращается. В XIV веке эту идею на латинском западе подхватили Жан Буридан и Николай Орем, обозначив запас силы понятием *impetus* (толчок). Ссылаясь на изыскания Иоанна и Галилео Галилей.

В Средние же века на греческом востоке Иоанн был известен чуть ли не как родоначальник троебожия, за которое он и был осужден на константинопольском церковном совете 680–681 годов. Однако приписывать все заслуги в деле расчленения божества на части только ему было бы неверно. Основу для такого рода взглядов заложили старшие современники Иоанна, влиятельные противники халкидонского совета – Север Антиохийский, Иоанн Аскутсангис, Конон Тарсийский и Евгений Селевкийский.

Каким же образом Иоанн приходит к своим выводам? Мы знаем, рассуждает он, что божественная и человеческая при-

роды соединились, образовав Христа. Является ли соединение просто словом или это нечто действительное? Возникло ли вследствие соединения природ нечто единое, т. е. цельное существо? Церковь учит, что возникло, следовательно, две природы подлинным образом соединились в одну, новую природу, хотя уже не простую, а сложную по составу. Ведь никакое существо не может быть отлично от своей природы, так что если божественное и человеческое не слились в одно, то перед нами два существа, два Христа, а не один. Так, тело и душа, соединенные только на словах, а не на деле, еще не человек; камни и бревна еще дом; голоса отдельных певцов еще не хор. И так далее.

Затем мы говорим, что Отец, Сын и Дух – одна природа (божественная) и три ипостаси (или лица); Петр, Павел и Филипп – тоже одна природа (человеческая) и три ипостаси. Природа и ипостась в данном случае, таким образом, соотносятся как общее и частное, причем природа получает существование только в ипостасях. Если бы воплотилась общая божественная природа, то в Христе были бы и Отец, и Сын, и Дух. Подобно этому, если бы с Сыном соединилась общая человеческая природа, мы все были бы Христами. Но ни того и ни другого не произошло, как учит церковь, следовательно, соединению подверглись ипостась Сына, которая есть одно из обособлений божественной природы, и ипостась Иисуса, одно из обособлений человеческой природы.

На этом Иоанн вроде бы останавливается, но, если подумать, отсюда уже всего один шаг до утверждения, что Отец, Сын и Дух суть три бога, а не один. Это и было почти незамедлительно поставлено ему в вину. Можно также заметить, что главной в рассуждении Иоанна выступает такая мысль: любое отдельное существо (=ипостась) есть не что иное, как его природа. Таким образом, все у него строится на отождествлении природы и ипостаси, что он и сам отлично сознает.

Мосхион, или **Максим Исповедник** (580–662) родился в Палестине, по отцу был еврей, по матери – перс. Получил хорошее образование, изучал риторику, логику и древнюю философию. Второе имя «Максим», под которым и стал широко известен, получил от некоего Пантолеона, настоятеля одного из палестинских монастырей. Одно время в молодости был писцом и советником у императора Гераклия, но большую часть жизни провел в монашестве. При этом не был привязан к какому-то одному монастырю, но жил то здесь, то

там. Никакого высокого чина в церкви не имел – был простым отшельником. В силу своего ораторского и писательского дара стал одним из главных защитников положения о двух волях и действиях в Христе, за что в конце концов и пострадал.

Прежде всего, Максим склонен подчеркивать непостижимость, запредельность, сверхсущность Бога. Бог совершенно непохож на сотворенных им существ. Он бесконечно превосходит все видимое и все мыслимое человеком. Известно, что Бог троичен, но почему так и как существует Троица сама по себе – это непостижимо. Известно, что Сын Бога стал человеком – и это тоже непостижимо. Многое открывается человеку только в вере, которая есть истинное знание о недоказуемом, о том, что превышает человеческий разум. Но все-таки человек может приблизиться к Богу – через монашество и через молитву.

Максим разделяет монашество на внешнее и внутреннее. Внешнее – отречение от мирских вещей и дел; внутреннее – отречение не только от дел и вещей, но и от желаний совершать эти дела и обладать этими вещами, так что когда нечто, прежде желанное, появляется в поле зрения, человек остается совершенно бесстрастным в отношении этого предмета. Богатство, слава, собственное тело – все это должно быть безразлично отшельнику. Не должен он иметь и привязанности к другим людям, прежде всего, конечно, к своим родственникам – чтобы не скорбеть неразумно, когда те умрут. Особо подчеркивает Максим бесстрастное отношение монаха к обидчикам и женщинам.

Монашество подготавливает человека к общению с Богом, который приоткрывается в чистой молитве. У молитвы тоже две ступени – духовное следование и духовное созерцание. Первое состояние возникает из страха перед Богом и доброй надежды. Человеку здесь свойственно сосредоточение ума, безмятежность, отречение от мирских желаний и даже от простых помыслов. Вторая (и высшая) ступень имеет причиной божественную любовь и совершенное очищение. Тут человек отрешается от мирских вещей, не чувствует самого себя; его душе открывается беспредельный божественный свет, и он видит чистые образы Бога, которые как бы находятся вокруг него, т. е. Бога. Но Бога самого в себе человек все же не видит, ибо тот непостижим...

Помимо этого сочинения Максима полны нравоучений в христианском духе и толкований разного рода отрывков из

Писания. Истинная философия для Максима – это заповеди, учение и вера, дающая созерцание Троицы.

Мансур ибн-Серджун, широко известный в Европе под именем **Иоанн Дамаскин** (конец VII – первая половина VIII века) родился в Дамаске, который находился за пределами Восточной Римской империи, – вся Сирия тогда уже была под властью арабов. Отец и дед Иоанна состояли на службе у халифа, но семья хранила верность христианству, и Иоанн получил вполне греческое и христианское воспитание. Одно время он, как и его предки, занимал высокие должности в халифате: был градоначальником Дамаска и даже первым министром. Когда у ромеев начались споры об иконах, Иоанн выступил на стороне иконопочитателей и благодаря своему писательскому дару стал одним из главных действующих лиц в этом расколе. В Константинополе он, правда, бывал редко – с ромейскими христианами общался в основном письменно. Император Лев Исавр, родоначальник иконоборчества, по слухам, имел намерения принудить Иоанна к молчанию, но тот был вне его досягаемости. В конце жизни Иоанн оставил государственную службу и удалился в монастырь Иерусалима.

Иоанн – мыслитель и писатель, который подводит итоги, а не создает новое. Его значение как самостоятельного самобытного философа крайне невелико. Впрочем, для Средних веков это скорее достоинство, чем недостаток. «Ненавижу все свое», – говорил о себе этот человек, и в те времена его многие бы поддержали.

Главное произведение Иоанна – «Источник знания» – состоит из трех частей: «Философские главы», «О ересьях» и «Точное изложение православной веры». Первая из них – рассуждение, выдержанное в духе Аристотеля и вообще исполненное перипатетической учености. Здесь дается огромное количество определений: что такое философия? каковы ее разделы? что такое сущее, сущность, признак? И так далее. При этом Иоанн действительно умудряется не сказать ничего или почти ничего нового, но систему знаний дает – в этом ему не откажешь.

Философия, согласно Иоанну, многогранна. Это и познание сущего (божественного и человеческого), и помышление о смерти, и уподобление Богу через знание, справедливость и праведность. Философия – наука наук, искусство искусств; она – начало всякой человеческой деятельности, и через нее все изобретается. Философия – любовь к знанию; истинное

знание – Бог, следовательно, истинная философия – любовь к Богу... Философия делится на теоретическую (теология, математика, физиология) и практическую (этика, экономика, политика). Теология постигает бестелесное и невещественное (Бог, ангелы, души); математика – бестелесное в телах (числа, образы, звукосочетания, движение светил); физиология – телесное. Этика дает законы отдельному человеку, экономика – семье, политика – городам и землям. Есть еще логика, положение которой двойственно: она и часть философии, и орудие для нее.

Бог – безначален, бесконечен, всеобъемлющ, непостижим и неписуем. Он – сверхсущностная сущность и сверхблагое благо, превышающее и сущее, и бытие. Бог сначала сотворил вещество, потом из него – небеса, землю, воздух, огонь, воду, а из этих начал – все остальное, в том числе человека. Человек есть малый мир в большом, душа и тело, середина между умом и веществом, связующее звено для видимого и невидимого, ощущаемого и умопостигаемого. Сущность человека – душа. Она живая, бестелесная, неразложимая, бессмертная, безвидная, разумная, сообщающая телу жизнь, рост и чувства. Ум – самая чистая часть души – правит душой и плотью. Последние возникают вместе, одновременно, а не так, что душа была прежде тела.

Сущее есть название всего. Сущее – это сущность и признак. Сущность существует в себе, признак – только благодаря сущности, которая для него выступает подлежащим. Но сущее – не род для сущности и признака, а лишь единое (сходное) имя для них (омоним), так как ни сущность, ни признак не принимают полного определения сущего.

Эллинские философы, разъясняется далее, почти отождествляли сущее и сущность, а природу рассматривали как сущность в сочетании с отличиями. Таким образом, получалось, что наиболее общее – сущность, частное (низшие виды) – природа, единичное – ипостась. Но святые отцы мыслили иначе. Как выражение низшего вида они воспринимали сущность, природу, образ и вид; как выражение единичного – неделимое, отдельное, лицо и ипостась.

Общее подлежит определению, единичное – описанию. Определение есть указание вышестоящего рода и отличий определяемого вида внутри данного рода. Описание есть перечисление несущественных признаков. Отличие – важный, существенный признак, без него нет вида. Свойство принадлежит одному виду – всему и всегда (например, смех), так

что в суждении, содержащем его, можно поменять местами подлежащее и сказуемое. Случайный признак может быть, а может и не быть, — он несущественный.

Наиболее любопытны, пожалуй, те высказывания в «Философских главах», которые касаются ипостаси. Это понятие стало одним из первостепенных по важности, поскольку без него уже не мыслилось объяснение бога. Итак, ипостась — это, с одной стороны, сущность, т. е. общее, а с другой — лицо, нечто неделимое, т. е. единичное. Ипостаси существуют сами по себе, а все остальное — сущность, отличие, вид, признак — созерцаются в них. Это звучит, однако, очень нехорошо; это, по сути, уже почти что ересь (с точки зрения вселенского христианства, разумеется). Дело в том, что отсюда легко вытекает следующее: самостоятельным существованием обладают только единичные божества Отец, Сын и Дух, тогда как бог — лишь обобщающее обозначение. Таким образом, вместо единобожия мы получаем троебожие. Чтобы хоть как-то сгладить это противоречие перипатетической аналитики и католической веры, вводится оговорка: простая сущность созерцается одинаково во всех ипостасях.

Далее вводится понятие соединения, которое тоже важно для объяснения некоторых положений веры. Соединение есть либо смешение, слияние, сращение, либо рядоположение. Имеются три ипостасных единства: то, при котором возникает состав из двух природ (душа и тело образуют человека); то, при котором две вещи объединяются в одно лицо [Христос?]; то, при котором к ипостаси присоединяется природа [вероятно, это можно понять, например, как восприятие телом нового качества]. Две, три и любое количество ипостасей не могут соединяться в одну сложную. Так же дело обстоит с сущностями и природами. Здесь не слишком понятно, чем отличаются вещи от ипостасей: выше говорилось, что две вещи, ипостасно соединяясь, могут познаваться в одном лице; но всякая вещь как нечто единичное есть, очевидно, ипостась...

Во второй части «Источника знания» дается краткое изложение 103-х ересей. Все лжеучения, по Иоанну, делятся на четыре направления по своему происхождению — варварские, скифские, эллинские и иудейские. Почему так? — Потому что сказано в Писании: «...в Иисусе Христе нет ни варвара, ни скифа, ни эллина, ни иудея, но новая тварь». Начинает Иоанн с учений платоников, перипатетиков, стоиков, пифагорейцев и прочих. Удивляться этому не нужно, поскольку в языке эллинов «ересь» — это любая точка зрения, а отнюдь не только

христианская. В среднем на каждое «лжеучение» здесь отводится по пять-десять строк, так что изложение Иоанна не просто краткое — оно поверхностное.

Последняя часть трактата содержит изложение и разъяснение вероучения как оно было установлено на шести больших церковных советах (Никея 325 г., Константинополь 381 г., Эфес 431 г., Халкидон 451 г., Константинополь 553 г., Константинополь 680–681 гг.). Эта часть стала, можно сказать, чем-то вроде учебной книги восточной вселенской церкви и до сих пор высоко оценивается в русском православии.

Помимо этого Иоанн написал несколько сочинений в защиту иконопочитания, против манихеев, против несториан и даже магометан, а также прославился как создатель церковных песен.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА

Михаил Пселл (1018–1097) родился в Константинополе. Его настоящее имя — Константин (Михаилом стал, когда уходил в монастырь). Получил хорошее, но не совсем обычное для своего времени начальное образование: уже в возрасте десяти лет знал наизусть гомеровские поэмы. Затем изучал риторику, право и философию (в основном логику, теологию, физику и математику), а также, конечно, Писание и творения отцов церкви. Из древних философов его больше всего увлекли Платон, Аристотель, Плотин, Порфирий, Ямвлих и Прокл. Как свойственно мыслителям почти любых времен, Пселл считал, что застал философию увядшей и даже умирающей, и видел себя тем человеком, который призван оживить ее...

Какое-то время Пселл был судебным защитником и судьей. Один знакомый Пселла, член высшего совета, предложил императору Михаилу IV взять Пселла на службу. Что и было сделано — Пселл стал писцом в архиве. И затем при добром десятке императоров он занимал значительные должности — одна выше другой; дошел даже до первого министра. Такая живучесть до сих пор вызывает подозрения, потому что есть сведения, что Пселл был человек изворотливый, склонный к коварству, умевший вовремя польстить сильным мира сего и даже дававший взятки нужным людям.

Когда в 1045 году открыли константинопольскую школу, Михаил в течение девяти лет руководил отделением филосо-

фии. На своих занятиях он очень много внимания уделял Платону и платоникам, что, конечно, не могло остаться незамеченным. «Платон заменил тебе Христа», – упрекнул его как-то друг Иоанн Ксифилин. «Нет, Христос для меня все!» – ответил тогда Пселл. Однако, несмотря на расположение императора, которым Пселл пользовался, его призвали на церковный совет с целью испытания веры. Пселл успешно справился с задачей, и его отпустили, но Платона он все равно продолжал превозносить.

В монастыре Пселл побывал дважды. Первый раз – по собственной воле, но тогда монастырская жизнь ему совсем не понравилась, и, как только представился случай, он сразу же покинул это заведение. Во второй раз он попал в монастырь по воле императора Михаила VII Дука, кстати, своего бывшего ученика. Впервые в жизни Пселл оказался в немилости у правителя ромеев: у него изъяли имущество и на семь лет лишили свободы. К счастью, следующий император Никифор III Фок разрешил ему вернуться и жить, где угодно.

Письменное наследие Пселла весьма велико. Он создал ряд толкований вероучения восточной церкви, толкования отдельных книг Писания и творений некоторых отцов своей церкви (Григорий из Назианза, Василий из Кесарии). Помимо этого он написал произведения, охватывающие огромные области знания. Так, ему принадлежат книги по математике, логике, риторике, древней философии, медицине, магии и правоведению. Учебник Пселла по логике имел большой успех не только у ромеев, но и на латинском западе.

Пселл признавал древнюю философию. По его мнению, она в значительной степени подготовила путь для христианства. Но когда у древних обнаруживается несогласие с Писанием и вероучением, они все-таки должны быть отвергнуты. В философии главное – ясные и недвусмысленные понятия, четкие умозаключения и строгие доказательства. За это Пселл особенно высоко ценил Платона и Аристотеля, которые доказывали свои утверждения. А вот Пифагор, египтяне, халдеи просто провозглашали что-то, не обременяя себя доводами. На вероучение, однако, Пселл логику не распространял: рассудок надо использовать для познания мира, а не Бога, – Бог выше логики.

Теологические взгляды у Пселла полностью или почти полностью совпадают с константинопольским вероучением. Представления же о мире до некоторой степени эллинские. Мир шарообразен, земля тоже шар; звезды состоят из огня и

эфира. Мир не вечен. Он некогда был сотворен Богом через Логос и однажды погибнет, но возродится для суда, рая и ада. Никаких иных миров, населенных какими-то другими людьми, нет. Причина этого в том, что промысел Бога сосредоточен исключительно на земле. Наличие промысла не означает полного предопределения хода событий, и вина за наши поступки безусловно лежит на нашей свободной воле. Человек рождается сразу как единство души и тела, а не так, что какое-то время душа существовала сама по себе, а потом вселилась в тело. Душа трехчастна – разум, воля и желание. Ангелом человек после смерти стать не может. Спасение только от благодати, а благодать – от Иисуса Христа. Начало спасения – крещение и приобщение к церкви. Вне церкви спасения нет...

Христиан уже в течение многих веков занимала борьба с демонами, и Пселл тоже внес вклад в разработку этого вопроса. Демоны, по его мнению, все-таки телесны, хотя тело у них более тонкое по сравнению с человеческим. Доказательство же их телесности вот какое: демоны, как и все грешники, будут страдать от огня и серы в аду; если бы они были существами чисто духовными, на них невозможно было бы воздействовать подобным образом. Демоны бывают мужского и женского пола, а по природе они холодные и, стремясь к теплу, поселяются в телах людей и животных, чем доставляют последним большие неприятности. Целых два произведения Пселл посвятил описанию происков демонов против людей и способов спасения от них («О действиях демонов», «Жизнь святого Авксентия»).

Как и многие, Пселл подумывал о возможности превращения простых металлов в золото. Главная мысль у него здесь такая: для производства золота необходим некий таинственный камень из Индии; но как и где его найти – неизвестно («О золотоделании»).

Многие болезни по обычаю своего времени Пселл предлагал лечить прикладыванием драгоценных камней к больным частям тела. И тоже написал об этом книгу – что к чему прикладывать («О силах, находящихся в камнях»).

Некоторые из учеников Пселла пошли гораздо дальше учителя. Если ему еще как-то удавалось сохранять верность вселенской церкви, то отдельные его последователи настолько увлеклись древней философией, что начали пересматривать христианство. Самый знаменитый из этих лиц – **Иоанн Итал** (ок. 1025–1100).

Иоанн происходил из Италии, первоначально жил с отцом на Сицилии. Когда остров захватил полководец Георгий Маниак, поднявший восстание против своего императора Константина Мономаха, отец Иоанна вместе с сыном переехал в Константинополь. Там Иоанн со временем стал учеником Михаила Пселла.

По сведениям, Итал был силен в платоновской диалектике и аристотелевской аналитике, но слаб в грамматике и риторике. Последнее приводило к тому, что его речам и сочинениям не доставало не только изящества, но и простой языковой правильности. Судя по переводам, мысль у Итала очень рыхлая, поэтому неудивительно, что он неизменно побеждал в спорах: в такой словесной каше кто угодно мог увязнуть. Пока его собеседник пытался разобраться в уже прозвучавших доводах, Итал вываливал на него все новые и новые кучи словесных отбросов, так что в конце концов тот оказывался просто погребенным под ними. Есть также данные, что Иоанн был крайне несдержанным, например, в пылу спора мог наброситься на противника чуть ли не с кулаками, о чем потом якобы всегда ужасно сожалел.

Когда Пселл отошел от преподавательской деятельности, Итал занял его место и стал верховным наставником философии в Ромейском государстве. Этому способствовало то, что на его стороне был император Михаил Дук, от которого, впрочем, не укрылось инакомыслие Итала.

Следующий правитель Алексей Комнин засомневался в том, что Итал учит людей правильным и полезным вещам, и повелел испытать его веру. Тут-то окончательно и выяснилось, что взгляды Итала не соответствуют вселенскому христианству. Началось церковное разбирательство (1082), вполне занудное, ибо состоявшее в значительной степени из спора о словах: выясняли, какие же из выражений, использованных Италом при пересказе святых истин, не являются правдоверными.

В итоге ему самому, а также его ученикам вменили в вину такое:

- 1) исследование божественных тайн при помощи диалектики и школьной науки;
- 2) привнесение в католическое учение мнений эллинских философов;
- 3) утверждение о предсуществовании и переселении душ;
- 4) отрицание полного бессмертия души, воскрешения мертвых и страшного суда;

5) оценка эллинских философов как более добродетельных по сравнению с христианами;

6) отрицание чудесного рождения Спасителя и свершенных им чудес;

7) утверждение о том, что воскресшие на страшном суде тела людей будут не такими, как земные;

8) отрицание бесконечных мук ада.

Таким образом, мы видим, что взгляды Иоанна Итала и его учеников различались между собой.

На Итале, конечно, дело не закончилось. Потом были еще Евстратий Никейский, Нил Калабрийский, Сотирих Пантеген, Михаил Глик и другие.

СПОРЫ О ФАВОРСКОМ СВЕТЕ И ПУТЯХ БОГОПОЗНАНИЯ

В некоторых евангелиях (например, «От Матфея», глава 17, «От Марка», глава 9) рассказывается следующее. Однажды Иисус привел Петра, Иакова и Иоанна на некую высокую гору, именуемую Фавор, где те стали свидетелями преображения своего учителя: его одежда сделалась белой, как снег, а лицо сияло, как солнце. Затем им явились Илия и Моисей, а из облака был голос, говорящий о Христе нечто в таком роде: это сын мой любимый, в котором воля моя; его слушайте! На этом все закончилось.

Длительное время, по-видимому, никто особого внимания на это не обращал. И вот в XIV веке сначала одни, потом другие озаботились вопросом: что представлял собой тот свет, который видели апостолы? И на этой почве в Восточной Римской империи произошел очередной большой раскол. Разногласия обнаружились в конце 30-х годов, а главными противниками в споре выступили Григорий Палама и Варлаам Калабрийский.

Григорий Палама (1296–1359), сначала иеромонах, а в конце митрополит Фессалоники, каким-то образом дошел до мысли, что этот свет имеет прямое отношение к самой божественной сущности. Правда, выражения здесь он употреблял не всегда тождественные и почти всегда туманные. Например, он говорил, что этот свет – божественный, что это сама божественность, безначальное царство божье, вневременное и природное сияние, божественное свойство и так далее и тому подобное.

Более любопытны соображения Григория относительно путей восхождения к Богу, что легло в основу так называемого исихазма (буквально «молчаличество»). Начало восхождения – любовь к Богу, которая несовместима с любовью к миру. Любовь к миру – вражда к Богу, и все, что от мира, для души смертельно. Погоня за деньгами, вожделения плоти, высокомерие, вообще любые земные желания, овладевающие душой, отталкивают от нее милость Бога. От такой души исходит прямо-таки смрад, достигающий небес... Но для встречи с Богом мало презрения к миру и отречения от него – требуется еще полное бесстрашие, совершенное внутреннее молчание (исихия). Ближайшие средства для этого: уход в пустыню, где скудная, суровая и однообразная природа не отвлекает душу от главного; отказ от общения с людьми, даже родственниками; отказ от лицемерия мира – надо просто закрыть глаза, как это и делали подвижники; наконец, беспрестанная молитва. То, что происходит вследствие этого, превышает всякую философию. Философия только говорит о Боге; при этом она использует слова, умозаключения, доказательства и примеры. В последних, ко всему прочему, Бог так или иначе сравнивается с совершенно чуждыми ему предметами. В молитве же человек оставляет все осязаемое. Никакие чувственные образы уже не служат пищей для размышления, памяти и переживаний. Всякое рассуждение, всякое мышление прекращается. Единственное, что остается, это молитва, совершаемая чисто духовно. Человек становится вне самого себя и выше себя, достигая неведения, которое превосходит, однако, всякое знание. Ибо только неведение может быть истиной о непостижимом Боге, только в полном неведении человек встречается с Создателем...

В отличие от темных излияний о фаворском свете это звучит весьма впечатляюще, но главному противнику Григория Варлааму не понравилось ни то, ни другое.

Бернард Варлаам (ок. 1290–1348) родился в Калабрии (Италия), но воспитывался в духе восточного христианства. В юности ушел в монастырь, изучал греческих и латинских писателей. В 1330 году прибыл в Константинополь, где вскоре начал преподавать учения Платона и Аристотеля. Обратил на себя внимание императора Андроника III и был приближен ко двору. Около 1335 года у Варлаама (как его называли на востоке) начались споры и столкновения с молчаликами. Сначала он обвинил Григория Паламу в недопустимости распространения на Бога умозаключений и доказательств, чем

тот иногда грешил, затем вообще подал высшему церковному руководству жалобу на Григория и всех его сторонников как на еретиков. Главное отклонение Григория, по мнению Варлаама, заключалось в признании фаворского света нетварным действием Бога. Вообще, пользуясь неясностью выражений Паламы, Варлаам и его единомышленники выставили против того около двух десятков обвинений, из которых упомянем лишь некоторые:

- 1) Палама разделяет природу Бога на части;
- 2) Палама исповедует в Боге две божественности: одну – сущность, другую – не-сущность;
- 3) Палама и молчаливники поклоняются некоему иному богу, похожему на сияние, причем это сияние видимо;
- 4) Палама утверждает, что безначальная природная сила Бога – иной природы, слабее природы Бога, без сущности, без ипостаси и видима.

И так далее – вплоть до того, что Палама принижает Сына и Духа по сравнению с Отцом, что он вводит низших божеств, которые творят, тогда как сам Бог бездействует...

Что касается рассуждений Григория о способах приблизиться к первому началу, то это Варлаам назвал омфалопсихией (буквально «пуподушие») и, кажется, даже не стал здесь особо возражать. Этим он, безусловно, как и намеревался, оскорбил не только Паламу, но и его многочисленных приверженцев из числа монахов, которых уже стали именовать безмолвствующими.

Однако на состоявшемся в июне 1341 года под председательством Андроника церковном совете Варлаам из обвинителя быстро превратился в обвиняемого; ему предложили покаяться, и он вынужденно согласился. Кроме того, совет запретил дальнейшее обсуждение этих вопросов. После совета Андроник вскоре умер, и Варлаам продолжил свои нападки. Но силы были не на его стороне. Поняв это, он уехал назад в Италию, обратился в западное христианство и даже был назначен римским папой на должность епископа одного из городов Калабрии.

Некто **Григорий Акиндин** (ок. 1300–1348), который еще недавно пытался примирить Варлаама с Паламой, неожиданно настроился против последнего, тоже разглядев у него ересь. Больше всего ему не понравилось то, что Палама, говоря о фаворском свете, назвал его как-то низшим божеством... Акиндин тоже был осужден – всего через месяц – на совете, состоявшемся в июле 1341 года.

Григорий Палама тем временем написал ряд сочинений против Варлаама и Акиндина, а значит, нарушил запрет. Акиндин тогда тоже считал себя свободным от обязательств и взялся за перо. Его поддержал константинопольский патриарх Иоанн, который временно победил в борьбе за влияние на наследника престола Иоанна V Палеолога, и вследствие этого церковный совет 1342 года постановил уничтожить все новейшие произведения Григория Паламы, а совет 1344 года вообще его осудил. Паламу даже заключали под стражу. Акиндин, напротив, был рукоположен в дьяконы. Но тут на престол взошел сочувствовавший Паламе Иоанн Кантакузин. Снова все перевернулось: патриарха низложили, Паламу оправдали; церковный совет 1347 года осудил Варлаама, Григория Акиндина и уже бывшего патриарха Иоанна. Новый патриарх назначил Паламу митрополитом Фессалоники. Наконец, на советах 1351 года учение Паламы провозгласили в качестве истинного и осудили его последнего крупного врага. Это был **Никифор Григор** (ок. 1295–1360), знаменитый философ и историк, вообще человек разносторонний. В свое время он много спорил с Варлаамом (по предметам грамматики, риторики, аналитики и астрономии), но в вопросе о фаворском свете в целом был на стороне калабрийского монаха. Никифора насильно водворили в монастырь, где ему не давали покоя, требуя отречения, а когда он умер, над его телом поиздевались и протаскивали по улицам Константинополя. Согласно Никифору, опирающемуся здесь как на Аристотеля, так и на веру своей церкви, сущее – это, во-первых, либо несотворенное, либо сотворенное, а во-вторых, либо сущность, либо признак. И если фаворский свет нетварной природы, то он по необходимости не отличается от сущности Бога, ибо в Боге любые признаки тождественны его сущности; если же этот свет отличен от божественной сущности, то он сотворен.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЭЛИНИЗМА

Эти случаи имели место в XV веке. Сколько человек вышло из христианства – точно неизвестно. Но много. Сколько из них пострадало от рук христиан – тоже неизвестно. Но и это было.

В первой половине XV века в Мистре (бывшая Спарта) возник целый тайный союз, устроенный по образцу сказочной пифагорейской общины. Создателем союза и его первым гла-

вой был **Георгий Гемист Плифон** (1360–1452). После него по значимости шел круг избранных, или учеников, а затем круг слушателей. По воспоминаниям современников тех событий, попасть в круг слушателей было легко, а вот перейти в разряд избранных чрезвычайно трудно. Решал вопрос о таком переходе, по-видимому, единолично Плифон. В числе наиболее приближенных к нему были, например, такие известные люди, как Виссарион Никейский, Иоанн Евгеник, Михаил Апостолий, Иоанн Аргиропул, Лаоник Халкокондил, Иоанн Мосх (преемник Плифона), Димитрий Рауль Кавакис.

Плифон был воспитан, конечно, в христианском духе, но слишком много читал Платона, платоников, Аристотеля и Аверроэса. Когда свершилось его отречение от христианства – неизвестно. Какое-то время он по понятным причинам скрывал свои истинные убеждения и изображал из себя христианина. По косвенным признакам определяется только, что единомышленники сплотились вокруг него не раньше 1416-го и не позже 1438-го года. Перестав таиться, Плифон обнаружил среди прочего такие взгляды: через несколько лет после его смерти христианство и магометанство падут, и воссияет подлинная истина – эллинство. Здесь он, пожалуй, ошибся: вскоре после его смерти пало не христианство или магометанство, а только Восточная Римская империя.

Плифон написал ряд значительных произведений. Самые главные из них: «О добродетелях», «О тех вопросах, по которым Платон расходится с Аристотелем» (европейские философы прямо-таки зачитывались этой книгой) и «Законы». В последнем из этих творений, как уведомляет сам Плифон, содержится теология по Платону и Зороастру, физика по Аристотелю, этика согласно семи мудрецам и стоикам, политика тоже в соответствии с Платоном. Так это было на самом деле или нет – сейчас установить едва ли возможно, поскольку произведение сохранилось далеко не полностью. Но если руководствоваться дошедшими до нас отрывками, то легко сделать вывод, что Плифон заблуждался насчет себя.

Все сущее, как он утверждает, делится на творца и творение. Или, что то же самое, на родителя и его порождение, ибо творение тождественно порождению. Отец и творец всего – Зевс. А все созданное делится на три рода – неизменное, вечное и полностью бестелесное; изменчивое, вечное и обладающее совершенным телом; изменчивое, смертное и телесное. Эти три рода и составляют космос, который извечно порождается Зевсом, и космос вечен и бессмертен как целое.

Первый род – наднебесные боги. Он распадается на два вида – олимпийцы (их пятнадцать) и титаны (их пять). Высший из них – Посейдон; он стоит сразу после Зевса и во всем ему подобен. Олимпийцы занимают Олимп, титаны – Тартар. Олимп и Тартар – две области занебесного пространства.

Олимпийцы Посейдон и Гера порождают второй род – внутринебесных богов. Они тоже разделяются на два вида – небесные светила (семь планет и звезды) и демоны (их много). У светил непогрешимые души и нестареющие, непорочные тела. У демонов все почти то же самое, только чуть хуже. Олимпийцев возглавляет Посейдон, титанов – Крон, светила – Гелий.

В создании последнего рода – изменчивого и смертного – участвуют четыре бога. Гелий и Селена порождают людей, зверей, растения, а титаны Крон и Афродита сохраняют и поддерживают смертных после творения. Сама земля, место обитания всех смертных, есть не кто иная, как олимпийская богиня Гестия...

Спрашивается, что это такое? На кого это похоже? На Платона, на Зороастра? Может быть, на стоиков? Отнюдь. Подобные представления о мироздании чрезвычайно свойственны только позднеримским эклектикам, начиная с Ямвлиха...

Далее. Человеческая душа бессмертна и переселяется из тела в тело (возможность ее воплощения в звере или в растении Плифон, скорее всего, отрицал). Свобода человека заключается в следовании добру, а не в том, чтобы делать что угодно. Рабское служение добру – это и есть истинная свобода. А как служить добру? – Нужно, чтобы в человеке господствовало божественное начало – душа, а не смертное – тело. Едва ли не главным доказательством божественности души Плифон считал самоубийство: животное не может покончить с собой, а человек может, и это роднит его с богами, ибо в самоубийце бессмертная сущность избавляется от смертного начала. Но при этом к добровольному уходу из жизни Плифон, как и следовало ожидать, не призывал.

Еще он написал гимны своим богам (причем эпическим размером), пять молитв (утренняя, вечерняя и три полуденных), а также нечто вроде правила веры, состоявшего из двенадцати глав. Обрядовую сторону нового богопочитания Плифон собирался сделать предельно простой. Никаких особых священнодействий нет; храмом может служить почти

любое место под открытым небом – лишь бы там не было отбросов и трупов; всякий человек зрелого возраста, отличившийся в чем-либо, может быть священником и руководить проведением праздников в честь богов. Плифон, по-видимому, имел также замысел преобразовать государственный строй Римской империи по образцу древнеспартанского и того, которое описано в «Государстве» Платона.

Христиане по понятным причинам были крайне недовольны Плифоном и его союзом и желали расправиться с новыми эллинами путем применения силы, а не только словесным обличением. Но сделать этого они не могли. Во-первых, Плифон был слишком знаменит – как у ромеев, так и у латинян. Итальянские философы даже называли Плифона вторым Платоном. Наконец, к нему благоволили тогдашние императоры. Церковь в таких условиях не могла отважиться на решительные действия. Она добилась лишь того, что Плифону запретили жить в Константинополе. А вот некоторые другие члены союза пострадали. К сожалению, ни о числе наказанных церковью, ни о том, кто были эти люди, данные не сохранились. Только об одной жертве есть такие сведения: некоему Ювеналию отсекли руки, уши и язык, а затем утопили в море. Из некоторых высказываний Плифона в «Законах» следует, что нечто подобное случилось далеко не с одним его сторонником.

Плифон после смерти, как это ни нелепо, был похоронен в Мистре по православному обряду. Его главное детище – «Законы» – все еще оставалось в одной-единственной рукописи, и так случилось, что ею завладел правитель Мистры. В 1460 году он передал ее константинопольскому патриарху Геннадию (в миру Георгий Схоларий); тот, ознакомившись с содержанием, пришел в ужас и решил, разумеется, это творение сжечь. Но чтобы доказать потом при случае, что книга действительно заслуживает уничтожения, он сохранил оглавление и некоторые главы. Эти-то отрывки и дошли до наших дней...

В 1464 году итальянцы предприняли военные действия с целью выдворить турок из уже бывшей Восточной Римской империи. Полководец, осаждавший Мистру, города так и не взял – зато разыскал могилу Плифона и вывез его останки в Италию, где их перезахоронили. А итальянские философы в честь него во Флоренции даже открыли новую Академию, почитали его как нового святого и как пророка несравненного Платона...

ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА

С XIV века в среде ромейских философов появляется новый обычай – собираться в кружки. Назывались они, естественно, не кружками – это слишком по-русски, – а театрами. «Театр ученых», «театр языка» – вот выражения, использовавшиеся в те времена. Любопытно, что такого рода собрания устраивали у себя даже некоторые императоры – из числа наиболее просвещенных, например, Андроник II Палеолог и Михаил II Палеолог. В своих театрах философы в основном состязались в красноречии. Для этой цели писали сочинения – часто в виде писем от лица знаменитых людей прошлого (Солон, Фемистокл, Сократ, Аристотель и т. п.). Подобные произведения – обычные риторические упражнения, построенные по правилам, идущим с древности: что сказал бы, допустим, Платон, если бы узнал о таких-то событиях? Их главные черты – безличность, обобщенность, отстраненность от своего времени. Речи пишутся с явным расчетом на то, что будут изданы, – и действительно издаются.

В целом ромейский философ последних двух веков существования империи – это скорее не философ, а грамматик и ритор, преподаватель языка и словесности; это уже не самобытный мыслитель, предлагающий что-то новое, но лишь прилежный толкователь уже написанного, который из-за своего неумеренного преклонения перед древними не способен шагнуть вперед.

Ромейские философы все чаще бывают в Европе – они воспринимаются там как хранители греко-римского наследия, к которому теперь здесь жаждут приобщиться все образованные люди. Флоренция становится чем-то вроде ворот, через которые ромейская ученость проходит с востока на запад. В 1360 году в университете Флоренции создается первая в Европе кафедра греческого языка. Ее возглавляет выходец из Восточной Римской империи ученик Варлаама Калабрийского Леонтий Пилат. Именно он переводил гомеровские поэмы и Платона для Петрарки и Боккаччо. В 1397 году во Флоренцию прибывает известный грамматик Мануил Хрисолор (1350–1415). Он создает собственную школу, пишет учебник по основам греческого языка, по которому затем обучалось множество европейцев. Он же защищает новый по тем временам способ перевода – по смыслу вместо буквального. В XV веке ромеи преподают греческий язык и философию уже по всей Европе – в Риме, Париже, Лондоне, Оксфорде и

многих других университетских городах. После 1453 года, когда пал Константинополь, огромное число жителей уже бывшей Восточной Римской империи, спасаясь от турок, выезжает в Европу. Многие вывозят с собой личные библиотеки. Большая часть переселенцев оседает в Италии. Здесь возникают крупные греческие общины, в ряде городов (Рим, Падуя, Венеция) в XVI–XVII веках создаются даже особые учебные заведения для выходцев с востока.

Главное следствие этого: если, например, даже в Италии, которая всегда была ближе всего к ромейскому востоку, еще в первой половине XV века греческие рукописи были большой редкостью, то в XVI веке в итальянских библиотеках их были уже многие тысячи. Торговля вывезенными с востока рукописями велась в основном через Венецию, и уже отсюда греческие книги попадали в государственные и частные библиотеки. Спрос на книги был очень большой, поэтому высоко ценилась работа переписчиков. В XV–XVI веках в Европе работало полторы сотни переписчиков-ромеев. В 1476 году здесь была издана первая печатная греческая книга – «О восьми частях речи» Константина Ласкариса (1434–1501). А в период с 1476-го по 1821-й год (когда эллины вернули себе независимость и вновь обрели собственное государство) в Европе вышло свыше пяти тысяч изданий на греческом языке общим количеством около пяти миллионов книг.

Глава 2

Латинский запад в VI–X веках

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Вражда между крупнейшими христианскими кафедрами началась давно. В те времена, когда государственная церковь еще только появлялась, их было три или четыре – римская, александрийская, антиохийская, да еще, может быть, иерусалимская. Император Константин, начав строить новую столицу на месте древнего городка под названием Византий, тем самым создал все условия для появления еще одной. И очень скоро эта новая кафедра усилилась настолько, что стала представлять опасность для остальных.

Как уже говорилось, на большом епископском совещании в Константинополе (381 год), состоявшемся при императоре Феодосии I, было в числе прочих принято постановление, которое гласило: константинопольский епископ по значимости идет сразу после римского, поскольку Константинополь есть новый Рим. Поначалу, правда, это больше обеспокоило александрийского папу, поскольку получалось, что у него на востоке возник соперник. Но римские папы тоже быстро поняли, что и для них ничего хорошего тут не предвидится.

Ровно через полвека после этого значение александрийской и антиохийской кафедры в Римском государстве резко упало. Случилось так, что Рим и Константинополь, объединив усилия, понизили их в достоинстве. Сначала на большом съезде в Эфесе (431 год) были осуждены так называемые несториане, – а их было очень много в антиохийской церкви. Затем через двадцать лет на большом съезде в Халкидоне (451 год) осудили так называемых евтихиан, – а они составляли едва ли не большинство в церкви александрийской.

За счет этого Рим и Константинополь возвысились и стали почти равными друг другу соперниками. При этом халкидонский съезд подтвердил решение константинопольского о том, что константинопольский престол – второй по значимости после римского. Постановление провели без согласия послов римского папы. Те заявили, что не уполномочены заниматься такими вопросами, и удалились с совещания. Они рассчитывали, что без них у греков смелости не хватит утвердить подобный закон. Но они сильно ошиблись.

Хотя в постановлении было сказано «второй после», константинопольские патриархи все больше толковали это в смысле «такой же, как», «ничуть не хуже». И вражда между римской и константинопольской кафедрами углублялась; все чаще обнаруживались их разногласия по тем или иным вопросам.

Первый раскол между ними произошел уже вскоре после распада западной империи. С 484-го по 519-й год по христианскому летосчислению (т. е. в течение 35 лет) они не поддерживали друг с другом никаких связей. После этого между римской и константинопольской кафедрами были только временные перемирия – настоящего мира больше не было. Особенно этому способствовало то обстоятельство, что главные кафедры находились теперь уже в разных государствах. Поэтому привести их к единству с помощью внешней силы, каковой могла бы выступить светская власть, было нельзя. Правда, потом на некоторое время они снова оказались в пределах одного государства.

Подробности здесь такие. Впервые Рим захватил готский князь Аларих (410 год). Затем гунны под предводительством Атиллы, тоже вторгшись в Италию, произвели большие опустошения, преследовали христиан, грабили храмы и монастыри. Одновременно Теодорих, другой князь готов, совершил походы на Данию, Лотарингию, Галлию и Иберию. Эти области тоже подверглись разорению. После смерти Атиллы Теодорих пришел в Италию и всю ее захватил, в том числе Рим. Его успехам способствовала определенная поддержка со стороны константинопольского императора Льва: они оба были арианами и иконоборцами. В Риме Теодорих уничтожал иконы и преследовал никейцев.

Во второй раз Рим захватили вандалы, напав с моря (455 год). Они опустошили город и уничтожили много ценностей. В Константинополе теперь правил Зенон – никеец и иконопочитатель. Он не стал враждовать с готским князем Теодорихом, но на всякий случай взял в заложники его сына. Теодорих признал верховенство Зенона, принес ему присягу, платил ему дань и вообще правил от его имени. После него в Риме и Италии недолго правил Ромул Августул, последний император из числа потомственных римлян. Его лишил власти Одоакр (476 год), который царствовал 14 лет, пока его не победил Теодорих Младший. Одоакра убили на пиру.

Таким образом, от западных областей Римского государства ничего не осталось: в Италии, Иберии и примыкающей

к ней части Галлии власть перешла к готам, в той части Галлии, которая примыкала к Италии, – к бургундам, в остальной Галлии – к франкам, в Африке – к вандалам. Франки исповедовали никейскую веру, все прочие же были арианами.

Новый князь Италии, перенеся столицу в Равенну, правил долго, жил в мире с императором Зеноном, который признал его своим наместником; от него Теодорих получил звания консула и патриция. Папа Геласий I тоже признал его власть в Италии. Теодорих, подобно многим готским князьям, исповедовал арианство и иногда насакивал на никейцев: например, посадил в тюрьму папу Иоанна I. А сверх того еще казнил Боэция, чего ему тоже потом долго не могли забыть. Италия почти вся сделалась арианской, папы часто менялись, готы заправляли всем, и римляне обратили исполненные надежды взоры на восток – к императору Юстиниану. Тот, воспользовавшись пустяковым поводом, назначил своего племянника полководца Велизария римским патрицием, своим наместником и викарием. Велизарий, вторгшись в Италию, хотя и с большим трудом, но все же изгнал оттуда готов, которые к тому времени правили в этой области уже 125 лет (до 565 года по христианскому летосчислению). Италия вошла в состав Константинопольской империи под названием Равеннский экзархат.

При императоре Юстине римским патрицием был Нарсес. Заподозрив царицу Софию в стремлении лишить его званий и казнить, он призвал в Италию лангобардов, и в 568 году те захватили северную и среднюю часть страны. Но Рим и область Равенны оставались пока вне их власти. Всего же лангобарды здесь потом правили свыше 200 лет (примерно 570–775 годы). Одни лангобарды были по вере никейцами, другие – арианами, но многие поклонялись своим народным богам. Никейцы нападали на ариан, ариане – на никейцев, те и другие – на почитателей древних богов...

В 589 году испанские епископы, собравшись в Толедо, видимо, на радостях от того, что преодолели в себе арианские наклонности, постановили считать, что в Троице Святой Дух исходит не только от Отца, но и от Сына. Этим они просто хотели дополнительно подчеркнуть равенство первых двух лиц божества. И хотя об изменении символа веры речь тогда еще не шла, на востоке этого не одобрили. Напротив, епископы Франкии и Британии в VII–VIII веках в большинстве своем постепенно приняли точку зрения испанцев. В символ

веры соответствующая поправка была внесена предположительно в первой половине XI века.

В первой половине VII века у христиан произошел спор о количестве воли, желания и действия в Иисусе Христе. Точку зрения об одной воле Спасителя особенно насаждал при поддержке императоров константинопольский патриарх Сергий. В 638 году он написал «Изложение веры», в котором среди прочего об этом и говорилось. Однако вскоре накал страстей достиг такой высоты, что император Констанс и новый патриарх Павел отменили «Изложение» Сергия и под угрозой лишения чина и изъятия имущества запретили вообще любые споры по данному вопросу.

Несмотря на строгий запрет, в 649 году папа Мартин созвал на западе съезд, который принял определение о двух волях. Это совещание епископов, именуемое Латеранским, на котором присутствовало 150 человек, утвердило также положение, согласно которому Мария сохранила непорочность и после рождения Спасителя. Но сила тогда была на стороне константинопольского императора. Крайне недовольный обслуживанием Мартина, Констанс распорядился схватить его. Папа подвергся пыткам, был сослан и вскоре умер (655 год)...

Лангобардский князь Элипранд (Лиутпранд), поссорившись с папой Григорием III, в 739 году осадил Рим. Через пять лет могущественный франкский барон Карл по прозвищу Молот (Мартелл) пришел на помощь к римлянам и освободил их. Затем вечный город пытался захватить еще один князь лангобардов – Ратхис. В 750 году или чуть раньше он уже подступил к Риму, но папа Захарий сумел отговорить его от этого начинания.

Вскоре другой князь лангобардов Айстульф, брат Ратхиса, все-таки осадил Рим. Папа Стефан II тогда отлучил его от церкви и обратился за помощью к Пипину Короткому, сыну Карла Молота. Между ними произошел обмен: Пипин получил от Стефана корону князя франков (которая, таким образом, была отнята у ленивых меровингов), а Стефан от Пипина – освобождение от ига лангобардов, а также – в качестве подарка – Равенну вместе со всем бывшим экзархатом. Чтобы вышеупомянутое подношение выглядело прилично с точки зрения права, сочинили знаменитую грамоту под названием «Дар Константина». Суть ее сводилась к тому, что, оказывается, еще император Константин отдал папе Сильвестру всю западную империю в вечное владение. Только в XV веке Лоренцо Валла впервые обратил внимание на то, что язык,

которым была написана грамота не соответствует латыни времен первого христианского правителя Константина. С тех пор значение этой, скорее всего, поддельной дарственной начало падать... Подаренные Пипином земли – Рим и Равенна – превратились в папское государство и, таким образом, папа стал еще и светским правителем. Айстульф был разгромлен, подчинился всем требованиям, и Италия какое-то время жила мирно.

Айстульф унаследовал Дезидерий, который, будучи арианином, начал что-то замышлять против никейцев. По этой причине папа Адриан призвал на помощь Карла, сына Пипина. Дезидерия, его жену и детей взяли в плен, чем вынудили их присягнуть Адриану. Бароны и города Италии тоже дали присягу никейской церкви. Дезидерия с семьей отправили во Франкию, где они вскоре умерли. Так в Италии закончилось правление лангобардов. Что касается Карла, то он стал римским патрицием и заступником никейской церкви. Ему уже подчинялись Германия, Прованс, Италия, Наварра и северные области Испании.

Затем часть римлян, недовольных и склонных к мятежу, призвала тосканцев и ломбардцев и изгнала папу Льва III. Тот обратился за помощью к Карлу, и князь франков, наказав мятежников, восстановил его в правах. Тогда Лев и кардиналы избрали Карла императором Рима, как бы отобрав римский престол у греков. Это произошло в 800 году. Так восстановилась империя, точнее, как бы восстановилась. Ведь все это было, если задуматься, по большей части игрой, попыткой выдать желаемое за действительное. О возрождении Римской империи объявляли потом еще не раз, но с тем же успехом: время этого государства на самом деле прошло...

Карл неохотно принял новое звание: он и так считал себя владыкой Галлии, Германии, Италии и сопредельных областей, а восточного императора называл всего лишь константинопольским князем. Тем не менее, по такому случаю Карл сделал большие подарки архиепископствам, а также пожертвования нищим.

Вообще, за время своего правления Карл немало потрудился для римской кафедры. Прежде всего, он узаконил церковную десятину, и вся Европа теперь оказалась обложенной этим видом дани. Еще он потребовал устранить разночтения в списках Священного Писания, а также привести к единому образцу богослужение в храмах и монастырскую жизнь. Наконец, Карл повелел своим ученым исследовать вопрос об

исхождении Святого Духа, и в 809 году совет епископов в Аахене подтвердил правильность нового мнения. Пожалуй, только после этого оно стало истиной западного католичества. Казалось бы, римская кафедра многое получила. Но с другой стороны, назначение Карла императором сразу ухудшило отношения с Константинополем. Восточный император Никифор, правивший в 802–811 годах, запретил своей церкви иметь какие бы то ни было общие дела с папами. Объяснение звучало просто: римский престол сам отделился от истинной церкви. Однако в 814 году успешными военными действиями против восточной империи Карл все-таки заставил Константинополь признать свое звание: грекам пришлось смириться с тем, что на западе, оказывается, тоже есть император. В этом же году в Аахене, прожив 72 года, Карл умер...

Новое обострение отношений между востоком и западом началось в середине IX века, когда в Константинополе царствовал Вард (в другом русском написании Варда или Вардас). Он сместил патриарха Игнатия, славившегося строгим образом жизни, за то, что тот позволил себе порицать его свободные нравы. Вард назначил новым патриархом высокообразованного мирянина Фотия и попросил папу Николая I (858–867) утвердить назначение. Николай отправил в Константинополь послов, с которыми там обошлись не лучшим образом: угрозами их просто заставили дать на все согласие.

Николай, когда узнал об этом, созвал у себя совет. Послов отстранили от дел, Фотия проклинали; всех, кто участвовал в его назначении, отрешили от церковных должностей. Это было в 863 году. Новый император востока Михаил III послал папе гневное письмо, содержание которого сводилось к тому, что папа слишком много на себя берет и что они в Константинополе могут проводить назначения и без него. Нет, ответил Николай, пора царей-священников минула, так что императоры теперь очень даже нуждаются в папах, тогда как папы в императорах почти нисколько.

Михаил и Фотий этого так не оставили: в 867 году они отлучили Николая, а римскую кафедру объявили отступнической. Вскоре, однако, Михаила убили, новый император Василий восстановил Игнатия (правда, Николай этому не мог порадоваться: его самого тогда уже не было в живых), но когда Игнатий умер, патриархом снова стал Фотий.

Начиная с Николая, папы стали вести себя все более и более независимо. Иоанн III (ум. 882) даже заявил, что папа имеет право не только короновать, но и смещать императоров.

В следующем столетии римские первосвященники запятнали себя неподобающими деяниями. Все началось с папы Сергия II (904–911), который завел себе любовницу. Это была некая Мароция, дочь одного знатного и влиятельного римлянина, сама сменявшая множество любовников. Она родила от папы (или не от папы) сына, который потом стал папой под именем Иоанн XI (931–936). Внук Мароции Октавиан тоже стал папой под именем Иоанн XII (955–964). Причем этот человек занял римскую кафедру уже в возрасте шестнадцати лет. Нрав бабки, видимо, передался ему: он вел распутную жизнь, открыто содержал любовниц, латеранский дворец превратил в дом свиданий, увлекался охотой и ловлей птиц, что могли себе позволить только светские лица, а также совершил немало других дурных поступков. Многие священники, кардиналы и итальянские государи были им весьма недовольны, и в итоге он погиб при неясных обстоятельствах.

Некоторые полагают, что Мароция, которая правила, стоя за спинами многих влиятельных лиц, вполне могла стать прообразом женщины на святом престоле, которую все считали мужчиной и истинный пол которой якобы обнаружился только после того, как она неожиданно родила. Но никакой римской мамы Иоанны тогда все-таки не было, потому что ее существование не засвидетельствовано ни одним сохранившимся письменным источником того времени. А надо сказать, что средневековые сочинения самого разного рода дошли до нас в хорошем состоянии и притом часто в десятках и сотнях рукописей. Кажется совершенно неправдоподобным, что потом удалось вычеркнуть упоминания о подобном безобразии из всех без исключения списков. Первые сведения о так называемой Иоанне появляются лишь в книгах XIII века и поэтому должны быть признаны сказочными.

Теперь поговорим об обрядовых различиях востока и запада, которые и послужили основным поводом к очередному взаимному отчуждению 1054 года. К XI веку накопились следующие расхождения. На западе крестили посредством обрызгивания водой; на востоке – через погружение в купель. На западе причащали пресным хлебом, на востоке – квашеным. При этом на востоке все причащались хлебом и вином, на западе миряне только хлебом. На западе был субботний пост, который отсутствовал на востоке. На западе требование безбрачия распространялось на монахов и всех священников, на востоке – только на монахов и епископов. На западе, кроме того, не допускался выход из церковного чина, а дьяконов

можно было возводить сразу в епископы, минуя пресвитерство. На западе священники брили бороду, на востоке этого не разрешалось. На западе сложился обычай особого почитания распятия (изображения Христа на кресте), а к иконам относились прохладно, на востоке было все наоборот. На западе Священное Писание имели право толковать только священники. На западе крестились пятью пальцами, тогда как на востоке – тремя. На западе при папе находился совет кардиналов, отсутствовавший на востоке. В странах, принявших христианство по восточному образцу, Константинопольская кафедра допускала богослужение на местных языках, римская в подобных случаях – только на латыни. Наконец, константинопольская кафедра утверждала верховенство пяти патриархов в христианском мире (римский, константинопольский, александрийский, антиохийский и иерусалимский), но еще выше их ставила вселенские епископские совещания (съезды), проходившие под председательством императора или его доверенного лица. Римская же кафедра признавала только свое безраздельное господство.

Святые престолы очень сильно враждовали из-за новообращенных: в те времена в Европе оставалось еще немало приверженцев народных богов. В VIII–IX веках папские посланники в целом завершили христианизацию германских племен на континенте и занялись Скандинавским полуостровом. Вообще, у Рима в Европе дела шли гораздо лучше, константинопольская же кафедра часто проигрывала войну даже на востоке. Великая Моравия, Польша и Венгрия сначала приняли восточное христианство, но очень скоро отказались от него, признав духовную власть пап. В итоге из крупных народов Константинополю повезло лишь с Хорватией и Русью.

И, наконец, то самое знаменитое столкновение кафедр. В 1054 году в Константинополь от папы Льва IX прибыли три его посланника с целью защищать римскую церковь от обвинений в разного рода отклонениях. Во время их посольства папа умер, но они продолжали действовать. Они не только не выказали никакого почтения к патриарху Михаилу Кируларию, но дошли до того, что в главном константинопольском храме во время службы выступили перед народом с обвинениями против патриарха. Они назвали его еретиком, насчитав у него десять ересей, и объявили, что отлучают его. Они надеялись настроить людей против главы константинопольской кафедры. Но дело приняло иной оборот: это выступление

чуть не стоило жизни им самим, а также императору Константину IX, который только попытался оградить папских послов от расправы взбесившейся толпы.

На состоявшемся в том же году константинопольском совете все сторонники римской церкви были объявлены веротступниками. Правда, совершенного и полного разрыва отношений это не означало. О необходимости примирения Константинополя и Рима, о возобновлении церковного союза после 1054 года говорили постоянно. Переговоры по этим вопросам велись в 1089, 1147, 1197 годах, а затем почти постоянно с середины XIII века.

Отчуждение востока и запада все-таки оказалось очень глубоким. Например, во времена крестовых походов, путь которых пролегал через восточную империю, некоторые католические проповедники не стеснялись внушать крестоносцам, что греки – христиане не на деле, а только по названию, и что их, как иноверцев, можно со спокойной совестью убивать.

В 1274 году на лионском съезде епископов как будто состоялось примирение церквей. Константинополь признал верховенство папы над всеми христианами. Соглашение, однако, было непрочным. Дело в том, что это было решение не церкви, а восточного императора Михаила VIII Палеолога, который нуждался в помощи папы для отражения нападений. Константинопольская кафедра не признала этот союз.

В 1439 году на флорентийском съезде еще раз было объявлено о воссоединении церквей. Константинополь вновь согласился с верховенством папы и западного вероучения. И опять же сделано это было по соображениям государственной безопасности восточной империи. На сей раз император Иоанн VIII Палеолог надеялся получить помощь запада для войны с турками. Ничего хорошего из этого не вышло: и помощи он не получил, и в своем отечестве встретил большое недовольство.

ЗАПАДНОЕ МОНАШЕСТВО

В эпоху доникейского христианства на востоке существовали целые церкви отшельников. Мир для меня распят, и я для него тоже, любили повторять они. Так свидетельствует платоник Цельс, наблюдавший становление еще самых первых христианских объединений. В этих словах выражалось безоговорочное неприятие враждебной действительности Рим-

ского государства и проистекающая отсюда неуверенность в завтрашнем дне. Но когда императоры поманили и облагодетельствовали христиан, во многих из них дух противоречия сразу куда-то пропал, и они стали почти ручными.

Руководители государственной церкви поставили перед собой задачу если и не захватить власть полностью, то, по крайней мере, разделить ее с императорами, хорошо обосноваться в этом мире, подчинить себе всех христиан, вытеснить или даже вообще уничтожить инакомыслие. Однако первоначальный заряд отрицания в христианской среде полностью не иссяк. Многие по-прежнему питали отвращение к обычным мирским делам. Для вида они состояли в государственной церкви, но, по сути, были отшельниками: соблюдали посты, испытывали себя молчанием, бежали от удовольствий, отказывались от брака и деторождения.

В первые века существования государственной церкви у монахов не было никакого посвящения в сан, никаких церковных обязанностей. Одержимость и свобода – таков дух раннего монашества: люди поступали в общину отшельников, но в любое время могли уйти из нее; испытания и лишения они выбирали себе сами. В восточных областях монашество периода становления государственного христианства было прямым продолжением раннехристианского отшельничества; в западных областях монашество как нечто более или менее заметное и признанное обществом появилось на столетие позже.

Только после распада Западной Римской империи монахи здесь объединяются в союз с особым уставом и порядком. Главная заслуга в создании такого сообщества принадлежит некоему Бенедикту Нурсийскому (480–543).

Бенедикт родился в Нурсии (Италия), в богатой и знатной семье. В возрасте двенадцати лет его отправляют в Рим на воспитание. Затем он избирает путь отшельника и уединяется в Субиако (где-то в окрестностях Рима). Когда ему исполняется лет тридцать или около того, монахи из Виковаро, привлеченные его образом жизни и проповедями, просят его стать у них начальником. Бенедикт первое время отвергает предложение, объясняя это тем, что позвавшие его монахи слишком вольно ведут себя, тогда как он сторонник порядка и воздержания. Потом он все же соглашается, проводит в Виковаро преобразования, а монахи, теперь уже на собственном опыте познавшие его строгость, понимают, что не смогут следовать новым правилам. Они изгоняют Бенедикта (будто бы даже хотели его отравить), и он возвращается в Субиако,

где начинает основывать монастыри. Отношения с местными отшельниками, однако, тоже складываются не лучшим образом. В возрасте пятидесяти восьми лет Бенедикт удаляется в Кассино и создает там еще один монастырь, который становится его прибежищем до конца дней. Здесь он оглашает свой новый устав, вскоре – еще при жизни Бенедикта – ставший законом для большинства отшельников латинского запада.

Распорядок монашеской жизни согласно уставу Бенедикта:

- Монаху предписывается смирение и отречение от самого себя.

- Монаху предписывается послушание, переходящее в слепое повиновение (это касается даже тех случаев, когда настоятель приказывает сделать невозможное или когда он сам поступает иначе).

- Времяпрепровождение монаха – труд духовный (чтение книг) и телесный (земледелие). Монахи должны сами полностью обеспечивать себя, поэтому каждый вносит посильный вклад в общее дело. Слабые и больные работают, естественно, меньше.

- Один монах не имеет права защищать другого или покровительствовать ему.

- У монахов нет личной собственности. Даже тело и воля им не принадлежат, и все они делают не иначе, как с разрешения настоятеля.

- Настоятель свободно выбирается монахами из их же числа. Но после выборов монахи теряют всякую свободу и должны безоговорочно подчиняться тому, кого они поставили над собой. Решая важный вопрос, настоятель обязательно советуется с монахами. Те имеют полное право предлагать свои решения. Они только не должны упорствовать; их дело – предложить, его – выбрать. Настоятель должен относиться ко всем одинаково, и если все же кого-то выделяет, то пусть это будет лучший работник.

- Желаящий стать монахом сначала в течение года является послушником. Ему многократно зачитывают устав и говорят: «Если ты согласен этому следовать, оставайся; если нет, уходи». Послушник, который находит в себе достаточно сил для выполнения требований, по истечении года дает вечный обет.

- Нарушивший правила отстраняется от всех общих дел. Даже питается он отдельно и в последнюю очередь, когда остальные уже насытились. Сильно согрешивший какое-то время вообще не получает еды, и никто с ним не разговари-

вает. В обычных обстоятельствах монахи имеют по два кушанья на каждом застолье и кружку вина в день. А вот мясо только больным.

Заповеди устава Бенедикта: люби Бога всей душой и всей силой; люби ближнего как самого себя; не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не потворствуй похоти; не давай ложных свидетельств; почитай всех людей; не делай другим того, чего не желаешь себе; отрекись от себя, чтобы следовать Христу; умерщвляй и поработай тело; не ищи утех; люби поститься; корми бедных, одевай нищих; посещай больных; погребай мертвых; помогай в беде, утешай в скорби; будь чуждым для дел века сего; не клянись, чтобы не нарушить клятвы; не воздавай злом за зло; переноси гонения за правду; добро в себе приписывай Богу, зло почитай своим; бойся судного дня; помни о смерти; воздерживайся от многословия; не люби смеяться; похоть не удовлетворяй, волю свою презирай; приказам настоятеля повинуйся; заповеди Бога исполняй делом.

В скором времени все монахи на латинском западе приняли устав знаменитого отшельника из Нурсии, и вплоть до XI века (когда стали появляться так называемые ордены) понятия «монах» и «бенедиктинец» здесь были полностью тождественны. Когда франкский князь Карл Великий однажды полюбопытствовал, существуют ли еще какие-нибудь монашеские объединения, кроме бенедиктинского, приближенные не смогли ответить ему положительно.

ОБРАЗОВАНИЕ

На латинском западе в эпоху раннего Средневековья происходило складывание нового германского мира: германские народы переходили от полукочевого к городскому и государственному образу жизни. Они заимствовали из уже бывшей Западной Римской империи католическое христианство, латынь как язык богослужения, науки, права и изящной словесности, а также систему образования, в основе которой лежали так называемые свободные искусства – грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Учебные заведения в германском мире в большинстве своем находились под надзором церковного руководства и управлялись священниками. Обычно школы учреждались при монастырях, кафедральных соборах и местных храмах. Большое

значение имели также некоторые придворные школы (аахенская при Карле Великом, магдебургская при Оттоне III). С IX века руководителей школ начинают называть схоластиками (греч. «ученые»). В эпоху позднего Средневековья (XI–XV века) в ряде школ (обычно кафедральных) помимо свободных искусств начинают преподавать какой-нибудь особый предмет (теология, медицина, право), обучать не только местных, но и приезжих. Сами школы становятся чем-то вроде маленьких государств со своим правительством, казной и охраной. Такие школы с XIII века называются всеобщими (*studium generale*), а с XIV века – университетами (*universitas* – общность). С XV века университеты теряют независимость и переходят в подчинение к городским властям. Перипатетическое возрождение, начавшееся в XIII веке, привело к быстрому внедрению философии Аристотеля в университетскую систему обучения, и вплоть до начала XVIII века почти все светские науки в европейских учебных заведениях преподавались по Аристотелю.

VI ВЕК

За отправную точку европейского мира мы принимаем Дионисия, который дал христианам новое летосчисление – от так называемого рождения Христа. Произведя соответствующие расчеты, он пришел к выводу, что появление Спасителя на свет приходится на 25 декабря 753 года от основания Рима. Он предложил считать этот день началом новой эпохи.

Дионисий был одним из образованнейших людей своего времени. Хорошее знание греческого языка позволило ему перевести на латынь ряд трудов восточных христианских писателей. Помимо этого он прославился записью законов, которые издал, в конце концов, в книге под названием «Сборник церковных канонов» (*«Codex canonum ecclesiasticum»*). Издал он также указы римских пап. Из скромности или по каким-то другим соображениям Дионисий дал себе прозвище «малый» (*exiguus*), которое впоследствии за ним закрепилось.

Как и всякое новшество, предложение Дионисия относительно времясчисления прижилось не сразу. Еще довольно долго папский двор продолжал отсчитывать годы по консулам и императорам (особенно часто за начало принималось время восшествия на престол Диоклетиана). Однако уже современник Дионисия Кассиодор принял нововведение. Затем к нему

присоединились Юлиан Толедский и Бедан. Авторитет последнего в значительной мере и предопределил успех эпохи Христа.

Время рождения Дионисия неизвестно, умер он, согласно изобретенному им летосчислению, около 545 года.

Аниций Манлий Торкват Северин Боэций (ок. 480–525) происходил из очень знатного рода. Аниции со времен императора Диоклетиана были в числе самых знаменитых римских семейств. Боэций рано лишился отца, и его взял на воспитание Квинт Аврелий Меммий Симмах, консул, затем глава сената и префект Рима. Дочь Симмаха Рустициана стала потом женой Боэция. У них родилось два сына.

Еще совсем молодым человеком Боэций стал сенатором, в возрасте около тридцати лет – консулом, и еще лет через двенадцать распорядителем служб (*magister officiorum*) – высшая должность в княжестве готов после самого князя. Его сыновья стали консулами.

Когда Боэцию было около сорока трех лет, на него посыпались обвинения. Сначала заговорили о том, что он хотел защищать сенат, который якобы предал князя Теодориха, завязав какие-то тайные сношения с восточным императором. А затем, когда дело набрало силу, ему приписали оскорбление святынь, намерение освободить Рим от готов и чрезмерное увлечение вредной философией. Боэций, как он сам говорит, был осужден на смерть и изъятие всего имущества. В конце концов, это было исполнено. Вставшего на его защиту Симмаха тоже потом казнили.

Как философ Боэций – эклектик, каких много: в логике он перипатетик, в теологии – католик, в физике и этике – преимущественно стоик. Однако последняя его книга – «Утешение философией» – показывает, что христианство его было скорее поверхностным, вынужденным: как только возникла угроза благополучию, Боэций сразу вознес молитвы древним богам (Зевсу, Аполлону, Деметре) и той, кому служил всю жизнь, – Философии. Здесь, кроме того, у него стали проявляться черты платоновского мировоззрения. Любопытно также, что Боэций не склонен причислять себя к стоикам. Для него они такие же заблудшие овцы, как и эпикурейцы. Причем те и другие, по его мнению, хотели завладеть в своих корыстных целях наследием Сократа и Платона. Вырвав из него какие-то куски, они создали собственные учения, довольно скверные, но некоторое внешнее сходство их с великим пробразом многих ввело в заблуждение: стоики и эпикурей-

цы стали считаться друзьями Философии. Об этом Боэций говорит все в той же последней своей книге. Писалась она в темнице, когда угроза смерти была ощутимой, поэтому неудивительно, что Боэций здесь все больше начинает вдохновляться примерами философов-мучеников. Он упоминает Зенона Элейского, Анаксагора, Сократа, Кания, Сенеку и Сорана (первые трое пострадали за тысячу, последние – за пятьсот лет до него). Тут-то и обнаруживается эта любопытная вещь: Каний, Сенека и Соран для Боэция отнюдь не стоики.

Боэций – связующее звено между эллинистическим и германским миром. По его книгам учились потом философы на протяжении сотен лет. Он перевел на латынь шесть аналитических трактатов Аристотеля и написал к ним свои примечания. Перевел «Пять звучаний» Порфирия и тоже сопровождал их своими соображениями. Эти работы стали одним из источников спора о способе существования всеобщего.

Далее, Боэцию принадлежат четыре учебника по математике: «Наставления в арифметике», «Искусство геометрии и арифметики», «Астрология» (не сохранилась), «Наставления в музыке». Все эти труды состоят из переводов и пересказов известных математиков прошлого – Евклида, Никомаха, Аристоксена и Клавдия Птолемея.

Затем теологические трактаты: «Каким образом Троица есть один Бог, а не три», «Могут ли Отец, Сын и Дух указывать на самого Бога», «Против Евтихия и Нестория», «Каким образом нечто может быть благим в силу того, что оно существует, не будучи благом самим по себе». Наконец, его последняя книга «Утешение философией», – о ней уже было сказано.

О Боэции очень хорошо отзывались некоторые его современники – известный константинопольский грамматик Присциан, а также люди из высшего света готской Италии – Магн Феликс Эннадий и Флавий Магн Аврелий Кассиодор. Сам же Боэций по обычаю всех философов ругает толпу. Нечестивцы, буйнопомешанные – такими именами он, вероятно, часто награждал в душе многих из тех, с кем общался каждый день. Ленивая косность и завистливое недоброжелательство – вот, в общем-то, все, что Боэций ясно различает вокруг себя и по отношению к себе.

Деление философии. В «Примечаниях к Порфирию» Боэций делит философию на умозрительную (*philosophia speculativa*), деятельную (*philosophia activa*) и рассудочную (*philosophia rationalis*). Первая исследует природу вещей, вторая –

нравы, третья – рассуждения, различения и умозаключения. Обычные названия этих наук – физика, этика и логика. При этом логика и часть философии, и в то же время орудие для остальных ее частей.

В трактате «Каким образом Троица есть один Бог, а не три» Боэций более подробно останавливается на теоретическом (умозрительном) знании. Оно, как известно, делится на три части – физическое, математическое и теологическое. Физика исследует формы тел вместе с материей, тела рассматриваются в движении. Это неотвлеченное знание. Математика – тоже наука неотвлеченная. Она толкует о формах тел без материи и, следовательно, без движения. Но формы эти все-таки существуют в материи. Только теология отвлеченна: ее предмет – Бог – вне материи и неподвижен.

Природа постигается с помощью рассудка (*ratio*), математические предметы – с помощью науки (*disciplina*), Бог – через разум (*intellectus*). Для познания Бога нельзя использовать воображение.

Последнее заявление Боэция представляется сомнительным. Ведь оно означает, что о боге можно говорить все, что угодно, и все будет верным, так как если запрещено прибегать к воображению, то невозможно и сверять теологию с каким бы то ни было опытом. Но тогда Боэцию не надо было писать никакие теологические трактаты со сложными рассуждениями. Можно было просто сказать: согласно католичеству Бог один – Отец, Сын и Дух, хотя воплотился только Сын. В «Примечаниях к Порфирию» Боэций заявляет: не все, что установлено на словах, есть в природе. Но ведь теологии, лишенной опыта и воображения, остается быть лишь словесной игрой. Как же можно в таком случае установить, истинна эта игра или нет? Очевидно, только ссылкой на католические авторитеты. Следовательно, никакие рассуждения силы не имеют.

Основные понятия. Боэций в каком-то смысле является создателем нового латинского философского языка, того языка, который потом широко применялся в школах германского мира для объяснения любых вещей и явлений. Не развивая далее эту мысль, просто перечислим основные понятия вместе с их переводом. Сразу заметим: толкования, которые мы собираемся предложить, не бесспорны. Итак: *natura* – природа, *essentia* – естество (ибо *esse* означает «быть», а производный от него глагол настоящего времени у нас обычно звучит как «есть», – остальные виды, в общем-то, уже устарели),

substantia – состояние, subsistentia – сущность, forma – форма (т. е. оставляем без перевода, поскольку слово прочно вошло в наш повседневный язык), proprium – свойство, differentia – отличие, accidens – качество, или признак.

Мы предложили бы никогда не переводить essentia словом «сущность», – но не потому, что это неправильно, а исключительно для того, чтобы провести границу между ней с одной стороны и понятиями substantia и subsistentia с другой. Substantia следовало бы переводить как «состояние», «состав» или просто «вещь», поскольку, во-первых, это в общем и целом соответствует смыслу понятия, а, во-вторых, именно таково было значение данного слова в повседневном латинском языке – «состояние», «имущество», «собственность» (по-эллинически οὐσία). Если принять это, тогда для subsistentia не остается никакого иного перевода, кроме «сущности». Это как будто подтверждается следующим заявлением Боэция: «Отдельное – не только сущность (subsistentia), но и состояния / вещь (substantia); роды и виды – только сущности (subsistentia), ибо не имеют признаков (accidens)». Действительно, когда нас спрашивают о сущности чего-либо, мы даем определение, в котором указывается вид вещи и ее отличительные признаки, например, «Дом – человеческое жилище» (здесь неважно, является ли приведенное определение достаточным). Таким образом, сущность – это вид и род, которые сейчас обычно мыслятся как существующие только в уме, а не сами по себе. Но с другой стороны, «сущностями» философы уже давно называют и сами вещи. Состояние же – это пусть и не совершенная полнота, но все же известная полнота свойств вещи, это то, как она сама по себе существует, а не просто ее вид или род.

Еще два суждения: «Сущность (субсистенция) – это то, что само не нуждается в признаках, чтобы быть», «Вещь (субстанция) – то, что служит подлежащим для признаков, без чего те существовать не могут». Если принять, что сущности – уопостигаемые виды и роды, становится понятным, почему им не требуются качества. Второе заявление нам представляется очевидным.

Против этих предложений, насколько мы понимаем, возразить можно лишь то, что по уже установившемуся обычаю любой русский философ сейчас куда охотнее поставит знак равенства между сущностью и субстанцией, чем между сущностью и субсистенцией. Объясняется это, конечно, тем, что в русский философский словарь понятие «субсистенция» так

и не вошло. Но ведь к смыслу латинских терминов наши русские языковые привычки отношения не имеют. И у Боэция именно «субсистенция», а не «субстанция» ближе к нашей «сущности».

Далее, поскольку мы часто работаем с понятиями, не понимая, что имеем в виду, одно и то же может оказаться и субстанцией, и субсистенцией, и эссенцией (например, «человек»).

У понятия «природа» (*natura*) Боэций находит следующие значения: вся совокупность вещей; телесное и бестелесное; только телесное; видовое отличие, определяющее вещь. Здесь, пожалуй, все понятно: латинская *natura* ближе к русской «природе», нежели эллинская φύσις. А вот слово «сущность» мы (особенно философы) используем почти так же, как эллины используют οὐσία; понятия же *substantia* и *subsistentia*, как их употребляет Боэций, для говорящих по-русски, мы полагаем, довольно непривычные.

Наконец, слова «свойство», «отличие», «качество» и «признак» в нашем языке примерно так же похожи по смыслу как *proprium*, *differentia*, *accidens* у латинян.

Если кто-то скажет, что вышеприведенные истолкования сделают латинские произведения труднодоступными или даже исказят их смысл, мы с этим вполне согласимся. Но *substantia* и *subsistentia*, оставленные без всякого перевода и просто переписанные русскими буквами, звучат для читателя куда менее понятно. Перевод всегда уничтожает хоть немного смысла подлинника и добавляет то, чего в подлиннике не было. Об этом следует помнить и не превращать русские издания латинян и эллинов в одну сплошную загадку.

Кроме того, мы уверены, что если отказаться от единообразной передачи вышеперечисленных и любых других латинских понятий (т. е. когда одному и тому же латинскому слову будет вне зависимости от обстоятельств соответствовать одно и то же русское) и переводить всегда по смыслу, философия у Боэция в некоторых местах, кажущихся трудными и глубокими, вообще исчезнет. Останется простенькая последовательность избитых истин.

«Примечания к Порфирию» и вопрос о способе существования всеобщего. Смысл этого произведения заключается в следующем. Некогда Аристотель написал небольшую книгу, в которой утверждал, что все существующее подпадает под одно из десяти сказуемых, по-эллински «категорий». Книга так и называлась – «О категориях».

Через много веков после этого сирийскому философу Малху, выступавшему под именем Порфирий, пришло на ум, что для понимания перечисленных десяти категорий совершенно необходимо хорошее знание еще пяти – рода, вида, отличия, свойства и признака (Аристотель сам часто прибегает к этим понятиям). Боэций поддержал Порфирия: он тоже решил, что это важное дело.

На протяжении десятков страниц Боэций тщится разъяснить (по крайней мере, ему кажется, будто он разъясняет) то, что не вызывает на самом деле ни малейших затруднений у взрослого человека, владеющего языком. Он рассматривает, как латиняне употребляют слова *genus*, *species*, *proprium*, *differentia*, *accidens*. При этом, чтобы создать видимость глубины исследования, он вынужден описывать такие тонкие соотношения этих понятий, которые уже находятся на грани восприятия, а подчас и переходят эту грань: всеобщность и размытость имен приводит к тому, что каждый из нас всегда говорит на своем собственном неповторимом языке.

Эту последнюю и самую большую по объему часть работы Боэция как совершенно бесполезную мы оставляем без внимания. Вернемся к началу произведения. Здесь тоже обнаруживается немало странностей. Боэций явно ошибается, говоря, что нет такого рода, который можно было бы поставить над десятью категориями Аристотеля. Ведь он сам убежден, что Аристотель написал книгу о категориях, чтобы посредством немногих родовых обозначений (просто родов) сделать понятным великое разнообразие вещей. Таким образом, еще Аристотель свел эти десять под понятием «сказуемое». Боэций же, словно не заметив этого, решил обозначить их словом «род».

Неверно также и то, что категории, как заявляет Боэций, не имеют между собой ничего общего. На самом деле легко заметить, что последние девять из них (качество, количество, отношение, место, время, положение, обладание, действие и страдание) суть признаки сущности, которая в списке идет как первая категория. И что удивительно, Боэций опять же сам нам об этом сообщает. Вообще говоря, уже одно то, что эти десять понятий были собраны и отделены от остальных, свидетельствует о какой-то их общности.

Боэций находится в плену представления, согласно которому видовые и родовые обозначения (понятия ума) образуют незамкнутый порядок в виде пирамиды, на вершине которой находятся высшие роды – аристотелевские категории. В дей-

ствительности среди мыслей есть, по меньшей мере, две такие, которые взаимно обозначаются, т. е. каждая является родовой, более общей по отношению к другой. И таким образом, порядок категорий не ступенчатый в виде пирамиды, а замкнутый, круговой. Так, все существующее, в конечном счете, собирается под обозначением «бытие» («сущее»). А бытие есть одно из «понятий». Но само понятие как нечто существующее есть разновидность бытия. Так круг благополучно замыкается. Что такое бытие? – Одно из понятий. Что такое понятие? – Один из видов бытия.

По природе роды, продолжает Боэций, предшествуют видам, а виды – отдельным вещам; виды существуют потому, что есть роды. Нам хорошо знакомы вещи, но по природе лучше всего известны и ясны виды и роды, причем особенно те, которые наиболее далеки от вещей, т. е. наиболее общие. Ознакомившись с этим хитросплетением слов, остаешься в недоумении: что все-таки Боэций лучше знает – единичное или общее? Но Боэций ошибается насчет ясности высших родов (наиболее отвлеченных понятий): определенно, что именно о них больше всего спорят философы, и это означает, что они не слишком ясные.

Порфирий в свое время отказался исследовать, как существуют роды и виды – самостоятельно или только в мыслях, телесно или бестелесно, как отдельные вещи или в вещах. Боэций, дабы сделать шаг вперед по сравнению со своим предшественником, решил на эти вопросы ответить.

Прежде всего, он выдвинул положение: род, поскольку он общий для своих видов, находится в каждом из них целиком. Отсюда вытекает, что род не есть нечто единое, а значит, он ничто. Ибо все, что есть, только потому и существует, что едино... Мы, однако, считаем, что если бы род присутствовал полностью в одном из своих видов, то он бы и полностью с ним совпадал, и никаких других видов под ним уже не было бы.

Боэций продолжает: всякому роду присуще свойство объединять. Допустим, у нас есть некоторое множество родов. Очевидно, они могут быть и должны быть объединены каким-то вышестоящим родом. Но как только это произойдет, у нас появится новое множество, состоящее из первого множества родов и того рода, который был придуман для объединения первого. Это новое множество тоже нужно будет подвести под какое-то еще более высокое родовое понятие. И так далее до бесконечности. Боэций, видимо, полагает, что это очень плохо.

А главный вывод у него здесь такой: поскольку род не существует ни как одно, ни как множество, его, очевидно, вообще нет.

Подобный образ мысли допустим, но он ничем не оправдан, ничего не опровергает и ничего не доказывает. Конечно, из понятий (попросту говоря, из слов человеческого языка) можно при желании начать составлять названия новых родов. Однако заниматься этим просто так, без необходимости (и, видимо, только для того, чтобы подтвердить измышления Боэция) никто не станет. Но, даже если бы и стал, напридумывать бесконечное количество родов ему, вне всякого сомнения, не удалось бы, ибо для этого требуется бесконечное время. Поэтому, несмотря на то, что возможности языка и ума как будто позволяют создать бесконечное множество родов, человеческий ум (пока он человеческий) всегда будет иметь дело с ограниченным, хотя и довольно большим их числом (в современных европейских языках по несколько сот тысяч слов, из которых почти все общие, т. е. родовые и видовые понятия; к этому надо будет еще добавить устойчивые сочетания имен существительных, которые тоже суть роды и виды, так что общее число, возможно, перевалит за миллион).

Возвращаемся к рассуждению Боэция. Если родов и видов нет в вещах, спрашивает он после всего этого, может быть, они есть только в нашем мышлении? Может быть, но тогда получается, что все наши понятия ложны, поскольку в действительности им ничто не соответствует. Тоже плохо. В таких обстоятельствах Боэций решил присоединиться к точке зрения перипатетика Александра Афродисийского. Александр утверждал следующее: если мы мыслим вещи не так, как они существуют, это еще не означает, что наше мышление совершенно ложно. Например, линии отдельно от тела нет, но мы мыслим ее именно так, и такое мышление не ложно. Ложь – это особое соединение мыслей. Если кто-то совместит в воображении человека и лошадь и получит кентавра, вот это действительно будет ложь. А такое понятие, которое создано путем мысленного деления вещи или путем отвлечения от нее каких-либо свойств, истинно.

Конечный вывод Боэция: всеобщее (вид) – это мысль, выведенная из сущностного сходства множества несходных единичных вещей, род – мысль, выведенная из сходства видов. В единичном сходное воспринимается чувствами, в видах и родах постигается умом.

Ради такого простого заключения не стоило пускаться в столь запутанные умствования. Все-таки, если задуматься над последним определением Боэция, можно обнаружить нечто странное. Сходство единичных вещей, что бы там ни говорили, это то же самое, что общее в единичных вещах. Значит, роды и виды суть мысли, полученные на основе общего в самих вещах. Выходит, что общее в них все же есть. Тогда вышеприведенное рассуждение Боэция можно запускать по второму кругу.

Насколько мы понимаем, весьма простое и привлекательное с христианской точки зрения решение вопроса о всеобщем дал современник Боэция константинопольский грамматик Присциан. У него говорится о том, что общее есть сходство отдельных вещей, а причина этого сходства – единые прообразы в уме Творца. Таким образом, здесь у Присциана в законченном виде присутствует то, что впоследствии стали называть существованием общего «до вещей» и «в вещах».

Священная наука. В теологии Боэций или был католиком, или, по крайней мере, очень хотел выглядеть таковым. Бог для него – простое состояние (substantia) и благо само по себе. Земные вещи – составы сложные, происходящие от Бога и причастные благу, но не благие сами по себе, ибо у них сущность не тождественна признакам.

У Бога есть самость (сущность) и еще что-то. То, что свойственно всем и каждому в Троице, – сам Бог. И это нечто одно, а не три. А то, что присуще либо Отцу, либо Сыну, либо Духу (в том числе имя «Троица»), то к самости не относится.

Итак, Отец, Сын и Дух – один Бог. Католики справедливо наделяют их одинаковыми достоинствами, тогда как заблудшие ариане – разными.

Пытаясь подвести под это какое-нибудь разумное основание, Боэций (в трактате, посвященном троичности) начинает издали, пожалуй, даже очень издали: он решает поговорить сперва об образах и числах. Всякое бытие – от формы. То, что есть вещь, это ее форма. Бог, как уже сообщалось, только форма, вещь – форма (точнее, *imago*) и материя. Поэтому Бог есть то, что он есть, а вещь – нет (ибо она составная).

Форма не принимает акциденций (признаков), поскольку она не подлежащее. Только материя способна на это. И поскольку Бог лишь форма, в нем нет акциденций, а значит, нет и множества. Поэтому католики правы.

Кроме того, не всякое перечисление (а ведь мы перечисляем Отца, Сына и Духа) создает множество. Все дело в том, что есть число для счета и число в самой вещи. Например, говоря «один нож», «один кинжал», «один клинок», очевидно, можно иметь в виду один и тот же предмет. Отец, Сын и Дух как раз и есть повторение одного и того же. Но Отец, Сын и Дух – одно и то же (*idem*), но не то же самое (*ipse*). Означает ли это, что основание для множества у нас все-таки появляется?

Этот вопрос временно остается без ответа, потому что Боэций решает попотчевать нас еще и аристотелевскими категориями. Их, как известно, десять. Три из них – сущность, качество и количество – указывают на сущность, а остальные – на ее признаки, т. е. на сопутствующие обстоятельства и на другие вещи. К Богу все это трудно приложимо, ибо он – сверхсущность. И у него качества совпадают с сущностью. Еще Бог вечен, он всегда в настоящем, но это настоящее не бежит, а значит, не создает времени.

Наконец, в пятой и шестой главе Боэций одаривает нас решением, причем оно оказывается слабо связанным со всем предшествующим рассуждением. Он находит множественность Бога не в сущности его, а в отношении между Отцом, Сыном и Духом, ведь Сын происходит от Отца, а Дух – от них обоих. Эта самоочевидная истина, содержащаяся уже в самой католической догме, преподносится нам как великое откровение. Боэций делает вид, что доказывает, на деле он лишь немного объясняет то, что желательно доказать. В этих последних главах здравомыслия у него, по нашему мнению, совсем мало...

О Спасителе Боэций тоже желает судить по-католически: Иисус Христос есть Сын Бога, воспринявший полноценную человеческую природу с целью ее очищения. Но этого Боэцию мало: он решает подключить свой голос к хору осуждения Нестория и Евтихия, имена которых после епископских совещаний в Эфесе и Халкидоне не склонял только ленивый. Боэций был не из числа ленивых.

Если, как считал Несторий, две природы – человеческая и божественная – не соединяются в одной личности, в одном лице, то можно ли вообще говорить, что Христос есть? Ведь он не один, он есть не что иное, как соприкосновение в одном месте двух существ с разными лицами. Получается, что Христос – все равно, что, допустим, человек и бык, когда они стоят рядом. Но коль скоро Бог не воспринял человека, то он

его и не спас. Отсюда вытекает, что никакого искупления рода человеческого не свершилось.

Если бы Несторий услышал это, он наверняка сказал бы, что ничего такого не имел в виду. Да, человеческое и божественное только соприкоснулись. Но зачем это говорится? Чтобы подчеркнуть, что природы не смешались, что они остались в первозданной чистоте. И Сын Бога обитал в человеке словно в храме. Если вспомнить, что Сын Бога – существо духовное, то разница между «обитал в человеке» (Несторий) и «воспринял человека, не смешиваясь с ним» (Кирилл) становится неуловимой, ибо то и другое – иносказания, не выражающие сути дела.

Кроме того, Боэций здесь, как и в ряде других случаев, начинает с определения исходных понятий (природа, лицо) и полагает, что прав. Однако Несторий вкладывал в эти слова другой смысл. Боэций и сам это смутно чувствует: если внимательно вчитаться в его трактат, можно обнаружить, что Боэций говорит о Нестории очень неуверенно; он не знает, что Несторий утверждал, – вместо этого он выдвигает догадки о том, что тот думал. Последнее, впрочем, понятно: почти все книги константинопольского патриарха к тому времени были уже уничтожены.

Опровержение взглядов Евтихия уже совсем нелепое, – со своей задачей Боэций здесь явно не справляется. Согласно Боэцию, Евтихий считал, что Иисус Христос – это одно лицо и поэтому одна природа, скорее всего, конечно, божественная. Значит, божественная однажды поглотила человеческую.

Тут открываются две возможности: либо поглощение было до распятия, либо после. Если до распятия, тогда страдания Иисуса не искупили наших грехов, ибо это происходит через искупление грехов той человеческой природы, которая была в Иисусе. И это плохо с католической точки зрения. Лучше, если поглощение произошло после: ведь главное дело – искупление – уже свершилось. Вот так это разумно и без всякой диалектики и грамматики объясняется (именно объясняется, а не доказывается).

Наконец, для того чтобы понять, что происходит у Боэция в трактате о благах самих по себе и вещах, которые блага, мы предлагаем такое сравнение. Сперва Боэций спрашивает: осел – это осел или конь? Боэций с самого начала знает ответ, но делает вид, что не знает. А затем посредством витиеватых рассуждений приходит к выводу, что осел – это все-таки осел, чему очень радуется. Единственное, что тут достой-

но упоминания, – в этом произведении у него есть то, что впоследствии назовут «геометрическим методом в философии».

«Утешение философией». Эту книгу Боэций написал, находясь в тюрьме и ожидая смерти. Но как можно было создать такое величественное произведение в подобном состоянии, это не очень понятно. Некоторые предполагают, что на самом деле Боэций рассчитывал на помилование, а значит, пребывал в относительно спокойном расположении духа, что и позволило ему творить. Так это или иначе, но книга действительно получилась весьма и весьма неплохая. В ней, однако, Боэций предстает совсем не как католик, а как римский философ, вроде Люция Аннея Сенеки, Музония Руфа или Марка Аврелия. Это тоже одна из загадок. Возможно, что Боэций по-настоящему вообще никогда не был христианином, а только делал вид, поскольку иначе вести себя было в те времена уже небезопасно. В книге обнаруживаются некоторые любопытные противоречия: Боэций пишет так, словно не может окончательно решить, кто он – стоик или платоник. В своем рассказе мы сохраняем эти особенности.

В нашем мире все неустойчиво. Дары судьбы преходящи, как сновидения. Одно лишь в мире постоянно – бренность, непостоянство. Но все во вселенной повторяет свой путь. Конец и начало всего совпадают. Так держится вечный порядок. И это возвращение радует смертных.

Люди жаждут богатства, чинов, власти, славы и удовольствий. Они думают, что за этим последуют достаток, уважение, влияние, радость. Но чины и должности не имеют собственной красоты. Она у них от того, кто ими обладает. Почести и могущество не могут быть благом, ведь они, как правило, у самых недостойных людей, таких, для которых лучше была бы полная безвестность, – чтобы их низость никто не видел. Правители на деле очень зависимые люди. Кем бы они были без своих многочисленных слуг? Кроме того, кто стремится к могуществу, тот многим жертвует – удовольствием, богатством, почетом, славой. Сколь многого в таком случае ему не хватает? Внешняя красота скоротечна. Да и если бы зрение было острее, сколько изъянов можно было бы заметить у человека? А слава, которой так жаждут? Может ли она быть великой на той четвертой части земли, что заселена знакомыми нам существами? К тому же разные народы ценят разные вещи. Людям кажется, что будущая слава сделает их бессмертными. Но пусть сравнят то будущее,

которое они имеют в виду, с вечностью. Ведь любое количество лет рядом с ней ничто. А кто посвятил себя погоне за наслаждениями, тот, очевидно, раб своих страстей. Разве это не позорно?

Словом, все то, на что обычно люди растрачивают свою жизнь, это мнимые блага. Настоящее благо измеряется не молвой народа, а осознанием истины, убежденностью в правоте. Непостоянные же блага человек все время боится потерять, и этот страх делает его несчастным. Кроме того, всякое благо выше того, кому оно принадлежит, и если люди влекутся к презреннейшим вещам, значит, они ставят себя ниже их.

Преходящее счастье — от удачи, которая непостоянна. Когда она уходит, остается только печаль. Счастье, которое она приносит, это знамение будущих невзгод. Никто не обладает полным счастьем, таким, чтобы уже ничего не желать. Но ничто не является несчастьем, если его не считают таковым.

Цель смертных — блаженство. Оно не заключено в случайных вещах, оно — высшее благо природы, и его нельзя отнять. Удача над ним не властна.

Самодостаточность, заключающая в себе все блага, — вот что ближе всего к блаженству. Радость, страх, печаль, надежда — гони все это прочь от себя: ум, связанный ими, пребывает во мраке. Мудрость в том, чтобы не сетовать на удачу, а быть всегда готовым к ее переменам, чтобы бедствия не могли сломить, а удовольствия не могли расслабить...

В мире правит закон. Кто нарушит его, того постигает горький исход. Мир есть порядок, и это не может быть случайным: миром руководит создатель, бог. Он неподвижен, величествен, начало и конец всему, венец жизни. К творению его побудила природа блага. Он сделал прекрасный, совершенный мир. Числом он связал стихии. Сотворил душу природы, меньшие души и низших существ. Душа природы тройственна [тождественное, иное и среднее между ними]. Движение мироздания разделено на два круга [небо и блуждающие звезды]. Благо — это бог, в боге благо, и благо одно. Если бы это было не так, существовал бы некто, превосходящий бога; если бы благо было не одно, каждое из них было бы несовершенно.

Богу подчинена судьба, духи (ангелы и демоны), мировая душа и природа (движение светил). Божественный разум, или провидение, прост и неизменен; судьба — порядок вещей, воплощение провидения — переменчива. Чем дальше нечто

отстоит от божественного разума, тем более оно подвержено превратностям судьбы, движущей небо, звезды и стихии. И все-таки везде в сущем порядок, направляющий его к благу, поэтому несправедливость и зло присутствуют лишь в воображении людей. Все кажущиеся бедствия, если они не укрепляют, значит, наказывают.

Высшего блага (блаженства) хорошие стремятся достичь природным путем – через добродетель; дурные – путем удовлетворения страстей. Таким образом, дурные слабы, ибо не могут приблизиться к тому, к чему их влечет природа. Отвратившись от истинной цели, они даже перестают существовать как люди, а значит, как бы вообще перестают существовать. Их могущество – от их слабости, они сильны во зле. Наказанием для дурных служит сам их порок. И, конечно, для таких большим счастьем будет подвергнуться наказанию, чем избежать его. Для доброго же награда в этой жизни – его порядочность, а в будущей – стать богом...

Что такое случай? Поскольку все находится в порядке, случай как нечто, не имеющее причины и смысла, не существует. Поэтому случаем мы называем обстоятельства, когда происходит то, чего мы не ожидали, то, что случилось по стечению неведомых нам причин.

Каждое разумное существо имеет свободу воли. Душа человека наиболее свободна, когда созерцает божественный разум. Как совместить свободу воли и предвидение бога? Невверно думать, будто бог предвидит то, что произойдет, поскольку оно произойдет, – словно знание бога – следствие, а событие – причина. Тут получается, что никакого предвидения, по сути, нет. Но, если нет свободы, тогда исчезает смысл в наградах и наказаниях. Тогда и порок существует по воле бога, а значит, нам нет нужды молиться. Так прекращается всякое общение человека с богом. Предзнание существует, но не сообщает событиям необходимости. Такого правильное решение, ибо оно сохраняет свободу человека.

Заблуждаются, когда думают, будто знание зависит от природы познаваемого. В действительности оно больше зависит от природы познающего. Бог вечен, а вечность – обладание сразу всей полнотой бесконечной жизни. У того, кто во времени, настоящее с наступлением будущего переходит в прошлое. У бога же все в настоящем. Знание бога не столько предвидение будущего, сколько непогрешимое созерцание нескончаемого настоящего. Бог единым умственным взором прозревает форму всех вещей, и его познание не раздроблено

на рассудок, воображение и чувства. Поэтому одно и то же будущее по отношению к божественному знанию необходимо, а по отношению к своей природе свободно и независимо...

Так заканчивается «Утешение философией». Есть в конце этой книги еще любопытное и довольно нелепое деление необходимости на два вида – простая (например, все люди смертны) и условная (если кто-то сейчас ходит, необходимо, чтобы он ходил). Поскольку доказательство истинности суждения «Все люди смертны» (равно как и других подобных ему всеобщих высказываний) явно превосходит человеческие возможности, смертность людей не может быть признана простой и безусловной необходимостью. Поэтому данное деление неверно...

Наши выводы относительно Боэция на сегодня неутешительны. Допускаем, что он сделал неплохие переводы с эллинского на латынь, но его собственным исследованиям мы откладываем в ценности (не считая книги «Утешение философией», которая исследованием не является и которая, может быть, именно по этой причине оказалась единственной достойной его работой). Боэций – мыслитель, не слишком внимательный к чужим взглядам и вопреки видимости полностью запутавшийся в логике.

Метод Боэция заключается, собственно, в том, чтобы не слишком понятное сделать еще менее понятным. Чрезмерная логическая утонченность и строгость, чем постоянно грешит Боэций, – это всегда обман, поскольку разум и речь не поддаются никакому искусственному ограничению. Поэтому всякая попытка доказать что-либо, начав с определения исходных понятий, непременно оборачивается натяжками и условностями. Дав нужные определения, можно потом получить любую истину. Так у Боэция и происходит.

Омертвелость его мысли иногда просто поражает. При этом он создает видимость такой учености, что первое время кажется, будто перед тобой сокровища ума. Но эти самоцветы, как в сказке, из льда: тепло здравого смысла превращает их в мутную воду, утекающую сквозь пальцы. После прочтения книг Боэция невольно проникаешься мнением, что в грубом невежестве подчас скрыто больше знания, чем в самой тонкой науке.

Флавий Магн Аврелий Кассидор (ок. 490–580), подобно Боэцию, занимал высокие должности при дворе готских князей в Италии. У Теодориха он от лица князя вел государственную переписку; у трех преемников Теодориха служил

первым министром. В конце жизни удалился на юг Италии, где в Калабрии основал монастырь под названием Vivarium. Наряду с Монте-Кассино это было главное заведение по переписке и сохранению древних книг. Там даже выполнялись переводы с греческого.

Кассиодор называет философию высшим искусством, наукой наук, которая постигает сущности божественные и человеческие. Она есть размышление о смерти, путь познания Бога, доступный человеку. Философия делится на умозрительную (изучает природу, число и божественное) и деятельную (нравы, хозяйство, гражданская жизнь).

Такое деление философии восходит, очевидно, к Аристотелю. Можно, правда, заметить, что основатель школы в Ликее высказывался о практическом знании не совсем так. Он то отождествлял его с политикой, то находил состоящим из двух частей – политики и этики. Таким образом, экономика в перечне практических наук – это пусть небольшое, но все же новшество. В следующие века эту точку зрения примут такие крупные философы, как Иоанн из Дамаска и Герберт из Аквитании.

В первой книге «Наставлений», своего главного произведения, Кассиодор излагает в общих чертах христианское учение, приводит сведения о Священном Писании и различиях в его переводах, об основных епископских совещаниях, о знаменитых отцах церкви, о христианских летописцах. Далее идет космография в духе Клавдия Птолемея, георгики, грамматика и яত্রика.

Во второй книге он переходит к обзору треугольника и квадрата искусств (т. е. трехпутья и четырехпутья). Изложение у него здесь, однако, более сжатое и поверхностное по сравнению с первой книгой. Обоснование искусств у Кассиодора вполне христианское: светское образование полезно, ибо помогает понять Священное Писание.

Составляющие трехпутья и четырехпутья Кассиодор называет как искусствами (*ars*), так и науками (*disciplina*). Его определения по данному поводу звучат следующим образом: искусство – это то, что своими правилами ограничивает и сдерживает нас, но ее предмет – случайное и неопределенное; наука же есть доказательное знание о необходимом.

Грамматика – источник и основа всех искусств. Она толкует о звуках, буквах, слогах, ударениях, оборотах, о происхождении слов, правописании и частях речи. Риторика состоит из пяти частей: нахождение, расположение, изложение,

запоминание и произнесение. Риторiku можно разделить и по целям, например, есть риторика правовая, деловая, одобрительная, совершенная. Переходя к диалектике, Кассиодор кратко пересказывает «Введение» Порфирия, перечисляет категории Аристотеля и дает обзор доводов для рассуждения (топика).

Арифметика – наука, которая рассматривает отвлеченные количественные величины. Изучать ее (и вообще всю математику) совершенно необходимо, поскольку Бог, как известно, расположил сущее с помощью меры и чисел. Музыка пронизывает все мироздание и способствует добродетели. Геометрия – наука о неподвижных величинах и формах. Наконец, астрономия, как явствует из самого ее названия, есть наука о законах звезд...

Разум, по мнению Кассиодора, возвращается в человеке либо науками, либо самим Богом. Изучение наук делает нас образованными, но даже тот, кто совсем не знаком с ними, может удостоиться совершенной мудрости, истинного познания и истинной веры. Все это приходит от вдохновения свыше, которое Бог дарует чистым и благочестивым умам.

Перечислим основные сочинения Кассиодора: «О душе», «О правописании», «История готв» (в 12-ти книгах), «Хроника» (от Адама до 519 года от рождения Христа), «Наставления в науках божественных и человеческих» (в 2-х книгах), «Разное» (сборник посланий и законов готских князей с примечаниями), толкования псалмов.

Георгий Флоренций, или **Григорий Турский** (ок. 540–595) родился в Клермоне (Франкское княжество). Семья, из которой он происходил, была очень знатной и весьма влиятельной: достаточно сказать, что родственники Георгия занимали большую часть епископских престолов в Южной Галлии. В монашестве Георгий получил имя Григорий, под которым и стал широко известен в последующие века. В 70-е годы, избранный на должность епископа в Туре, он едва ли мог остаться в стороне от распрей сыновей князя Лотаря – Хильперика, Сигиберта и Гунтрамна. Ущерб, который в связи с этим понес Георгий, был, впрочем, потом возмещен: победители (Гунтрамн, а также Брунгильда и Хильдеберт – вдова и сын убитого Сигиберта) приблизили его к себе и даже ради него освободили город Тур от налогов.

Ныне Георгий известен почти исключительно как создатель «Истории франков», обычной для христианской Европы всемирной летописи. Он начинает повествование с начала

начал – с бога, с творения мира, первых людей и грехопадения; затем проходит по всем основным вехам прошлого: потоп и Ной, Авраам, Давид, вавилонское пленение израильтян, Иисус Христос и, наконец, великий франкский святой – Мартин Турский. Касается также эллинов и римлян, причем богов этих народов толкует в соответствии с учением Эвгемера – как царей, возвеличенных потомками.

Есть всемогущий Бог-Отец, есть его единственный Сын, Иисус Христос, господин наш, рожденный от Отца и не сотворенный, всегда бывший с Отцом – не во времени, но до всякого начала времен. Христос есть Слово Бога, через которое все произошло. Слово это стало плотью и страданиями искупило мир, но страдал в нем человек, а не Бог. Святая Мария, родившая Христа, была девой как до рождения его, так и после. Христос воскрес на третий день, спас грешного человека, вознеся на небо, но еще придет судить живых и мертвых. Святой Дух равен Отцу и Сыну по природе и могуществу, вечно пребывает с ними, исходя от того и от другого. Отец, Сын и Дух суть Троица, одно божество, сила и сущность. Душа бессмертна, но она не часть божества.

Твердо верю во все то, что установили 318 епископов в Никее, – такими словами заключает Георгий Флоренций перечисление основных положений католического учения.

По подсчетам Георгия, от Адама до Ноя прошло 2242 года, от Ноя до Авраама – 942 года, от Авраама до Давида – 942, от Давида до Иосии (во времена которого Навуходоносор пленил израильтян и переселил их в Вавилонию) – 390, от Иосии до страстей Христовых (17-й год правления Тиберия) – 668 лет. Таким образом, от сотворения мира до рождения Спасителя прошел 5151 год (а если до смерти Христа, то 5184 года). Многие из этих данных Георгий заимствует у Иеронима Стридонского и Орозия.

Будучи никейцем, Георгий озабочен широким распространением арианства среди франков и прилагает усилия для насаждения никейского вероучения.

Иисус Христос – Сын Бога, истинный человек и истинный Бог, разъясняет Георгий. В нем та же божественная премудрость, что и в Отце, тот же свет, истина, жизнь, правосудие. В Отце это было всегда, значит, и Сын был всегда. И не был бы Отец Отцом, если бы не имел Сына. Евангельское выражение «Отец мой более меня» (которое в своих целях часто использовали ариане) выражает, по мнению Григория, только уничтожение плоти, которую Сын принял. Лучшим же дока-

зательством равенства Отца и Сына служит другое его восхваление: «Я и Отец — одно».

Итак, Отец всегда в Сыне, и Сын всегда в Отце. Оба они составляют единое божественное существо. Сын исполняет волю Отца, а Отец исполняет волю Сына. Таким образом, Сын равен Отцу как бог, совершенен и лишен недостатков. Отец, Сын и Дух равносущны. У них одна воля, одно могущество, величие и действие. Бог един в Троице и троичен в единиче.

Об арианах Георгий отзывается нелестно: подробно описывает их оскорбительное поведение и насильственные действия в отношении никейцев. Например, повествует о том, как князь Испании Амаларих, приверженный арианству, приказывал подданным швырять в его собственную жену навозом и прочими нечистотами, когда та направлялась в никейский храм. Посла испанского князя Леовигильда Агилу, тоже арианина, с которым Георгию пришлось однажды спорить, он называет не умеющим разумно мыслить, зато глупо настроенным против истинной веры. И так далее. А вот Хлодвиг, воевавший против ариан всеми честными и нечестными способами, не слышит от турецкого епископа ни слова порицания. Георгий действительно не видит ничего противного христианству в том, чтобы истреблять инакомыслящих: ведь они враги Бога... В остальном же Георгий Флоренций весьма увлекательно описывает жизнь франков, жизнь опять же очень мало похожую на ту, которую принято считать христианской. Наибольшее внимание он, конечно, уделяет князьям и княжеским семействам. Коварство и жадность этих людей, кажется, не знают никаких границ. Из-за этого они быстро покидают наш мир, потому что, когда им предлагают выбор — жизнь или кошелек, они зачастую выбирают последнее и в итоге лишаются и того, и другого.

Мы обратили внимание на способы телесного воздействия, которые нередко упоминает Георгий и которые, по-видимому, были в ходу у франков. Когда нужно заставить человека говорить, применяются когти и растягивание. Когда нужно проверить его слова, человека заставляют взять голыми руками раскаленные угли. Если он сказал правду, Бог непременно поможет ему, так что он не получит ожогов; если солгал, то ожоги, без сомнения, появятся.

Наконец, чтобы умертвить человека, можно его, конечно, отравить ядом, зарубить мечом или секирой, задушить обвязанным вокруг шеи платком. Но можно придумать и что-

нибудь более зрелищное: столкнуть с крепостной стены; привязать на грудь тяжелый камень и сбросить в воду; запереть в хижину и сжечь заживо; разорвать лошадьми; подвесить за детородные части тела; положить под шею бревно, а другим бревном ударить по горлу; положить на дорогу и прокатить по телу груженую телегу, а после выбросить на съедение собакам и птицам.

Подобного рода первобытная жестокость как нельзя лучше показывает состояние франкского общества. Какая уж тут философия... Образованный человек, даже по мнению не нищего духом Георгия, – это тот, кто знает Вергилия, законы Феодосия и умеет считать.

Франки внутренне еще не созрели для тонких нравов и просвещенной общественной жизни. Признаки того и другого у них появились только под влиянием римлян, с которыми они с определенных пор находились в теснейшем общении. Но когда римский мир погиб от бесконечных войн и опустошительных болезней, франки на полтора века вернулись к состоянию какой-то почти животной дикости. Даже письменность и христианство стали у них куда-то исчезать. Все это началось в следующем после Георгия столетии. Только в VIII веке их развитие достигло уровня, который позволяет существовать какой-то философии. И уже в наши дни это послужило поводом для разговоров о так называемом каролингском (попросту, франкском) возрождении.

В заключении перечислим все сочинения Георгия Флоренция: «Десять книг истории» («История франков»), «О славе мучеников», «О чудесах святого Мартина», «О чудесах святого Юлиана», «О чудесах исповедников», «Молитвенник», «Толкование книги Псалтырь». Последние два произведения не сохранились.

Григорий (ок. 540–604) родился в Риме и принадлежал к знатному семейству (римский папа Феликс приходился ему прадедом). В молодости изучал Священное Писание католиков, а также труды Амвросия, Иеронима и Августина; к светским наукам особого любопытства не проявлял. В 573 году константинопольский император Юстин II назначил его префектом Рима. Григорий вскоре после этого основал шесть монастырей на Сицилии и один в самом вечном городе. В этом последнем монастыре он стал сначала монахом, а потом и настоятелем.

В 577 году Григория возвели в дьяконы. Он отправился с посольством в Константинополь, где добился признания Пе-

лагия II в качестве папы. Он даже, по-видимому, осмелился перечить Евтихию, тогдашнему константинопольскому патриарху, который утверждал, что после воскрешения человеческого тела будут тоньше ветра и воздуха. Григорий же со своей стороны заявил, что воскресшие тела не утратят осязательного качества, хотя и лишатся всяких недостатков. Так свидетельствует Бедан. Успех в греческой столице укрепил положение Григория в высших кругах священнического сословия.

В 590 году во многих местах Италии случилось невиданное наводнение, погибло много имущества, животных и людей. Сильно пострадал и Рим. А когда вода отступила, пришла моровая язва, которая произвела еще большие опустошения. Одним из первых умер папа Пелагий. Тогда-то на его место почти единодушно был избран Григорий.

На этой высочайшей должности Григорий развил бурную деятельность. Он объединил папские земли в Италии, Галлии, Далмации и северной Африке, запретил сдавать их внаем и везде поставил своих людей, которые обеспечивали движение доходов в Рим. Вмешиваясь в хозяйственные мелочи, Григорий, однако, ограничивал власть местных епископов только в случаях, когда они нарушали устав. В остальном они были почти равны ему. Стремясь подчеркнуть свое служение, а не господство он первым из пап начал называть себя «раб рабов божьих».

В Британию он послал Августина и еще некоторых, дабы они обратили англов ко Христу. Он сам хотел отправиться туда еще при жизни Пелагия, имея намерения положить конец рабству в тех краях, но, говорят, его непустили жители Рима. Григорий приказал: храмы англов не разрушать, уничтожать только изображения ложных богов. Помимо этого он пытался насадить христианство у лангобардов и притеснял донатистов в Африке.

Когда константинопольский патриарх Иоанн пожелал, чтобы его отныне называли вселенским епископом, Григорий сразу же направил императору Маврикию письмо с возражениями. Даже Петра, увещевал Григорий, не величали вселенским апостолом, а уж Петр-то превосходит всех. Затем в нужное время польстив императору Фоку, Григорий удостоился звания главы всех церквей. А надо заметить, что Фок перед этим убил Маврикия и пятерых его сыновей.

К основным сочинениям Григория принадлежат: «Беседы» («Заботы пастыря»), «Толкования на книгу Иова» («Нравственные поучения»), «Проповеди на книгу пророка Иезеки-

ия», «Проповеди на евангельские писания», «Разговоры о житии и чудесах италийских отцов».

Как мыслитель Григорий находился под влиянием латинских отцов, рассуждал по вопросам священной науки, не забывая всячески подчеркивать значение церкви. При этом, однако, он никогда не позволял себе делать ссылки ни на какие иные книги, кроме Священного Писания. Он не упоминает даже таких, казалось бы, всеми признанных католических учителей, как Августин, Амвросий и Иероним.

Источник веры – Священное Писание, а источник спасения – церковь. Христос смертью смирил гнев Бога, и жертва Христа ныне повторяется в церкви: в ней ради нас вновь создаются его страдания. Только в церкви на человека нисходит благодать. Богослужение воздействует на Бога, помогая как живым, так и тем, кто уже покинул наш мир. Церковь должна вселять страх и надежду: если будет только страх, будет отчаяние; если только надежда, человек начнет пренебрегать делами спасения (покаяние, молитва, милостыня). Но без помощи Христа, ангелов и святых спасения все равно не обрести. За каждую вину человек должен приносить Богу жертву. И если он исполнит все, как полагается, его ждет завидная участь: он пополнит сонм ангелов. Грешников же в аду будет окружать зловоние, потому что все грехи происходят от зловонных вожделений плоти: к чему падший человек так стремился на земле, то он и получит после смерти.

Единство с церковью Григорий поставил так высоко, что даже начал отказывать в благодати погибшим за Христа, если, по его мнению, они были отступниками. Тут он, по обычаю высокопоставленных служителей, что называется, зарвался.

Внимательное изучение священных книг не прошло впустую: Григорию удалось разглядеть нечто любопытное в одном всем известном христианском изречении, касающемся Святого Духа. Оно встречается еще в «Евангелии от Фомы», вероятно, самом древнем, однако не включенном в католическое писание. Звучит оно примерно так: если кто скажет хулу на Святого Духа, ему не простится ни здесь, ни там. А отсюда следует, что какие-то грехи человеку могут прощаться даже после смерти. Именно такой вывод и сделал Григорий. У него получилось, что еще до страшного суда души проходят очистительный огонь, который снимает часть прегрешений. Но это касается только весьма незначительных проступков – празднословия, неумеренного смеха, пренебрежения семейными обязанностями и тому подобных дел. Однако даже такое

прощение можно заслужить лишь добрыми делами в этой жизни. Впоследствии это мнение превратилось у западных католиков в развернутое учение о чистилище.

Никаких наук, кроме священной, Григорий не признавал. Кто преподает грамматику, тот служит Юпитеру, заявил он в послании к одному из епископов. Возражения по этому поводу, как можно догадаться, не предусматривались.

Подобное отношение к светскому знанию ставит Григория в один ряд с печально известными христианскими мракобедами и вызывает большие сомнения в его принадлежности ко кругу отцов церкви, ибо, отвергнув свободные науки, он не сделал и никакого существенного вклада в святое учение, так что его заслуги состоят лишь в сплочении местных общин вокруг римского престола. Но человек, притязающий на звание отца церкви, должен быть, мы полагаем, не просто пастырем, но и философом.

Полное отрицание наук было понятно и оправдано только во времена зарождения христианства, в первые два века его существования. Там это отрицание, впрочем, не выражало ничего, кроме неприятия всего враждебного окружения. Но на исходе третьего столетия христианской эпохи, когда уже никакая эллинская философия не могла больше представлять хоть сколько-нибудь заметной угрозы, делать то же самое значило поощрять невежество и глупость паствы.

Вообще, насколько можно судить, из всех римских епископов только Сильвестр II (Герберт Аквитанский) заслуживает места в истории философии. Остальных вполне можно оставить за ее пределами.

VII–VIII ВЕКА

В готской Испании, как и во многих других областях, весьма продолжительное время наблюдалось противостояние никейцев и ариан, причем здесь побеждали именно последние. Никейское христианство взяло верх только в 589 году при князе Реккареде. Однако местные епископы, словно задумав отличаться, осмелились предложить поправку к константинопольскому правилу веры. На совещании в Толедо в том же году они постановили считать, что в Троице Дух исходит не только от Отца, но и от Сына. Данное уточнение, так или иначе, было призвано еще сильнее подчеркнуть утверждаемое в никейском учении равенство двух первых лиц Троицы.

Епископы словно говорили: наша вера еще более правильна, чем даже вера отцов, заседавших в Никее и Константинополе. Потребовалось, однако, около двух столетий, чтобы указанное добавление на латинском Западе перестало восприниматься как новшество. Пожалуй, только после подтверждения его в 809 году аахенским съездом епископов оно сделалось окончательной истиной католичества. Греческий восток же его не принял, и, таким образом, у греков и латинян появился дополнительный повод для вражды.

Но вернемся в готскую Испанию. Крупнейшим философом ее в пору, непосредственно предшествующую арабскому завоеванию, был некий Исидор. К сожалению, наши данные об этом человеке весьма скудны.

Исидор (ок. 560–635) родился и провел жизнь в княжестве западных готов. В 600 году был избран архиепископом Севильи. В 610 году участвовал в епископском совещании в Толедо, а в 619 и 633 годах даже председательствовал на двух таких собраниях. Будучи духовным наставником князя Сисебута (правление 612–620), имел определенное влияние при дворе.

Исидору принадлежат следующие произведения: «Этимологии», «О природе вещей», «О числе», «Некоторые иносказания Священного Писания», «О церковных делах», «Большая летопись», «История», «Похвала Испании», «Синонимы – о стенании грешной души», «Изречения» (тоже по этике), «Различия» (трактат по грамматике). Основными источниками Исидора были труды отцов церкви Иеронима, Августина и Григория Римского, эклектика Боэция, грамматика Доната, географов Плиния Старшего и Гая Юлия Солина, историка Гая Светония Транквилла и еще некоторых.

Значение Исидора для латинского Запада трудно переоценить: его книги на много веков стали здесь едва ли не главной сокровищницей сведений по всем наукам.

«Этимологии» Исидора – огромное сочинение, охватывающее, кажется, все области знания. Первые три главы книги посвящены свободным искусствам; четвертая и пятая – врачеванию, правоведению, летосчислению и истории; в шестой, седьмой и восьмой главах Исидор излагает христианское учение и военное дело; в девятой повествует о народах и языках; оставшиеся одиннадцать глав заняты описанием мироздания, земли, камней, металлов, зверей, человека и его образа жизни – земледелия, войн, одежды и пищи. Не менее важен и трактат Исидора «О природе вещей».

Исидор сообщает, что Бог сначала создал из ничего материю и только потом мир; при этом материя понимается им не как чистая возможность, но как состояние, вещь (субстанция). Основа всего сотворенного существует сразу, виды же и формы появляются позже во времени: «В начале сотворена бесформенная материя, в которой не разделены небо и земля и которую греки называли хаосом; из нее потом образуются отдельные виды и формы». Выражение «темна и неустроена» в Законе Моисея отнесены Исидором к материи.

Затем за шесть дней первая материя, состоящая из четырех элементов, обретает определенность. Огонь – тонкий, острый и подвижный; воздух – подвижный, острый и плотный; вода – плотная, тупая и подвижная; земля – плотная, тупая, неподвижная. Таким образом, возникновение мира двухступенчатое – сотворение (*creatio*) и образование (*formatio*).

Бог составляет единство со своим творением, наполняет его. Бог един и неподвижен, мироздание же изменчиво и разнообразно. Мир подобен человеку, человек являет собой «меньший мир» (микрокосмос).

Мир – это небо, земля, море и то, что в них. Основа мира – атомы, мельчайшие частицы, из которых состоит все. Исидор понимает атомы как некие неделимые первоначала, из которых складывается разнообразие сущего. Атомы бывают телесные, временные, числовые и буквенные.

Небо представляет собой шар, верхний слой которого – граница мира. Небо круглое, неподвижное, пылающее; оно не имеет ни начала, ни конца из-за своей шарообразности. Части небосвода одинаковой плотности, одинаково обращены во все стороны и удалены от середины. Эта необычайная равномерность и делает его таким устойчивым и не позволяет ему наклониться в какую-либо сторону, так что он удерживается на месте без всякой опоры. Небо вращается вокруг полюсов мира. Семь блуждающих звезд (планет) движутся по своим путям, образуя семь внутренних небес. Высший круг неба отделен от прочих особой границей. Это огненный эфир, в котором пребывают природы, качества и совершенства (*virtutes*) всего одушевленного. Умеряя жар высшего неба, струятся небесные воды; они не стекают вниз, так как природа их неподвижна и тверда, как лед.

По своим кругам движутся звезды. Исидор допускает, что светила одушевлены, что это живые существа. Но если у них есть души, что они будут делать после воскрешения?.. Этот вопрос остается без ответа.

Солнце огненно, обладает силой освещать и испарять. Солнце в несколько раз больше Земли, но кажется небольшим из-за убогости нашего зрения. Солнце не прикреплено к своей сфере, но обладает собственным движением. Однако Солнце не только источник тепла, но порой и источник гибели для людей, оно насыщает не только засухи, но и болезни.

Луна меньше Солнца и расположена ниже. Относительно ее света Исидор приводит две точки зрения: Луна получает свой свет от Солнца; Луна имеет две стороны – темную и светлую. Исидор больше склоняется к первой. Луна – шар, вращающийся вокруг своей оси, этим объясняются ее фазы.

Земля находится в середине мира и неподвижна. Из трактата трудно понять, считает ли Исидор Землю шаром или плоскостью, однако из «Этимологии» можно сделать вывод, что он склонялся к последнему мнению. Мироздание Исидора трехмерно: небо, земля и подземный мир. Крупных участков суши тоже три – Азия, Африка и Европа. Суша ограничена Океаном. В Азии на востоке расположен рай, где из одного источника берут начало четыре реки. Здесь царит вечная весна. Рай населен ангелами, не имеющими плоти.

Преисподняя находится в центре Земли. Для ее обозначения Исидор часто использует древние названия: Эреб, Тартар и другие. Здесь же мы встречаем реку Ахеронт и ледяное озеро Кокит.

Небо (огненный эфир) отдано ангелам, воздух – крылатым (птицам), море – рыбам, земля – людям и животным. Бог пребывает вне мира движения, следовательно, вне стихий. Есть пять поясов мира: арктический, необитаемый из-за холода, летний – умеренный и обитаемый, средний – выжженный и необитаемый, зимний – умеренный, обитаемый; пятый пояс – антарктический, холодный и необитаемый. Частей света четыре – восточная, южная, западная и северная.

Почва (humus), из которой, кстати, создано тело человека (homo) и в которую оно обратится после смерти, питает все живое и предназначена для обработки.

Все сотворенное выстраивается в обычный порядок: неживое, живое, неразумное, разумное, смертное, бессмертное. К неживому относится то, что не растет и не имеет движения, – как, например, камни. Живое – то, что растет, живет, но не имеет чувств, как растения, деревья. Неразумное – не только то, что растет и живет, но и то, что чувствует, хотя не мыслит, как, например, животные. Затем следуют те, которые растут, живут, чувствуют и мыслят, но являются смертными,

как человек. Далее – те, что чувствуют, мыслят и являются бессмертными, как, например, ангелы; выше их – неподвижный, бесконечный, управляющий миром и царствующий над ним Бог. Есть также демоны, низвергнутые из высших небес в воздушную стихию.

Все под небом сотворено для человека, человек же – для себя самого. Человек выделяется из всех божественных созданий, он уподоблен Богу.

Человек избирает путь греха или добродетели по свободной воле, но подлинно добродетельным он становится под сенью божественной благодати. Грех царит в человеке, все люди греховны от рождения.

Ступени человеческого познания: телесное чувство, или ощущение; воображение, основывающееся на памяти; непосредственное размышление, охватывающее настоящее; разум, предвидящий будущее. Для обозначения высших ступеней познания Исидор употребляет слова «intellectus», «ratio», «intelligentia». Не добродетелью, не телесным восприятием, но разумом отличаемся мы от животных.

Разумность человека – следствие его одушевленности, т. е. обладания душой (anima) и духом (animus). Душа – жизненная сила человека, дух – то, что облагораживает душу, возвышает ее путем размышления и изволения.

Вот как Исидор описывает внешний облик человека: «...голова устремлена в небо, а на ней два глаза, подобные свету Солнца и Луны. Дыхание подобно воздуху, ибо как дыхание порождает вдох и выдох, так происходит в воздухе движение ветров. Живот можно сравнить с морем, ибо в нем собраны все жидкости, подобно тому как в море – воды. Наконец, ступни ног можно сравнить с землей, поскольку они сухи и содержат жар, как земля. Истинный разум пребывает в голове, возвышающейся над телом, как Бог в небесах, так что он может обозревать и управлять всеми вещами с высоты».

А вот человеческий образ жизни: «Люди являются вместилищем разума, мудрости, красноречия; они более сильны в том, что приобретается учением, чем природными свойствами. Они стоят прямо с вознесенным кверху лицом, в этом они все схожи, но между тем каждый из них имеет собственный облик; они обладают бессмертной душой, однако чувства их несовершенны, тело их тленно, рассудок легковесен; они различаются нравами, неравны в заблуждениях, ленивы к наукам, охочи до телесных наслаждений, безразличны к труду. Их влечет богатство, терзают заботы, каждый человек смер-

тен. В своем потомстве они не уверены, жалуются на жизнь, которая быстротечна. Они с трудом приобретают мудрость, но легко устремляются к смерти, перед прошлым наги, перед настоящим – жалки, перед будущим – несведущи; пребывают в несправедливости, в грехе рождаются, в трудах живут, в печали умирают».

Человек по самой своей природе предназначен не только к созерцательной, но и к деятельной жизни. Но, самое главное, он должен познавать себя и противостоять злу. «Если получишь приказ делать зло, не мирись с этим. Если прикажут тебе поступать дурно, не повинуйся. От какой бы власти ни исходил приказ, никогда не соглашайся творить зло, хотя бы постигло тебя за это наказание, хотя бы грозили тебе муки и ждали тебя пытки. Умереть не так страшно, как выполнить губительный приказ... Не свободен от преступления и тот, кто поступает по чужому велению. Подчиняющийся злу не отличается от того, кто производит зло, одинаковая кара связывает и творящего и угодяющего ему».

Помимо обычных народов Исидор называет и даже описывает немало таких, относительно существования которых есть сомнения. Он и сам не вполне уверен в том, что говорит. Так, он упоминает кентавров, циклопов, ихтиофагов, кинокефалов, скиоподов, андрогинов, макробиев, пигмеев, антиподов, панотиев и еще некоторых. Все они принадлежат к человечеству, но суть уроды, чудовища. Однако в них нет ничего противоземного, ибо все в природе появляется только по воле творца. Кентавры бывают двух видов: первый возник от скрещивания человека и лошади, второй – человека и осла. Циклопы («круглоглазые»), кинокефалы («псоглавцы»), макробии («великаны») и пигмеи живут, по слухам, в Индии. Циклопы любопытны тем, что питаются только мясом; макробии достигают двенадцати футов роста, тогда как пигмеи – только один локоть в высоту. Есть еще в Индии племя, где женщины рожают уже в возрасте пяти лет и дольше восьми не живут. А за индийскими горами, которыми владеют пигмеи, обитают ихтиофаги («рыбоеды»). Впрочем, Александр, царь Македонии, достигнув этих мест, запретил им есть рыбу. Скиоподы («тененогие»), опять же по слухам, обосновались в Эфиопии. У этих людей одна голень, что, правда, совсем не мешает им очень быстро передвигаться. А ступня у них такая огромная, что они укрываются от солнца в ее тени. Антиподы («противоногие») живут в Ливии и отличаются тем, что стопа у них вывернута назад, и на каждой ноге по восемь пальцев. Нако-

нец, панотии («ушаны»), обитающие в Скифии, – они имеют огромные уши, которыми укрываются в случае надобности.

Говорят, что люди могут превращаться в зверей, рассуждает Исидор. Превратились же спутники Диомеда в птиц. Это правда, это было на самом деле. Возможно, что такое способны делать колдуны и колдуньи, которые, как известно, нарушают порядок элементов, помрачают дух и могут даже убить одними только заклинаниями. Но многие превращения, кажущиеся чудесными, в действительности естественные: например, из гнилого мяса рождаются пчелы, из лошадей – скарабеи, из мулов – саранча, из раков – скорпионы.

О зверях у Исидора тоже немало любопытного. Например, саламандра, как он сообщает, способна существовать в огне. Она выделяет особую нить, и ткань, сделанная из такой нити, не горит. По берегам Нила живут похожие на крокодилов маленькие скиннки. Если они прячутся в пещеры, значит, непременно вскоре разразится буря; мясо же этих тварей обезвреживает яд в напитках. Киты бывают настолько большие, что люди принимают их за острова и пытаются даже селиться на них. И так далее.

Исидор дает толкование целому ряду образов из древних сказаний. Сирены – это не полудевы-полуптицы, как их изображают древние, а просто распутные женщины, которые сводили с ума проплывавших мимо мужчин. Кербер на самом деле не существовал, но был придуман как иносказание о человеческой жизни, ибо его три головы означают не что иное как детство, юность и старость. Химера – это просто гора в Киликии. По преданию, это чудовище убил Беллерофонт, а в действительности он сделал гору пригодной для жизни.

Переходим к описанию общества.

Существуют следующие сообщества: семья, государство, город, народ. Исидор не осуждает брак, напротив, он видит в достойном браке опору всех других видов человеческих союзов. Муж должен обладать четырьмя качествами – мужественностью, достойным происхождением, красотой, мудростью. Жена должна обладать красотой, достойным происхождением, плодовитостью, благонравием. Плохо, если красота в женщине преобладает над нравственностью. Жена, по мнению Исидора, должна подчиняться мужу, в силу того, что ее дух более легковесен.

Заметим, что в «Этимологиях» государство отождествлено с городом. Здесь Исидор перечисляет обычные признаки и составляющие римского города, начиная с муниципия, фору-

ма, курии, претория, capitoлия, гимнасия и кончая банями и клоакой. Включает сюда и несколько христианских учреждений — монастырь, киновий, базилику, мартирий.

Народ в светском смысле — это собрание людей, объединенных по общему договору законом и соглашением. Народ неоднороден, он включает «старших» и «простой народ», избранных и бедных, несчастных.

К избранным относятся князь, герцоги, комиты, члены княжеской свиты, судьи, землевладельцы, другие могущественные люди, римский папа, епископы, викарии, настоятели монастырей. Человек из верхов — это просвещенный, сиятельный человек (*vir illustris*). «Сиятельным мужам» противостоят «простецы». Бедные — это рабы, зависимые лица, деревенские жители, поселенцы, слуги, люди неблагородного происхождения, монахи низшего чина и т. д. Исидор призывает к милосердию в отношении бедных, но в то же время считает, что они заслуживают жестоких наказаний за нарушение законов или посягательство на избранных.

Исидор упоминает названия верховных правителей: цезарь, император, август, господин, тиран, диктатор, принцепс, монарх, царь. Самое главное для верховного правителя, считает Исидор, — правильно действовать, само звание «тех» к этому обязывает, ибо происходит от слов, обозначающих правильный образ действий.

Правители бывают добрые и злые. Оцениваются же цари не по словам, а по делам. Настоящий правитель, князь — это защитник народа, защитник веры, глава подданных, отец бедным. Царь должен быть примером для подданных. Если царь плохой, неповиновение подданных не может быть осуждено, ибо дурному примеру не стоит следовать.

Исидор перечисляет такие качества хорошего государя: справедливость, благочестие, мудрость, терпение, мягкосердечие, милосердие. Государь — держатель власти от Бога, который своей волей вознес его над подданными, но отнюдь не избавил его от смертной человеческой природы.

Правителям необходимо согласовывать законы с народом. Мирская власть и светское право должны быть подчинены религии и церкви, ибо Бог даровал светским государям власть над людьми. Авторитет церкви для мирской власти, полагает Исидор, должен быть нравственного свойства.

Важнейшая особенность доброго царя — вершить правосудие. Оно должно быть основано на справедливости, равенстве перед законом, беспристрастности и милосердии. Усилия

правителя должны быть направлены на поддержание единства государства, укрепление связи между подданными, а также между народами, населяющими страну. Это может быть осуществлено через веру, правосудие, выполнение представителями всех сословий своих обязанностей, через заботу могущественных о бедных.

По отношению к государю подданные обязаны проявлять такие чувства, как страх, трепет перед властью, усердие в выполнении своих обязанностей и любовь. Важнейшая добродетель подданных – терпение, а людей вообще – смирение.

Средство объединения народа, справедливого управления им – закон. Исидор приводит примеры великих законодателей от Моисея и Меркурия Трисмегиста до Феодосия Великого. Он также дает общепринятое деление закона на божественный и человеческий; выделяет основные виды права: естественное, гражданское, народное право, военное, общественное, священное.

Человечество пройдет семь возрастов: младенчество – от Адама до Ноя (десять поколений); детство – от Ноя до Авраама (десять поколений); отрочество – от Авраама до Давида; юность – от Давида до вавилонского пленения; зрелость и начало заката человеческой жизни – от вавилонского пленения до рождения Христа (эти три периода по сорок поколений); старость – от евангельской проповеди до конца мира. Последний век может охватить такое количество поколений, которое было от первого, Адама, до нынешнего. Старейший век является временем, когда земля производит душу живую. Венчать все эти возрасты человечества должен седьмой, когда после праведного божьего суда будет положен конец времени...

Самая знаменитая мысль Исидора, единственная, о которой знают, наверное, все нынешние философы, гласит: природа вещей скрыта в их названиях; назвать вещь – значит объяснить ее, поэтому нужно исследовать происхождение имен, чтобы постичь родство вещей. По этому поводу, как нам кажется, сейчас если и не принято хохотать, то только по соображениям какого-то показного уважения к чужим мнениям. В остальном же исследователи здесь дают себе волю, определяя такой взгляд Исидора как отголосок бесконечно наивного мышления допотопного человека, который думал, что сумеет подчинить вещи через слова.

Однако мы полагаем, что Исидор тут ближе к истине, чем его противники. Во-первых, все мы взираем на мир взглядом

не чистым, но затуманенным понятиями и правилами их сочетания (слова же суть внешние выражения понятий). Со временем мы настолько сильно привыкаем к тому языку, которым овладели еще в раннем детстве, что начинаем прямо переносить его свойства на мир. Законы языка мы воспринимаем как законы вещей, а сами вещи существуют для нас лишь постольку, поскольку мы можем их назвать: мы различаем вокруг себя только то, для чего в уме есть слово. И произнося его, мы чувствуем удовлетворение от совершенного познавательного действия. Сколько бы ни говорили некоторые логики, что понятия (слова) следует считать не выражением действительных сущностей, а лишь орудиями познания, они сами этому почти никогда не следовали (не говоря уже о простых смертных, которые в большинстве своем имеют реалистическое мышление). Они могли сколько угодно проповедовать это на своих занятиях и собраниях, но как только расходились, так тотчас забывали обо всем и вели себя так, словно имя и вещь одно и то же. А сколь многие философы прославились тем, что напридумывали разных словесных уродцев, каких не было до той поры ни в одном живом и мертвом языке! Им ведь всем казалось, что они открыли что-то новое, прежде никем не замеченное, ибо слова они принимали за сами вещи. Поэтому Исидора и его последователей если в чем и можно упрекнуть, так только в том, что в своих объяснениях имен они иногда слишком увлекались, принимая всякое внешнее сходство слов за их глубокое родство, или же ради получения искомого сходства произвольно слова расчленяли и меняли местами отдельные их части.

Книга Исидора «Синонимы – о стенании грешной души» была, вероятно, до некоторой степени навеяна «Исповедью» Августина. Однако в отличие от последней «Синонимы» – сочинение менее личностное и более обобщенное. Сначала Исидор изображает тоску несчастной души, а потом переходит к поучениям. Борис с плотскими наслаждениями, увещевает Исидор, будь тверд, переноси все терпеливо. Спокойно сноси превратности жизни и не смотри на свое положение как на особое, – лучше взгляни на других, у которых тоже горе. Всегда держи в памяти, что страдания века сего имеют конец. Познай себя – кто ты, откуда твое начало, почему ты родился, как устроен. Помни свое звание, храни чин, свойственный твоей природе, будь таким, каким ты сотворен. Учись тому, чего не знаешь. Сначала будь слушателем, чтобы потом стать наставником. Услышишь доброе – Расскажи;

выучишься хорошему – научи. Говори понятно, не употребляй неясных слов. И не стремись при этом к славе. Великие тайны кому попало не открывай, ибо не все их достойны. Наставляя других, следи за собой: делом исполняй то, что провозглашаешь устами. Пусть не будет у тебя праздного времени. Каждый час предавайся упражнению в науках, всегда будь готов отдать себя учению... На этом рассказ об Исидоре можно считать законченным.

...Григорий Римский, решивший однажды принять участие в судьбе англов, возложил непростую задачу обращения этого народа в христианство на некоего Августина (ум. 605). Августина удалось крестить самого Эдильберкта (Этельберта), князя страны Кент, чему, наверняка, способствовало и то обстоятельство, что супруга князя, происходившая из племени франков, уже исповедовала католичество.

После обращения в христианство столь высокой особы дела у Августина, разумеется, пошли гораздо быстрее. Образованный его успехами, Григорий послал ему в помощники Меллита, Юста, Павлина, Руфиниана и еще некоторых. Столицей княжества тогда был Кентвара-Бириг (Kentwara Byrig, «город людей Кента»). Это название с течением времени превратилось в Кентербери (Canterbury), поэтому верховным руководителем британских общин с тех пор и по сей день является архиепископ кентерберийский. Впервые эту должность занял Августин, а другие посланцы Григория стали епископами в соседних областях. Так христианство укоренилось в Британии...

Заметной величиной в британской философии этого времени является некий **Бедан** (ок. 675–735). Источники сообщают, что учился он под руководством Альдхельма (ок. 640–709), человека разностороннего, который сам постигал основы наук при содействии монаха Теодора и аббата Адриена. Альдхельм – сначала простой монах из Мальмсбери, с 690 года настоятель этого монастыря и с 705 года епископ Шерборна – написал «Похвалу девственности», «Загадки» и гимны. Вторая из названных книг – сборник загадок в буквальном смысле этого слова, т. е. предложений распознать по описанию самые обычные вещи – Землю, Солнце, Луну, ветер, облака, радуго, ночь и так далее и тому подобное.

Бедан, выучившись у Альдхельма, в свою очередь выступил наставником Эльберта, тот – Альбина, тот – Рабана и Смарагда. Последний преподавал науки Теодульфу, учениками которого потом стали Эрик, Гукбалд и Ремигий. Так

выстраивается цепочка преемственности, в которой оказались многие видные мыслители раннегерманского мира.

Бедан (в латинском написании Беда) родился в Нортумбрии (Нортумберленд); в монастыре Вирмаут – а туда он попал уже в возрасте семи лет – получил воспитание и образование. По достижении девятнадцати лет был посвящен в дьяконы, в возрасте тридцати лет – в пресвитеры. Затем переселился в монастырь Ярроу, где и провел всю оставшуюся жизнь. Римский папа Сергий приглашал его в вечный город, но получил отказ.

Бедан знал латынь, греческий и немного еврейский. Подобно Григорию Римскому, Бедан не увлекался светскими науками, полагая, видимо, что христианское учение и так дает человеку все, что ему нужно. Несмотря на это, в сочинениях Бедана влияние эллинского духа, разумеется, очень даже заметно. Он и сам признает, что такие науки, как, например, астрономия и география, важны для христианства. Его основные книги: «О природе вещей», «Об искусстве стихотворного размера», «Об образах и оборотах» (трактат по наукам трехпутья), «О временах» (второе издание называлось уже «Об исчислении времени»), «Летопись, или О шести мировых веках», «Церковная история народа англоv» (события от Гая Юлия Цезаря до 725 года), «Книга о святых местах».

В исторических произведениях Бедан использовал летосчисление Дионисия, а жизнь рода человеческого по обычаю разделил на шесть больших веков (эпох): от Адама до Ноя, от Ноя до Авраама, от Авраама до Давида, от Давида до вавилонского пленения евреев, от вавилонского пленения до римского императора Августа, от Августа до константинопольского императора Гераклия. Список эпох Августина Аврелия Бедан дополнил еще двумя: эпоха воскрешения из мертвых и вечность после страшного суда. Писал он также учебные сочинения по грамматике и жития католических святых. А всего ему принадлежит около пятидесяти произведений. В последние годы занялся переводом «Евангелия от Иоанна» на англосаксонский язык. Однако мы не знаем, удалось ему довести это дело до конца или нет.

Естествознание Бедана, насколько оно нам известно по отрывкам из трактата «О природе вещей», в некоторых отношениях производит странное впечатление. Например, он говорит в одном месте, что мир состоит из неба, земли и четырех элементов. Но в набор этих элементов у него входит и земля. В таком случае, что означает вышеприведенный перечень

основных составляющих мироздания? Может быть, о земле в нем говорится как о греховной части мира, той части, которая противостоит небесной, божественной?.. Этот вопрос нам трудно разрешить.

Далее, если мир шарообразен, как полагает Бедан, и Земля со всех сторон охвачена несколькими сферами, то как следует понимать заявление о том, что землю держат воды? Опять какое-то иносказание?..

Неясно, сколько же всего сфер располагается вокруг Земли: в разных частях своего сочинения Бедан говорит здесь не вполне тождественные вещи.

Мы попытаемся привести все это в разумный порядок, хотя, возможно, из-за этого придется придумать нечто, не вполне соответствующее взглядам нашего англосаксонского монаха. Прежде всего, мы предполагаем, что этот человек пытается, как говорится, сидеть сразу на двух креслах. Он использует не только хорошо проработанное естествознание эллинов, но и то крайне обрывочное и спутанное учение о мире, которое ему предлагают евреи. Отсюда разговоры о шарообразном мироздании, стихиях и вместе с тем о каких-то небесных водах и водах, которые держат землю.

Согласно Бедану, у Бога есть четыре действия. Первое: Слово Бога (*Verbum Dei*), в котором все вечно и не создано. Второе: в бесформенной материи Бог творит элементы мира, а из них разом [мгновенно?] производит все. Третье: материя преобразуется в небесное и земное за шесть дней. Четвертое: от семян и первых причин естественным ходом совершается время целого века, где поныне действуют Отец и Сын.

Мир есть всеобщность (*mundus est universitas*). Мир шарообразен, делится на земную и небесную область, состоит из четырех элементов. Элементы смешаны между собой в силу близости природы: земля – сухая и холодная, вода – холодная и мокрая, воздух – мокрый и горячий, огонь – горячий и сухой. Земля, кроме того, самая тяжелая, поэтому она находится в средней, низшей части мира. Земля со всех сторон охвачена воздухом, которым дышит все живое, – таково его основное предназначение. Затем идут сфера эфира, олимп, огонь, свод звезд, небо ангелов и, наконец, небо Троицы. Есть еще где-то небесные воды, которые смиряют огонь звезд.

Как видим, космография Бедана – причудливая смесь эллинского, еврейского и католического учений. Его теология и этика нам неизвестны, но предполагаем, что они не отличаются от тех, что имели распространение у католиков. Ведь

после священного писания главными авторитетами для Беда-на были Амвросий, Иероним и Августин.

Учение и книги Беда-на распространились и получили признание в Европе в значительной степени благодаря некоему Винфриду, которого больше знали под духовным именем Бонифаций. В 719 году папа Григорий II направил его крестить Германию, и Винфрид тогда привез из Британии в числе прочих вещей сочинения Беда-на.

Винфрид (680–754) был родом из Девоншира, образование получил в Эксетере и Винчестере. В 717 году он побывал в Риме, а в 719 году, как уже говорилось, папа послал его в Германию обращать в христианство местных жителей. При этом христианизация германских земель уже довольно давно и успешно шла, но проводили ее ирландцы, к которым Григорий относился настороженно и которых рассматривал как соперников священного римского престола. Успех сопровождал Винфриду. В 722 году он вернулся в Рим; папа сделал его епископом и дал новое поручение: теперь Винфриду надлежало отправиться к франкам, снова обращать неверных и искоренять ереси. Папа дал ему сопроводительное письмо ко князю Карлу Молоту, с которым у Винфрида потом сложились дружеские отношения. В 732 году Винфрида возвели в архиепископы, в 738 году он в третий раз посетил Рим. В 741 году папа Захарий наделил его полномочиями привести франкскую церковь в полное единство с римской. Винфрид основал тогда монастырь в Фульде, дав ему очень строгий устав – строже, чем у бенедиктинцев. В 754 году после приезда во Фризию, где он уже бывал, Винфрид и несколько его сподвижников были убиты врагами христианства.

Однажды у Винфрида состоялся, по-видимому, любопытный спор с Вергилием, епископом Зальцбурга, ирландцем по происхождению. Вергилий утверждал, что помимо земли есть и иные миры. Винфрид отрицал такую возможность. К сожалению, другие подробности дела нам неизвестны.

IX ВЕК

Франкское возрождение. Карл считал себя царем, коронованным богом. Притязания у этого человека были очень и очень большие. И ему многое удалось: он создал огромное по меркам Европы государство (по площади оно примерно в два раза превышало Францию конца XX века); он сосредоточил

в своих руках светскую и духовную власть. Во все отдаленные части своего княжества он рассылал личных представителей, которые должны были осуществлять его волю. Большое значение он придавал письменным указам (прежде княжеские указы были обычно устными) и вообще записи важных постановлений, например, судебных решений.

Исходя из этих задач, Карл задумал повысить уровень образования своих подданных. Сам Карл, правда, обучался уже в зрелом возрасте. Грамматике его учил Петр Пизанский, а остальным искусствам – Альбин Йоркский. В частности, для Карла были изготовлены из дерева буквы; он хранил их под подушкой и перед сном угадывал наощупь. В ходе таких и других занятий чтением он кое-как овладел, а вот писать так и не научился. Но ученые люди, которых Карл собрал при дворе и которым покровительствовал, конечно, превосходили его в этом смысле во много раз.

Указами Карла учреждались школы при каждом монастыре и в каждом епископстве, возрождалось преподавание свободных искусств, возрождалось изучение древних дохристианских писателей (правда, знакомство с этой древностью шло почти исключительно по книгам Цицерона, Боэция, Кассиодора и Исидора). Лучшими учебными заведениями вскоре и надолго стали монастырские школы Фульды и Тура.

Немалым достижением было установление для всего государства единого Священного Писания (из-за небрежности переписчиков в разных рукописях оно было не совсем одинаковым). Карл заботился о распространении христианства, но средства для этого выбирал довольно грубые: за нанесение любого увечья посланникам церкви, проповедующим Христа, и за любое оскорбление христианства виновным сразу полагалась смертная казнь.

Главным местом сосредоточения умственных сил страны стала столица – город Аахен (Ахен). При дворе Карла в 794 году возникло учреждение, которое в подражание древним называли Академией. Ученые люди, собиравшиеся в Академии, брали себе имена знаменитых писателей и поэтов прошлых веков – Гомера, Горация и т. п. Самому Карлу с подачи Альбина нравилось называть себя Давидом (древний еврейский царь).

В Академию приглашали людей со всей Европы, там были выходцы из самых разных государств. Главой школы первоначально был уже упоминавшийся Альбин из Эверика (Британия).

Сейчас некоторые находят достижения аахенских академиков более чем скромными. Они полагают, что основная часть ученых занятий там состояла в разгадывании загадок и головоломок, в рассказывании притч и басен. Книги не столько читали, сколько разглядывали, ибо они были красиво написаны и снабжены рисунками. Есть свидетельства, что многие приближенные Карла тогда научились читать (т. е. произносить написанное вслух), но не научились понимать прочитанное.

После смерти Карла в 814 году многие его начинания сошли на нет. Сын Карла, Людовик, придя к власти, положил конец светскому духу и вообще вольной жизни княжеского двора: разогнал любовниц отца и любовников своих сестер; сами сестры были отправлены в монастыри для восстановления целомудрия. Дело в том, что Карл был настолько привязан к дочерям, что не разрешал им выходить замуж; однако это не мешало им иметь любовные связи и даже рожать детей вне брака, с чем Карл довольно легко мирился.

Образование при Людовике вновь сосредоточилось в основном в монастырях и при этом стало гораздо менее доступным для мирян. Бенедикт Анианский, назначенный Людовиком главой всех монахов, прямо запретил мирянам обучаться в монастырских школах.

Невысокий образовательный уровень франков привел, в частности, к расцвету у них чисто учебного и довольно странного вида книжности. Речь идет о пословных примечаниях (так называемые глоссы). При этом наблюдалась любопытная закономерность. Начало произведения, подлежащего толкованию, объяснялось очень подробно: примечания здесь действительно писались почти к каждому слову. Однако очень скоро составитель, словно утомившись, бросал это дело. От былой тщательности не оставалось и следа, заметки шли все реже и реже и, наконец, полностью обрывались задолго до конца произведения. Подобного рода сопроводительными записками снабжались обычно священные книги католиков, творения отцов католической церкви, учебники грамматики Доната и Присциана, поэмы Вергилия, сочинения Марциана Капеллы, Боэция, Бедана и других. Писались они и на отдельные греческие слова.

От франков также во всей Европе пошел обычай называть руководителей школ и преподавателей священной науки схоластиками (*scholasticus*) – слово, сделавшееся с недавних пор прямо-таки ругательным, хотя первоначально оно не содержа-

ло в себе решительно ничего плохого: схоластиками по-эллиниски в последние века существования Римского государства могли называться какие угодно ученые, но преимущественно так именовали знатоков и преподавателей красноречия и права. У франков же схоластики были учителями высшего уровня, остальные обозначались как *informatores* или *lectores*.

Алхвине, или **Альбин** (735–804) родился в Эверике (современный Йорк, Британия). Алхвине – настоящее саксонское имя этого человека. В латинских же сочинениях его обычно называют Альбин и несколько реже Алкуин (*Albinus*, *Alcuinus*); часто к имени добавляется прозвище Флакк.

В Эверике при местном монастыре он получил образование. Его главными учителями были архиепископ Эгберт и его преемник Эльберт, который сам приходился учеником знаменитому Беде. Эльберт преподавал грамматику, риторику, диалектику и всю математику (т. е. обычный набор наук того времени). Альбин вскоре сделался помощником Эльберта и получил чин дьякона.

Преемник Эльберта Эадван (Эанбальд) в 780 году отправил Альбина в Рим, чтобы тот привез ему от папы так называемый паллиум (составная часть одежды епископа). Там Альбин встретился с князем Карлом, который предложил ему остаться. Эадван не возражал. Какое-то время Альбин жил то в Британии, то во Франкии, но с 793 года окончательно обосновался на континенте и создал знаменитую дворцовую школу в Аахене. На этом его деятельность по укреплению образования не остановилась: в течение более десятка лет он продолжал основывать школы при монастырях и собирать рукописи.

В 796 году он удалился в город Тур, где при монастыре святого Мартина учредил еще одну школу. В этом городе он и скончался.

Альбину принадлежат сочинения о священной науке (защита католичества, толкование Писания, объяснение обрядов), – из них наиболее важное «О вере в Троицу»; далее, учебники (по грамматике, риторике и диалектике), примечания к грамматике Присциана, небольшой астрономический трактат (о Луне и високосном годе), сборник задач по арифметике, жизнеописания святых, стихи (например, «О святителях и святых церкви Эверика») и разного рода другие книги («О добродетели и пороке», «О понятии души» и т. д.).

Значение Альбина определяется именно его широкой преподавательской деятельностью. Как сказано в книге «О дея-

ниях Карла Великого» (ок. 885 года), «...благодаря Алкуину нынешние галлы, или франки, могут сравниться с древними римлянами или афинянами». Трудно не заметить, что многие произведения Альбина чисто учебного свойства. Он слишком поглощен грамматикой, постоянно разъясняет смысл каких-то слов, даже самых обычных. По сути, его главная забота – научить человека правильно говорить на латыни – языке ученых мужей.

Философию Альбин отождествляет с мудростью (по латыни *sapientia*). Философия – наставница всякой добродетели, подательница богатства, ибо она никогда не оставляет человека бедным. К ней надо стремиться ради Бога, ради душевной чистоты, ради истины и ради ее самой, но не для славы, наград и роскошной жизни.

Земля и небо преходящи. Вообще, все внешнее – чужое для человека. Душа же, образ творца, бессмертна; для нее-то и предназначена мудрость. У мудрости есть два вида – мудрость божественная (*sapientia divina*) и мудрость свободных книг (*sapientia liberalium literarum*). Божественная мудрость построила себе дом – имеется в виду церковь – и подкрепила его семью дарами Святого Духа; книжная мудрость также покоится на семи столбах: грамматика, риторика, диалектика; арифметика, геометрия, музыка, астрономия. Над этими науками трудились все философы, с помощью них святые защитники католической веры одержали верх над отступниками. Книжная мудрость – первая ступень знания, божественная – его венеч.

Что дает трехпутье? Умение обращаться со словами и вести беседу. Слова – знаки вещей, воспринимаемых умом, знаки, служащие для передачи нашего восприятия другим. Когда ведешь беседу, надо иметь в виду три предмета: вещь (*res*) – то, что воспринимается разумом души; ее смысл (*intellectus*) – значение, которое мы придаем вещи; ее название (*voces*) – то, чем мы обозначаем постигнутую вещь. Для названия вещей изобретены буквы. Они неделимы, следовательно, они суть начала.

Что дает четырехпутье? Оно толкует о гармонии неба, о путях Солнца и Луны, о семи планетах, о движении звезд, об их восходах и закатах, о пяти поясах, о числах, их качествах и сочетаниях (это нужно, например, для расчета времени Пасхи).

В каком порядке надо изучать божественную мудрость? Сначала человек должен усвоить, что есть вера, затем – ка-

кова участь человека, и, наконец, что такое Бог. Такую последовательность установил Августин, так должны учить и мы.

Вера — это уверенность в том, чего не знаешь и что считаешь чудесным. Душа бессмертна, проста, наделена разумом, свободой выбора и памятью, а телесный человек — раб страсти, мимо проходящий путник, гость в своем доме. После этой жизни будет другая с вечными воздаяниями за добрые и злые дела. Бог бессмертен, неизменен, пребывает в вечности (для него нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего). Бог есть Троица. Сын Бога — наш Господин, Иисус Христос, слава и мудрость Бога. Он пришел для спасения рода человеческого. Он страдал, воскрес и в славе вознесся на небо, — и это есть великое таинство. В будущем он снова придет для суда над всеми людьми, которые тогда воскреснут телесно. После суда будет вечность. Человека, который сердцем усвоил эти истины, можно крестить. Теперь он не просто человек, он — христианин.

Основные споры эпохи. Образованность, как и следовало ожидать, сделала франков заядлыми спорщиками. Они больше не довольствовались простой верой, некогда полученной их предками от римлян, — теперь они хотели знать. Во всяком случае, в тех вопросах, которые католический символ оставлял более или менее открытыми или которых он вообще не касался, они позволяли себе иногда очень смелые догадки.

Мы перечислим эти споры в порядке времени, а где наши источники не дают возможности уверенно расположить их таким образом, там — в порядке значимости.

О природе Иисуса Христа. Еще в конце VIII века у франков возникли заметные разногласия о природе Спасителя. Поводом для смуты стали высказывания Элипанда, епископа толедского, и Феликса, епископа ургельского. Они полагали, что поскольку сыновство — признак природы, а не лица, Христос как бог является сыном Бога, а как человек — не является. Поэтому человеческая часть во Христе стала сыном по усыновлению, а не по происхождению. Все это было вполне здраво и понятно, но большинству христиан, привыкшему к строго заданным определениям, заявления испанских епископов показались ужасными. На совещаниях руководителей церквей в 792 году в Регенсбурге и в 794-м во Франкфурте-на-Майне Элипанда и Феликса заклеили как несториан (последователей константинопольского епископа Нестория, который умер еще почти за 350 лет до этого). Феликс тогда начал колебаться. В 798 году к осуждению присоединился

Рим во главе с папой Львом III. Убедить Феликса пытался в том же году Альбин; между ними произошел разговор, после которого испанский епископ все же отказался от своих прежних взглядов.

О почитании икон. Этот спор был, скорее всего, вдохновлен событиями в Восточной римской империи: там в течение целого столетия с переменным успехом враждовали иконоборцы и иконопочитатели. На Западе, как и на Востоке, мнения разделились. Одни (например, тот же Феликс Ургельский, Клавдий Туринский, Агобард Лионский) видели в так называемых святых изображениях только идолов, поклонение которым христианам безоговорочно запрещалось. Многие из этих людей не допускали даже использование этих предметов в церковной жизни. Другие (Валафрид), наоборот, требовали не только употребления икон, но и почитания их. Взяла верх средняя точка зрения: иконы можно использовать, но их нельзя почитать. За это высказались, например, Иона Орлеанский, римский папа Пасхалий I, аббат из Псалмоди Теодемир, Дунгал Шотландский (его вызвал в Павию Карл Великий) и другие. Парижское совещание епископов 825 года закрепило это решение.

О природе души. Относительно данного затруднения мы можем сообщить несколько больше подробностей. Главные споры породили следующие вопросы:

- Смертна душа или бессмертна?
- Творятся ли души вместе с телами или же они суть отростки души Адама?
- Имеет ли душа протяженность?
- Как душа присутствует в теле?

Основные догадки о происхождении души у католических христиан были такие:

- Душа – истечение из Бога;
- Души происходят из души Адама путем естественного размножения;
- Души создаются Богом прежде тел и потом соединяются с теми;
- Души создаются Богом одновременно с телами.

Августин Аврелий, который для многих христиан на века сделался непререкаемым, рассуждал так. Если души суть разветвления души прародителя, то наследственность первого греха легко объясняется. Но душа – простая духовная сущность. Как же одна простая сущность может породить другую? Поэтому предпочтительнее мнение о том, что души

создаются Богом вместе с телами, причем одновременно с ними.

Вскоре мнение Августина поддержал такой влиятельный человек, как римский папа Анастасий.

Кассиодор в трактате «О душе» склонился к противоположной точке зрения. Душа – огненной природы. Души происходят от других душ (иначе откуда у младенцев первородный грех). Душа не имеет ни длины, ни ширины, ни толщины и вся находится в своих частях (способностях).

Григорий Римский признал вопрос о происхождении души очень спорным. Если души происходят от души Адама, почему они не умирают подобно телам, которые тоже от Адама? Если же души имеют другое происхождение, откуда у них тогда первородный грех? Но учение о первородном грехе очевидно, а бессмертие души пока не доказано. Отсюда вывод: души – от Адама и, возможно, они смертны. Что касается душ святых и мучеников, которые представляют собой почти особый род, то они продолжают существовать в останках тел или около них. Пока тело живо, наличие души проявляется в движениях; когда оно мертво, душа проявляет себя в чудесах, происходящих около него.

У франков к концу VIII века стали преобладать представления, близкие к августинианским. Душа – не часть божественной сущности. Души создаются в телах и вместе с ними. Душа не обладает никакой особой формой и находится преимущественно в голове. Она не движется в пространстве, но может менять свою волю и привычки. Примерно в таком ключе высказывались Агобард Лионский, Фредегиз Турский, Рабан Мавр, Гинкмар Реймский.

О сущности ничто. Ученик Альбина Фредегиз (ум. 835), ставший настоятелем монастыря в Туре после смерти учителя, заявил в письме «О ничто и темноте», что всякое слово в языке означает нечто. И слово «ничто» не исключение. Следовательно, ничто существует. Выступивший против него Агобард указал на безосновательность исходной посылки.

О сущности причащения. Пасхазий Радберт утверждал, что во время причастия хлеб и вино превращаются в плоть и кровь Спасителя, хотя внешний вид их от этого не меняется. Его противники Рабан и Ратрамн считали, что Иисус Христос присутствует в указанном таинстве непостижимо и образно, а не в прямом смысле. Перемены, и даже большие, конечно, имеют место, но они происходят с душой человека, которая от священнодействия просветляется и приближается к Богу.

Надо заметить, что ни тот, ни другой взгляд на это дело не был особенно новым для христиан. Пожалуй, уже в последнее столетие Римской империи учение о пресуществлении (т. е. о превращении сущностей) стало господствующим. А в XI веке некий Беренгарий за отрицание и осмеяние его был осужден и помещен под надзор церковных властей.

О свободе выбора и предопределении. Как говорилось выше, Августин Аврелий утверждал, что грех Адама испортил его природу до такой степени, что тот больше не мог вернуться на путь праведности своими силами. Наследственность первородного греха поставила в такое же положение все последующие поколения. Таким образом, никто отныне не мог спастись самостоятельно, – теперь для этого требовалась прямая помощь Бога. Но со стороны Творца решение о выборе одних к спасению, других – к осуждению было чистейшим произволом, ибо люди, из которых ему приходится выбирать, не различались по степени греховности.

Опираясь на эти соображения, странствующий проповедник Готшалк выдвинул учение о двойном предопределении. Согласно Готшалку, одни люди изначально определены Богом к спасению, другие – к вечным мукам. Бог предначертал это еще до сотворения мира, и поделаться с этим ничего уже нельзя: никакими поступками человек не добьется того, чтобы всевышний изменил свое намерение. И Иисус Христос умер на кресте не за всех людей, а только за избранных.

Такие влиятельные руководители церкви и значительные ученые, как Серват Луп, Ратрамн Корбийский, Иоанн Скот Эриугена, хотя и выступили с опровержениями, но самого Готшалка не осудили. А вот Рабан и Гинкмар (особенно последний) решили заставить Готшалка замолчать. В 848 году совещание епископов в Майнце вынесло относительно его личности такие постановления. Готшалку вменялось в вину нарушение церковных порядков: во-первых, будучи по сути странником, он не получил высочайшего дозволения проповедовать; во-вторых, в своих проповедях он затрагивал слишком тонкие вопросы, чем сеял опасные сомнения в душах неподготовленных слушателей.

Таким образом, неявно признали, что Готшалк прав. Действительно, принимая за отправную точку учение почти всеми признанного тогда Августина, дойти до таких выводов было довольно легко. Но существовала другая сторона вопроса – чисто житейская. Ведь, если люди вдруг поверят, что от их собственного выбора и от их усилий ничего не зависит, с них

нельзя будет ничего требовать, — имеется в виду сознательного исполнения заповедей. Тогда они станут просто неуправляемыми. Поэтому то, что выглядело теоретически верным, практически было вредным, и руководители франкских церквей предпочли пользу истине.

Но на этом дело не закончилось. Гинкмар и Пардул Ланский, видимо, хотели, чтобы Готшалк не просто осудили, но чтобы его еще и опровергли, причем ссылками на те же авторитеты, которые использовал осужденный. С этой целью они обратились к Эриугене, который слыл ученым человеком. Эриугена со своей стороны предложил следующее. Бог, как учили Августин и Боэций, пребывает в вечности. Вечность отличается от бесконечного времени тем, что она неделима, и в ней нет никакого движения от прошлого к будущему. Поэтому в ней нет также никакого «прежде» и никакого «после». Бог не может ничего *пред-определять*: это слово бессмысленно по отношению к нему. И у Бога, конечно, замыслы с делами не расходятся. Человек сначала думает, а потом действует; у Бога же мысль и есть дело. Кроме того, предопределение к злу, которое вводил Готшалк, невозможно, ибо зло — ничто. Даже загробный огонь не есть зло. Ведь в нем обитают и праведники, и грешники; для первых он сладок, для вторых мучителен. Грех уже сам для себя наказание, и Бог тут ни при чем.

Итак, Готшалк не отрицал свободу выбора, но уничтожал всякое ее значение для человеческой жизни; Эриугена же полностью отказывался от предопределения. Поэтому его взгляды были в каком-то смысле еще хуже. И в 855 и 859 годах на советах в Валансе и Лангре Эриугену тоже осудили.

О применимости аристотелевских категорий к Богу. Некий Кандид из Фульды, о жизни которого мы не можем сообщить никаких подробностей, утверждал, что Бога вполне можно описывать, используя категории (сказуемые) Аристотеля. Возможно, это тот самый Кандид, приближенный Карла Великого, упоминаемый Альбином в одном из его посланий. Но это только наша догадка. Противоположное мнение защищал Иоанн Скот Эриугена. Таким образом, по существу, это был спор о познаваемости бога, спор положительной и отрицательной теологии. Думаем, что одним из главных источников его послужил хорошо известный тогда трактат Боэция «Каким образом Троица есть единый Бог, а не три божества».

О сущности Бога. Спор шел по вопросу: является ли Бог чистым бытием без материальной основы или нет? О подроб-

ностях этого дела найти каких-либо других данных нам, к сожалению, не удалось.

Об обществе и двух властях. По этому поводу, насколько мы установили, никаких особых споров не было: священники, будучи тогда единственно возможными философами, все как один говорили почти одно и то же. Однако вопрос представляется весьма важным для описания состояния умов того времени, поэтому, не найдя ему лучшего места, мы определили его в данную главу.

Общество обычно рассматривали состоящим из двух частей – священники и миряне. Мирян, в свою очередь, могли делить на знатных и безродных, на свободных и несвободных, сильных и слабых, богатых и бедных. Это было просто и понятно, вероятно, даже для самых необразованных. Где-то в это время впервые было применено трехчленное деление (молящиеся, воюющие, работающие), которое получит широкое распространение лишь в XI–XII веках.

Впрочем, здесь было, по-видимому, много всяких тонкостей. Иона Орлеанский, например, рассматривал в качестве трех главных сил князей, монахов и епископов. Князья правят народом божьим, стоят на страже справедливости, с оружием в руках защищают благоденствие святой церкви и жителей Бога. Они, так сказать, полностью погружены в мирские заботы и суету. Монахи, наоборот, избрали удаление от мира: они живут в тишине и преданы молитве. Что же касается епископов, то они надзирают за теми и другими.

Во времена Карла Великого, вероятно, трудно было подумать о том, что церковь может быть независимой от князя. Но затем, после смерти Карла, обстановка изменилась и настроения тоже. Это стало особенно заметным между 825-м и 840-м годами. Представление о божественном происхождении княжеской власти, оставаясь непреложной истиной, все больше начинало обрывать замысловатыми оговорками. Как утверждалось в постановлениях парижского совещания епископов 829 года, князь, избранник божий, является поручителем плодородия земли, плодовитости домашнего скота и самих людей; но это исключительное качество его принадлежит церкви. Святым елеем, молитвами монахов о его здравии, о поражении его врагов и о его спасении в жизни вечной держится власть князя. И если он управляет благочестиво, справедливо, с состраданием, то он заслуживает своего названия; но когда он утрачивает эти качества, он перестает быть князем.

Дело дошло до того, что в 833 году Эббон, архиепископ реймский, осмелился лишить прав самого императора Людовика Благочестивого и наложил на него покаяние. Но через двенадцать лет Эббона все-таки отстранили от должности, обвинив в измене. На его место поставили Гинкмара, который, впрочем, не думал сворачивать с дороги, проторенной его предшественником.

Княжеская власть непрочна, земные царства зависят от колеса удачи, а церковь будет стоять вечно. Такими словами подвел итог в середине века Седулий Скот.

После этого обзора расскажем о наиболее заметных людях эпохи. К сожалению, как и во многих других случаях, не обо всех упомянутых выше лицах удалось собрать достаточно сведений.

Клавдий (ум. 839) родился в Испании, учился у Феликса Ургельского, сам был учителем в придворной школе Людовика Аквитанского. В 820 году Людовик назначил его епископом Турина, на каковой должности он и состоял до самой смерти.

Клавдий прославился в основном как непримиримый противник идолопоклонства: в Турине он распорядился выбрасывать из храмов иконы, кресты и прочие сомнительные предметы почитания. Когда же его вызвали на совет епископов – вызвали с ведома и по воле Людовика, – он отказался идти, заявив, что ему нечего делать на этом «собрании ослов».

Как христианин, Клавдий был последователем Августина: полагал, что спасение дается только милостью божьей. Поэтому ни посредничество святых, ни воздержание, ни паломничество в Рим значения не имеют. Клавдий написал толкования на многие места из Священного Писания. За основу при этом он взял учения признанных латинских отцов – Илария, Амвросия, Августина и Бедана.

Агобард (ок. 780–840) представлял собой, как считают некоторые, образец здравомыслящего и рассудительного человека, образец весьма редкий в ту эпоху. Так, например, он полностью отрицал всякое волшебство, знамения и чудеса, полагая, во-первых, что это глупость, а во-вторых, умаление и оскорбление божества. Высказывался он и против так называемых божьих судов, когда подозреваемого подвергали страшным испытаниям, ожидая, что если человек невиновен, бог непременно поможет ему. Настоящие воины Христа, рассуждал Агобард, когда доказывают свою правоту, умирают за истину, а не убивают за нее. Далее, он высказывал мысль, что

при толковании Священного Писания не следует обращать внимание на всякие мелочи, поскольку Святой Дух внушил составителям этих книг лишь содержание, а способы его выражения избрали сами составители. Поэтому не нужно цепляться за каждое слово и по пустякам придираться к толкователям, нужно руководствоваться духом, а не буквой. Наконец, Агобард усматривал в почитании изображений (икон), святых и их мощей обыкновенное идолопоклонство, несовместимое с христианством, полагая, что только Христу должны воздаваться такие почести.

Агобард по происхождению был готом, родился в Испании, которая тогда уже находилась под властью мавров, что, однако, не мешало многим здесь хранить верность христианству. Вторжение Карла в Испанию в 778 году породило у готских христиан немалые надежды на освобождение. Но этим надеждам не суждено было сбыться. После поражения франков часть готов, среди которых оказался и Агобард, покинула пределы этой страны.

Уже в конце VIII – начале IX века Агобард принял живейшее участие в споре о природе Христа, выступив одним из противников Феликса Ургельского, который утверждал, что Спаситель лишь частично является Сыном Бога. Он также полагал ошибочным мнение Фредегиза о существовании ничто.

В 816 году Агобарда избрали архиепископом Лиона, и в этом качестве он оставался до конца своих дней.

Рабан (ок. 785–855) по прозвищу Мавр родился в Майнце. Образование получил в монастыре Фульды. Там же стал сначала схоластиком (руководителем школы), а затем настоятелем всего монастыря. В 847 году был избран на должность архиепископа Майнца.

Когда у франков разразились споры о причащении и предопределении, Рабан, подобно многим, принял в них участие. Так, он выступил против Пасхазия Радберта, утверждавшего, что во время причащения вино и хлеб сущностно превращаются в кровь и плоть Спасителя, хотя внешне остаются неизменными. Рабан же предлагал считать, что превращение относится к самому человеку: это изменение в его душе во время свершения таинства. Далее, вопреки Готшалку, отрицавшему смысл свободы и любых усилий, он полагал, что никакого предмирного двойного предопределения (одних – к спасению, других – к осуждению) нет, а церковь есть та сила, которая способна помочь человеку войти в Царство Бога.

Вообще, в отношении Готшалка Рабан поступил самым бесчестным образом: сначала насильно постриг его в монахи, с целью передать своему монастырю богатое имение молодого человека (что и было сделано), а затем, пользуясь своим огромным влиянием, осудил его как вероотступника.

Рабан хорошо знал философию: в своих книгах он упоминает Пифагора, Платона, Марка Теренция Варрона, Луция Аннея Сенеку, Иосифа Флавия, Оригена и многих других.

Рабан написал около 50 произведений на латыни, среди которых наиболее значительны следующие: «О воспитании священников и обрядах», «О церковной науке», «О всеобщей вере», «О мироздании», «О пороках и добродетелях», «Об изобретении языков», «Об искусстве грамматики», «Толкование всеобщего Священного Писания» и другие. Оставил он также проповеди, песнопения (причем некоторые на германском языке) и примечания к христианским писаниям. Последние широко использовались в дальнейшем.

В учебнике «О воспитании священников» он дает обзор всех наук своего времени и рисует христианский образ жизни.

Бог – Троица: Отец, Сын и Дух. Бог – геометр. Бог сотворил все за шесть дней и сохраняет творение. Тело человека составлено им из четырех стихий. Бог создал четыре времени года и четыре времени суток. Есть три эпохи – до Закона, под Законом, под Благодатью. Бога надо почитать трояко – всем сердцем, всей душой и всем умом.

Существует два вида познания – через телесные чувства и через ум. Телесные чувства являются источником веры, восприятия и опыта. Познание ума – это поиск, опирающийся на науку чисел.

Все искусства основываются на опыте прошлого и имеют в виду будущее. Нельзя отвергать искусства только на том основании, что ими раньше пользовались неверные. Многие достойнейшие люди были весьма искушены в мирской науке – Моисей, Киприан, Лактанций, Марий Викторин, Опат, Иларий. Поэтому не следует страшиться и избегать свободных философских искусств: они вполне приспособлены для нашей веры. Есть люди, которые именуют себя философами. Время от времени они, несмотря на свои заблуждения, говорили истину. Особенно это относится к последователям Платона. Нам не нужно сторониться этой истины; напротив, нам следует отнять ее у этих не вполне законных владельцев. Однако то, что в светских книгах противоречит нашим истинам, использовать нельзя.

Есть науки полезные и бесполезные. Бесполезные: все, что относится к идолопоклонству; астрология, магия. Книги га-
руспиков (гадателей), гороскопы – пусты и никчемны, ибо
ложны. Звезды и другие небесные явления действительно
дают знамения, но эти знамения касаются самих же звезд, а
вовсе не судьбы людей. Полезные науки: все, что относится
к необходимому для людей; деньги, буквы и прочее. История
полезна, так как помогает соотнести события евангелий со
временем.

Свободные науки – это грамматика, риторика, диалектика,
а также арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Сво-
бодные науки начинаются с грамматики. Без нее невозможно
понимание смысла и восхищение красотой слога. Риторика –
учение о хорошем изложении мыслей. Она используется в
светских науках и государственных делах. Но и для церков-
ного учения она тоже подходит. Риторика двояка: она дает
способность проповедовать и истину и ложь. Она учит, ус-
лаждает и увлекает за собой. Она излагает малое скромно,
среднее – умеренно, большое – величественно. Если же кто
не способен говорить умело, тот пусть говорит мудро. А кто
и этого не может, пусть просто ведет праведную жизнь. Но
совсем плохо поступают те, которые произносят красивые
речи, но не следуют им. Диалектика – теоретическая наука
поиска. Она занимается определениями, умозаклучениями и
рассуждениями. Она учит отличать истину от лжи. Поэтому
она есть наука наук. Священники должны владеть ею, дабы
распознавать софизмы еретиков.

Математика есть теоретическая наука, которая изучает
величины, отвлеченные от материи и привходящих обстоя-
тельств. Математика – это арифметика, музыка, геометрия,
астрономия. Арифметика – наука исчислимых величин. Она
главная в математике (остальные от нее зависят, а не она от
них). Авраам научил арифметике египтян [а те – эллинов].
Почему, например, Бог создал все за шесть дней? Потому что
это совершенное число (но не потому оно стало совершен-
ным, что Бог потратил на творение шесть дней). А, согласно
Платону, бог создает при помощи чисел. Геометрия – наука
неподвижных величин и форм. А в переводе означает «изме-
рение земли». Поэтому она занимается также расстояниями и
размерами всего, что есть. И она совершенно необходима в
строительстве. Музыка – наука о прикладных числах. Она
очень полезна – без нее невозможно церковное песнопение.
Вообще, музыка пронизывает все христианское вероучение.

Но использование ее для театральных забав, конечно, вредно. Звук имеет тройственную природу: он создается голосом, дыханием и постукиванием. Астрономия – достойное доказательство для верующих и большое мучение для любознательных. Имя «астрономия» в переводе означает «закон звезд». Эти законы установил Создатель. Но он же может и нарушать их, являя людям чудеса и знамения. Астрономия исследует круговращение небосвода, движение светил, облик планет в сравнении его с Землей и то, почему светила так называются. Знание движений их нужно для более точных представлений о прошлом и предвидения будущего, например, для расчета времени празднования Пасхи и других торжеств. Родственной астрономии является астрология. Они суть две части одной науки. Та составляющая астрологии, которая относится к природе, т. е. к движению светил, весьма полезна; а та, которая относится к предсказаниям по знакам зодиака, вредна.

Каким должен быть христианин? Он должен стремиться к обладанию всеми добродетелями. Особенно не следует увлекаться богатством. Кто богат и неудовлетворен, тот живет в нужде. Кто беден, но умеет довольствоваться малым, тот по-настоящему богат. Святая простота, правильное понимание, справедливость, набожность, благочестие, смирение; уверенность, терпение, упорство, самообладание и проистекающие из него умеренность и снисходительность, наконец, дружелюбность и любовь – вот начала совершенства. Даже мирские ораторы требуют этого. Тем более, должны к этому стремиться мы, христиане. Главным же пороком является высокомерие. Оно порождает еще семь бед – тщеславие, зависть, гнев, уныние, алчность, чревоугодие и страсть к богатству. А от них происходят все остальные дурные качества...

После Альбина Рабан, пожалуй, второй по значимости деятель франкского возрождения. У него тоже было много одаренных учеников, среди которых больше всего выделяются монахи Готшалк (ок. 805–868), Валафрид (809–849) и Серват Луп (ок. 805–862). Последний прославился как собиратель и хранитель рукописей, знаток латинской словесности и тонкий грамматик. В ферьерском монастыре, где Серват со временем стал настоятелем, была, вероятно, лучшая тогда мастерская по исправлению и переписке книг. О Готшалке и Валафриде в дальнейшем будет сказано особо.

Пасхазий Радберт (ок. 795–865) – личность для нас совсем малоизвестная. Ни о месте его рождения, ни о его об-

разовании мы ничего не можем сказать. В 814 году Пасхазий вступил в монастырь Корби в Пикардии. В 844 году сделался настоятелем этого монастыря. Таковы наши в высшей степени скромные сведения о жизни этого человека. Пасхазию принадлежат следующие произведения: «О крови и теле Христа», «О вере, надежде и любви», «О рождении Девы», а также письма.

Пасхазий утверждал, что во время причастия имеет место пресуществление: хлеб и вино превращаются в плоть и кровь Спасителя, хотя внешний вид их сохраняется. Пасхазий также полагал, что зачатие Девы было бессеменным. По этим вопросам против него выступили Рабан и Ратрамн.

Эрмольд (ум. 850) происходил из Аквитании. Сначала стал бенедиктинцем, затем настоятелем Анианского монастыря (недалеко от Монпелье). Был близок ко князю Пипину Аквитанскому (сын Людовика Благочестивого). В 824 году Пипин взял его с собой в поход на Бретань. Недовольный этим сближением, Людовик сослал Эрмольда в Страсбург, где тот написал «Поэму в честь Людовика, императора» в четырех книгах. Поэмой это произведение только называется, на деле оно исполнено в прозе.

В труде, в частности, говорится о том, что император послал Эбо (Эббона), епископа реймского, к норманнам (данам), дабы тот вселил в их души веру в Христа. Людовик произносит речь перед Эбо, в которой перечисляет основные положения христианства, – речь длинная, и составлена она, как обычно и происходит в таких случаях, самим Эрмольдом, а значит, по ней мы можем судить о его мировоззрении.

Бог обитает в вышине. Он сотворил мир и все, что живет. Он создал прародителя людей и поселил его в раю, чтобы тот служил ему. Адам был огражден от всякого зла. Но он пал – злоба дьявола сгубила весь род. Люди очень скоро стали поклоняться не Богу, а изделиям рук своих. Затем был потоп, и уцелевшая пара дала начало новому поколению. Опять же лишь немногие из него почитали Бога, остальные молились на изображения.

Бог сжалился над людьми и послал к ним своего Сына. Сын этот – соправитель Бога в царстве небесном. Он восстановил связь человека с Богом, освободил нас от первородного греха. Он мог бы спасти всю землю, но по любви предпочел испытать смерть: умер, добровольно распятый на кресте. Теперь он сидит справа от Отца, разделяя с ним престол. Его избранники на земле одарили людей даром крещения. Цар-

ство небесное получит тот, кто оставит служение греху и примет это крещение. Богу не нужна кровь жертвенных животных, ему угодна одна кроткая молитва.

Гинкмар (805–882) получил образование в монастыре Сен-Дени, где его обучал настоятель Гильдуин. В 30-е годы, возможно, принимал участие в переводе на латынь книги «О небесной иерархии», подписанной именем Дионисия Ареопагита, которого франки отождествляли со своим знаменитым святым – с Дионисием Парижским. Константинопольский император Михаил в 827 году прислал книгу в дар князю и императору Людовику Благочестивому, а Гильдуин пообещал перевести ее совместными усилиями братьев-монахов. Однако греческий язык монахи знали посредственно, поэтому перевод вышел невразумительным.

Гинкмар быстро завоевывал себе место под солнцем. Сначала он стал приближенным Людовика, а затем правой рукой у Карла по прозвищу Лысый. В 845 году был избран архиепископом реймским и, таким образом, стал верховным руководителем франкских церквей. Находясь на этой должности, он укреплял положение священников, склонял князей к покорности духовным лицам и даже начал отстаивать не то чтобы свою независимость от римского престола, но, по крайней мере, известную самостоятельность. В то же время он резко возражал против увеличения числа церковных приходов. По его мнению, если в деревнях есть необходимость в храмовом строительстве, следует возводить простые часовни. Главное же христианское таинство – крещение – пусть совершается только в больших городских соборах.

Нескромным притязаниям нового реймского архиепископа, безусловно, способствовало ослабление княжеской власти. Церковь независима от светских правителей, начал проповедовать Гинкмар (хотя сам был избран по предложению Карла Лысого). Именно епископы и только они назначают верховного священника. Князю остается лишь одобрять решения церкви. Верно, что князь распоряжается церковным имуществом, но при этом он должен не брать и обогащаться, а давать и дарить. Священники же со своей стороны никак не связаны этими пожертвованиями, они не вассалы. Когда князь сходит с истинного пути, дело священников указать ему на это и вразумить. Обращаясь к Людовику III, Гинкмар заявил: не вы избрали меня пастырем церкви, а я с братьями избрал вас править княжеством при условии соблюдения законности.

У франков было три главных святых – Мартин Турский, Дионисий (Дени) Парижский и Ремигий (Реми) Реймский. С 850 года Гинкмар начал руководить службой в храме Ремигия; у него возникло естественное намерение, так сказать, поправить положение этого святого, который в вышеупомянутой троице занимал тогда скромное последнее место. Началось возвеличивание Ремигия. К концу жизни Гинкмар добился того, что только князь, коронованный в Реймсе, стал считаться законным правителем.

Сразу после кончины Карла Лысого в 877 году из окружения Гинкмара вышла басня о том, как Карл будто бы томится в темном месте, пожираемый червями, которые уже изглодали его почти до костей, а Гинкмар спасает его. Приснившийся некоему Бернольду в столь жалком состоянии, Карл якобы сказал: «Передай епископу Гинкмару, что я не умею следовать его советам и советам моих приближенных; за все эти мои грехи мне и предстоит испытать то, что ты видел». Бернольд просил за князя, и молитвами владыки франкских церквей, а также братьев-монахов тот был прощен.

В 882 году, когда норманны разграбили Лан и вплотную приблизились к Реймсу, Гинкмар бежал из этих мест, хотя за тридцать лет до этого строго порицал Этарда, епископа нантского, за опасения жить среди неверных. По тогдашним представлениям Гинкмара, священник, тем более такой, который не имел ни жены, ни детей, был просто обязан остаться и приложить все усилия для обращения своих соседей в христианство.

В вопросах священной науки Гинкмар стремился избегать крайностей, поэтому осудил как Готшалка, отрицавшего значение свободы выбора у человека, так и Эриугену, отрицавшего божественное предопределение. Сам высказался по этому вопросу, признав сочетание в мире того и другого. За Гинкмаром как за верховным франкским епископом было последнее слово. Но это слово прозвучало не слишком понятно. Отвечая на вопрос, имеется ли со стороны Бога определение части людей к вечным мукам, Гинкмар заявил: не человек предопределен к наказанию, а наказание предопределено человеку.

Писал Гинкмар и по весьма болезненному вопросу о брачных отношениях, – болезненному потому, что состояние упомянутых отношений у франков плохо вязалось с христианскими заповедями. Обычным делом было многоженство, легкое расторжение брака, похищение монахинь, девушек и вдов

(чем занимались целые шайки), кровосмешение; свадебные обряды сопровождались колдовством и гаданиями. Эти порядки Гинкмар осуждал, однако, готов был многим пожертвовать ради того, что, по его мнению, было главным, – нерасторжимость брака. Брак следует признавать незаконным, только если он не единственный. Ни бесплодие, ни прелюбодеяние, ни кровосмешение не являются поводом для развода.

Гинкмар много написал. К числу наиболее значимых его произведений можно отнести: «О предопределении божьем и свободе воли», «О дворцовой власти», «О пороках, которых нужно остерегаться», «О разводе», «Жизнь святого Ремигия», «Летопись аббатства Сен-Бертен».

Готшалк (ок. 805–868), имя которого в переводе означает «раб бога», происходил из знатной и состоятельной саксонской семьи. Он рано лишился обоих родителей и был взят на воспитание Рабаном Мавром. Прельстившись большим состоянием ученика, Рабан в 822 году насильно постриг того в монахи; имущество Готшалка перешло в собственность фульдской обители. Повзрослев и вполне осознав происшедшее, Готшалк подал жалобу на Рабана и потребовал освобождения от обета монашества.

На совещании епископов в Майнце в 829 году его требование было частично удовлетворено. Пустив в ход все свои связи, Рабан добился того, что имение Готшалка осталось в его распоряжении. Готшалку разрешили только сменить монастырь. Так он оказался сначала в Корби, а потом в Орбэ. Здесь он завел себе хороших друзей – Сервата Лупа и Валафрида, изучал Августина и писал гимны Спасителю.

В 840 году он получил сан священника, правда, не по правилам: его посвятил не епископ, а низестоящее лицо. Затем он без разрешения покинул Орбэ, совершил паломничество в Рим и выступал с проповедями в Италии, Ломбардии, Далмации и Паннонии. Основываясь на взглядах Августина Аврелия, Готшалк учил о двойном предопределении: Бог еще до сотворения мира решил судьбу каждого человека – одних он избрал к спасению, других обрек на вечные муки в аду.

В 848 году на очередном совещании епископов все в том же Майнце Готшалка осудили – осудили, главным образом, за нарушение церковных порядков (проповедовал от собственного имени, не получив высочайшего разрешения, и затрагивал очень тонкие вопросы, чем вносил смятение в паству). Заправлял делами на епископском совете опять же Рабан.

Через год осуждение подтвердили на совете в Кьерси, где председательствовал уже сам Гинкмар. Готшалк был настолько упрям и уверен в себе, что даже предлагал Гинкмару испытать его божьим судом (кипящая вода и раскаленное железо). Гинкмар не согласился. Готшалка признали неисправимым отступником, лишили чина, подвергли жестокому бичеванию, чем все-таки вырвали у него отречение, и упрятали в монастырь Альтвилля. Местные монахи, однако, проявили к заключенному благосклонность: увидев в нем очень способного и одаренного человека, они допустили его к переписке книг и разрешили обмениваться посланиями с друзьями.

Через некоторое время папа Николай I, узнав о деле и вообще возмущаясь нарастающим самоуправством Гинкмара, затребовал Готшалка в Рим. Гинкмар отказал. Готшалку удалось только написать жалобу папе и отправить ее с одним беглым монахом. Гинкмар тоже послал в Рим своих людей для разъяснений. В итоге Готшалк так и не дожил до разрешения вопроса в свою пользу.

Ратрамн (ум. 870) не оставил о себе большой памяти. В зрелом возрасте этот человек стал монахом-бенедиктинцем, и это все, что нам пока удалось узнать о его жизни.

Ратрам написал два произведения, одно из которых было ответом Пасхазию Радберту, а другое – ромеям, в частности константинопольскому патриарху Фотию. Вот эти книги: «О теле и крови Господа»; «Против возражений греков».

Ратрамн отстаивал мнение, согласно которому во время причастия тело и кровь Христа присутствуют таинственно и образно, а не в прямом смысле слова. Далее, он защищал учение римской церкви и особенно знаменитое дополнение латинян к правилу веры, дополнение, породившее столько споров. Оно гласило, что в Троице Дух исходит не только от Отца, но и от Сына.

Ратрамн и некий пресвитер Римберт однажды обменялись любопытными посланиями. Римберт обратился к Ратрамну с письмом, в котором спрашивал, что ему делать с псоглавцами, если он их встретит, – крестить их или нет. Видимо, он считал нашего монаха сведущим в таких вопросах. При этом он сообщал, что псоглавцы ведут городской образ жизни, что они ходят одетыми и что у них есть ремесла, земледелие и скотоводство. Ратрамн в ответном послании заметил, что все перечисленные признаки являются исключительным достоинством человеческого рода. Ведь, если какие-то существа живут

городами, значит, у них есть законы, ибо совместное существование без этого невозможно. Если они прикрывают тело одеждой, значит, им свойственно чувство стыда, которое совсем отсутствует у зверей. Хорошо известно также, что только человек способен приручить животных, поскольку, как сказано в Священном Писании, человек поставлен царем над земными тварями. Таким образом, заключает Ратрамн, псоглавцы такие же люди, т. е. они потомки Адама и Евы, только уроды, каких немало можно встретить в разных странах. И, будучи людьми, нашими братьями, они, безусловно, подлежат крещению.

Валафрид (ок. 809–849) по прозвищу Косой (Strabus) происходил из незнатного алеманского рода. Образование получил в монастыре в Рейхенау, куда попал еще мальчиком и где пробыл до семнадцатилетнего возраста. Затем какое-то время он жил в Фульде, у Рабана, став одним из его любимых учеников. Рабан доверял ему настолько, что привлекал к работе над собственными сочинениями. В 829–838 годах Валафрид воспитывал Карла, сына Людовика Благочестивого. Когда воспитание закончилось, Валафрид получил в награду должность настоятеля своего родного монастыря. Вскоре, однако, за сочувствие Лотарю его изгнал оттуда Людовик Немецкий. Валафрид бежал в Фульду, а затем в Шпейер. Он смог возвратиться в Рейхенау только после мирных переговоров трех князей.

Валафрид, прежде всего, поэт; его успехи в других областях словесности гораздо скромнее. Однако ему принадлежит небольшое сочинение «О начале и развитии некоторых церковных предметов», которое представляет собой попытку сопоставления обычаев и религий греков, латинян и германцев. Возможно, причастен к созданию *Glossa ordinaria*, объемных примечаний к Священному Писанию.

Валафрид был одним из немногих в то время, кто защищал поклонение иконам. У германцев тогда возобладало более осторожное отношение к такого рода изображениям: поклоняться им нельзя, их можно только использовать.

Иоанн Скот Эриугена (ок. 810–875) родился и вырос в Ирландии, образование получил в монастырских школах, неплохо знал греческий язык. Франкский князь Карл Лысый пригласил его возглавить дворцовую школу в Париже. В 50-е годы IX века Иоанн по просьбе Гинкмара и Пардула, влиятельнейших франкских епископов, принял участие в споре о предопределении.

По желанию Карла Эриугена взялся перевести на латынь ряд произведений – сочинения, подписанные именем Дионисия Ареопагита, некоторые книги Мосхиона (Максима Исповедника) – «Вопросоответы к Фалассию» и «К Иоанну о трудных местах», а также трактат «О строении человека» Григория Кесарийского. Здесь надо заметить следующее. Эриугена придерживался мнения, что правильный перевод есть перевод буквальный. Такой подход имел не самые хорошие последствия: переложения Эриугены с греческого звучали далеко не изящно для слуха и оказались малопонятны для большинства людей (тем более, что и подлинники-то были не слишком вразумительными, – мы имеем в виду книги Лже-Дионисия).

Но на самого Эриугену сочинения, с которыми он работал, произвели большое впечатление. Под их влиянием он создал собственное учение, изложенное им в трактате «О природах» («О разделении природы»), – учение совершенно христианское, но не католическое.

Помимо этого он написал: «О божественном предопределении», «Объяснения “Небесной иерархии” святого Дионисия», «Беседа о прологе Евангелия от Иоанна», примечания к «Евангелию от Иоанна», пословные примечания к «Наставлениям в грамматике» Присциана, примечания к «Бракосочетанию Меркурия и Филологии» Марциана Капеллы.

По обычаю философов Эриугена пишет пространно: в книге «О природах» он многократно повторяет почти одно и то же, снова и снова с разных сторон возвращаясь к своей главной мысли. Это можно было бы как-то оправдать, допустив, например, что наш ирландец с самого начала ставил перед собой цель издать нечто внушительное по объему. В остальном же от этого никакого толку: ни более понятной, ни быстрее усваиваемой книгу он таким способом не сделал. Рассуждения у Эриугены часто тяжеловесны и даже вычурны: говорить о простом просто он явно не умеет. Наше изложение данного произведения Эриугены кому-то может показаться слишком кратким, однако больше ничего примечательного мы в нем не обнаружили.

О философии, религии и путях познания. Истинная философия тождественна истинной религии. Она состоит в смиренном почитании и разумном исследовании первой причины, т. е. Бога. Познание Бога начинается с познания человеком себя. Бог – первообраз, человек – подобие, а посредников между ними нет. Кто не стремится исследовать себя, тот,

очевидно, не желает возвратиться к первопричине, тот лежит в плотском гробу материи, тот мертв. Ибо смерть есть невежество.

Есть два пути познания – через разум и через авторитет. Они оба происходят из мудрости Бога. И хотя для отдельного человека авторитет первичен по времени, а разум – по природе, авторитет все-таки рождается из истинного разума. Он есть истина, найденная силой разума и в письменном виде переданная святыми отцами в назидание потомкам.

Понятия вещей в уме человека суть подобия понятий в уме божественном. Поэтому, познавая, мы уподобляемся Богу. При этом вещи более истинно существуют в своих понятиях, чем в самих себе, а поскольку понятия естественно присущи человеку, это доказывает происхождение вещей в виде общего (*universalia*) именно в человеке [здесь у Эриугены логика плавно переходит в физику].

О Боге. Сначала мы приписываем Богу различные сказуемые (существительные, прилагательные, глаголы), приписываем не в собственном смысле, а в переносном. Это первая ступень богопознания – утвердительная. А затем мы отрицаем все сказуемые – уже в прямом смысле. Ведь более истинно, что Бог – ничто из того, что о нем говорится, чем нечто из этого. Это вторая ступень познания – отрицательная.

Бог – сверхсущностная природа, неизреченная сущность, все во всем, существо всех вещей. В нем нет различия между его бытием, волей, творением, любовью, милосердием и прочими качествами. Все это в нем одно и то же. В нем также нет прошлого и будущего. Бог постижим, так как все творение указывает на него, и непостижим, поскольку никаким разумом нельзя понять, что он такое.

Никто не зрит Бога через него самого – даже ангелы. Созерцателям доступны только богоявления. Бог всецело и для всех беспределен – не в частном отношении, а безусловно. Значит, он непостижим ни для кого. Если кто постижим, того можно определить, а кто определен, тот не беспределен. Отсюда следует, что Бог не знает сам себя. Или: Бог постигает себя лишь в том смысле, что он знает свою непостижимость. И это неведение есть высшая мудрость, неизреченное познание.

О природах, происхождении мира и его конце. Был некий ум (Адам), его первоначальное предназначение состояло в том, чтобы быть всецело обращенным к Богу [именно в этом иносказательном толковании Закона Моисея Эриугена захо-

дит слишком далеко и отклоняется от католичества]. В нем, т. е. в уме, слитно и нераздельно находилась вся тварная природа – ангелы, люди, животные, растения. Но Адам впал в грех: данную ему свободу он расценил как свободу отпасть от Бога, а не быть всегда с ним добровольно. Следствием грехопадения становится разделение природы: небо расходится с землей, от рая отделяется ад, от духовного – телесное, тяжелое, земное; от мужского – женское.

Появляются четыре вида тварной жизни: ангелы, люди, животные и растения. Ангелы имеют духовное тело, а остальные три вида составлены из четырех стихий (земля, вода, воздух, огонь). Человек стал четвертым и последним видом тварной жизни. Он является средоточием творения (несмотря на то, что ниже ангелов по достоинству). В человеке есть понемногу от остальных трех видов, поэтому в нем познается всякая тварь.

Собственный признак ангела – ум, человека – рассудок, зверя – ощущение, растения – рост. Растения только растут, животные растут и воспринимают чувствами мир. Ангелы не растут и не чувствуют. Они вообще не изменяются по своей сути: не взрослеют, не стареют, не умирают. Они без помощи чувств постигают умом причины вещей. Поэтому между ангелами с одной стороны и животными с другой пролегает огромная пропасть (поскольку они совершенно несходны).

В качестве связующего звена всей твари и был создан человек: он растет как растение, чувствует как животное и иногда мыслит как ангел, а рассуждает – как человек. И вся тварь страдает и мучается в нем. Но Бог по своему безграничному милосердию замышляет собрать воедино то, что развалилось на части. Поэтому Сын Бога, Слово и Мудрость Отца, в котором все вещи имели свои первые причины, свои сущности (*subsistentia*), рождается в мире как человек. Он единственный появился без греха. Он воспринял незапятнанную человеческую природу (*humanitas*), чтобы очистить оскверненное. И однажды все творение воссоединится и вернется в человека, а затем к своей первопричине.

Поэтому всего существует четыре природы: несотворенная и творящая (Бог); сотворенная и творящая (ум, непосредственная причина вещей); сотворенная и не творящая (наш мир со всем тем, что в нем находится); несотворенная и не творящая (Бог как конечная цель всякой твари).

В 855 и 859 годах на совещаниях епископов соответственно в Валансе и Лангре Эриугене были предъявлены первые

обвинения. Они касались его не слишком католических высказываний о соотношении свободы выбора у человека и божественного предопределения. Как уже говорилось, Иоанн Скот полностью отрицал последнее. Не может быть предопределения (т. е. решения чего-либо заранее) со стороны того, для кого нет ни «прежде», ни «после». Это понятие, таким образом, к Богу просто не применимо. У Бога замыслы с делами не расходятся: не так, что он сначала задумал, а потом сделал, – у него мысль и есть дело.

Видимо, близость к сильным мира сего уберегла ирландского философа от больших неприятностей. Что же касается книги «О природах», то она, похоже, вообще осталась не воспринятой современниками (в этой связи любопытно отметить, что в решениях совета 855 года учение Эриугены было определено ни много ни мало как «бурда»). Потребовались столетия, чтобы в упомянутом трактате разглядели угрозу для католической веры: книга была впервые осуждена только в 1050 году. А в 1225 году папа Гонорий III даже постановил ее сжечь. Произошло это после того, как магистр Амальрик Бенский начал преподавать учение Эриугены в парижской школе.

В наши дни философы нередко называют Эриугену первым схоластом. Откуда это взялось? Как уже говорилось, греческое слово «схоластик» на латинском западе со времен франкского возрождения стало означать руководителя школы или другого высокопоставленного преподавателя. Эриугена возглавлял дворцовую школу в Париже, – в этом смысле он действительно был схоластиком. Но не первым! Если уж искать, кому бы можно было присвоить звание отца (или отцов) этой пресловутой школьной философии средневековья, трудно, нам кажется, найти кого-нибудь лучше, нежели Альбин и Рабан Мавр. Они и по времени раньше Эриугены, и по сути больше подходят: не слишком самобытны, зато строже держатся католичества и очень основательны в изложении самой системы знания. Эриугена же, если судить по его книгам «О природах» и «О божественном предопределении», в чем-то оказывается даже противоположностью Альбину и Рабану. Его учение весьма необычно для латинского запада тех времен, но ведь новизна и самобытность – не признаки школьного преподавания. Таким образом, присвоение Эриугене звания первого схоласта не очень понятно.

С другой стороны, слава ирландского философа несколько меркнет, когда начинаешь читать книги Лже-Дионисия и

Мосхиона. Ведь, кажется, все свое довольно-таки туманное учение о человеке Эриугена вывел из одной единственной мысли палестинского монаха. Вот она: «По природе и согласно своему собственному неизменному началу, под которым я разумею Бога, человек неподвижен; но согласно тому, что ниже и над чем он поставлен был начальствовать, он по своей воле, вопреки природе и мудрости, пришел в движение. Той природной властью, которая дана была ему для соединения разделенного, он злоупотребил на разделение... и вот обновляются природы, и Бог становится человеком, чтобы спасти погибшего человека».

Ланская и Оксеррская кафедральные школы. Во второй половине IX века довольно большую значимость приобрели, по-видимому, две кафедральные школы – одна в Лане, другая в Оксерре.

Представителями ланской школы были выходец из Ирландии Мартин (ок. 820–875), а также Маннон (843–?) и Бернард. Но об их деятельности сведений нам найти не удалось.

Оксеррскую школу возглавляли последовательно Эрик (ум. 877) и Ремигий (840–908). Эрик (или Гейрик) в 863–865 годах находился в монастыре святого Медара в Суассоне, где имел доступ к библиотеке некоего Вульфада, друга Иоанна Скота Эриугены. Возможно, что Эрик лично знал Эриугену, но это под вопросом. В 865 году он вернулся в Оксерр, начал преподавать, причем помимо прочего излагал учение Эриугены. Он был первым из философов германского мира, который стал отрицать реальное (вещественное) существование всеобщего (*universalia*). В XI веке Иоанн Росцелин просто позаимствовал его точку зрения и сделал из нее выводы, не совместимые с католичеством.

Ремигий (Реми) известен тем, что написал целый ряд комментариев к грамматическим трактатам Доната, Присциана, Евтихия и Фока, Бедана и Боэция.

В основу преподавания свободных искусств Эрик и Ремигий положили следующие книги: «Десять категорий» (латинский пересказ «Категорий» Аристотеля), «О браке Меркурия и Филологии» Марциана Капеллы, «Утешение философией» и малые теологические трактаты Боэция, а также поэмы Вергилия, Персия, Пруденция и некоторых других поэтов.

Для сравнения: положение дел в Британии. В то время как у франков науки, можно сказать, процветали, в соседней Британии с ними дело обстояло довольно-таки плохо. Даже сам князь Альфред (849–900) не мог изучить свободные ис-

кусства, хотя имел к этому большое желание. Что уж говорить о простых смертных... Причина всего этого, согласно летописцу Ассерии, заключалась в том, что в княжестве вес-сексов просто не было хороших учителей (*lectores*).

Настольной книгой Альфреда какое-то время был сборник молитв, песнопений и проповедей, собранных под одной обложкой. Эту книжечку он всегда носил с собой, куда бы ни пошел.

В вопросах христианства его наставляли Верефрит, епископ Ворчестерский, который хорошо знал Священное Писание и который перевел с латыни на саксонский «Книги бесед» Григория Римского; далее, архиепископ Кентерберийский Племунд, священник Этельстан и капеллан Веревульф. Все трое были родом из Мерсия. Эти люди читали Альфреду книги, когда тот был свободен от государственных дел.

Также были приглашены из Галлии два священника и монаха – Гримбальд и Иоанн. Первый был известен как певец, знаток Писания и церковных обрядов. Из западных пределов Британии Альфред призвал к себе Ассерия, которого назначил потом епископом Шербурна и который сделался его жизнеописателем.

С помощью Ассерия Альфред составил небольшой сборник нравоучительных изречений под названием *Enchiridion* («руководство») и вообще более основательно занялся изучением Писания, а его новые приближенные осуществили ряд важных переводов. Помимо «Бесед» Григория Римского с латыни на саксонский были переведены «История против язычников» Орозия, «Утешение философией» Боэция и «Церковная история народа англов» Бедана. При этом Альфред снабдил рассуждения Григория своим предисловием, а в книгу Орозия вставил опять же собственное повествование о двух путешественниках того времени.

Усилия князя и его приближенных улучшили положение. Если образование Альфреда, по-видимому, оставляло желать много лучшего, то его дети уже учились в школе, где изучали саксонский и латынь, свободные искусства и искусства человеческие (*artes humanae*), например, охотничье и прочие, приличные людям благородного происхождения.

Как и у франков, в британских школах, судя по всему, широчайше применялось определение философии как совокупности божественной мудрости и свободных искусств. Во всяком случае, Ассерий упоминает об этом словно о чем-то самоочевидном.

После Альфреда положение с образованием и философией в Британии, насколько мы понимаем, ухудшилось. О следующем столетии нам известно только то, что некий Этельвольд с помощниками перевел тогда с латыни «Устав» Бенедикта Нурсийского, а монах Эльфрик (ок. 955–1002) – Закон Моисея. Эльфрик известен еще тем, что написал на латинском языке «Католические молитвы» и «Разговорник» (последняя книга представляла собой нечто вроде сборника упражнений для овладения латынью). А на саксонском он составил жития святых.

Х ВЕК

Десятое столетие не богато самобытными и крупными мыслителями. Одинокой горой среди равнины высится здесь Герберт из Орийяка. Возможно, приближается к нему по дарованиям Аббон из Флери (940–1004). Но, увы! Об этом последнем нам не удалось найти ничего существенного – только лестные отзывы некоторых современных исследователей.

После франкского возрождения в Европе, похоже, наступило затишье, продолжавшееся до времени германских императоров Оттонов. Оттон I (правление 936–973) пытается действовать по примеру Карла Великого: приглашает ко двору ученых людей со всего христианского мира. Образование в Германии становится доступным не только церковникам, но и мирянам; в школах начинают обучать не только мальчиков, но и девочек (так было и при Карле у франков). Сын и внук Оттона (правление соответственно 973–983 и 983–1002) в целом поддерживают эти начинания.

Лиутпранд (ок. 920–972), лангобард по происхождению, родился в северной Италии. Его отец был близок к князю Италии Гуго, и сам Лиутпранд тоже потом состоял на службе – сначала у Гуго, затем у Беренгария II, затем у Оттона. Был послом Беренгария в Константинополе (949). Стал епископом Кремоны.

Лиутпранд принадлежал, вероятно, к числу наиболее образованных людей своего времени. Во всяком случае, он хорошо знал латынь и греческий, а в своих книгах ссылаясь на Боэция, Цицерона и других древних писателей. Из его произведений нам известны два: «Воздаяния» (летопись, охватывающая события с 839 года) и «Книга о делах Оттона Великого».

Мировоззрение Лиутпранда – католическая вера, окрашенная красками римской стоической философии.

Бог – это Отец, Сын и Дух, которые совечны и единосущи. Бог предвидел все заранее. Он сотворил мир и все, что в мире. В последнюю очередь был создан человек, которого Бог предназначил быть господином всего остального. А господин человека – это Иисус Христос. Он истинный человек и истинный Бог, но он одно существо, а не два. Милосердием его наполнена вся земля, люди искуплены пролитием его крови. Бог хочет, чтобы все спаслись и познали истину, а Иисус Христос принуждает любить его и его Отца. Одних он приводит к этому благодеяниями, других – страхом.

Но слабостями людей пользуются дьявол и злые духи (Юпитер, Венера и прочие). Их почитали древние, например, греки, которым вообще было свойственно бессмыслие. Бог, конечно, от этого не страдает: наше добро не служит ему прибылью, а наше зло не причиняет ему вреда.

Есть человек внешний (*exterior*) и человек внутренний (*interior*). Внешний подвержен переменчивой судьбе, колесу удачи (*fortuna*). Жизнь его непостоянна, и он склонен ее оплакивать. Внутренний имеет опору в апостольских предписаниях, гордится своим злосчастьем, знает, что беды рождают терпение, терпение – опыт, опыт – надежду. Нам послан Дух Святой, который вселяет в наши сердца милосердие Бога. Так пусть же внешний человек повинуетя внутреннему и не скорбит о своей злой доле, а утешается ею: ведь если судьба переменчива, то скоро на смену невзгодам придет и счастье.

Бруно (928–965) был сыном князя Генриха I и братом князя Оттона I. Его главным воспитателем, если верить летописцу, был Бальдрик, епископ Утрехта, а главным учителем – Израил Скотигена. Последнего Бруно почитал больше всех на свете. К сожалению, ни о том, ни о другом лице мы к этому уже ничего не можем добавить.

В юности Бруно обучался грамматике, увлекался Пруденцием (христианский поэт IV века, родом из Иберии), а затем, как выражается его жизнеописатель Ротгер, прочитал все ученые произведения римлян и греков и стал посредником и примирителем между учеными знатоками греческих и римских древностей. Латынь он знал якобы до такой степени, что исправлял ошибки других. Если какой-нибудь оратор, поэт, историк или философ создавал что-нибудь новое и великое, он исследовал это тщательно вместе со знатоками того или иного языка.

Сделавшись архиепископом Кельна, Бруно не оставил своих занятий. Он всюду возил с собой источники и средства для своих работ. Источниками были книги Священного Писания, а средствами – произведения язычников. К несчастью, есть подозрения, что ученость нашего Бруно в действительности не намного превышала то, что сообщил Ротгер. Ведь, если Бруно всегда возил с собой свою библиотеку, это означает, скорее всего, что она была весьма и весьма скромной.

Ротгер (вероятно, ок. 930–980) – монах-бенедиктинец из монастыря святого Панталеона. Известен нам исключительно как создатель «Жизнеописания Бруно Кельнского», которое он составил в 966 году.

Мировоззрение Ротгера – католичество, отмеченное печатью августинианства, хотя он, как и большинство образованных людей, имел представление и о древних. Так, например, он восхищается Цицероном и признает его красноречивейшим из писателей. Но даже такой дар, по мнению Ротгера, недостаточен для изображения великих качеств Оттона.

Человек спрашивает: что принадлежит мне по праву? Ответ такой: быть наказанным. Но Бог милосерден и дает нам благодать. Поэтому человек много приобретает, но не потому, что заслужил, а потому, что Бог так захотел. Божественное провидение неизъяснимо, это великая тайна. Но благодаря ему избранные Бога – одни в большей степени, другие в меньшей – наделены драгоценными и богатыми дарами. И повсюду один и тот же Дух. Он действует во всех, хотя в каждом по-своему. Только в единственном Сыне Бога обитает вся полнота божественности. Остальные озаряются по вмести-мости их. Бог дает нам все, т. е. самого себя, ибо он есть все во всем. В этом последнем заявлении Ротгера видится намек на всебожие, которое в общем и целом противоречит католическому христианству.

Герберт (ок. 945–1003) являет здесь собой, по-видимому, единственного мыслителя, достойного пристального внимания. О нем известно несколько больше.

Герберт родился в Аквитании. Получил, судя по всему, неплохое образование. Грамматику он изучал в монастыре святого Герольда (в Орийяке), математику ему преподавал Гаттон, епископ Виха, логику – Геранний, архидьякон Реймса.

Вскоре Герберт стал монахом-бенедиктинцем в Орийяке, в 967 году съездил в Испанию, затем начал преподавать (в основном в Галлии) и в 972 году сделался схоластиком в Реймсе. Около 980 года у него состоялся спор с Отриком,

известным учителем из Магдебурга (Саксония). При этом присутствовало много народа и в том числе сам император Оттон II. К этим событиям мы еще вернемся.

Князь франков Гуго Капет приблизил Герберта к себе, отдал ему на воспитание своего сына Роберта и около 992 года назначил новым архиепископом реймским, предварительно сместив со священного престола некоего Арнульфа. Но в Риме встали на сторону изгнанника, и положение Герберта осложнилось. Тогда он сам отправился в вечный город, дабы заручиться поддержкой. Этой цели он не достиг, зато многих очаровал своей ученостью – в том числе молодого императора Оттона III. После смерти Гуго Капета (996 год) Герберт во Франкию уже не возвращался.

Оттон же вскоре пригласил его к себе. В послании он любезно просил, чтобы Герберт взял на себя труд обучить его разговору, письму и математике, посвятить в тайны древней философии, вытравить из него беспощадно саксонскую дикость и привить греческую утонченность. Герберт не мог отказать. В ответном послании он восхвалял достоинства императора.

Ученые занятия у них проходили в столичном Магдебурге, где по этому случаю собралось немало образованных людей. Оттону доставляло особое удовольствие озадачивать их замысловатыми вопросами. Герберт после этого написал, видимо, нечто вроде учебника по логике и посвятил его императору. Тот со своей стороны склонил папу Григория V, который, кстати, приходился ему родственником (не то двоюродным братом, не то племянником), дать Герберту епископство Равенны. А когда Григорий умер в 999 году, Оттон и вовсе сделал аквитанского ученого новым папой. Так они обменялись любезностями. И в этом качестве уже под другим именем (Сильвестр II) Герберт и завершил свои дни.

Теперь подробности, касающиеся философии.

Герберт преподавал риторику, софистику, поэтику и диалектику (это почти трехпутье), а также всю математику (арифметику, геометрию, астрономию и музыку), – это четырехпутье. Со своими учениками на занятиях он читал Вергилия, Стация, Теренция, Ювенала, Персия, Горация и Лукана. Произведения этих поэтов составляли основу грамматического и риторического образования. Софистику Герберт понимал как совокупность хитроумных приемов для доказательства и опровержения мнений. Софистика применяется в спорах и поэтому незаменима для оратора. Однако пользоваться ею

нужно так, чтобы это не было заметно. Только тогда оратора ждет успех.

Диалектику Герберт преподавал по следующим сочинениям: «Категории» и «Об истолковании» Аристотеля (как мы думаем, в переводе Боэция), «Топика» Аристотеля (в переводе Марка Туллия), «Примечания» Боэция к «Топике» Аристотеля, «Введение» Порфирия к «Категориям» Аристотеля (в переводе Мария Викторина и Боэция).

Согласно летописцу монаху Рикеру, Гербертом также использовался какой-то трактат о категорических (утвердительных) умозакключениях в 2-х книгах; трактат о гипотетических (предположительных) умозакключениях в 3-х книгах; трактат об определениях и трактат о разделениях. Полагаем, что за первыми тремя обозначениями скрываются произведения Аристотеля.

Из Испании Герберт привез индийские числа, которые у нас теперь принято называть арабскими – не по происхождению, а по месту заимствования, ведь Испания тогда принадлежала арабам. Напрашивается также предположение, что и многое другое, благодаря чему Герберт так сильно возвысился над своими современниками-латинянами, было усвоено им у арабов.

В области математики у Герберта определенно были новшества. Так, он изобрел (или привез?) особую счетную доску, которая позволяла легко делить и умножать большие числа. Правила работы с этой доской он изложил в письме к какому-то грамматiku Константину. Однако сохранилось ли это послание или какие-либо иные подробные описания данного устройства, этого нам пока выяснить не удалось. Доска была разделена вдоль на 27 полей, числа выражались одинаковыми фигурками, сделанными из рога. Количество фигурок было очень велико: Рикер говорит, что тысяча. Передвигая их по полям доски, Герберт быстро умножал и делил огромные величины. Но как именно это происходило – Рикер не сообщает.

Для наглядного изображения астрономических выкладок Герберт применял опять же сделанные им самим два прибора, показывающие созвездия, небесные полюса и круги (горизонт, небесный экватор, летний и зимний тропики, полярные круги, зодиак и внутризодиакальные пути планет). Такого рода устройства, подобия небесной сферы, насколько известно, появились у эллинов (у Архимеда, например, была такая вещь) еще за 1300 лет до описываемых событий, но потом, по-

видимому, были утрачены, так что Герберт выступил переоткрывателем того, что когда-то уже было известно. В наши дни далеко не каждый человек, имеющий звание философа, сможет сделать такой прибор, и это основательно подрывает расхожее представление о какой-то беспримесной темноте так называемого средневековья. Рикер рассказывает об этих устройствах довольно подробно, и здесь сразу бросается в глаза то, что он не только описывает те или иные их части, но и уверенно называет их особыми понятиями (терминами), причем как на родном для него латинском, так и на чужом греческом языке. Развитый и устоявшийся понятийный словарь свидетельствует, по меньшей мере, о хорошей проработанности данной области знания.

Другой летописец – Титмар – добавляет, что Герберт сделал еще и солнечные часы, причем проверял точность их показаний по полярной звезде, которую он наблюдал через трубу (в латинской летописи здесь стоит слово *fistula*). Что представляло собой это приспособление, сейчас уже никто не может уверенно сказать. Некоторые современные исследователи даже как будто немного опасаются того, что у Герберта за шестьсот лет до Галилея был настоящий телескоп. Во всяком случае, нам так показалось.

Философия, согласно Герберту, есть наука о вещах божественных и человеческих (*scientia rerum divinarum et humanarum*). Для познания их она и была изобретена. Философия это род, ее виды – теоретическая и практическая. Теоретическая философия, в свою очередь, распадается еще на три науки. Если перечислять в порядке возрастания значимости, это математика (наука рассудка), физика (наука о природе), теология (наука разума). Так же обстоит дело с практической философией: в ней выделяются экономика, политика и этика. Подвиды различаются по важности для нас, людей, но друг для друга они равноправны.

Такой взгляд на философию, очевидно, выдает в Герберте перипатетика. В то же время Герберт был знаком и с учением Платона о происхождении вещей. При этом он полагал, что в главном вопросе Платон не противоречит католической вере, ибо утверждает, что причина творения мира – добрая воля творца.

Когда слава о схоластике из Галлии распространилась по Европе, Отрик, знаменитый в то время учитель из Магдебурга, послал к нему своего ученика. Ученик, что-то неправильно записав на занятиях у Герберта (якобы тот подчиняет физику

математике как вид роду), представил потом Отрику неверные данные. Отрик, не догадываясь об этом, обвинил Герберта в невежестве.

Согласно Рикеру, состязание между философами происходило в Равенне в императорском дворце. Присутствовали Оттон II, Адалъбер, архиепископ Реймса, Адсон, настоятель монастыря в Мутье, друг и земляк Герберта, известный своей ученостью, а также великое множество учеников. К сожалению, Рикер, описывая спор, говорит какие-то малопонятные вещи. Отрик будто бы предлагал объединить математику и физику в физиологию, а Герберт со своей стороны настаивал, что физиология и физика соотносятся как философия и филология.

Судя по отчету летописца, в ходе спора Герберт и Отрик нередко неожиданно перескакивали с одного вопроса на совершенно иной, потому что Отрик любил цепляться к словам, а Герберт как будто не собирался оставлять без внимания ни один его выпад. Так, в беседе они затронули способы кратчайшего словесного выражения определений, причины творения мира, различие бога и вещей по степени благодати, соотношение разумного и смертного, сущность тени, а также, по-видимому, еще очень и очень многое. Герберт свои рассуждения подкреплял в основном ссылками на Порфирия, Мариа Викторина и Боэция.

Спор закончился в пользу аквитанского ученого. Оттон был им доволен и в дальнейшем покровительствовал ему.

В Реймсе Герберт построил орган, приводившийся в действие силой воды. Ему также приписывается установление первых башенных часов в Европе в 997 году. Часы не сохранились, и об устройстве их, как, по-видимому, и всех остальных приборов, изобретенных нашим философом, остается только догадываться.

Самым одаренным учеником Герберта, пожалуй, был Фульберт (ум. 1028), епископ Шартра и схоластик шартрской школы, которую он открыл еще около 990 года. Фульберту принадлежат письма, молитвы и гимны, а по складу ума он, в отличие от своего учителя, скорее просто верующий, чем философ. Учеником же Фульберта был Беренгарий (1000–1088), который прославился тем, что очень едко высмеял христианское представление о превращении во время причащения хлеба и вина в плоть и кровь Иисуса Христа.

Посмертная слава Герберта в течение многих веков не уступала славе прижизненной. Его изобретательские способ-

ности породили множество басен, обычных для ранней Европы. Пошли слухи о том, что Герберт увлекался чернокнижием, что он заключил договор с дьяволом и только благодаря дьяволу воссел на папский престол и приобрел дар удивлять всех хитроумными штучками, среди которых самой чудесной была будто бы говорящая медная голова, способная пророчествовать о будущем.

Глава 3

Латинский запад в XI–XVI веках

ДИАЛЕКТИКИ И ДОГМАТИКИ

Одиннадцатое столетие (и, в некотором роде, весь второй период Средневековья) началось плохо для свободной мысли. В 1017 году в Орлеане обнаружилось необычное учение. Некоторые проповедники и миряне говорили, что Бог не един и не троичен, мир никем не сотворен и вечен, а значит, не будет конца света, страшного суда и воздаяний, поэтому человек может спокойно предаваться земным удовольствиям, если пожелает. Приверженцы этой точки зрения не захотели отречься даже под угрозой расправы. Были сожжены два вождя движения – схоластик Гериберт и монах Лизой, а помимо них, видимо, еще несколько десятков человек. Полагают, что это было первое выступление так называемых катаров и первая расправа над ними...

В рассуждениях таких видных схоластиков XI века, как Беренгарий Турский и Иоанн Росцелин, можно усмотреть угрозу превращения диалектики в самодовлеющую науку, которой принадлежит последнее слово в любых спорах, в том числе в вопросах христианского учения. **Беренгарий** (1000–1088) происходил из богатой семьи, учился в Шартре у Фульберта, в 1031 году возглавил школу при монастыре св. Мартина в Туре (школа была основа еще Алкуином), какое-то время был архидьяконом в Анжере. **Иоанн Росцелин** (1050–1125) учился в Суассоне и в Реймсе, в Компьене и в Реймсе до 1092 года был каноником.

Беренгарий, основываясь, видимо, на обыкновенном житейском здравом смысле, утверждал, что если во время причащения мы едим плоть Христа и пьем его кровь, то будь Спаситель больше хоть самой большой башни, он все равно очень скоро будет съеден верующими. Отсюда следует, что во время причащения меняется лишь действие хлеба и вина, тогда как их сущность остается постоянной.

Иоанн Росцелин рассуждал несколько тоньше. Все существующее есть совокупность единичных тел, общее же – только слова, звуки, которые мы издаем, по сути, сотрясение воздуха. Это верно и относительно Бога. Следовательно, либо Бог один, и тогда воплотились и жили на земле и Отец, и

Сын, и Дух (поскольку это просто разные названия одного и того же), либо богов три. Но первое невозможно согласно апостольским свидетельствам, значит, второе.

Подобную смелость резко осудили Петр Дамиани, Ланфранк и Ансельм из Аосты, которые, таким образом, поставили перед диалектикой задачу почтительного следования за священной наукой.

Петр Дамиани: «Диалектику и риторику нельзя просто распространять на божественные тайны; умозаключения и доказательства не подчиняют себе священные законы и божественную мощь. Школьная наука, разъясняющая Писание, не должна присваивать себе главенства, ибо это было бы дерзостью с ее стороны. Но, подобно служанке, она должна выполнять распоряжения госпожи и не забегать вперед, чтобы не потерять свет добродетели и истины в чисто внешней последовательности слов».

Ланфранк Беренгарию: «Ты оставил святыне авторитеты и ищешь прибежища в диалектике; я же предпочел бы отвечать на авторитеты, а не на диалектические тонкости».

Несмотря на защиту влиятельного монаха Гильдебранда (который потом стал папой Григорием VII), Беренгарий был впервые осужден в 1050 году, заключен в темницу, отрекся, взял отречение назад как вынужденное и под давлением Ланфранка и его сторонников отрекся вновь (1078).

Иоанн Росцелин подвергся осуждению на церковном совете в Суассоне в 1092 году, лишился франкского гражданства, отправился на британские острова, затем вернулся и какое-то время еще даже преподавал в Вансе.

Петр Дамиани (1002–1072) родился в Равенне, рано лишился родителей, но благодаря старшему брату изучил свободные искусства (школы в Равенне, Фаенце, Парме) и сам начал преподавать. В 1030–32 годах или около этого времени был монахом очень сурового монастыря Фонс Авеллана. Сначала на Петра обратили внимание папа Климент II и германский император Генрих III; потом папа Стефан IX назначил его кардиналом Остии. Так Петр стал вторым лицом в римской церкви. Эту должность он, впрочем, принял крайне неохотно и только под угрозой проклятия: наиболее близким ему было все-таки отшельничество. Прославился строгим образом жизни (посты, бдения, ношение вериг и т. п.). Осуждал торговлю церковными должностями, но из-за ее огромных размеров не требовал низложения всех, кто купил себе чин. Ссылался при этом на католический догмат, по

которому личность священника не влияет на качество совершаемых им таинств. Поддерживал требование безбрачия и воздержания от военных дел для священников. Призывал не злоупотреблять церковным проклятием. Уравнивал мирян и священников перед Богом, но в то же время, например, ввел бичевание для мирян в качестве наказания. Придерживался заповеди о непротивлении злу злом. Как и большинство христиан, видел христианский мир в подчинении у двух мечей: земной меч у римского императора, небесный – у папы. Написал жития, увещания, осмеяния, молитвы и прочие сочинения. Одна из главных книг – «О божественном всемогуществе». В ней Петр защищает точку зрения, согласно которой Бог не может только того, чего не желает. Он может даже сделать бывшее небывшим, ибо у него все в настоящем. Все для него происходит сейчас и поэтому он способен все изменить.

Ланфранк (1005–1088) родился в Павии (Италия), в семье городского судьи, учился в Болонье. Там же начал преподавать – учил грамматике, риторике, диалектике и праву. Затем переселился в Авранш (Нормандия), где продолжал учительствовать. Видимо, ужаснувшись однажды своей суетности и увлеченности светскими науками, ушел в беднейший монастырь Бек, где три года воздерживался от свободных искусств. Но затем опять взялся за старое. Вследствие этого в Беке возникло знаменитое училище словесности – с неплохой библиотекой. С 1070 года Ланфранк – архиепископ Кентерберийский. Самые известные ученики его – Гвитмунд из Аверсы, Иво из Шартра, Ансельм из Баджио (будущий папа Александр II), Ансельм из Аосты.

Ансельм из Аосты (1033–1109) происходил из благородной и состоятельной семьи. В возрасте 15 лет избрал путь монаха, много странствовал (Бургундия, Франкия, Нормандия), в 1059 году попал в монастырь Бек, в 1063 году стал его настоятелем. С 1093 года – архиепископ Кентерберийский. Находясь на этой должности, защищал церковную ответственность от поплзновений князя Вильгельма Рыжего, нападал словесно на греков за неприятие догмата об исхождении Духа от Сына, требовал жесткого порядка в церкви, строгого образа жизни священников и отлучения светских правителей, самовольно распоряжающихся правом посвящения в должность. Ансельму принадлежат многочисленные произведения по вопросам священной науки – «О грамотном», «Монологион», «Прослогион», «Об истине», «О свободе

воли», «О падении дьявола» и другие. Широко известны его доказательства существования бога.

Доказательство первое. Есть много благ, но все они могут мыслиться и существовать только благодаря некоему благу самому по себе. Очевидно, это высшее благо, и это, несомненно, Бог.

Доказательство второе. Все существует благодаря чему-то такому, что существует само по себе. Это самосущее есть Бог.

Доказательство третье. Есть разные степени совершенства: конь лучше дерева, человек лучше коня. Но есть и предел совершенства, ибо безумно считать, что нет никакой высшей степени. Причем эта совершенная природа, несомненно, едина, а не множественна.

Доказательство четвертое. У нас в уме есть понятие о наибольшем во всех отношениях существе – о боге. Может ли так быть, что это существо есть только в нашем уме? Рассмотрим двух существ: одно из них есть только в моем уме, а другое – и в уме, и вне его. Ясно, что наибольшим будет второе, а не первое. Следовательно, бог существует.

Ансельм был одним из главных в XI веке защитников веры и священной науки от нападков диалектиков: «Я стремлюсь понять не для того, чтобы поверить, но я верю, чтобы понимать. Ибо я знаю: пока я не поверю, я не пойму».

К антидиалектикам XI века близкими по духу были представители Сен-Викторской школы, основанной Гильомом из Шампо в начале XII века. Правда, сам Гильом охотно пускался в диалектические тонкости: вместе с Иоанном Росцелином он возродил древний спор о способе существования общего (universalia).

Гильом из Шампо (1068–1121) – один из учеников Ансельма Ланского (ум. 1117), который сам приходился учеником Ансельму Кентерберийскому, основатель кафедральной школы при соборе парижской богородицы, основатель Сен-Викторского монастыря (1108), архидьякон Парижа, уставной каноник, наконец, епископ Шалонский (с 1113 года), – и, конечно, монах и преподаватель. Главные сочинения – «Вопросы, или Изречения» и «Разговор между христианином и иудеем о католической вере». Подобно большинству христиан, считал: вера исключает разумные доказательства, и только неразумная вера вознаграждается. Много ссылался в своих книгах на «Послания Павла» и труды Августина Аврелия, и, таким образом, был вполне правоверным католиком. Об общем Гильом говорил примерно так: оно есть нечто вроде

вещи во всех вещах одного вида или рода, поэтому вещи одного рода тождественны по сути, а различаются случайными признаками.

Другие представители Сен-Викторской школы менее заметны. **Гуго** (1096–1141) написал, в частности, не лишенный занимательности трактат о богопознании, где выделил пять видов такового (через наблюдение тварного мира, через созерцание своей души, через Писание, через благодать и через отречение от себя в уединении и безмолвии). Наибольшую же известность ему принес «Дидакалийон, или Семь книг назидательного обучения». Сочинение представляет собой краткий обзор всей философии – логической, теоретической, практической и механической (к последней относятся полезные ремесла). Четвертый или пятый по счету настоятель монастыря **Рихард** (ок. 1123–1173) тоже рассуждал о восхождении души к Богу. **Вальтер**, его современник, написал книгу против четырех, как он их назвал, лабиринтов Франции (Петр Абеляр, Гильберт Порретанский, Петр Ломбардский и Петр из Пуатье). Видимо, он считал их великими путаниками.

Пьер (Петр) Абеляр (1079–1142) родился в Палле (недалеко от Нанта), в семье рыцаря. Учился диалектике у Иоанна Росцелина в Вансе и у Гильома из Шампо в Париже, математике – у Теодориха в Шартре. Наконец, попал к Ансельму Ланскому (1113). В том же году начал без разрешения преподавать священную науку, чем в первый, но далеко не в последний раз навлек на себя гнев многих людей. Хотя вместе с тем приобрел большое количество учеников и поклонников. Имел неосторожность увлечься одной из своих учениц (некая Элоиза, племянница каноника Фульберта). Общественное мнение того времени требовало от философа отшельнического и воздержанного образа жизни. Опасаясь за свое магистерство, Абеляр не решился широко объявить о бракосочетании. Рождение сына Пьер и Элоиза также постарались по возможности скрыть. Фульберт, однажды неожиданно узнавший всю правду, нанял людей, которые осклопили Абеляра (около 1119). Через два года на церковном совете в Суассоне Абеляр был обвинен в нарушении обета (преподавал в мирской школе), в нарушении порядка (преподавал священную науку без разрешения) и в троебожии. Книгу «О единстве и троичности Бога» Абеляру сразу после этого пришлось показательно сжечь. Затем последовало скитание по монастырям и новые опасности: распутные монахи-многоженцы в одной из обителей даже попытались отравить Абеляра, когда он попро-

бывал вразумить их и вернуть на путь истинный. В 1136 году он вновь открывает школу в Париже. В 1141 году церковный совет в Сансе по предложению Бернарда Клервосского представляет против него обвинения в самых страшных ересь – арианстве, несторианстве и пелагианстве. Абельяр отправляется в Рим просить защиты, но по пути заболевает и последние месяцы жизни проводит в Ключийском монастыре. Тем временем папа Иннокентий III утверждает все решения Санса, книги Абельяра показательно сжигаются в соборе святого Петра в Риме, а их сочинителя приговаривают к вечному молчанию: отныне он не может преподавать. За Абельяра, однако, вступается настоятель Ключи Петр Достопочтенный и немного смягчает приговор. Смерть настигает Абельяра в монастыре святого Марцелла близ Шалона.

Абельяр был продолжателем дела Беренгария Турского и Иоанна Росцелина, крупнейшим диалектиком своего века. Он снова ввел на латинском западе понятие «теология» и истолковал последнюю как разумное познание Бога, а не как слепую веру. Священная наука, возникающая на основе христианства, такова, что некоторые ее положения можно произнести, но нельзя понять. И проповедники их произносят, а ученики просто повторяют и заучивают. Но человек имеет право на понимание: сначала понять и только потом верить. В трактате «Да и Нет» Абельяр рассмотрел полторы сотни противоречий католического учения и, в конце концов, дошел до мысли, что, видимо, сами пророки и апостолы не были полностью свободны от ошибок. Но все же Писание – высший авторитет, и все утверждения поборников католичества нужно проверять на соответствие ему.

Абельяр действительно вводил в Троицу больше различия, чем это допускалось католическим учением: Отец, по его мнению, это могущество, Сын – мудрость, Дух – благодать. Склонялся к мысли, что мы наследуем не грех, а наказание за него. В поступке главное – намерение. Внешне одинаковые поступки могут быть порождены разными умыслами. Не является грешником тот, кто совершил проступок по неведению или из-за неприятия евангельской проповеди. И поскольку грех – в намерении, то искупление его тоже духовно – осознание и покаяние. Из этого, в свою очередь, вытекает, что грешнику не нужен посредник для общения с Богом.

Весьма замысловаты соображения Абельяра по вопросу об общем (universalia). Относительно него, говорит перипатетик из Палле, споры возникли из-за сомнений в его достоверно-

сти: все, что есть, — отдельное, единичное, а оно — общее, значит, ни на что не указывает.

Общее не прикладывается к вещам на основании своих собственных отличий, иначе бы оно было не общим, а единичным. Но понятия нет без вещи, без подлежащего. Следовательно, затруднение такое: какова же причина приложения общего имени (*universale nomen*) и каково понимание (*conceptio*) общего, возникающего на основании сходства вещей? Происходит ли это в соответствии с общей причиной или в соответствии с общим понятием (*conceptio*), или и то, и другое? И то, и другое, отвечает сам себе Абеляр. Общность этих имен определяется единым основанием [бог] и нашим пониманием (*conceptio*) — т. е. способностью к абстракции. Эта способность не обязательно ведет ко лжи и пустоте, как показал еще Боэций. И нельзя забывать о божественном провидении: когда Бог создавал замысел мира, мира еще не было; но замысел не был пустым, ибо потом воплотился. Бог ясно без ощущений знает общее, а люди только предполагают.

Есть три ложных мнения относительно общего.

Первое гласит: общее — материальная сущность; в вещах она одна и та же, а разнообразие — от форм, и если бы формы убрали, остались бы тождественные вещи. Это мнение поддерживают авторитеты [=Гильом], свидетельствует Абеляр, но физика говорит против него. Ведь если общее примет формы, то начнет существовать как нечто единичное, но противоположности не сочетаются. Далее, самое общее — десять категорий. Значит, согласно данному мнению, они существуют в вещах, и все вещи — одна сущность, одно качество, одно количество и так далее. Но эти десять объемлют все сущее. Следовательно, Сократ и Платон не различаются по сущности и по всем остальным формам, что нелепо. Наконец, если отдельное становится отдельным благодаря привходящим признакам, то признаки первичны по отношению к отдельной вещи. Что тоже странно.

Второе мнение гласит: вид — это и совокупность, и каждое из этой совокупности. В этом случае, когда говорят: «Сократ указывает на множество», это означает: «Есть много подобных Сократу». Количество родов здесь будет равно количеству видов и количеству неделимых вещей (хотя в то же время, как известно, общего меньше, чем единичного — в смысле подобия по природе). И все люди — это и одно, и множество. Абеляр отвечает: если вид указывает на отдельные вещи по частям, то такой вид не есть общее, ибо, как сказал Боэций,

вид должен быть полностью в каждой своей единице. Далее, согласно Боэцию, часть – не то же, что целое, а вид – то же, что род. Если соединить это с изложенным мнением, получится, что все люди окажутся всем множеством живых существ.

Третье мнение: общее – это отдельная вещь, ибо вещи подобны. Возражение: если так, то отдельное не говорит о единственном, и разница между общим и отдельным стирается.

Итак, ни отдельная вещь, ни вещи, воспринятые вместе, нельзя называть общим – потому что оно сказывается о многом. Общее – в звучащем слове (*sermo*), оно и есть слово, указывающее на множество единичностей. Можно также сказать, что оно есть любое единичное, простое, чистое и не очень ясное понятие. Общее относится к телесному, и в этом смысле оно телесно; но оно не называет ничего определенно, и в этом смысле оно бестелесно...

Все это не очень понятно теперь и едва ли звучало понятно в те времена. Многие это чувствовали. Как выразился по данному случаю Иоанн Солсберийский, общее – образы и тени чувственно воспринимаемого; отдельно от единичностей они словно сновидения, словно стрекот цикад; но как общая форма, оставаясь тождественной, соотносится со множеством своих вещей, это и самые ученые из ученых не были в состоянии постичь... Опуская все подробности, можно утверждать, что у Абеляра просматривается мысль о тройственном способе существования общего – до вещей (в уме Бога), в вещах как их сходство, после вещей (в уме человека).

Завершая разговор об Абеляре, перечислим основные его сочинения: «Введение в теологию», «Логика для начинающих», «Диалектика», «О единстве и троичности Бога, или Теология высшего блага», «Христианская теология», «Да и Нет», «Этика, или Познай самого себя», «Разговор между философом, иудеем и христианином», «История моих бедствий».

Из школы Абеляра вышли тоже достаточно смелые люди – Петр Ломбардский, Иоанн Солсберийский, Арнольд Брешианский. Последний за свои политические выступления даже был сожжен. Удачливее всех оказался **Петр Ломбардский** (1095–1160). Он родился где-то в северной Италии, в бедной семье. Учился в Болонье, Реймсе и Париже. Сочинение Петра под названием «Четыре книги изречений» («Четыре книги сентенций») поначалу, как и все новое, было встречено настороженно, но в XIII веке стало главным учебником христианства и,

если не лгут свидетельства, даже отодвинуло в тень Писание. Первая книга посвящена троичности Бога, вторая – сотворению мира и ангелам, третья – воплощению Сына, четвертая – католическим таинствам. При изложении вопросов Петр вполне удерживается в рамках католичества, хотя отдельными высказываниями и дал повод к сомнениям в своей вере (например, был заподозрен в несторианстве). Учитывая особую тонкость священной науки, этому не следует придавать большого значения.

Продолжает Петр и попытки найти рассудочное доказательство существования Бога. Но рассуждения его по меркам XII века, пожалуй, уже в высшей степени неуклюжи.

Доказательство первое. Мир есть творение. Значит, кто-то его сотворил. Но мир – великое творение. Следовательно, его создал Бог.

Доказательство второе. Все сущее изменчиво. Но изменчивое может произойти только от неизменного и простого.

Доказательство третье. Субстанция – либо тело, либо дух. Дух – лучше. А еще лучше тот, кто создал дух и тело.

Доказательство четвертое. Есть телесное и духовное. Телесное доступно чувствам, духовное – уму. Все они обладают формами. Но есть и первая, неизменная, несравненная форма.

Поэтому самое любопытное у Петра – каверзные вопросы для католика: может ли Бог знать больше того, что он знает? сможет ли Бог всегда делать то, что он делал раньше? каков был начальный возраст сотворенного Адама? почему Еву создали из ребра, а не из другой части тела? почему Бог взял ребро во время сна Адама, а не во время бодрствования? почему первые люди в раю не спаривались? как размножались бы люди, если бы не согрешили? рождались бы дети в раю сразу взрослыми, подобно Адаму и Еве? почему ради нашего спасения сделался человеком Сын Бога, а не Отец или Дух? мог ли Бог воплотиться в женщину, а не в мужчину? И так далее и тому подобное...

Иоанн Солсберийский (1125–1180) родился в Британии, образование получил во Франции (свободные искусства и теология). Перечисляя в одном сочинении своих учителей, Иоанн называет тринадцать человек. Наиболее восторженные отзывы – о Пьере Абеляре («перипатетик из Палле, всеми обожаемый прославленный ученый, который царил на горе святой Женевьевы»). Главные сочинения Иоанна – «Поликратик» (считается одним из главных политических трактатов Средневековья) и «Металогик» (посвящен грамматике и ди-

алектике). В последние годы жизни получил должность епископа Шартра.

МАЛОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

В XII столетии одно за другим появляются новые народные движения – чистые (катары), нищие (вальденсы, последователи Петра Вальда), иоакимиты (единомышленники Иоахима Флорского), амальриканы (ученики Амальрика Бенского). Они враждуют с католической церковью и живут в ожидании некой новой эпохи. Близки к ним по настроениям зарождающиеся ордены францисканцев и доминиканцев. Им, впрочем, удастся удержаться в пределах, установленных римской кафедрой, но францисканцам – с трудом: среди них было много тех, кто увлекся пророчествами Иоахима Флорского.

Катары по убеждениям были манихеями: признавали два начала – Бога света, от которого происходит Христос, и некую силу тьмы, породившей Люцифера. Земной мир, по их представлениям, был противоестественным смещением начал: Люцифер заключил частицы света (ангелов) в темницы плоти, размножающиеся половым способом. Христос, посланный истинным Богом, вышел в мире через ухо девы Марии, дав людям истинное знание и утешение. Исходом должно было стать извлечение всех частиц света из телесного заточения и возвращение их на родину. Всякая собственность, ложь, война, убийство человека или животного (кроме змеи), животная пища (кроме рыбы, которая якобы размножается бесполом образом), а также продолжение рода считались у катаров грехом. Сами они делились на совершенных и просто верующих. Таинств у них было четыре: молитва, благословение хлеба совершенными, исповедь и утешение (последнее использовалось вместо католического крещения). Из-за опасности впадения в грех утешение человеку часто давали только перед самой смертью. Катары появились в середине XII века и вскоре широко распространились в Италии, на юге Франции и во Фландрии. Первый совет катарских церквей состоялся в 1167 году.

Вальденсы в общем и целом придерживались католического учения, но в большинстве своем отрицали сложившийся у католиков церковный порядок – особые права римской кафедры, безбрачие священников, монашество, храмы, почита-

ние икон и крещение младенцев. **Петр Вальд**, раздавший в 1176 году все свое имущество, призвал вернуться к евангельской жизни, к апостольской простоте и любви. Вальденсы распространились в Италии, Франции, Германии, Польше, Венгрии. Во многих областях они создали собственные иерархические церкви.

Папа Иннокентий III (в миру граф Лотарь ди Сеньи, 1160–1216; римский епископ с 1198 года), человек не совсем чуждый философии, устроил настоящий крестовый поход против альбигойцев (собирательное обозначение катаров и вальденсов). Пообещав в награду имущество этих так называемых вероотступников, он привлек к предприятию крупных землевладельцев. Крайней жестокостью отличились некоторые инквизиторы, перешедшие из катарства обратно в католичество, – особенно Роберт Ле-Бугр, Петр Веронский и Райнбер Саккони (это уже XIII век). Эти люди сожгли сотни своих бывших собратьев – катаров и вальденсов. В XIV веке церковь катаров была истреблена полностью. Вальденсам повезло больше: их общины существовали еще в XX веке.

Джоаккимо да Фьоре, или **Иоахим Флорский** (1132–1202) происходил из знаменитого норманнского рода, родился в южной Италии. Получив образование, был принят на службу в Калабрийскую королевскую курию, но вскоре оставил ее. Совершил паломничество в Иерусалим ко гробу Христа. По возвращении поступил послушником в цистерцианский монастырь Калабрии, исполнял должность привратника. Через некоторое время начал проповедовать. Руководство ордена принудило его постричься в монахи (1168). Еще через десять лет он уступил просьбе монахов и стал настоятелем монастыря, однако вскоре испросил у римского папы разрешения оставить должность. Иоахим перебрался в Пьетралату (тоже в Калабрии), где начал работу над письменными сочинениями. Последним крупным событием его жизни было основание храма Иоанна Предтечи.

Иоахим воскресил раннехристианское учение о трех веках (эпохах), но несколько видоизменил его: он выделил эпоху Отца, эпоху Сына и Духа, эпоху только Духа. Век Отца – от сотворения мира до воплощения Сына, расцвет его («плодоношение») приходится на время от Авраама до Захарии, отца Иоанна Крестителя. Век Сына и Духа – от пророка Елисея и царя Осии [VII век до н. э.], а расцвет его – от рождения Христа до 1260 года (это следует – здесь идут по-христиански произвольные расчеты – из того, что Юдифь была вдовой

3 года и 6 месяцев, т. е. 1260 дней, если принять продолжительность года за 360 дней). Наконец, век Духа – от блаженного Бенедикта (VI век), расцвет же его – от указанного выше года до конца света и страшного суда.

В первый век живут согласно телу, во второй – между телом и духом, в третий – согласно духу. Век Отца – время правления женатых людей, буквального понимания Писания, это время знания, рабства, насилия и страха. В эпоху Сына и Духа правят священники, тоже дословно толкующие богооткровенные книги. Это время частичной мудрости, сыновней покорности, действия и веры. Наконец, эпоха Духа станет временем правления монахов и духовного понимания Писания, временем полноты ума, свободы, созерцания и любви.

При жизни Иоахима на его книги мало кто обратил внимание. Но время сделало свое: в XIII веке стали появляться общины иоакимитов. Многие представители ордена францисканцев начали думать, что именно они возглавят народы после наступления третьей эпохи. Папский двор объявил учение ересью, книга Иоахима «О согласии Ветхого и Нового заветов» подлежала уничтожению. Генерал ордена францисканцев известный философ Джованни Фиданца (Бонавентура), спасая лицо ордена, осудил францисканцев, увлекшихся учением Иоахима. Под осуждение попал даже предшественник Фиданцы Иоанн Пармский.

Амальрик Бенский, или **Амори Шартрский** (умер ок. 1205) – поклонник Эриугены, преподаватель свободных искусств и теологии в Париже. Был обвинен в пантеизме, но в 1204 году смог оправдаться в Риме перед Иннокентием III, отрекся и вернулся в Париж. Однако после смерти Амальрика разбирательство по его делу возобновили. Парижский церковный совет 1209 года признал его вероотступником. В качестве наказания постановили вырыть его прах из земли и развеять по полю. Некоторые последователи Амальрика пострадали сильнее: одних сожгли, других пожизненно заключили в темницы. Взгляды Амальрика известны плохо. По-видимому, он действительно утверждал, что Бог – это все, а каждый христианин – часть тела Христа. Кто верит в это, тот не способен грешить, а значит, спасется. Учение же амальрикан таково. Бог – не в трех лицах, он един, но было три откровения: откровение Отца – с Авраама, откровение Сына – с Иисуса, откровение Духа – с Амальрика. В эпоху Духа церковный порядок утрачивает смысл, как в эпоху Сына был упразднен Закон Моисея. Кто осенен Духом, тот безгрешен...

Вторая половина Средних веков – время появления многочисленных орденов. Условно можно считать, что первым орденом был бенедиктинский. Его создал еще в VI веке Бенедикт Нурсийский, родоначальник всего монашества в зарождающемся германском мире. Но сам замысел орденов, т. е. объединения монастырей, подчиненных римскому папе, возник все-таки уже в XI веке. Помимо монашеских со временем стали появляться и ордены другого рода, например, рыцарские. Поводом для учреждения последних послужили крестовые походы. Из монашеских знаменитейшими являются францисканцы и доминиканцы (менее известны кармелиты, августинцы, камальдулы, премонстраты, цистерцианцы); рыцарские – это тевтоны, тамплиеры, госпитальеры, ливонцы и некоторые другие.

Франческо Бернардоне (ок. 1180–1225) – родился в Италии, в купеческой семье. Мать первоначально назвала его Иоанном; отец, вернувшись из Франции, в честь этой страны переименовал его во Франческо; ныне же этот человек широко известен как Франциск Ассизский, основатель ордена францисканцев. Какое-то время Франциск изучал купеческое дело, хотя мечтал о рыцарстве. В 1199 году участвовал в восстании против герцога Сполетского и ассизской знати, попал в плен, в котором провел год. В 1200-м или 1201 году отправляется в Апулию и решает посвятить себя монашеству. Отец, негодуя по поводу того, что сын не идет по его стопам, обвиняет Франциска в краже денег. На епископском суде Франциск отдает отцу деньги, одежду и отрекается от него. Затем последовало создание трех орденов (мужского, женского и ордена для мирян), скитания, восстановление храмов, ухаживание за больными. Франциск проповедовал бедность, отречение от всякой собственности (даже жилище иметь нежелательно) и существование на пожертвования. Призывал к всеобщей любви – не только человека к человеку, но и человека к животным, растениям, солнечному свету, всему миру. Нужно бескорыстно служить другим, жалеть и сострадать; отрекаясь от земных благ, не презирать мир и радоваться всему, что сотворено Богом. Римский папа Иннокентий III, когда узнал обо всем этом, поначалу выразился в том духе, что с такими проповедями следует выступать перед свиньями, а не перед людьми: в нищенстве в XIII веке почти никто уже ничего пристойного не видел. Но ордены Франциска быстро росли в численности: через десять лет после создания в них было около 5000 человек. Вражда с Франциском могла закон-

читься отпадением этих людей от римской кафедры. Вполне понимая это, Иннокентий III благословил начинание. Самого Франциска через два года после смерти причислили к лику святых.

Доминиканцы тоже получили свое название от имени основателя. Это был испанский монах **Доминик де Гусман** (ок. 1170–1224). Здесь, кроме того, имеет место любопытная игра слов: *Domini canes* в переводе с латинского означает «псы Господни» (знаком доминиканцев была собака с горящим факелом в пасти). Доминиканцы поставили своей целью очищение христианской веры и борьбу с еретиками. И так получилось, что инквизиция со времени своего создания (1233) оказалась у них в руках. Они также заправляли делами в большинстве университетов. Доминик тоже был объявлен святым.

ПЕРИПАТЕТИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Самое примечательное явление XIII столетия – аристотелевское возрождение. Перипатетиком называл себя уже Пьер Абеляр; Гуго Сен-Викторский придерживался вполне перипатетического взгляда на философию в целом: он делил ее на теоретическую, практическую, механическую и логическую. Это очень близко к тому, что говорил Аристотель (у основателя Ликее механические науки назывались поэтическими, а логика – аналитикой).

До XII века Аристотель был известен на латинском западе только в качестве создателя упомянутой аналитики, в следующем веке на латынь перевели уже все его книги, какие только сохранились. Римская кафедра поначалу очень озабоченная для правоверного католика вещи: бог не является ни творцом, ни правителем мира, а сам мир вечен (в католическом учении все в точности наоборот). В 1210 году церковный совет в Париже наложил запрет на изучение этих книг. В 1215 году кардинал Роберт Корцео, выступая в парижской всеобщей школе, подтвердил запрет, разрешив преподаванию только аналитику. В 1231 году папа Григорий еще раз повелел воздержаться от изучения «Физики» до особого рассмотрения ее. Однако запреты плохо действовали, и вскоре их отменили (1245). В Париже тогда открылись две кафедры аристотелевской философии.

Аристотеля поначалу пытались изучать так же, как Писание. Священные книги надо понимать не произвольно, но так, как понимали их святые отцы. И Аристотеля следует толковать в согласии с великими толкователями. К таковым относились «последний римлянин» Боэций (480–525) и араб Абуль Валид Мухаммад ибн Ахмад ибн Рушд, или Аверроэс (1126–1198), о котором тогда говорили: Аристотель объяснил природу, Аверроэс объяснил Аристотеля. Потом в этом списке оказался еще Александр Афродисийский (II–III века н. э.), который в свое время возглавлял школу в Ликее.

Итак, средневековые перипатетики сразу разделились на два направления. Часть пошла за арабами – так называемые аверроисты (Сигер Брабантский, Пьетро д’Абано, Анджело д’Ареццо, Марко Антонио Зимара, Алессандро Акиллини и многие другие), часть – за Альбертом фон Больштедтом и Фомой Аквинским (томисты). В XV веке к ним добавились еще те, которые избрали авторитетом древнего перипатетика Александра Афродисийского. Их стали называть александристами (к их числу относятся Ермолао Барбаро, Пьетро Помпонаци, Гаспаро Контарини, Симон Порта, Юлий Цезарь Скалигер и другие). Разногласий между ними было много, но самые спорные вопросы – бессмертие души, разум, божественное провидение и истина.

Аверроисты утверждали, что мир вечен и извечно творится Богом; но создается он через ум, поэтому Бог не является непосредственным творцом и не знает судьбу вещей; кроме того, творение необходимо, это не произвол Бога. Все предопределено звездами, нет свободы выбора и нет ответственности; нет смысла каяться в грехах и опасаться загробных воздаяний: их не будет. Душа человека смертна, зато вечен общий разум; истин две – авторитет церкви (вера) и собственный разум человека (философия).

Томисты говорили прямо противоположное: общего разума нет, душа вечна и свободна; мироздание имеет начало во времени и подчиняется божественному провидению; никаких двух независимых истин не существует.

Взгляды александристов имели частичное сходство с обоими вышеприведенными учениями: человек (тело, душа, ум) всецело смертен; провидение есть и, значит, Бог ответствен за зло; истин две.

При этом аверроисты и александристы подчеркивали, что все это они утверждают как философы; как католики же они полностью разделяют учение своей церкви. Такая двойствен-

ность для многих наверняка была вынужденной, о чем свидетельствует, например, такое высказывание Пьетро Помпонаци: «В философии верьте тому, что велят вам разумные доказательства, а в теологии – тому, что велят теологи и апостолы со всей римской церковью, а не то умрете вы смертию поджаренных каштанов».

Существование и нетленность общего разума аверроисты доказывали большим сходством мышления всех людей и их способностью постигать общее. Против них выступил Фома Аквинский, наиболее значительный католический философ последнего тысячелетия. **Томмазо д'Аквино**, или **Фома Аквинский** (1225–1274) родился в Италии, начальное образование получил в монастыре Монте-Кассино, затем продолжил обучение в школах Неаполя, Кельна и Парижа. Преподавал в этих городах, а также в Риме и Болонье. От своего учителя Альберта фон Больштедта, согласно преданию, получил прозвище «немой бык» – якобы за внушительные размеры и молчаливость. Вступил в доминиканский орден. Посмертно удостоился почетного звания «ангельский ученый» (*doctor angelicus*). Главные сочинения – «Сумма теологии» и «Сумма католической веры против язычников». В 1323 году Фома был причислен к лику святых. В 1567 году признан учителем церкви. В 1879 году римский папа Лев XIII объявил учение Фомы единственно истинной философией католичества...

Итак, Фома ответил на соображения аверроистов следующим образом. Человек есть тело и душа, при этом душа это субстанциальная форма. Субстанция же есть то, что сообщает простое бытие, и всякая вещь имеет одно простое бытие. Поэтому у человека одна субстанция – душа; она пребывает во всем теле и в каждой его части. В человеке все три вида души (растительная, животная и разумная) совпадают: каждая высшая содержит низшую подобно тому, как пятиугольник включает в себя четырехугольник, а тот – треугольник. Таким образом, субстанция человека – умопостигающая душа. И если мы скажем, что ум один у всех людей, то получится, что у всех одна душа, что люди различаются только случайными признаками – как человек в плаще и человек в тунике. Значит, умы – частные сущности, что, однако, не мешает им постигать всеобщее. Дело в том, что умственная деятельность осуществляется не через тело, а через чувственную душу, тесно связанную с телом. Ум же бестелесен и самосущ. И умопостижение – это исключение начал, производящих обособление (индивидуацию).

По вопросу о способах познания Фома предложил следующее. Есть два пути — путь разума, или философии (от вещей к Богу), и путь вероучения (от Бога к вещам). Если бы к богопознанию вела только дорога разума, человеческий род пребывал бы во мраке неведения. Истина о Боге в этом случае была бы доступна немногим. Она открылась бы им далеко не сразу и была бы перемешана с заблуждениями. Но от обладания этой истиной зависит спасение человека. Поэтому необходимо, чтобы знание о Боге самим же Богом и было преподано в откровении. Так оно и происходит. Путь вероучения (теологии, данной в откровении) предпочтителен: в откровении человеку даются такие истины о Боге, которые недоступны разуму. Разуму понятны, например, следующие положения христианской католической веры: Бог есть; Бог один; душа бессмертна. Они составляют как предмет теологии, так и предмет философии. Непостижимо разумом: триединство Бога; творение мира; первородный грех; воплощение Сына Бога; воскресение плоти. Эти положения — предмет только теологии. Поэтому человеческая мудрость (философия) признает верховенство божественной мудрости и идет к ней в услужение. В чем выражается это услужение? В том, что в пределах философии тоже может существовать теология. Высшая теология прибегает к этой низшей не от своей слабости и неполноты, но ради наглядного и доходчивого изложения своих истин. В пределах философской теологии можно дать следующие доказательства главного положения веры, которое гласит, что бог существует.

Доказательство первое: бог как перводвигатель. Перводвигатель — это поистине движущее и недвижимое. Если бы его не было, то всякое движущееся получало бы движение от другого движущегося. А все вместе они ни от чего не получали бы движение. Но это нелепо. Значит, перводвигатель есть, и это, несомненно, бог.

Доказательство второе: бог как первопричина. Если бы не было первой причины всего, которая сама уже не имеет причины, то все существующее было бы беспричинно. Но это невозможно. Значит, первопричина есть, и это, несомненно, бог.

Доказательство третье: бог как необходимое само по себе. Если бы не было необходимо сущего, вообще ничего не было бы, потому что только посредством необходимо сущего сущее в возможности может перейти в действительное состояние. Следовательно, необходимо сущее есть, и это, безусловно, бог.

Доказательство четвертое: бог как предел степеней положительного (совершенство, истина, доброта). Не может так быть, чтобы степени положительного уходили в бесконечность. Это нелепо. Значит, есть предел положительного, и это, конечно, бог.

Доказательство пятое: бог как источник целесообразности. Мы наблюдаем, что даже неразумные вещи движутся к наилучшему исходу. Это не происходит само собой. Ясно, что кто-то их направляет, и это, конечно, бог...

Сущее (*ens*), по Фоме, есть общее имя десяти родов (категорий Аристотеля) и истинности суждений. В первом случае оно делится на вещи, или сущности (*substantia*), и их признаки (*accidens*), которые самостоятельно, т. е. вне вещей, не существуют. Сущности бывают простые и сложные. Они различаются естеством (*essentia*), или, что почти то же самое, чистотностью (*quidditas*), формой (*forma*) и природой (*natura*).

Бог – чистая действительность, чистая форма, простейшая из простых сущностей (*substantia*), ибо у него естество (*essentia*) и бытие (*esse*) тождественны. К простым сущностям относятся также умы (ангелы) и души. Они состоят из формы и бытия, они суть формы, получившие бытие от Бога. У простых сущностей видов столько же, сколько особей. Сложные сущности возникают как соединение материи и формы. При этом форма есть то, что сообщает вещи бытие, а материя – восприимница форм и чистая возможность. Нельзя говорить, что у сложных сущностей естество тождественно форме, – иначе физические определения у нас не будут отличаться от математических. Поэтому естество сложных сущностей – как материя, так и форма. Естество ума и души – форма и бытие.

Римская кафедра и все руководство католической церкви поддержало томистов, а остальным в доверии отказало – аверроистам уже в 1270 году. Парижский епископ Этьен Тампье осудил тогда 13 положений аверроистской философии:

- мир вечен;
- все в мире подчинено власти небесных светил;
- первого человека не было;
- душа – форма человека, и она гибнет, когда разрушается тело;
- душа, отделившись от тела после смерти, не страдает от плотского жира [вероятно, это означает отрицание воскресения плоти];

- разум у людей один и тот же и по числу один;
- не соответствует истине утверждение: [отдельный] человек постигает;
- действия людей не направляются провидением бога;
- воля человека желает и выбирает по необходимости;
- свободная воля претерпевает, а не действует, — ею движут предметы стремления;
- бог не познает единичных вещей;
- бог не познает того, что отлично от него самого [т. е. он мыслит только себя];
- бог не может дать бессмертие тленному [т. е. телу].

Из этого списка мы видим, как далеко от католичества ушли некоторые латинские перипатетики. Вообще, ознакомление с древней философией имело роковые последствия для веры. Известно, что уже во второй половине XIII века на факультете искусств парижской всеобщей школы высказывались такие соображения: христианство — препятствие образованию; христианская теология основана на сказках; кто знает теологию, тот ничего не знает. В 1276 году выходит постановление о запрете «тайных сборищ для обучения» и чтения книг «врагов мудрости». В следующем году папа Иоанн XXI потребовал от Этьена Тампье уже наказания для этих врагов. Парижский епископ ответил изданием нового списка запретов. На сей раз в нем было уже 219 положений аверроистской философии.

В том же году **Сигер из Брабанта** (1240–1282), родоначальник латинского аверроизма, магистр факультета свободных искусств в Париже, был вызван на допрос к главному французскому инквизитору Симону де Валу, поселен в летнем дворце папы, где находился под надзором монаха-инквизитора, и умер при таинственных обстоятельствах (возможно, убийство).

Учение Фомы Аквинского, представляющее собой любопытную смесь католичества и аристотелианства, с XIV века было принято в большинстве европейских университетов. Аристотель как бы представлял и воплощал всю древнюю эллинскую философию, Фома олицетворял христианство. Было даже издано распоряжение, согласно которому никто не мог получить степень магистра без удовлетворительного знания всех книг Аристотеля (1366 год). Аверроисты и александристы тем временем сохраняли большое влияние только в университетах Парижа и северной Италии (Падуя, Болонья, Феррара, Мантуя).

Падуанская школа дошла в XV веке до того, что пересмотрела казавшиеся незыблемыми понятия материи и оценки земной жизни. Материя – не почти ничто, как считалось со времен Платона и Аристотеля. Она обладает творческой способностью: формы зарождаются в ней самой. Счастья можно и нужно достичь в этой жизни. Благодать – не единственный путь к блаженству.

В 1489 году епископ Падуи вынес предупреждение местному университету: философы не должны забывать, что они христиане; разговоры о единстве ума и смертности души недопустимы. Два таких влиятельных аверроиста, как Николетто Верниа и Агостино Нифо, почли тогда за благо отказаться от своих убеждений. Нифо открыто примкнул к томистам и по поручению папы Льва X даже выступил против Пьетро Помпонацци, одного из крупнейших александристов.

В 1513 году на V Латеранском совете епископы вынесли такое решение: все, кто исповедует двойную истину, единый разум и смертность души, суть презренные и омерзительные нехристи и еретики; они подлежат отлучению от церкви и наказанию. В качестве правильного уже Тридентский совет (1563) определил учение Фомы Аквинского. Последнему, как уже сообщалось, вскоре (1567) было присвоено почетное звание учителя церкви.

Пьетро Помпонацци (Италия, 1462–1525) – профессор философии и медицины в университетах Падуи, Феррары и Болоньи, глава школы александристов своего времени. Полагал, что Аверроэс отклонился от Аристотеля. Единство разума, по мнению Помпонацци, это только понятие, а не действительная сущность. Душа – форма тела, она материальна и смертна. Разрушение тела ведет к неизбежному разрушению и всей души. В отказе от бессмертия не заключено, однако, как часто думают, отрицания высшего назначения человека. Скорее наоборот, ибо человек должен жить в этом мире, а не надеяться на загробный. Бог вне природы. Последняя существует без его вмешательства. Но есть судьба, т. е. естественная необходимость, которая определяется движением светил. Даже возникновение и исчезновение религий зависит от звезд. И свобода – в следовании этому провидению. Чудес нет, ибо на все есть свои естественные причины. Колдовство – глупая выдумка, игра воображения. Но все это – философская истина, которая доступна немногим. Ее не следует опасаться еще и потому, что истин христианской веры она на самом деле не затрагивает и не опровергает.

В XVI–XVII веках в сочинениях таких перипатетиков, как Джакомо Цабарелла, Андреас Чезальпино, Чезаре Кремонини, различия между аверроистским и александристским течениями постепенно начинают сглаживаться. Тогда же появляются некоторые признаки утомления и пресыщения Аристотелем: Пьер де ля Раме в магистерской работе заявил, что все, когда-либо сказанное основателем Ликеея, ложно. Королевский совет осудил Рамуса под тем предлогом, что нападки на Аристотеля роют яму истинной религии и философии. Король Франции в прошении о снисхождении отказал.

Пьер де ля Раме, или **Петр Рамус** (Франция, 1515–1572) – выпускник парижского университета, знаменитый преподаватель своего времени, с 1551 года профессор Коллеж де Франс, с 1561 года – кальвинист. Подвергался преследованиям за новшества и веру. В наше время стал расцениваться как предшественник Рене Декарта. Как сторонник обновления христианства Рамус требовал возврата к чистому учению Писания. Целью познания провозглашал господство над природой, высшим авторитетом признавал разум. Человек имеет в себе естественную способность познавать. Наблюдение и опыт – начальная ступень познания. Важно также выбрать правильный метод, для чего следует изучить самых разных писателей и поэтов, особенно древних. Надо ценить математику – она очень полезна; и логику – она указывает путь в изобретательстве. У логики две части: понятия и определения, суждения и умозаключения. Логикам следует больше внимания уделять естественному разуму человека и основаниям доказательств, а не изучению свойств понятий. Категории же Аристотеля вообще ничего не дают для познания.

Рамус погиб во время варфоломеевской ночи, а перипатетическая философия, успешно пережившая его выпады, почти безраздельно господствовала на университетских кафедрах еще вплоть до начала XVIII века.

Последний расцвет перипатетического течения связан, прежде всего, с именем такого философа, как **Франсиско Суарес** (Испания, 1548–1617). Суарес принадлежал к ордену иезуитов, преподавал теологию и философию во многих городах Испании (Саламанка, Сеговия, Вальядолид), а также в Коимбре, Лиссабоне и в Риме. Университетская наука до начала XVIII века находилась под его влиянием, хотя существенной новизны в его взглядах, насколько можно судить, не было. Суарес сам поддался эмпирическому настрою своего

века и уже утверждал, что единичное более действительно, нежели общее, а потому в большей степени заслуживает звания главного предмета познания. В соответствии с этим Суарес даже почти отождествил сущность (*essentia*) с существованием (*existentia*). То, благодаря чему вещь обособляется (*principium individuationis*), есть ее сущностность (*entitas*), и она первична по отношению к материи и видовой форме. В области чистой теологии выдвинул положение о том, что Бог предвидит волю человека и приводит избранных к спасению, сообщая им благодать. Руководство католической церкви сначала, как всегда, было против, но потом прониклось пониманием этой мысли и выступило с ее одобрением. Признавая божественность всякой власти, Суарес определял ее как справедливый договор между народом и правителем и считал естественным убийство тирана, нарушившего завет справедливости.

ОКСФОРДСКАЯ ШКОЛА

После Парижа вторая по значимости школа XIII века находилась в Оксфорде. Из нее вышли, в частности, Роберт Гроссетест, Роджер Бэкон, Иоанн Дунс Скот и Вильям Оккам. У них заметна склонность к естествознанию, к разделению философии и теологии, к ограничению последней только областью чистой веры, покоящейся на авторитете церкви. Эти черты выражены, конечно, не у всех одинаково: у самого первого из них – Роберта – слабо, у поздних представителей гораздо более отчетливо. И, конечно, все находятся под влиянием Аристотеля.

Роберт Гроссетест (ок. 1170–1253) происходил из низших слоев, родился в графстве Саффолк. Учился в разных школах. Получив степень магистра (1198), преподавал в Оксфорде, и когда местная школа превратилась в независимое учебное заведение, стал ее первым канцлером. В конце жизни (1235) был назначен епископом Линкольна и в этом качестве имел смелость перечить даже королю и римскому папе. Иннокентию IV и кардиналам он лично высказал недовольство тем обстоятельством, что на церковные должности в Британии слишком часто назначаются итальянцы. Значение Гроссетеста для философии определяется по большей части его переводческой деятельностью. Так, он перевел на латынь «Физику», «Никомахову этику», «Вторую аналитику» и «Софистические

опровержения» Аристотеля, а также учебник православной веры Иоанна Дамаскина и книги, подписанные именем Дионисия Ареопагита.

Роджер Бэкон (ок. 1215–1292) учился в Оксфорде и Париже, где изучал свободные искусства и теологию. Сам сначала преподавал в Париже, а потом, разочаровавшись во французской учености, вернулся в Оксфорд (ок. 1247). Вступил в орден францисканцев (ок. 1257). Задумал однажды обновить все знание. Сообщил о своем замысле кардиналу Ги де Фулькози (который вскоре стал папой Климентом IV), тот проявил любопытство и попросил Бэкона написать обо всем подробнее. Так появились «Большое творение», «Малое творение» и «Третье творение». Но когда в 1268 году Климент умер, все рухнуло. Необычные взгляды и увлечения Бэкона (астрология, алхимия) многим были непонятны и даже представлялись опасными. Генерал ордена францисканцев Иероним из Асколи на двенадцать лет упрятал его в темницу за подозрительные, как он решил, новшества. После освобождения Бэкон прожил всего около двух лет. Его посмертная слава оказалась больше прижизненной, однако образ этого человека в памяти людей, насколько можно судить, оказался весьма далек от настоящего Бэкона: в последующие три-четыре столетия он неожиданно стал широко известен как маг. Самым большим его достижением считалась говорящая медная голова. Еще он был удостоен звания «удивительный ученый» (*doctor mirabilis*)...

Бэкон выделяет три ступени познания – рассуждение, опыт и божественное вдохновение. Конечно, вдохновение от Бога дает высшее знание, но и первыми двумя видами нельзя пренебрегать. Не следует прибегать к рассуждениям там, где можно получить знание из опыта. Ведь опыт обладает гораздо большей убедительностью. Но точно так же не следует искать ответы на все вопросы в Писании, вероучении и у отцов церкви. Именно науки, основанные на опыте, дают могущество, которое христианам совсем не повредит, когда дело дойдет до столкновения с иноверцами. Такого рода науки и надо развивать, помня при этом, что орудием вообще любых наук является математика. А еще всякое знание есть постижение вида вещи через чувства и божественное просвещение.

Любопытны доказательства исключительности и необходимости математики, которые приводит Роджер Бэкон:

- математика – знание врожденное;
- примерами из математики пользуются все науки;

- математика – самая легкая наука, так как черчение, счет, пение – это уже математика;
- математика доступна самым неотесанным церковникам;
- математика не зависит от изменчивых вещей и поэтому ее основоположения достоверны;
- математика – единственная наука, где известное нам совпадает с известным по природе, или безусловно [это замысловатое выражение, вероятно, означает, что только математическое знание истинно].

За триста лет до Френсиса Бэкона Роджер заявил, что существует четыре главных препятствия для истинного познания: жалкий авторитет, привычка, невежество толпы и прикрытие невежества показной мудростью.

Несмотря на увлечение эмпирией и математикой, Бэкон всецело остается на почве католического христианства. Высшая истина, мудрость Божья, согласно ему, полностью дана в Писании. Философия предназначена в первую очередь для разъяснения ее (еще для этой цели существует право). Бог открыл истину сначала иудеям; затем через египтян и халдеев она попала к грекам. Но им всем это было дано не ради них, а ради христиан.

Иоанн Дунс Скот появился на свет где-то в Британии между 1260-м и 1274-м годами христианского летосчисления. Семья Иоанна была связана с францисканцами: его дядя в свое время был избран генерал-викарием шотландского отделения ордена. Однако сам Иоанн уже в пятнадцатилетнем возрасте пополнил ряды доминиканцев. Получив образование в Оксфорде и Париже, он вскоре стал известен в этих городах как учитель теологии: с 1300 года преподавал «Изречения» Петра Ломбардского. Несколько ранее, а именно в 1291 году получил сан священника. В 1305 году ему присвоили степень магистра за защиту положения о непорочном рождении Марии, матери Иисуса. В Париже даже потребовали, чтобы отныне все исповедовали это как католическую истину (хотя римская кафедра закрепила это положение в качестве догмата только в 1854 году). Умер Иоанн в 1308 году в Кельне. Посмертно удостоен звания «тонкий ученый» (*doctor subtilis*). Главные сочинения: «Вопросы по книге Аристотеля о душе», «О первоначале», «Тончайшие вопросы к метафизике Аристотеля», «Парижские сообщения», «Оксфордское сочинение» (запись учеников Иоанна).

Иоанн спорит с признанными авторитетами своего времени – с Фомой Аквинским и Генрихом Гентским. Фома утвер-

ждал: предмет человеческого ума – сущность (форма) материальной вещи. Генрих: предмет ума – Бог, высшее сущее. Иоанн возражает. Первый и соответствующий уму предмет ума – сущее как сущее (*ens qua ens*). Соответствие это проявляется в первичности по отношению к форме и в силе (через него познается все остальное), а также в возможности быть сказуемым (сущее – сказуемое всего остального).

Бог же, очевидно, никак не может быть сказуемым тварного предмета, и через него ничего нельзя постигнуть, ибо для этого требуется непосредственное, т. е. созерцательное (интуитивное) знание сущности Бога, а у человека его нет. Познавание нематериальных вещей (душа, первоначало) в целом возможно, хотя оно опять-таки не непосредственное. Сущее, таким образом, понятие равнозначное для всех вещей и даже для Бога (иначе он был бы непознаваем).

Но Бог – прежде всего, сущий и сущий в наибольшей степени. Ведь каждое сущее не может быть произведено собой или появиться из ничего. А путь в бесконечность (когда каждое сущее порождается другим) плох. Следовательно, есть первое сущее, или бог (хотя такой бог – еще не христианский).

Разумное познание опирается на опыт. В опыте нам даны единичные вещи. Общее же существует только в уме Бога и в уме человека. Единичность – не случайный признак (*accidens*), а сущностность (*entitas*), предельная действительность существующего (*ultima realitas entis*). Перечислением свойств единичность не исчерпать. Она не постижима, но указуема. Она есть «это» и больше о ней ничего нельзя изречь [последователи Дунса Скота стали использовать здесь выражение «этовость» (*haecceitas*) – от словосочетания «это вот»]. Для познания умопостигаемых начал (закон противоречия, соотношение целого и части и т. п.) ничего кроме ума не требуется – божественное просвещение здесь излишне.

О познаваемости Бога на земле Иоанн высказывался не слишком определенно, о Спасителе – почти по-негнесториански (Иисус, соединяясь со Словом Бога, через это становится Сыном) и Марию в строгом смысле богородицей предлагал не называть. Волю Бога считал чистым произволом (чтобы не получалось так, что Бог зависит от некоего возвышающегося даже над ним блага). Все сотворенное вплоть до душ и ангелов, согласно Иоанну, материально, ибо материя – всеобщее подлежащее. Способности души не суть случайные признаки ее, но это сама душа в своих состояниях. Воля человека

совершенно свободна, а вот ум зависит от трех вещей – от своей природы, в силу которой он способен мыслить, от предметов ощущений и от воли. Основание нравственности – стремление к блаженству. Конечная цель жизни – совершенная любовь к Богу, а не познание его. Удивительно, но за свои довольно многочисленные отклонения от католичества Дунс Скот не пострадал.

Вильям Оккам (ок. 1285–1350) происходил из деревни Оккам в Суррее. Изучал в Лондоне логику, физику и теологию (1302 и 1308–1310). Вступил во францисканский орден (1302). С 1312 года преподавал в Оксфорде, вел, в частности, занятия по «Изречениям» Петра Ломбардского. Затем кто-то донес на Вильяма в Авиньон, где тогда находился папа. Начался суд, с которого Вильям, не предвидевший никакого положительного исхода для себя, в 1328 году тайно сбежал. Он прибыл ко двору Людовика Баварского, нашел в его лице защиту и остался там до конца жизни. Посмертно удостоен звания «непобедимый ученый» (*doctor invincibilis*). Главные сочинения: «Избранные споры», «Сумма логики», «Творение девяноста дней». Помимо этого Вильяму принадлежат многочисленные толкования книг Аристотеля.

Вильям четко разграничивает знание (разум) и веру. Полагает, что знания о христианском католическом боге здесь, на земле, быть не может, так как существование такого бога нельзя вывести из наблюдений. Следовательно, в Бога-Троицу можно только верить.

Выделяет два вида знания – интуитивное и абстрагированное, т. е. непосредственное и отвлеченное. Первое может быть как чувственным (восприятие внешних вещей и явлений), так и умственным (постижение умом понятий, или терминов). Интуиция показывает, есть вещь или ее нет; абстракция ничего не говорит о существовании.

Соответственно двум видам знания есть два вида терминов. Термины первичной интенции (направленности) обозначают то, что дано в интуиции; термины вторичной (например, «род», «вид» и им подобные) – это отвлеченные понятия, обозначающие какие-то общие смыслы терминов первичной интенции.

Отсюда следует, что имеется также два вида общего (*universalia*) – общее по природе и общее по установлению. Первое – естественные знаки вещей в душе, невыразимые внутренние слова, которые у всех людей одинаковы; второе – слова произнесенные или написанные, иначе говоря, искусст-

венные условные знаки. Всякий знак в уме имеет отдельное существование, хотя он и означает многое, поэтому общее есть в то же самое время единичное.

В целом учение Вильяма направляло человека на познание единичных вещей нашего мира, т. е. служило предпосылкой для развития естествознания. Вильяму Оккаму приписывается утверждение «Не следует умножать сущности без необходимости». Это так называемая «бритва», требование бережливости мышления. Однако в сохранившихся книгах Вильяма такого высказывания нет, — имеется лишь похожее на него по смыслу.

Политические взгляды Вильяма Оккама тоже были достаточно резкими: он явным образом отрицал непогрешимость римского папы даже в самых важных вопросах.

Вильяма не только отлучили от церкви (1328), в парижском университете даже запретили произносить его имя и, тем более, излагать в каком бы то ни было виде его учение (1330). Но там остались его единомышленники, такие как **Жан Буридан** (1300–1360), **Николай из Отрекура** и **Николай Орем** (1323–1382). Известно, что эти люди отстаивали двойную истину, эмпиризм (правда, часто понимаемый как совокупный прошлый опыт всего человечества), деизм, атомизм в духе Эпикура и механистическую картину мира. Нередко нападали на Аристотеля. А Николай Орем даже склонялся к мысли, что земля совершает суточное вращение, в то время как небо на самом деле неподвижно.

Последний раз осуждение учения Вильяма подтвердили в 1474 году.

НЕМЕЦКИЕ ТЕОЛОГИ

В XIV веке началось христианское возрождение в северной Европе. В Германии сложилось течение экхартистов (последователей Иоганна Экхарта), в Голландии — братство свободного духа и братство совместной жизни. Общим стремлением этих людей, пожалуй, можно считать желание сделать христианство живой верой — чтобы оно перестало быть только простой совокупностью обычаев и обрядов, которым можно следовать без души. Но для этого бог должен вновь обрести свою загадочную привлекательность. Неудивительно поэтому, что вожди этих движений предпочитали апофатическую теологию.

Иоганн Экхарт (ок. 1260–1328) и его приверженцы, прежде всего, **Иоганн Таулер** (1300–1361) и **Генрих Берг** (ок. 1295–1366), взявший потом фамилию матери – Сузо, так или иначе, разрушали церковные устои, но – в отличие от оксфордских и парижских философов – не естествознанием и учением о двух истинах, а опытами самопознания и общения с богом. Близок к ним фламандец **Иоганн ван Рейсбрук** (1293–1381), тоже испытывавший влияние Экхарта и писавший о ступенях восхождения души к богу. Поклонники даже называли его новым Дионисием Ареопагитом.

Иоганн Экхарт родился где-то в Тюрингии, учился в Париже и Кельне, рано примкнул к доминиканцам (впрочем, вступление в ордены в юном возрасте было обычным явлением). Занимал весьма высокие должности: викарий Тюрингии, магистр и профессор (получил даже кафедру в Парижском университете), викарий главного представительства доминиканцев в Страсбурге, руководитель главной доминиканской школы в Кельне. Однако в 1326 году епископ Кельна обвинил его в вероотступничестве. Экхарт обратился за защитой в Авиньон к папе. Состоялся суд, до окончания которого Экхарт не дожил. И это, может быть, было к лучшему, потому что в итоге у него нашли пятнадцать еретических положений и тринадцать – слишком смелых, дающих основание для подозрения в ереси.

Теология и философия, по мнению Экхарта, говорят об одной и той же истине, и эта истина – Бог. Путь к Богу – через самопознание, которое, однако, не может быть личной заслугой, – оно есть дар благодати. Бог действует в глубине нетварной человеческой души (которую Экхарт иногда называет «искоркой»), – действует без средств, подобий и образов. Он прикасается к ней в своем совершенном единстве и простоте. Бог и душа соотносятся как солнце и зеркало, в котором солнце отразилось. Отражение солнца – это само солнце, хотя и зеркалом оно быть не перестает. В душе есть познание праведной божественной мудрости, стремление ввысь и воля, обращенная к Богу и черпающая в нем любовь. Условие богопознания – добродетель: отрешенность, уединенная жизнь, самоограничение, освобождение духа от всего чуждого, покой и единство. Через это открывается бытие и разум Бога. Первое есть словно преддверие храма, второй – сам храм. Разум выше бытия, он – безграничная открытость и ничто. В этом отношении он уже совершенно непохож на человеческий.

Осужденные папским судом в Авиньоне отдельные положения Экхарта дают о нем представление как о человеке весьма далеком от католичества. Вот эти положения. Богу чуждо различие в природах и лицах, он един во всех отношениях. Бог не благ, не лучше кого-то и не наилучший. Бог породил равного себе Сына, а также создал мир. И Сын, и мироздание существуют столько же, сколько Бог, т. е. они вечны. Во всяком деянии, как в добром, так и в злом, открывается слава Бога; даже тот, кто грешит и хулит Бога, восхваляет его. Все творения суть одно чистое ничто, хотя в душе есть нечто такое, что не создано и не может быть создано. Это разум. Во время причащения человек превращается в Христа, а не уподобляется ему, и всякий благой человек есть сам Христос и сам Бог. Это значит, что он творит вместе с Богом небо и землю и порождает вечное Слово. Если человек пребывает в правильном расположении духа, даже тысяча его грехов ничего не значат. Бог не требует внешнего действия, он любит души. Кто ничего не хочет от Бога (даже почестей, благочестия, святости и царства небесного), кто отрекся от всего, в том прославляется Бог. Если бы человек получал что-то от Бога, он был бы ниже его, словно слуга или раб. Но так не должно быть между Богом и человеком в жизни вечной.

Некоторые вожди нидерландских и немецких народных движений «Братья свободного духа», «Братья совместной жизни» уже открыто отрицали католическое вероучение, обряды, всю школьную теологию, оставляя для истинного христианина только подражание Христу и смиренную любовь. Главным выразителем последней мысли был **Фома Кемпийский** (1380–1471), написавший знаменитый трактат «О подражании Христу».

Довольно близок к новым немецким богоискателям и **Николай Кребс** (1401–1464), однако крайняя эклектичность его учения ставит его в совершенно особое положение. Кребс родился в селении Куза недалеко от Трира. Учился в школе «Братьев совместной жизни» в Девентере (Голландия), где постигал латынь, греческий, свободные искусства и теологию. Затем были Падуанский и Кельнский университеты, увлечение древностью и собирание рукописей. Стал священником, а затем настоятелем храмов в Трире и Кобленце. В 1426 году назначен писцом одного из кардиналов. На церковном совете в Базеле (1431–1449) высказал сомнения в подлинности «Константинова дара», выступил с речью о границах папской власти и с предложением об исправлении календаря. В

1437 году в качестве посла отправился в Константинополь искать пути примирения и объединения церквей. В 1450–1452 годах по поручению папы объездил Германию и Голландию, отпуская грехи и призывая к новому крестовому походу против турок.

Взгляды Николая, изложенные в его книге «Об ученом незнании» – смесь католичества, отрицательной теологии, пифагорейства, платоновской и стоической философии. Кребс выше всего ставит отрицательную теологию, согласно которой о Боге можно твердо знать лишь то, что он непознаваем. Это и есть так называемое ученое незнание (*docta ignorantia*). В Боге совпадают все противоположности, он объемлет все, – только так он может возвышаться над тварными вещами. Но это же делает его непостижимым: такой бог ускользает от однозначного положительного определения. На второе место Николай ставит католичество и пытается обосновать его главный догмат (триединство Бога) с помощью весьма произвольных действий с геометрическими образами (пифагорейский подход). Он берет отрезок, поворачивает его вокруг одного конца и получает треугольник. А бесконечный треугольник, заявляет Николай, тождествен бесконечной прямой. Следовательно, триединство Бога доказано. Учение о ступенях необходимости у него очень напоминает учение Плотина о ступенях бытия. Согласно Николаю, есть совершенная необходимость – Бог (форма форм, бытие в себе); необходимость для вещей быть в полноте – разум («логос»), в котором содержатся формы вещей; вещи в возможности, обусловленной взаимодействием вещей; чистая возможность. У Плотина этому соответствует единое, ум, мир и душа, материя.

Самыми поздними немецкими мистиками Средневековья могут считаться **Андреас Оснандер** (1498–1552), **Каспар Швенкфельд** (1490–1561), **Себастьян Франк** (1500–1545), **Валентин Вейгель** (1553–1588) и **Якоб Бёме** (1575–1624).

Бёме родился в германской области Силезия в семье состоятельного земледельца. Большую часть жизни провел в городе Гёрлиц. Зарабатывал на жизнь, торгуя обувью и пряжей. С детства Бёме посещали видения. Склонность к творчеству в сочетании с таинственным опытом принесли свои плоды. Сначала из-под пера Бёме вышла «Утренняя заря в восхождении, т. е. корень, или мать философии, астрологии и теологии». Затем последовали «Высокое и глубокое основание троякой жизни человека», «О вочеловечении Иисуса Христа», «Шесть теософских положений», «О знаках вещей» и другие

сочинения. Первые священники Гёрлица отнеслись к изысканиям Бёме крайне неодобрительно. Бёме даже пришлось побывать под стражей и пройти испытание веры. А когда он умер, его отказались отпевать. И только по требованию городского совета священники исполнили свой долг перед покойным. В народе же Бёме уже при жизни удостоился звания «тевтонский философ».

Бёме не получил никакого особого университетского философского образования и не создал стройного учения. Не предложил он и ничего существенно нового: его книги – пересказ своими словами того, что содержится в Писании. Здесь бездна образов, сравнений, речевых красот и повторов, что, может быть, хорошо с точки зрения изящной словесности, но в качестве философии звучит невразумительно и беспомощно: много слов, но мало смысла; утомительная, почти беспредметная образность.

Главные науки для Бёме – философия, астрология и теология. Философия исследует, что есть Бог, что такое природа, звезды и стихии в существе Бога; как все возникло, как устроены небо и земля, ангелы, люди и дьяволы, рай и ад; каковы два начала в природе. Астрология толкует о силах природы, звезд и стихий – как из них все произошло. Наконец, теология открывает царство Христа и его борьбу с царством ада. Все сущее Бёме сравнивает с деревом в саду. Сад есть мир, почва – природа, ствол дерева – звезды, ветви – стихии, плоды – люди, древесный сок – само Божество. Жизнь мира есть война двух качеств (и опять же двух деревьев) – доброго и яростного (божественного и дьявольского). Конец мира – разделение царств, т. е. рая и ада...

Только по меркам Средних веков, забывших древнейшее христианство, может иметь ценность и представление Бёме о том, что Троица не первична, что ей предшествует так называемый «безосновный провал» (нем. *ungrund*). На самом деле это понятие не включает в себе почти ничего нового – оно полностью повторяет «хаос» Валентина и «несуществующего бога» Василида.

НОВЫЕ СТОИКИ, ЭПИКУРЕЙЦЫ И ПЛАТОНИКИ

Перипатетическое возрождение было первым в длинном ряду малых и больших возрождений, вызванных распространением латинских переводов древних книг, прежде почти

неизвестных на западе. Так были восстановлены эллинская и эллинистическая философия Древности; в Европе появились стоики (правда, не эллинского, а, скорее, римского склада ума), эпикурейцы, платоники, скептики. Основным местом распространения этих течений мысли стала Италия. В стены университетов эту философию почти не пускали: там уже место было занято Аристотелем и Фомой. Поэтому она существовала как бы на не вполне законных основаниях, зато в рамках ее была возможна очень большая свобода, совершенно немыслимая на университетских кафедрах. Франческо Петрарка и Поджо Браччолини представляют новую стоическую философию. К эпикурейцам можно отнести Козимо Раймонди и Лоренцо Валлу. Платониками были Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола. Всех этих людей объединяла страсть к древности, страсть, которая выражалась в поисках рукописей, в подражании словом и делом людям далекого прошлого.

Выражением духа свободы стало возникновение вольных объединений исследователей и просто творческих личностей – художников, писателей, поэтов и т. д. В союзы входили представители самых разных сословий. С XV века такие объединения начинают называть «академиями». Сначала это явление обнаружилось в Италии, затем в других странах Европы. Поначалу у академий часто были забавные названия – «Гневные» в Риме, «Темные» в Лукке, «Проснувшиеся» в Неаполе, «Мокрые» во Флоренции, «Рыцари» в Палермо, наконец, «Рысьеглазые», – последнее сообщество стало потом национальной академией Италии и в таком качестве существует до сих пор. Академии сделались главными центрами новой и свободной науки, потому что университеты продолжали оставаться оплотом католическо-перипатетической учености и находились под надзором церковного руководства.

Еще одним новшеством, вышедшим из Италии в XV веке, было понятие «гуманитарные науки», т. е. «науки о человеческом» (*studia humanitatis*), – в их круг первоначально включили древние языки, историю и моральную философию (этику). Преподаватель перечисленных учебных предметов на итальянском языке именовался *humanista* («гуманитарий»). Вся отрасль знания была противопоставлена «наукам о божественном» (*studia divinitatis*), или, проще говоря, теологии.

Большое влияние на новых поклонников Эллады и Рима оказали выходцы из Восточной Римской империи, которые

выступили в Европе преподавателями эллинского языка, переводчиками и хранителями той древности, которая неожиданно так сильно увлекла латинян.

Ничего, кроме смешения христианства с эллинизмом, возрождение древностей в области философии не принесло. Причем до XV века это даже и не было особенно заметно. Дело в том, что Аристотель и римские стоики на протяжении всего Средневековья словно тень следовали за Христом: христианское мироощущение изначально имело родство со стоическим, а перипатетическая аналитика всегда служила главным орудием мысли схоластиков. Поэтому еще даже во взглядах Петрарки и Браччолини не было ничего существенно нового. А вот попытки соединения католичества с эпикурейской этикой, предпринятые Раймонди и Валлой, уже необычны. Что касается так называемых новых платоников, вроде Фичино и Мирандолы, то их учения представляют собой просто гремучую смесь всевозможных мыслей и образов.

Франческо ди сер Петрарколо, или Петрарка (1304–1374) родился во Флоренции, еще в детстве начал учить латынь, познакомился с трактатами Цицерона и стихами Вергилия. Потом он будет называть Цицерона отцом, а Вергилия – братом. Затем учился в университете Монпелье и готовился стать нотариусом, но неохотно. Потом был еще университет в Болонье, где тогда лучше всего в Европе преподавали право. В 1342 году Варлаам Калабрийский преподавал ему греческий язык, но без особых успехов: Петрарка даже читать хорошо не научился. Стихи Петрарка начал сочинять в 15 лет. В 1327 году он влюбился в некую Лауру (предположительно Лаура де Новес, супруга рыцаря Гуго де Сада, умерла в 1348 году от чумы). Стихи, написанные в ее честь, принесли Франческо наибольшую славу.

Затем он довольно долго (1330–1337) находится на службе у одного из кардиналов и даже обращается к папе Бенедикту XII с призывом вернуться из Авиньона в Рим и восстановить мир в Италии. Но папа вместо этого дает ему одно доходное местечко, хотя Петрарка не бедствовал – жил на отцовское наследство.

Петрарка собирает рукописи, посещает Рим, огорчается его нынешнему ничтожеству и мечтает о восстановлении величия «вечного города». Рождает сына вне брака (1337); потом еще была дочь (1343), тоже внебрачная. К концу 30-х годов приобретает славу величайшего знатока древности и древней латыни. В 1341 году венчается в Риме по древнему обычаю

лавровым венцом поэта – знак признания заслуг. Становится почетным гражданином Рима. Слава Петрарки была настолько велика, что его неоднократно приглашали на службу сильные мира сего – папы и императоры. Петрарка обычно отказывался. Хотя, с точки зрения многих, запятнал себя однажды близкой дружбой с тираном и архиепископом Милана Джованни Висконти.

После 1360 года Петрарка начинает чаще вспоминать о том, что он христианин. Теперь он признается в любви к отцам церкви, Давида ставит выше Аполлона и т. д. Погребен торжественно, с почестями, как это и прилично великому человеку.

Основные философские произведения: «Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру» («О сокровенном противоборстве забот моих»), «Письма Цицерону, Вергилию и Титу Ливию в загробный мир», «Письма без адреса» (посвящены обличению папского двора), «Письма о делах повседневных» (к Сократу, к кардиналам, к королям, монахам), «Об уединении», «О покое и вере», «О средствах против Удачи, как злой, так и доброй» (беседа Разума, Радости и Надежды с Унынием и Страхом – пользовалось наибольшим успехом в то время), «О невежестве» (против аверроистов, с которыми у него был спор в Венеции).

Как философ Петрарка был враждебно настроен к Аристотелю и Аверроэсу, учения которых к тому времени пустили прочные корни почти на всех университетских кафедрах. Засилье перипатетической науки он воспринимал не иначе как болезнь философии, а в качестве лечения предлагал возврат к Цицерону, Квинтилиану, Платону, Сократу. Собственное мировоззрение Петрарки весьма мрачное, напоминает римскую стоическую философию в духе Сенеки, Музония Руфа и Марка Аврелия. Такого рода настроения всегда были в избытке в Средние века. Один из ближайших по времени примеров – книга «О презрении к миру» упоминавшегося выше папы Иннокентия III...

Человек пребывает в жалком состоянии. Земля – тесная смертная юдоль, плоть – темница, земные приманки постоянно тянут душу вниз. Заботы мешают сосредоточиться на нужных вещах. Только собственное благородство влечет душу к небу. Первая ступень восхождения – размышление о смерти и своей жалкой доле, вторая – страстное желание подняться.

Человек – животное смертное и разумное. Вообще, куда ни бросишь взор, всюду образ смерти. Но люди словно не по-

мнят, что им предстоит умереть. Они видят смерть где-то вдалеке. Между тем, нет ничего более достоверного, чем смерть, хотя и ничего менее достоверного, чем ее час.

Немногие имеют силу жить согласно разуму, который только и может привести к добродетели. И лишь добродетель делает душу счастливой. Думай о вечном и не пекись о бренном. Старайся не иметь ни нужды, ни излишка, не повелевать другими и не быть в подчинении, – вот истинная цель. Презирай земные вещи и стремись туда, где полнота разума и бессмертие. Помни: никто не несчастен помимо своей воли. Любой грех – добровольное деяние; где нет воли, нет и греха. Поэтому не теряй надежду достичь желаемого, и ты его достигнешь...

Поджо Браччолини (1380–1459) учился в университете Флоренции, принадлежал ко кружку Колюччо Салютати (по прозвищу «обезьяна Цицерона»), собирал древние рукописи, сам переписывал их. В монастырских книгохранилищах ему и его друзьям удалось найти сочинения Колумеллы, Квинтилиана, Плавта, Стация, Сильвия Италика, Аммиана Марцеллина, несколько речей Цицерона, «О природе вещей» Тита Лукреция Кара. С 1403 года почти 50 лет Браччолини был писцом римского двора, дойдя, в конце концов, до должности апостолического секретаря. Много путешествовал. В 1453 году принял приглашение Козимо Медичи, вернулся во Флоренцию и был назначен на должность канцлера, на которой оставался почти до смерти. Основные сочинения: «О любостыжании» (1428), «О благородстве» (1440), «О ничтожестве человеческого состояния» (1455).

Настроение Браччолини еще более мрачное, чем у Франческо Петрарки. Человек находится во власти страстей и пороков. Главные из них следующие семь: жадность, разврат, страх, безрассудство, зависть, надменность, тщеславие (а всего их 600). Вина за это лежит, в конечном счете, на нашем прародителе – на Адаме. Природа человека испортилась до такой степени, что в нем немного осталось от первоначального образа Бога. Единственное, что противостоит в человеке его порокам, – это разум. Но лишь немногие по-настоящему им пользуются и побеждают страсти. Большинство же позволяет увлечь себя дарами переменчивой судьбы (удачи). Богатство, власть, здоровье, способности, семья – все это от судьбы. Но в любое мгновение удача может отвернуться от нас, и тогда все эти блага оборачиваются злом... Появление младенца на свет почти неизменно сопровождается плачем: челове-

ческая природа предвидит, что ничего хорошего ее в этом мире не ожидает. И люди знают все это, но предпочитают обман. Из века в век они мечтают об одних и тех же мнимых благах. Спасение же в разуме, высшем даре Бога. Мы должны ясно увидеть непостоянство удачи, перестать возлагать на нее надежды и через это впервые обрести спокойствие и безмятежность духа и тела.

Козимо Раймонди (ум. 1435) написал «Речь в защиту Эпикура против стоиков, академиков и перипатетиков». Эпикура обвиняли в том, что он возвел в философию низменную погоню за наслаждениями. Раймонди попытался показать, что все это не слишком соответствует действительности. Хотя сочинение, как явствует из названия, направлено против трех школ, Раймонди основное внимание уделяет стоикам. Академикам он вообще не возражает, поскольку, по его мнению, там возражать нечему: академики прежде должны прояснить собственные мысли, чтобы их противникам было с чем спорить. Доводы же перипатетиков в его изложении существенно не отличаются от стоических. А стоики, как известно, противопоставляют наслаждению Эпикура чисто душевную добродетель. Такой подход ошибочен, утверждает Раймонди. Человек — это душа и тело, и кто пренебрегает частью своей природы, тот не может достичь счастья: душа не может радоваться, когда тело страдает. Человек от рождения влечется к удовольствию; все, что он делает, он делает ради него. Тело человеческое изначально устроено таким образом, чтобы через чувства получать наслаждение. Поэтому, если бы природа желала оградить человека от него, она не наделила бы его ничем из этого. Итак, стоики, отвергая удовольствие, заблуждаются. Но они так же далеки от истины, когда говорят, что Эпикур проповедует неумеренную животную жизнь. На самом деле Эпикур призывает человека довольствоваться малым, т. е. необходимым.

Лоренцо Валла (1407–1457), который был родом из Рима, тоже прославился своей защитой Эпикура, а помимо этого как исследователь древних писаний. Хорошее знание древних языков позволило Валле показать подложность «Константинова дара» и «Апостольского символа веры», выявить многочисленные ошибки в существовавших тогда латинских переводах Нового Завета и сочинений Аристотеля. Однако подобные открытия не радовали некоторых руководителей католической церкви. Спасло Валлу то обстоятельство, что ему покровительствовали очень могущественные лица — сначала

король Неаполя Альфонс Арагонский (у которого Валла служил секретарем), потом папы Николай V и Калликст III (в последние годы Валла был секретарем уже папского двора в Риме), кардиналы Николай Кребс и Виссарийон. Кроме того Валла в разное время преподавал в университетах Павии и Рима. Его основные сочинения: «О наслаждении», «О свободе воли», «Перекапывание всей диалектики вместе с основаниями всеобщей философии».

Согласно Валле, начало и конец счастливой жизни – удовольствие. Противопоставление души и плоти порочно. Обе эти сущности достойны наслаждения, которое есть дар Бога. Полноценная земная жизнь невозможна без удовлетворения души и тела. Не нужно отвергать земную жизнь, изнурять и умерщвлять плоть, как это принято у монахов. Любовь к миру – это любовь к Богу, который присутствует во всем...

В XV веке мыслители латинского запада уже вполне освоили почти все древнее философское наследие. С этого времени у них проявляется стремление к смешению в своих учениях самых разнородных составляющих.

В 1459 году во Флоренции учредили Новую Платоновскую Академию. Предложение исходило еще от Георгия Гемиста Плифона. Правитель города Козимо Медичи поддержал начинание, и, таким образом, открытие академии состоялось. Люди, входившие в это сообщество, были самые разнообразные – врачи, художники, священники, чиновники, купцы, правоведы. Но всех их объединяла страсть к платоновской философии.

Марсилио Фичино (1433–1499), крупнейший представитель новой Академии, родился недалеко от Флоренции, образование получил во флорентийском университете, где изучал философию и медицину. Потом был секретарем у Козимо Медичи. Фичино – выдающийся переводчик своего времени. Он перевел с греческого на латынь многие орфические гимны, герметические книги, почти все сочинения Платона, ряд произведений Плотина, Порфирия, Ямвлиха, Прокла и, наконец, работы, подписанные именем Дионисия Ареопагита.

Увлечение древностью не мешало этому человеку исполнять обязанности христианина. В 1473 году он стал священником и несколько позже – каноником Флоренции.

Основные сочинения Марсилио Фичино (помимо довольно многочисленных комментариев к платоновским книгам): «Платоновская теология о бессмертии души», «О христианской религии», «О жизни», «О солнце и свете».

Фичино почти уравнивал в правах христианство и греческую философию, а христианство уже не рассматривал как исключительную религию. По его представлениям, существует всеобщая религия. Ее источник – вечное откровение Бога. Разным народам божественные истины открываются по-разному. Сопоставляя христианство с другими видами теологии можно приблизиться к постижению божественного откровения самого по себе. Греческая философия дополняет христианство: не вполне совершенный Закон Моисея исправил не только Иисус Христос в Евангелии, но также Сократ и Платон...

Надо заметить, что Фичино не вполне отличал Платона от тех философов, которые хотели считать себя его последователями. Если Плотину, Порфирию, Ямвлиху и Проклу нравилось называть себя платониками, с точки зрения Фичино этого было, видимо, вполне достаточно для определения их философской принадлежности. Следствием же стало то, что Фичино смотрел на Платона глазами его древних комментаторов (подобно тому, как новые перипатетики понимали Аристотеля в соответствии с толкованиями Боэция, Аверроэса и Александра Афродисийского). Фичино, по сути, не был платоником; он был эклектиком в духе тех вышеперечисленных мыслителей Римской империи.

Он считал, что вечная сущность (Бог) порождает низшие сущности – ум, душу, качество, тело. Ум распадается на множество умов (ангелы), душа – на отдельные человеческие души. Всего сущностей, как видим, пять. Душа оказывается в середине, она – узел мироздания. Без нее мир был бы расколот, потому что между ангелом и качеством нет ничего общего: ангел вечен, качество преходяще. А душа бессмертна (в этом ее сходство с ангелом), но изменчива (сходство с качеством). Человеческая душа разумна, свободна и сама себе закон. Человек никогда не связан настолько, чтобы не иметь возможности изменить себя.

Джованни Пико делла Мирандола (1464–1494) происходил из знатного рода, учился во многих европейских университетах – в Болонье, Ферраре, Падуе, Павии и Париже. Изучал право, философию, теологию, изящную словесность, древние и современные языки – греческий, латинский, еврейский, персидский, арабский. В 1484 году познакомился с Марсилио Фичино и Лоренцо Медичи. Эти люди произвели на него большое впечатление. Вскоре Мирандола написал «900 положений по философии, каббалистике и теологии» (1486) и объявил, что собирается выступить с ними в

Риме в 1487 году. Своего рода предисловием к ним выступала небольшая работа «Речь о достоинстве человека». Под руководством папы Иннокентия VIII «Положения» прошли предварительное рассмотрение, и тринадцать из них были признаны еретическими. На само выступление Мирандолы в Риме наложили запрет. Мирандола ответил на это «Апологией», которая, однако, не улучшила, а только ухудшила дело. После нее решение о «Положениях» пересмотрели, и на сей раз уже все они были объявлены ересью. Над Мирандолой нависла угроза оказаться под судом инквизиции. Его даже задержали для допросов, и только вмешательство могущественного Лоренцо Медичи уберегло Мирандолу от еще больших неприятностей. А вскоре новый папа Александр VI простил его.

Ранняя смерть от неизлечимой болезни не позволила Мирандоле довести до конца многие его замыслы. А замыслы были такие:

- пройдя путями всех учителей философии, изучить все школы;
- доказать тождество философии Платона и Аристотеля (о чем давно говорили, но чего до сих пор никому сделать не удавалось);
- пересмотреть физику и метафизику (науки о природе и о боге) на основе нового способа философствования с помощью чисел;
- создать учение о магии.

Мирандола различает два вида магии – предосудительное колдовство, которое порождено действиями демонов, и достойная наука, которая есть завершающая ступень философии природы. Настоящая магия была у скифов, гипербореев, халдеев и эллинов. В разные времена ею занимались такие великие люди, как Залмоксис, Абарис, Зороастр, Пифагор, Платон, Евдокс, Гермипп, Аль-Кинди, Роджер Бэкон, Гильом Парижский. Авторитет этих лиц достаточен для того, чтобы отбросить сомнения в истинности магии.

Помимо этого Мирандола возлагал большие надежды на разгадку тайн Каббалы и Герметического свода, которые он тоже прилежно изучал. Как и многие, он склонялся к мнению о недопустимости их буквального понимания, поскольку находил многочисленные указания на то, что древние учителя в большинстве запрещали записывать учение полностью и самое главное передавали ученикам устно. Эти устные предания Мирандола, видимо, тоже хотел каким-то образом отыскать...

Помимо вышеперечисленных Мирандоле принадлежат следующие книги: «Комментарии к песне о любви Джироламо Бенивьени» (1486), «Гептапл» (1489), «О сущем и едином» (1492), «Рассуждение против прорицающей астрологии» (1494).

Говоря о Мирандоле, обычно вспоминают его учение о человеке. Мы тоже приведем его, хотя, по нашему мнению, оно и не заключает в себе почти ничего нового по сравнению с тем, что уже было в христианстве раньше.

Как был создан первый человек (Адам)? Бог сотворил его в последнюю очередь. Творение к тому времени в целом было уже завершено. Уже был мир занебесный (ангельский), мир небесный (вечные души) и мир подлунный (стихии). И Бог пожелал, чтобы появилось существо, которое бы восхитилось величием его работы. Так возник человек. Его тело составлено из четырех стихий, душа – растительная, ощущения – животные, дух – небесный, ум – ангельский. И, наконец, в нем было подобие Бога [свобода].

В итоге человек получился творением неопределенного образа. И Бог сам сообщил об этом Адаму. Он предоставил человеку такую свободу, которой нет ни у кого – ни у животных, ни даже у ангелов. Животные получают свою определенную сущность от природы раз и навсегда. Ангелы суть бестелесные умы. Они сотворены такими, а бессмертие получают от Бога [по благодати] почти сразу.

В человека же вложены зародыши разнородной жизни, и уже от него самого зависит, какие из них прорастут и дадут плоды: человек может вести чисто растительную и животную жизнь, а может – умную ангельскую. Но даже это не предел: для человека есть возможность вернуться к изначальной единичности и полностью слиться с Богом. А это выше, чем ангельское достоинство.

В силу этого человек – особый четвертый мир. Он объединяет и связывает всю природу (хотя и не так, как Бог): Бог – начало вещей, человек – средоточие их. Вся тварь служит человеку: животные, растения, земля ему подчиняются, а ангелы и небесные души о нем заботятся.

Однако так будет только до тех пор, пока человек не преступит божественный закон. Человеческая несправедливость есть несправедливость в отношении как людей, так и мироздания и Бога. Поэтому грешников ожидает месть со всех сторон: от растений, животных, небесных светил, ангелов и творца...

ОККУЛЬТНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Этот любопытный вид учености по некоторым причинам до сих пор принято относить на счет Средних веков, хотя на самом деле он процветал в шестнадцатом и семнадцатом столетиях. Остановимся на двух, пожалуй, самых знаменитых ее представителях, каковыми являются Агриппа и Парацельс, а затем поговорим об астрологии.

І. Генрих Корнелий Агриппа фон Неттесгейм (Германия, 1486–1535) занимал в свое время высокие должности при дворе целого ряда сильных мира сего – у императора Максимилиана I, у некоторых маркизов и герцогов Италии, у императрицы Нидерландов. Помимо этого успел побывать врачом, преподавать Священное Писание и посидеть в тюрьме за долги.

Генрих Агриппа больше систематизатор, нового у него мало. Он хотел осуществить великое объединение физики, математики и теологии под началом магии. Этой задаче были посвящены трактаты «О тайной философии» и «Магические труды». В них Агриппа развивает следующую основную мысль. Есть три науки, три мира и три вида магии. Науки – это физика, математика [~астрономия] и теология. Физика исследует тайные свойства вещей, математика – движение светил, теология – Бога, ангелов, демонов, душу, религию, веру, чудеса, символы и таинства. Эти науки, таким образом, нацелены на мир стихий, мир небесный и умственный мир. А соответствующие им виды магии – естественная, небесная и обрядовая.

Затем под влиянием разных обстоятельств образ мысли у Агриппы переменялся. Он выпустил тогда «Тщету и ненадежность наук и речь в защиту [себя]», где отрекся от древней магии и воспел хвалу чудесам, признанным католической церковью. Все, чем он раньше увлекался, им же было предано осуждению. Так, говоря о философах, он выразил сомнение в том, кто же они на самом деле – может быть, люди, а может быть, и неразумные животные. Еврейскую каббалу объявил богопротивной и заподозрил в ней источник, из которого черпали свои извращения офиты, гностики и валентиниане.

Его опровержение магии сопровождается ее весьма подробным изложением, так что современный читатель по этой книге может быстро составить представление о том, каким пышным цветом та расцвела в XVI веке. Перечислим основные ее виды:

- естественная [=естествознание!] – использует природные закономерности, неизвестные большинству людей;
- математическая – гадание по звездам (т. е. астрология);
- божественная, или теургия – очищает душу с целью приблизить ее к богу;
- лекарственная [=медицина!] – использует настои, приворотные зелья и яды;
- физиогномия – предсказание по внешнему виду тела;
- метопоскопия – по чертам лица;
- хиромантия – по линиям ладони;
- геомантия – по случайно или преднамеренно нарисованным точкам;
- гаруспиция – по крику птиц;
- спекулятория – по раскатам грома;
- сомнисиция – по сновидениям;
- шарлатанство – ловкость рук;
- каббалистика – толкование слов через сложение числовых значений букв, а также путем перестановки букв;
- гоетия, или некромантия, или чернокнижие – зывание к духам.

Этот перечень показывает, что понятие «магия» в XVI веке толковалось чрезвычайно широко. При желании любую науку можно было назвать неким особым видом магии.

Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм по прозвищу Парацельс (1493–1541) родился в Швейцарии. Его родители имели самое непосредственное отношение к врачебной науке. Отец был врачом, мать руководила лечебницей. Оба увлекались алхимией. Неудивительно поэтому, что сын прославился и в том, и в другом деле.

Начальные знания по зоологии, алхимии и медицине ему дал отец. Затем Парацельс учился в монастыре святого Андрея (в долине реки Савоны), в университетах Вены и Базеля, у Иоганна Тритемия (1461–1516), настоятеля монастыря святого Якова в Вюрцбурге, поклонника естественной магии, алхимии и астрологии и противника чернокнижия, у алхимика Сигизмунда Фуггера. Много путешествовал (Европа, Константинополь, арабские государства и, по слухам, даже Россия). Далее, университет Феррары, где Парацельс получил степень доктора медицины.

В 1521–1525 годах был военным врачом императора Священной Римской империи Карла Габсбурга, воевавшего тогда с королем Франции Франциском I. Его слава как лекаря понемногу растет, и его приглашают работать городским вра-

чом в Базеле. Парацельс ведет там занятия по медицине на немецком языке (что уже было неслыханно), при большом стечении народа сжигает книги Клавдия Галена и его последователей, объясняя это тем, что основа врачебной науки – не древние рукописи, а опыт и наблюдение больного. Когда его покровитель известный книгоиздатель Иоганн Фробениус умирает, городское правительство сразу предписывает с целью возбуждения следствия задержать Парацельса – этого «порочного члена высшей школы, еретика факультета и нарушителя благочиния». Бросив имущество, рукописи и оборудование, Парацельс бежит. Начинаются годы скитаний по Европе, во время которых, впрочем, Парацельс много пишет. Около 1536 года ему снова удается добиться успеха на врачебном поприще – в Швабии. Смерть настигает его в Зальцбурге, куда он был приглашен пфальцграфом Баварии...

Парацельс очень много оставил после себя: по медицине у него 50 трактатов, по магии – 26, о целебных свойствах растений, минералов и вод – 14, по алхимии – 7, по другим наукам – 9.

Что касается прозвища «Парацельс», которое он сам себе дал, то оно не вполне понятно. Его можно толковать и как «превосходящий Цельса» (некий древний врач), и как вольный перевод немецкого имени «Гогенгейм». Враги обзывали его «сумасшедшей бычьей головой», «лесным ослом», «евнухом», обвиняли его в колдовстве и арианстве (за то и другое, вообще-то, полагалась смертная казнь). У поклонников же Парацельс удостоился имени «германский Трисмегист» и «Лютер среди медиков»...

Возьмем трактат «Оккультная философия», по содержанию весьма обычный для тех времен.

О магии, ее видах и происхождении. Есть три начала оккультной философии: молитва, вера (верой можно горы столкнуть в море) и правильное воображение.

Магия (чародейство) – искусство и наука, сила которой от веры. Священное Писание, природа и Бог – вот истинные основания нашей науки. Полезны также католические обряды (крещение, освящение и т. д.), а вот обряды, заклинания и освящения против злых духов тщетны. Магия сама по себе не зло. Зло состоит лишь в дурном употреблении ее. Такое употребление бывает двух видов – колдовство и нигромантия («черное гадание», «чернокнижие»). Колдуны и ведьмы – злейшие враги человечества, их надо сжигать. Нигромантов тоже.

Заклинания впервые появились в Вавилоне. Оттуда они попали в Египет, из Египта – в Израиль. Из Израиля – ко всем христианам. Заклинаниями и обрядами христиане изгоняли злых духов со времен Христа и апостолов. И напрасно. Ибо это дело богопротивное, противоречит божественному закону и свету природы. У христиан должны быть запрещены всякие заклинания по отношению к чему бы то ни было. Никакого дополнительного освящения вещей не требуется. Ведь сотворение мира – величайшее благо Бога. Поэтому все, что в мире, уже освящено и благословлено.

О чернокнижии. Но заклинания все-таки имеют силу. Чернокнижники с помощью них хотят повелевать духами и получать от них знание. Чернокнижник грешит, когда закликает духов. При этом он часто совершает ошибки, например, не чертит защитный круг. Тогда он сам становится рабом у духов. На самом деле духов можно одолеть только верой. Молитвой и постом, как говорит нам сам Христос, изгоняются демоны. Поэтому одержимых надо побуждать к молитве. Нужно подавать им пример собственным молением. В крайних случаях нужно крепко связать одержимого, лечь на него и потребовать, чтобы он молился. Вот, например, что надо сказать: «Повелеваю тебе, нечистый дух, властью и силой, коими изгоняли тебя Христос и апостолы, выйти из сего человека». Сам по себе этот приказ, конечно, не изгонит демона. Это сделает Бог.

Главные символы: шестиконечная и пятиконечная звезды (пятиконечная звезда сильнее шестиконечной). В углах шестиконечной надо написать буквы А-Д-О-Н-А-Й. В углах пятиконечной – слоги символа высшего имени Бога (Яхве), но не само это имя. Поскольку оно состоит из четырех букв, его символом является ТЕ-ТРА-ГРАМ-МА-ТОН («четырёхбуквие»). Это самые действенные символы у чернокнижников, остальное у них ерунда. Эти знаки, изготовленные и положенные в рот, за 24 часа избавят от колдовства. Они отгоняют любых духов. Но хорошим людям прибегать к ним следует, когда больше уже ничего не помогает. Иначе Бог будет оскорблен напрасным употреблением его имени.

О колдовстве. Колдовство – причина бурь, молний и прочих ненастий. Но особенно страшны, конечно, бури. Эти явления поражают даже храмы и алтари. Первоисточники ненастий – духи. Бури, вызванные колдовством, могут быть прекращены колокольным звоном, ибо демоны любят тишину [тогда непонятно, зачем они устраивают шумные бури?!].

Следует также по четырем углам оберегаемого места раскладывать особые травы (полынь обыкновенная, зверобой, барвинок, чистотел, рута, сивец луговой). Монахи и священники, как известно, окропляют святой водой те места, которые надо уберечь от града; используют горящие святые свечи, пальмовые ветви, ладан и мирру. Но это слабые средства – особенно ладан и мирра. Ведь их запахи только привлекают демонов. А вот воскурение *assa fetida* изгонит любых духов. Однако самое лучшее – коралл, ртуть и звезды. Они годятся против всех видов колдовства и проделок дьявола.

От ведьм не защитят ни запоры, ни ограды. Ведьмы действуют нечистой верой – насылают демонов. Ведьмы вредят, не прикасаясь к человеку. Они повреждают больше внутренний дух его, а не тело. Но вместе с тем могут ранить и убить.

Защита от ведьм: вера, одежда из холста, край которой с изнанки загнут вверх; коралл, ртуть и символы.

Ведьмы используют изображения человека и втыкают в них гвозди. В соответствующих частях тела возникают боли, опухоли, расстройства (речи, слуха и т. п.). Врач должен тщательно расспросить больного о том, как появились у него недуги. Если естественных причин (падение, удар и прочее) не обнаружится, нужно спросить насчет врагов: не подозревает ли человек кого, например, женщину. Если это колдовство, то и лечится оно колдовством (или магией), чего древние (Гален, Авиценна) не знали.

А лечение такое: вообразить или слепить из воска пораженную часть тела, смазать маслом, наложить повязки на пораженные места, в воображении пожелать выздоровления; в тяжелых случаях слепить из воска человечка, пожелать ему здоровья и сжечь.

Иногда под кожей у людей находят пепел, волосы, перья, свиную щетину, рыбы плавники и т. п. При этом на коже нет никаких повреждений. Это проделки ведьм. Не будем говорить, как они это делают, дабы не научить злодеев. А как лечить? Кожу не резать ни в коем случае! Это мало кого исцеляет, большинство уносит в могилу. Нужно на больное место наложить естественный магнит – дубовые листья, чистотел, ртуть, коралловый порошок. За 24 часа он вытянет из тела все чужеродные вещества, внедренные колдовством. Затем извлеченную заразу приколоть клином к бузине или дубу. Тогда оставшееся в теле будет вытянуто.

Многие считают достаточным такое заклинание: «Я враг всех ведьм и колдунов и ненавижу их, а потому уверен, что

не могут они мне навредить». Но это не действует. Только верой защищаются от колдовства.

О духах. Есть небесные духи – ангелы, дьявол и демоны. Есть духи стихий (это боги древних людей). Земные духи – силфы (пигмеи); водные – нимфы. Все духи действуют с дозволения божьего. Духи бесплотны, они состоят из ветра и воздуха. Дьявол – самое низшее из созданий, несчастнейшее и беднейшее. Он не подвластен немощи и смерти, но лишен вечной жизни. Дьявол не может нанести телесный ущерб человеку. Но в то же время дьявол и духи злобы царствуют повсюду на земле, даже в храмах. Дьявол бесконечно силен в колдовстве и может учить этому. За сотрудничество с ним, однако, он никого не награждает.

О воображении. Люди часто заболевают, например, чумой, только потому, что боятся этого. Им кажется, что они уже заболели. И от таких мыслей болезнь и вправду приходит. Не заразный воздух главная причина чумы, а дурное воображение. И если кто хочет, допустим, стать доблестным воином, тот пусть думает о знаменитом полководце. А кладоискатели, например, должны петь, веселиться и не думать о духах, охраняющих сокровища.

О снах. Сны бывают естественные и сверхъестественные. Естественные – когда видим то, с чем часто сталкивались в жизни или чего сильно желаем. Сверхъестественные – от Бога; они приносятся ангелами и прочими добрыми духами. Во сне можно постичь все тайны. Для этого нужны вера и молитва, низводящие на человека милость Бога. Во сне также часто видим умерших. Если бы человек имел во сне разум как наяву, он смог бы спросить дух умершего и узнать от него все. Чтобы не забыть нужный сон, следует оставаться в постели, ни с кем не разговаривать и не есть. И так до тех пор, пока не вспомнишь...

II. Гадание по звездам во все времена было естественным продолжением или даже частью науки о звездах. У эллинов слова «астрология» и «астрономия» зачастую использовались как взаимозаменяемые. Различие в смысле между ними, конечно, есть: «астрология» в буквальном переводе означает «звездоведение», «звездословие» (т. е. наука о светилах); «астрономия» – «звездозаконие» (наука о звездных установлениях, порядках). Таким образом, первое понятие более общее по сравнению со вторым. По свидетельству скептика Секста (II в. н. э.), астрологией тогда называли как исследование движения светил, так и гадание по ним, астрономией – только

первое. Зародившись в эллинистический период, искусство толкования созвездий почти полностью прекратило существование после нашествий германцев, возродилось у них же в XIII веке и дожило до наших дней. Исчезновение его в ближайшее время, очевидно, не предвидится. Отсюда можно утверждать, что астрология – спутник новой науки. Тем более что в XVI–XVII веках ей уделяли немалое внимание едва ли не все математики – Кардано, Браге, Галилей, Кеплер и другие.

В Древности сложилось четыре основных вида астрологии:

1. Астрология мировая (по положению светил определяется судьба городов, стран, народов).
2. Астрология рождения (определяется судьба отдельного человека по положению светил во время его рождения).
3. Астрология благоприятного случая (стоит ли в данное время начинать какое-то дело).
4. Астрология вопросов (дает ответы на частные вопросы в зависимости от времени запроса).

Основные понятия астрологии (особенно ее первой и второй разновидностей):

- зодиакальные знаки (12 штук; все одинаковой протяженности – по 30 градусов);
- десятки (36 штук – по три на каждый зодиакальный знак; планета-правитель данной десятки, попадая в свою десятку, обнаруживает особое влияние);
- начало отсчета (точка весеннего равноденствия – когда Солнце вступает в знак Овна);
- великий месяц (мировая эпоха) – время прохождения точки весеннего равноденствия через один зодиакальный знак (около 2150 лет);
- гороскоп (от греческого *ὠρόσκοπος* – страж часа) – зодиакальное созвездие или точка эклиптики, выходящие из-за горизонта в данный момент времени;
- дома (12 штук; начало отсчета домов обычно – гороскоп; дома также отвечают за определенные качества; система домов позволяет учесть место рождения человека);
- соединения – взаимодействие планет, определяемое угловым расстоянием между ними.

Наконец, астрологи еще в Древности поставили перед собой две задачи, выходящие далеко за пределы вопроса человеческих судеб: составление астрологической карты мира (нужно определить, каким было расположение планет на момент возникновения или сотворения мира); вычисление

длительности великого года (великий год – промежуток времени, через который светила на небе вновь примут данное расположение). Хороших решений этих задач дано не было...

Европейское возрождение было отмечено и восстановлением астрологии. Этому, безусловно, способствовало начавшееся с XIII века распространение авероизма, в котором утверждалось, что божественного провидения нет, зато есть естественная необходимость, судьба, указуемая звездами. Как уже говорилось, в 1270 году парижский епископ Этьен Тампье осудил тринадцать авероистских положений, среди которых было и такое: «Все в мире подчинено власти небесных светил». Однако запретами изменить ход событий уже не удалось: в XIII–XVI веках астрологи были почти у всех правителей Европы. Да и в наши дни, надо заметить, сильные мира сего нередко обращаются к их услугам.

Альберт фон Больштедт (Германия, 1205–1280) впервые выдвинул мнение, что внутриутробным развитием управляют по очереди все планеты, причем каждая действует один месяц и отвечает за возникновение и рост каких-то своих частей тела. Если ребенок рождается недоразвитый или с уродствами, это следствие слабости той или иной планеты. Поскольку планет семь, а беременность продолжается обычно девять месяцев, некоторые блуждающие светила, очевидно, оказывают влияние дважды.

Последнее уточнение представляется нам излишним, потому что найти девять сил на самом деле очень легко. Например, пусть в первый месяц действует сама Земля, а затем последовательно Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн и, наконец, сфера неподвижных звезд.

Очень высоко ставил астрологию **Роджер Бэкон** (Британия, ок. 1215–1292). По его мнению, магия, алхимия и астрология – это венец естествознания. Пытаясь примирить католическое учение о свободе воли и астрологическое учение о предопределенности земных событий, Бэкон утверждал, что светила лишь ограничивают набор возможностей и тем самым полностью никогда не лишают нас свободы.

Несколько позже **Пьетро д'Абано** (Италия, 1257–1315), авероист, профессор медицины и философии падуанского университета, тоже был привлечен к суду инквизиции за признание зависимости от звезд всех земных событий, в том числе даже религий.

Джованни Пико делла Мирандола (Италия, 1463–1494) был тогда одним из немногих, кто выступил с опровержением

прорицания по звездам (хотя увлекался каббалой и естественной магией). В книге «Против предсказаний астрологии» Мирандола выдвигает три довода: этот вид гадания умаляет могущество Бога, противоречит истинному учению о свободе выбора и, вообще, неточен.

Очень увлекался астрологией **Парацельс** (Германия, 1493–1541), который являет собой пример человека буквально помешавшегося на предопределении. В некоторых своих книгах Парацельс выдвигает требование делать все строго в свое время, сообразуясь со звездами. Каждое лекарство изготавливается и применяется в особый час, время для превращения одного металла в другой тоже отнюдь не произвольное: когда Луна войдет в такой-то градус такого-то созвездия, начинай работу в час той планеты, которая ответственна за превращаемый металл. И так далее и тому подобное. Любопытно было бы узнать, всегда ли сам Парацельс следовал своим весьма жестким предписаниям...

Джироламо Кардано (Италия, 1501–1576) – врач, математик, маг и алхимик. Осмелился составить астрологическую карту рождения Иисуса Христа и в 1570 году оказался в тюрьме по обвинению в ереси. Соответствующее сочинение нам найти не удалось, но едва ли оно включает в себе хоть что-нибудь значительное. Подобные попытки имели место и в дальнейшем. Например, уже в XX веке некто Франк Якубовский составил подобную карту, исходя из того, что Иисус родился в 7 году до н. э., 21 августа, в 11 часов 30 минут утра. Солнце тогда было в знаке Льва. Поэтому и книжечку свою Якубовский назвал «Иисус был Львом» (1980)...

Наблюдение в 1572 году нового светила в созвездии Кассиопеи навело Кардано на мысль, что так называемая «вифлеемская звезда», которая согласно преданиям указала магам место рождения Иисуса, была чем-то подобным.

Мишель де Нострадам, или **Михаил Нострадамус** (Франция, 1503–1566) – единственный астролог прошлых веков, имя которого сейчас широко известно в Европе и даже за ее пределами. Правда, в свое время этот человек среди астрологов не очень выделялся – был, как говорится, одним из многих. При жизни Нострадамуса знали, прежде всего, как придворного врача у французского короля Карла IX. В 1555 году Нострадамус издал сборник пророчеств на период до 3797 года. Сборник назывался «Столетия». Книга эта настолько захватила умы европейцев, что в 1781 году римский папа ее даже запретил. Но это уже ничего не изменило.

Теперь о самой книге. Пророчества написаны четверостишиями, язык чрезвычайно туманный, сплошные иносказания. Часто повествуется о каких-то зверях, птицах, рыбах и чудовищах. Предполагается, разумеется, что под этими образами скрыты те или иные люди. В подавляющем большинстве случаев ни место, ни время предполагаемого события не указано. Вот пример:

*Шатается мост у огромной равнины.
Лев цезаря сильное войско ведет,
Он лапой весь град норовит опрокинуть,
Но только запоры с ворот не собьет.*

Если вдуматься в эту ерунду, смысл очень простой: некогда полководец некоего правителя попытается осадить некий город, но не сможет его взять.

Такая неопределенность открыла широчайшие возможности для толкования. И при желании, конечно, каждый может найти во всем этом что-то свое. Однако это означает, что перед нами отнюдь не пророчества, а просто стихи, причем еще и довольно скверные, судя по переводам. К счастью, от Нострадамуса сохранились не только пустые рифмы, но и произведения более содержательные, например, «Письмо к сыну Цезарю» (1555) и «Письмо к королю Генриху II» (1557). В них Нострадамус кое-что все-таки разъясняет. Собственно, послание к сыну – это предисловие к «Столетиям».

Утверждается там следующее. Знать будущее человек обычно может либо непосредственно от Бога, либо с помощью астрологии. Но он, Нострадамус, написал пророчества в состоянии вдохновения и благодаря особому природному дару, который передался ему от предков. Он якобы может указать точное время для каждого предвидимого события, но не делает этого, поскольку знает, что люди будут этим напуганы. Он также намеренно ни о чем не пишет ясно. Ведь будущее полностью противоречит ожиданиям людей, и несоответствие здесь столь разительное, что если он, Нострадамус, откроет всю правду, люди начнут проклипать его. Таким образом, в ближайшие 2242 года человечество не ожидает ничего хорошего. Большинство пророчеств, сообщает далее астролог, касается Европы, и лишь немногие относятся к Азии и Африке.

В письме к сыну Цезарю есть все-таки предвидение с указанием времени, когда должны свершиться описываемые события. Нострадамус считал, что от сотворения мира про-

шло около семи тысяч лет. Седьмое тысячелетие заканчивается около 1732 года, и конец его будет отмечен переворотом светил. К этому времени чума, голод, войны и наводнения погубят большую часть человечества; выживут очень немногие, а земля примет почти первозданный вид. Затем светопереоставление завершится, и немногие уцелевшие вступят в новую эпоху – восьмое тысячелетие. Итак, все это должно произойти к 1732 году. Насколько известно, ничего подобного в это время не случилось.

В письме к Генриху II есть еще одно предсказание, отнесенное к определенному времени, правда, уже не столь любопытное. Якобы в 1792 году ожидаются жесточайшие гонения на христианскую церковь. И вообще год этот будет таким, что многим покажется началом новой эпохи. Насколько можно судить, у Нострадамуса здесь опять осечка.

И последнее. Ближайшие две тысячи лет для человечества будут, как это открылось Нострадамусу, очень плохими. А вот конец света представляется нашему астрологу в светлых красках: Бог низринет сатану в бездну, объявит о завершении страданий всех народов, после чего наступит благословенная эпоха вселенского мира между Богом и родом людским...

Начиная со времен Николая Коперника, некоторые астрологи стали принимать во внимание гелиоцентрическую гипотезу. К таковым относятся, например, **Франческо Гюнтини** (Италия, 1523–1580) и **Джон Ди** (Британия, 1527–1608). Первый разрабатывал наименее одобряемый католической церковью раздел гаданий по звездам – предсказание судьбы. Последний одно время исполнял обязанности личного астролога британской королевы Елизаветы I, однако потом был отдален от престола и умер в бедности.

Тихо Браге (Дания, 1546–1601) в октябре 1566 года наблюдал лунное затмение и напроорочил смерть турецкого султана Сулеймана. Но вскоре выяснилось, что султан умер еще за два месяца до этого, а придворные все скрыли, чтобы не допустить падение боевого духа в турецком войске, которое как раз осаждало город Сегед. Таков был первый опыт предсказания Браге, опыт, завершившийся провалом. Впоследствии датский астроном разрабатывал вопрос о влиянии так называемых великих соединений светил и вообще любых их взаимных расположений (последнее именуется «аспектами»).

Иоганн Кеплер (Германия, 1571–1630), знаменитый математик, прославился сначала в качестве провидца, причем рано – еще в 1595 году, когда сделал несколько удачных

предсказаний. Он отрицал значение названий созвездий и звезд и вслед за своим учителем Тихо Браге считал значимым только взаимное их расположение.

В 1604 году наблюдалось так называемое величайшее соединение: Марс, Юпитер и Сатурн подошли чрезвычайно близко друг к другу. Германский математик утверждал, что сходное событие случилось во время рождения Иисуса Христа и известно под названием «вифлеемская звезда».

Согласно некоторым современным расчетам в 7 году до н. э. произошло соединение Сатурна и Юпитера, причем в созвездии Рыб. Рыба же у древних христиан была знаком Иисуса Христа. Слово «рыба», написанное по-эллински, может быть составлено из первых букв следующих слов, тоже, разумеется, записанных на эллинском языке (Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель / Крест). Многие сейчас действительно считают, что «вифлеемское светило» не могло быть ни звездой, ни кометой, поскольку такое явление заметили бы все. А из евангелий как будто вытекает, что кроме магов, знатоков астрономии, на это никто не обратил внимания.

Кроме того, если верить китайским летописям, примерно в 5 году до н. э. наблюдалось появление новой звезды на небе, а в 3 и 2 годах до н. э., уже по современным расчетам, происходило соединение Юпитера с Регулом и Юпитера с Венерой. Словом, событий, которые можно выдвинуть на звание «вифлеемской звезды», довольно много...

С большой точностью Кеплер определил смерть одного весьма известного тогда в Европе человека – чешского дворянина Альбрехта Валленштейна. Кеплер указал на март 1634 года, когда пять планет и Солнце образуют на небе крест. Валленштейн же был убит 25 февраля этого года.

Галилео Галилей (Италия, 1564–1642) тоже пытался предсказывать по звездам. Но здесь его ждали неудачи. Однажды он составил карту рождения правителя Тоскании Фердинанда Медичи, у которого сам состоял при дворе (должность Галилея называлась «философ и первый математик светлейшего великого герцога тосканского»). Карта обещала благоприятное развитие событий, несмотря на то, что герцог болел. Но Галилей не придавал этому должного значения. А через несколько дней Фердинанд умер...

Завершает список знаменитых провидцев **Жан-Батист Морен де Вильфранш** (Франция, 1583–1656), астролог епископа булоньского и герцога лауенбургского, приверженец Клавдия Птолемея, ценившийся даже при дворе французского

короля. Этот человек, как полагают некоторые, задал астрологии направление ее современного развития – не столько предсказывать по звездам будущие события, сколько определять черты личности, ее склонности и способности. В своей «Гальской астрологии», состоящей из 26 книг, он говорит об этом так: «Влияние космоса – всеобъемлющая причина; действие космоса на личность зависит, прежде всего, от расположения светил во время рождения»...

К числу менее известных астрологов этих времен относятся **Джованни Кампано** (Италия, 1233–1296), **Иоганн Мюллер** по прозвищу Региомонтан (Германия, 1436–1476), **Плацид де Титис** (Италия, 1603–1688). Каждый из них предложил свой особый порядок отсчета так называемых домов. Некоторые современные астрологи до сих пор пользуются их системами.

НОВЫЕ ЦЕРКВИ

В течение многих веков католическое руководство подрывало доверие к своей церкви. Высшие духовные чиновники, исповедуя на словах повиновение власти (ибо всякая власть от бога), оспаривали верховенство у светских правителей, и эта борьба шла с переменным успехом. Соперничество уже внутри самого правящего сословия церковников достигло своей наивысшей точки в 1378–1417 годах, когда в католическом мире было два, а иногда даже три папы. Широко распространился обычай купли-продажи церковных должностей.

Священники слишком часто забывали христианскую истину, согласно которой богатому затруднительно попасть в царство бога. За счет разнообразных добровольных подношений и насильственных поборов церковь в целом стала одним из крупнейших собственников, и некоторые ее высокопоставленные лица жили в самой откровенной роскоши. К этому добавлялось преклонение перед греческой и римской древностью, стремление подражать ей во всем, независимо от того, согласуется ли это с христианскими ценностями. Дальше всех, по видимому, зашел папа Александр VI (Родриго де Борха, правление 1492–1503), образ жизни которого был уже самым настоящим вызовом всем евангельским добродетелям. Этот человек не брезговал даже убийством неудобных ему людей. «Мне кажется, святой отец, вы совсем не христианин», – сказал ему однажды некий герцог. «Вы угадали!» – беззаботно ответил папа...

Огромных размеров достигло отпущение грехов за деньги (так называемая продажа индульгенций). Первоначально в христианстве человеку за проступки полагалось наказание в виде обязанности свершить те или иные добрые дела в пользу церкви. Но с XI века дела начали заменять денежными выплатами. В XII–XIII веках окончательно сложилось учение, обосновывающее такого рода торговлю: стало считаться, что великие христианские святые создали некий запас святости, благодати, за счет которой можно покрывать нынешние прегрешения. На широкую ногу продажа индульгенций встала с начала XIV века. В 1300 году папа Бонифаций VIII решил устроить праздник церкви – в честь 1300-летия христианства. В Рим по этому случаю прибыло огромное количество паломников, которым папа отпустил грехи даром. Остальных же призвал покупать прощение за деньги. С XV века индульгенции выдавались уже не только живым, но и умершим; покупателями в этом случае выступали, как правило, родственники последних. Средства от индульгенций, разумеется, тоже шли на обогащение церковного руководства. В этих делах всех превзошел Альбрехт Бранденбургский (1490–1545), кардинал, совмещавший также вопреки церковным правилам должность епископа Магдебурга (с 1513) и епископа Майнца (с 1514). Последнее место он попросту купил, залезши при этом в большие долги, а продажный папа Лев X дал разрешение. Еще он приобрел индульгенций – столько, что был освобожден от очистительных наказаний на 35 245 120 лет. Пытаясь покрыть расходы Альбрехта, его поверенный Иоганн Тецель сам развернул торговлю индульгенциями с невиданным прежде бесстыдством, и это, как полагают, стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Мартина Лютера. Вскоре после этого он и начал свои выступления против римского двора.

Далее, церковники во все времена произвольно пользовались правом проклятия и отлучения от церкви. Но в эпоху позднего Средневековья, когда угроза выхода паствы из повиновения и распада церкви стала ощутимой, от духовного воздействия все больше начали переходить к чисто телесному. А именно: в самом конце XII века папа Григорий IX принялся создавать особые следственные учреждения и священные суды, подчиненные непосредственно папе. Это была так называемая инквизиция. В последние столетия Средневековья в Испании, Франции и Италии инквизиторы иногда обладали большим могуществом, нежели епископы.

Развращенные неподотчетной властью и безнаказанностью, служители церкви жили в полном довольстве, в нарушение порядков имели жен и любовниц, занимались разного рода предпринимательством, в частности, ростовщичеством, даже содержали блудилища. На период примерно с 1350-го по 1480 год, по утверждению ряда исследователей, в Европе приходится расцвет торговли телом. Только в XVI веке, пытаясь вернуть привлекательность своей церкви, католики закрыли большую часть подобных заведений. Тогда же, наконец, упразднили и индульгенции.

Вследствие всего этого в XIV–XV веках в разных странах все чаще начинают раздаваться голоса, требующие ограничения власти папства или даже полного разрыва отношений с римской кафедрой с последующим созданием церквей в пределах отдельных государств. Начало этому положили Марсилий Падуанский, Джон Виклиф и Ян Гус, которые вполне подготовили почву для политических преобразований в рамках будущего протестантства.

Марсилио из Падуи (Италия, 1280–1343) изучал философию, медицину и право в университете родного города, а также в Орлеане и Париже. В 1312 году стал ректором Парижского университета. Ввязался в борьбу папы Иоанна XXII и Людовика Баварского, приняв сторону последнего. В 1327 году отлучен от церкви как вероотступник и осужден на смерть. Людовик не только не выдал своего духовного защитника, но приблизил его к себе, сделал своим советником и, усилившись, назначил викарием Рима. Так Марсилий обрел большую власть не где-нибудь, а в самом сердце католического мира – в вечном городе. Однако потом его влияние все же стало падать.

Все люди равны перед Богом, говорил Марсилий. Священники не лучше мирян, не имеют никаких преимуществ перед ними. Христос умер за всех и никому власти не передавал – ни апостолам, ни, тем более, папам. Поэтому церковь не может выступать законодателем, угрожать и наказывать. Ее право лишь проповедовать, увещевать. Церковь не должна иметь собственности, а если она у нее все же есть, то пусть облагается обычными податями. Священники должны работать, а не жить в праздности за счет десятины, о которой, кстати, нет ни слова в Писании. За проступки они, как и все, должны подлежать светскому суду государя. Последний имеет право назначения и смещения любых служителей церкви вплоть до папы. Важнейшие церковные вопросы пусть реша-

ются на советах, состоящих не только из священников, но и из мирян. Собирать советы и утверждать их решения – опять же право государя.

Джон Виклиф (Британия, 1320–1384), который в свое время был профессором Оксфордского университета, выступал уже за отделение всей местной церкви от папского двора. Не признавал за папой никакого права взимать поборы с британских островов и вмешиваться в дела светской власти. Отрицал догмат о запасе благодати и превращении сущностей во время причастия, осуждал продажу индульгенций. Предлагал обе власти в своей стране – духовную и светскую – сосредоточить в руках одного человека – короля; церковные земли изъять; никаких авторитетов в делах веры, кроме Писания, не иметь. Руководство католической церкви не осталось в долгу: в 1381 году Виклифа объявили еретиком.

Менее удачливым по сравнению с Марсилием и Джоном Виклифом оказался **Ян Гус** (Чехия, 1369–1415), высказывавшийся в том же духе. Гус был вызван на церковный совет в Констанце якобы для разбирательства его дела. Неосмотрительно явившийся туда, он был схвачен и сожжен на костре без особого суда и следствия...

Еще один достаточно сильный удар по католицизму – но уже совсем с другой стороны – нанесли грамматические исследования.

Лоренцо Валла (Италия, 1407–1457) показал, что язык так называемого «Дара Константина» – грамоты, в которой император Константин (IV век) извещает о препоручении западной части Римской империи заботам папы Сильвестра, – не соответствует языку того времени – он гораздо более поздний. А ведь этой грамотой в Средние века папы обосновывали свои притязания на светскую власть. Знание греческого позволило Валле обнаружить немалое количество ошибок в латинских переводах Нового Завета и сочинений Аристотеля. Наконец, он установил сомнительность так называемого апостольского символа веры (краткое изложение христианского учения, составленное якобы самими апостолами).

Йоганн Рейхлин (Германия, 1455–1527) выявил немало ошибок в латинском переводе Ветхого Завета и сам заново перевел отдельные книги этого сборника. Он выступил также в защиту тайного еврейского учения, известного под названием Каббала («предание»). В него входят «Книга творения» (IX в.) и «Сияние» (XIII в.). Католические руководители намеревались уничтожить эти сочинения, и только усилиями

Рейхлина, Эразма Роттердамского и многих других поклонников древностей они были спасены.

Герхард Герхардс, или **Эразм Роттердамский** (Нидерланды, 1469–1536) подготовил первое печатное издание Нового Завета на греческом языке (1517) и сделал новый перевод его на латынь (1519). А поскольку этот перевод местами отличался от общераспространенного, католическое руководство не могло обрадоваться его появлению.

Таким образом, в XV–XVI веках после многовекового перерыва Писание вновь начали исследовать чисто грамматически – как произведение, которое не хуже и не лучше любого другого.

Все вышеперечисленные события привели к тому, что ореол святости с католичества был снят, и желающих порвать с ним становилось все больше и больше. Так в Европе появились многочисленные новые церкви, собирательно именуемые протестантскими. У истоков этого движения стояли Мартин Лютер, Ульрих Цвингли, Томас Мюнцер, Филипп Меланхтон, Жан Кальвин и еще некоторые.

Мартин Лютер (1483–1546) родился в городе Эйслебен (Саксония) в семье состоятельного предпринимателя. Учился в университете Эрфурта, сам преподавал в Виттенберге в качестве доктора теологии. Вступил в орден августинцев. Учение Лютера в значительной степени повторяет августинианство.

Согласно Лютеру, всякий человек грешен. Первородный грех испортил человеческую природу до такой степени, что она сама не способна уже обратиться к добру. Слабость воли делает человека орудием высших сил – ангелов, демонов и самого Бога. Искупление грехов дается только верой, а вера есть дар божий, божественная благодать. Никакие дела без веры, никакие индульгенции не очищают нас. Вообще, никакие дела в пользу церкви не имеют значения. Но почему одним Бог дает благодать, а другим нет, – непонятно. Это великая тайна... В мирской жизни христианин подчиняется светским властям, а в вопросах веры не подчиняется никому. Церковь не может выступать посредником между Богом и человеком, потому что подлинное общение с Богом происходит в глубине души. И когда идут споры о вере, нельзя прибегать к отлучению или насилию, – убеждения должны преодолеваться другими убеждениями.

Все христиане равны – церковники обладают ничуть не большей святостью, чем миряне. Назначение церкви – настав-

лять человека в делах, разъяснять Писание (которое, кстати, есть единственный авторитет), укреплять в вере, учить смирению. Огромное имущество церкви следует изъять в пользу государства, монашеские ордены – распустить, в монастырях устроить что-нибудь полезное – школы, приюты, больницы. Папский двор – орудие Антихриста и скопище пороков, подчиняться ему не должно.

Из семи католических таинств Лютер оставил только два – крещение и причащение. Остальные оказались ему надуманными – он не нашел для них обоснования в Писании.

Лютер встретил большую поддержку со стороны самых разных слоев населения. В 20-е годы XVI века он становится народным вождем и заступником в Германии. Руководство католической церкви всячески ему угрожает: требует отречения, пугает отлучением, начинает сжигать его книги. Но до самого Лютера добраться не могут: его защищает саксонский курфюрст Фридрих Мудрый – вопреки даже воле императора Рима и короля Испании Карла V. Первые церковные преобразования начинаются в Виттенберге: часть монахов уходит из местного монастыря, некоторые проповедники выступают в светском одеянии, верующих всех без разбора причащают хлебом и вином, из храмов удаляются алтари и иконы. Из Виттенберга лютеранство быстро распространяется по всей Германии. Папский посланец докладывал в Риме: «Девять десятых Германии кричит “Лютер!”; оставшая десятая – “Смерть римскому двору!”».

В Швейцарии почти одновременно с Лютером сходные взгляды обнаружил **Ульрих Цвингли** (1484–1531), который стал главой движения за церковное переустройство в Цюрихе. Цвингли учился в университетах Вены и Базеля, был хорошо знаком с Эразмом Роттердамским, в 1506 году пополнил ряды священнического сословия.

Подобно Лютеру, Цвингли признавал Писание единственным авторитетом в вопросах веры, исповедовал искупление верой и всеобщее священство (равенство христиан). Отрицал церковное предание, университетскую теологию, церковную иерархию и верховенство папы, монашество, безбрачие, индульгенции, иконы и мощи, поклонение так называемым святым, пышные обряды и многочисленные праздники, а также догматы о чистилище и о превращении сущностей во время причастия (Лютер сохранял последнее).

Другие взгляды Цвингли. Все, чем владеют люди, есть дар и милость Бога – в том числе богатство. Богатство – не

порок, когда им благочестиво распоряжаются. Излишки надо отдавать или безвозмездно и навсегда, или на некоторый срок. Частная собственность неприкосновенна: взятое в долг надо отдавать; если нанялся работать, нужно добросовестно трудиться. Человек и государство греховны. Светская власть и законы созданы Богом для пресечения пороков и преступлений. Пока государи действуют по-христиански, они не могут быть смещены. В противном случае народ имеет право поставить новых правителей.

В 1522 году в Цюрихе начали проводиться преобразования в духе Цвингли: были отменены посты, безбрачие священников, пышные богослужения, почитание икон и мощей, многие церковные праздники. Власть местного католического епископа объявили недействительной; имущество церкви начали изымать, монастыри закрывать (люди, приписанные к монастырям, работали теперь на благо города); всех причащали хлебом и вином. Цвинглианство возвели в закон. Из Цюриха движение быстро распространилось по Швейцарии. Правда, в конечном счете, Цвингли был убит, и его сторонники потерпели поражение, цвинглианство заглохло.

Зато большой успех в Швейцарии выпал на долю другого проповедника. Это был **Жан Кальвин** (1509–1564). Он родился в Нуайоне (на севере Франции), учился в университетах Парижа, Орлеана и Бурже, где особое усердие проявлял в постижении теологии и права. В 1534 году порвал с католичеством, в 1536 году посетил Женеву и остался там на всю оставшуюся жизнь.

Согласно Кальвину, все в мире предопределено Богом. Еще до начала творения Бог определил каждому его участь: одним — спасение, другим — гибель. Никакими делами, никакими заслугами человек не изменит предначертанного — для Бога это не имеет никакой цены, и он никому ничего не должен. Но никаких личных заслуг и быть не может. Природа человека из-за первородного греха полностью испорчена и сама по себе влечется только к злу. Однако Бог по своей милости дарует человеку веру. В соответствии с изначальным замыслом он одних побуждает к добру, а других оставляет в грехе. Но самое главное: человек никогда точно не знает, к чему его избрал Бог — к вечному блаженству или вечному проклятию. Однако он может догадываться об этом. Бог дает людям знак, по которому те могут судить о своей судьбе. Этот знак — добродетельная, деятельная и успешная жизнь. Если человек добродетелен, если ему сопутствует успех, это

признак того, что Бог на его стороне. Поэтому мы должны всеми силами стремиться к осуществлению своих замыслов, не забывая, конечно, о нравственности.

Собственность, имущество – дар Бога. Все это надо беречь и увеличивать. Нет ничего позорного в предпринимательстве и получении прибыли – наоборот, это правильно и достойно. Но, если для человека обогащение превратилось в единственную цель жизни, если деньги заслонили от него Бога, это может означать, что Бог не благосклонен к нему. Бедность не равнозначна святости. Бедность – это большое испытание для людей. Если кто в бедности доходит до преступлений, бродяжничества, становится попрошайкой, тот, очевидно, утратил защиту Бога.

Назначение труда – поддерживать жизнь людей, охранять дары земли, заботиться об их пополнении. Поэтому самый достойный труд – земледельческий. А лень – величайший порок (в согласии с этим Кальвин тоже отменил большую часть праздников, оставив только воскресные дни и еще пять празднеств в году).

Государство и церковь независимы. Государство должно охранять церковь, помогать ей, слушать ее советы. Церковь же со своей стороны должна молиться за государей и не вмешиваться в их дела...

Учения Лютера и Кальвина распространились чрезвычайно широко. Но, конечно, они не были единственными. В Германии возникли, в частности, такие движения, представители которых отрицали всякую догматику, крещение младенцев, церковную и светскую власть, зато призывали к обобществлению имущества (община в Мюнстере).

В итоге в XVI веке от римской кафедры откололась значительная часть Европы: сначала северогерманские и швейцарские княжества, позднее Нидерланды, Англия, Шотландия (где преобразования были проведены в духе Кальвина) и все скандинавские страны – Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия, Исландия (здесь возобладали лютеранство). В Италии и Испании влияние протестантизма оказалось незначительным, в Восточной Европе – тоже. Во Франции между католиками и протестантами имели место военные столкновения, тем не менее Франция в целом осталась католической.

Осознав угрозу распада своей церкви, католические руководители попытались вернуть ей благопристойный вид, сделать ее более привлекательной для христиан и ослабить протестантов. Действия с их стороны были такие:

- пресечение злоупотреблений церковников;
- упразднение индульгенций;
- запрет на книги протестантов;
- преследование сторонников Лютера и Кальвина везде, где только возможно;
- военные действия против протестантов;
- проповедь католичества в протестантских странах;
- усиление давления на любых вероотступников.

Последнее выразилось, в частности, вот в чем. В 1542 году в Риме был создан верховный инквизиционный суд, наделенный неограниченной властью (хотя в ряде стран – Франция, Венеция, Флоренция – инквизиция, как ни старалась, все же не смогла выйти из-под надзора светских правителей). Вскоре после этого два папы (сами бывшие инквизиторы) еще раз объявили о даровании инквизиции исключительных полномочий, вследствие чего упомянутый верховный суд приобрел едва ли не большие права, чем даже римский папа. Издание и распространение книг теперь осуществлялось только с разрешения инквизиторов. В 1559 году впервые появился так называемый «Список запретов», обязательный для всей церкви. В него сразу же попали сочинения Валлы, Эразма, Лютера, позднее – Бруно, Коперника, Кеплера, Галилея и многих других...

В начале 30-х годов XVI века испанский дворянин Игнатий Лойола (1491–1556) решил создать целый новый орден для борьбы с еретиками, особенно, с лютеранами. Представители ордена, который начал действовать с 1534 года и был утвержден папой только через шесть лет после этого, стали называться иезуитами («общество Иисуса», «воинство Иисуса»). Иезуиты были монахами, но совсем не такими, как раньше: это были монахи, живущие в миру. Они давали обычные обеты: целомудрие, нестяжание и беспрекословное повиновение начальникам. Последнюю заповедь, однако, довели до крайности: так, если иезуиту приказывали грешить, он должен был грешить. Как было записано в уставе (1558), «...член ордена – труп в руках своего начальника». Орденом единолично руководил генерал, который сам, кроме римского папы, не подчинялся никому – ни епископам, ни светским властям.

Иезуиты поставили перед собой цель воспитывать молодых людей в духе католичества, сделать церковные обряды роскошными и привлекательными, на государей влиять, устранив к ним на службу, на ученых – производя впечатление своим высоким образованием.

В недрах ордена возникло учение о грехе, направленное против Лютера. Звучало оно примерно так. Лютер понял грех слишком таинственно. Конечно, в человеке есть порочность, которая идет еще от Адама, но все же грех состоит в отдельных проступках и определяется намерениями. Если намерения были добрые, то грех невелик, что бы там ни случилось в ходе их осуществления. Или иными словами: если в поступке есть только вероятность греха, его уже можно совершать. Если грех совершен под влиянием авторитета, он тоже невелик. Только истинное намерение определяет тяжесть греха, а не само действие. Но если грех очень большой, то едва ли разум согрешившего был ясен во время действия. К греху ведет естественная свобода, поэтому человек нуждается в духовном руководстве и помощи церкви. Грехи искупаются исповедью и деяниями, угодными церкви. Чаще грешить – чаще исповедуйся, больше делай для церкви...

Многие сразу поняли, что этими уловками иезуиты вернули человеку способность к праведности и, таким образом, от Августина, одного из наиболее почитаемых католических отцов, сделали большой шаг в сторону осужденного Пелагия.

Тогда уже в недрах католичества зародилось движение, противостоящее иезуитам. Это был, как его сейчас называют, янсенизм. То, что провозглашал его родоначальник **Корнелий Янсений** (1585–1638), профессор теологии в Лувенне, можно свести к призыву «Назад к Августину!». Согласно Янсению, наша природа испорчена, и для исправления человек нуждается в благочестии, воздержании, созерцательности, покаянии, строгом соблюдении обрядов и следовании церковным установлениям; католичество должно быть очищено от скверны иезуитов. Наиболее значительными последователями Янсения могут считаться **Антуан Арно** (1612–1694), **Блез Паскаль** (1632–1662) и **Кенель Пасхазий** (1634–1719). Янсенизм неоднократно осуждался римской кафедрой. У Арно и Пасхазия были личные неприятности в связи с их резкими высказываниями против папы.

СКЕПТИКИ ВО ФРАНЦИИ

В XVI веке Европа, кажется, вполне удовлетворила свою потребность в древней мудрости и пресыщенная ею впала в скепсис – особенно почему-то в лице Франции, на что, вероятно, были свои причины.

Самым знаменитым и последовательным скептиком был **Мишель де Монтень** (1533–1592). Он происходил из семьи богатого предпринимателя, которому некогда было пожаловано дворянское звание и имя де Монтень. Помимо общеобразовательных предметов Мишель усиленно изучал право и какое-то время занимался судебными делами. Дважды избирался градоначальником Бордо, в окрестностях которого находилось его имение. В возрасте 37 лет удалился от гражданских дел, уединился в родовом замке и взялся за сочинительство. Так на свет появился огромный труд под названием «Опыты». Они состоят из отдельных и, в общем, мало связанных между собой глав – философское рассуждение, проникнутое скептическим духом. Первоначальный замысел, правда, был иной: Монтень собирался написать примечания к изречениям и сочинениям древних греческих и римских писателей. Эту скромную цель он превзошел: хотя в книге Монтень беспрестанно приводит мнения древних, но все же не до такой степени, чтобы его собственные мысли растворялись среди чужих.

Философствовать, согласно Монтеню, значит готовиться к смерти. Начало философии – удивление, середина – исследование, конец – незнание. Почему незнание? Потому что в своих исследованиях мы приходим к единственно твердому выводу – ничего твердого в мире нет. Все меняется, но самое главное – меняется сам человек. Он никогда не может избежать влияний внешнего мира, который постоянно навязывает ему какие-то цели. А цели и определяют всю нашу жизнь.

Цели у человека меняются много раз на протяжении жизни. В одно и то же время он сможет разрываться между противоположными влечениями. Вообще говоря, человек никогда не бывает дважды в одном и том же состоянии. Поэтому относительно все (кроме разве того, что все относительно). Нет неизблемых истин. Нельзя доказывать ссылкой на авторитеты; древность чего-либо тоже не свидетельствует явно в пользу его истинности. И религия не дает желанной опоры. Если бы у всех народов была одна религия, еще можно было бы о чем-то говорить. Но когда религий много, как, находясь в здравом уме, можно утверждать, что какая-то из них более верная? То же самое с нравственностью: что у одних народов считается уместным и приличным, то у других – постыдным и даже преступным.

Что в таких обстоятельствах делать человеку? Чего придерживаться? Есть два выхода, отвечает сам себе Монтень.

Первый путь: следовать обычаям своей страны – так можно получить более или менее ясные знания о боге, мире и человеке, о том, что хорошо и что плохо. Второй путь: не принимать ничего на веру и искать свою истину. Монтень, во всяком случае, ее нашел. Звучало его правило жизни так: следовать природе и не бояться перемен в самом себе. Следовать природе – значит поступать естественно, а естественно для человека, как и для любого животного, – стремиться к удовольствию. Не нужно бояться этого, ведь человек действительно одно из животных.

Поэтому, в сущности, надо просто жить. Не нужно презирать жизнь, поскольку это все, что у нас есть. Человек – это его жизнь, и никакой другой после смерти нет, ибо душа бrenна не меньше, чем тело. И сама по себе жизнь не является ни добром, ни злом, – все зависит от того, что мы в ней делаем...

У Монтеня, надо заметить, немало противоречий. В разных главах он нередко об одном и том же пишет по-разному. Но так и должно быть, ведь эта книга отражает перемены во взглядах ее создателя, который никакого стройного последовательного учения предлагать не собирался. Еще у Монтеня обнаруживается обычная резкая неприязнь к тогдашней университетской философии – этому своеобразному сочетанию католического христианства с перипатетической наукой...

Помимо Монтеня в скептическом духе писали потом **Пьер Шаррон** (1541–1603), **Самуил Сорбьер** (1615–1670), **Симон Фуше** (1644–1696) и некоторые другие. Шаррона, впрочем, скептические размышления о слабости нашего разума подталкивали к мысли о необходимости для человека божественного просвещения. Однако нравственность он выводил уже не из веры, а из человеческой природы, что было воспринято некоторыми как признак безбожия. Сорбьер в числе прочего переводил Секста Эмпирика, Фуше написал исследование по отрицательной диалектике академиков. Со скепсиса начинал и знаменитый ныне **Рене Декарт** (1596–1650). Он, правда, попытался его преодолеть и, как многие сейчас полагают, использовал лишь как метод для создания положительного учения. Однако мнения о том, насколько ему это удалось, слишком сильно разделились. Многие, во всяком случае, упрекали потом Декарта за чрезмерную неуверенность: все у него лишь вероятно, правдоподобно, и нет никакого твердого знания. Поэтому и Декарт имеет свое место в летописи французской скептической философии.

Все науки, заявляет Декарт в своем «Рассуждении о методе», заимствуют свои начала из философии. Однако последняя, хотя и разрабатывалась в течение многих веков превосходнейшими умами, не содержит ни одного положения, которое бы не служило предметом споров. Следовательно, на самом деле в ней все сомнительно. По сути, она лишь позволяет говорить правдоподобно о всяких вещах и тем самым удивлять несведущих.

Это, конечно, не совсем точный пересказ, поскольку отдельные мысли, приведенные выше, взяты из разных мест «Рассуждения». Но все-таки: что это, если не скепсис? чем еще это может быть?

И далее: осознав такое положение философии, Декарт стремится, очевидно, его поправить, иначе зачем было писать остальное. Он предлагает свой метод – четыре основных правила познания, из которых примечательно только первое: никогда не принимать за истину ничего, что я, Декарт, сам не постиг бы с очевидностью. Иными словами, просто так ничему не верить, все проверять самому. Это чисто скептический подход к делу. И даже первое из трех основных правил нравственности как будто прямо переписано у древних скептиков. Звучит оно очень просто: следовать обычаям и законам своей страны. Действительно, у древних скептиков в обстоятельствах, когда им ничего или почти ничего точно не было известно, возникал вопрос: чем в таком случае руководствоваться в жизни? И они отвечали на него именно так, как через полторы тысячи лет после них Декарт. Третье правило поведения Декарта, кстати, имеет стоическое происхождение. Доказательство существования бога опять же словно прямо переписано у Ансельма Кентерберийского. Гипотеза о происхождении миров вследствие вихрей взята у Анаксагора. Таким образом, на самом деле Декарт, вопреки широко распространенному мнению, еще очень сильно укоренен в обычаях философствования далекого и недавнего прошлого.

ОХОТА НА ВЕДЬМ

Истоки и развитие. В XVI–XVII веках Европа была охвачена страхом перед колдовством. Разумеется, было немало людей, которые совершенно не верили в него, но и для такого человека делать вид, что все это его не касается, было почти невозможно. Обвинению в соучастии с дьяволом и же-

сточайшему наказанию мог подвергнуться, в общем-то, каждый (хотя, прежде всего, женщины), так что даже у неверующих поводов для смеха не было. Любопытно, что охота на колдунов велась как в государствах, подчинявшихся римской кафедре, так и в отпавших от нее (протестантских). В первом случае этим делом занимались инквизиторы, во втором – светские власти. Протестанты вели себя так, словно руководствовались постановлением Латеранского католического совета (1514 год), гласившего, что колдовство – преступление смешанное, подлежащее преследованию как со стороны церковной власти, так и светской. Мартин Лютер, например, не только не сомневался в существовании дьявола, но даже рассказывал, что однажды сам видел его. Чтобы отпугнуть это существо, он запустил в него чернильницей. В другой раз, столкнувшись с явно недоразвитым человеком, он назвал его «сыном сатаны» и приказал утопить, заявив, что грех убийства берет на себя. Жан Кальвин тоже верил в дьявола не меньше, чем в бога, и считал, что причиной бед очень даже могут быть колдуны и ведьмы.

Историки сильно расходятся в оценках количества жертв охоты на ведьм. Называются совершенно разные величины – от 30 тысяч до 9 миллионов! Почти все согласны, впрочем, что сведения о значительной части судебных дел такого рода утрачены. Следовательно, жертв больше, чем это следует из сохранившихся письменных источников. Наша оценка такая: по подозрениям в тех или иных видах колдовства и стоворе с дьяволом за два с половиной столетия было умерщвлено, по-видимому, около одного миллиона человек. Вот показательная выдержка из сочинения того времени: «Германия до последнего человека занята складыванием костров [для ведьм]. Швейцарцам пришлось из-за них уничтожить несколько деревень. В Лотарингии путешественник встречает тысячи и тысячи столбов, к которым привязаны ведьмы» (Анри Боге «Рассуждение о ведьмах», 1602).

Некоторые инквизиторы, судьи и епископы прославились тем, что вынесли за свою жизнь или просто одобрили по несколько десятков и даже сотен смертных приговоров каждый. Жан Кальвин в 1545 году всего за три месяца приказал замучить и сжечь 34 ведьмы, которых он подозревал в том, что они насылали на людей чуму. Член ордена иезуитов Эльбуц в 1607 году в Трирской области докладывал своему начальнику, что лично отправил на смерть свыше 200 человек. Епископ Вюрцбурга Юлий только в 1616 году благосло-

вил сожжение 99 ведьм. Следующий епископ того же города Эренберг за четыре года своего пребывания в должности (1628–1631) – 208 человек. Незадолго до этого Фридрих Форнер, епископ Бамберга, – 600. Лотарингский судья Николай Ремигий (ум. 1612) за пятнадцать лет приговорил к смерти 900 ведьм. Наконец, Бенедикт Карпцов (1595–1666). Этот судья хвастался тем, что 53 раза прочитал от начала до конца Писание и вынес 20 000 смертных приговоров, значительная часть которых – по делам о колдовстве. Названное им число настолько велико, что многие современные исследователи отказываются его принять...

Охота на ведьм очень медленно набирала силу на протяжении всего позднего средневековья. Приведем основные указы католического руководства относительно вероотступничества, колдовства и церковного следствия:

- 1184 год: папа Луций III требует от епископов отныне проводить расследование (*inquisitio*) по каждому случаю отклонения от учения церкви.
- 1199: Иннокентий III объявляет, что измена вере должна караться строжайшим образом – отлучением от церкви и лишением имущества; Иннокентий сам начинает назначать следователей (*inquisitores*) из Рима.
- 1215: тот же Иннокентий предписывает светским властям истреблять всех еретиков, на которых укажет церковь.
- 1233: Григорий IX передает церковное расследование ордену доминиканцев и подчиняет следователей непосредственно папе, – ни перед кем другим они отчитываться не будут.
- 1254 и 1257: Иннокентий IV постановляет, что в церковном следствии имена обвинителей должны держаться в тайне, а к еретикам необходимо применять пытки (последний указ был отменен только в 1816 году папой Пием VII).
- 1258: Александр IV приходит к выводу, что церковные следователи в числе прочего должны заниматься и колдунами, если те отклоняются от веры.
- 1310: церковный совет в Трире запрещает любые гадания, заклинания демонов, колдовские напитки и прочие подобные вещи.
- 1398: Парижский университет выносит решение, согласно которому колдовство невозможно без договора с дьяволом.
- 1451: Николай V издает указ, по которому колдовство находится в ведении церковных следователей независимо от того, есть в нем признаки ереси или нет (на деле Николай

всего лишь законодательно закрепил то положение вещей, которое существовало примерно с 1320 года, когда Иоанн XXII временно – на десять лет – дал следователям Каркасона право заниматься всеми делами такого рода). 1468: католическое руководство объявляет колдовство исключительным преступлением, отменяет правовую защиту подозреваемых, снимает следственные ограничения.

Но все это было только начало. В XIII–XIV веках имели место лишь единичные судебные разбирательства по делам о предполагаемом колдовстве. При этом о сговоре с дьяволом, развратных действиях демонов, сборищах ведьм речь тогда еще почти не шла. В XV веке таких случаев было уже во много раз больше. По-настоящему переломным стал, по-видимому, 1484 год, когда папа Иннокентий VIII обнародовал свое очередное послание, в котором говорилось о необходимости покончить, наконец, с колдовством, а также о недопустимости противодействия святой инквизиции, всеми силами стремящейся искоренить это зло. В частности, Иннокентий очень одобрительно отзывался о деятельности двух немецких инквизиторов. Это были **Яков Шпренгер** и **Генрих Крамер** (более известный под латинизированной фамилией Инститорис), оба доминиканцы и профессора теологии. В помощники им папа назначил некоего Иоганна Гремпера, магистра из Констанца. С благословения этого Гремпера только в Вормсе за год сожгли 85 человек. А о самих Шпренгере и Инститорисе известно, что они за короткий срок предали огню 48 ведьм.

Вдохновленные похвалой папы, эти двое задумали написать книгу – учебник по борьбе с ведовством. Вполне возможно, впрочем, что какие-то наброски будущего творения у них тогда уже имелись. Не ясно также, вклад какого автора больше. Существует, например, предположение, что книга полностью или почти полностью написана Инститорисом, а имя Шпренгера добавлено для придания ей веса в глазах читателей, поскольку якобы Инститорис к тому времени успел запятнать себя неподобающими поступками. Рукопись была закончена в 1487 году и, вероятно, почти сразу же издана под названием «Молот ведьм». Составители не притязали на многое: произведение оказалось полностью лишенным языковых красот, а собственные мысли создателей здесь тонули в море ссылок на работы католических писателей и церковные постановления. Но успех книги превзошел все ожидания: только с 1487-го по 1600 год она выдержала, по меньшей мере, шестнадцать изданий и продолжала печататься после,

так что общее число изданий к концу XX века перевалило за тридцать.

Послание Иннокентия открыло эпоху широчайшего движения по истреблению колдунов и ведьм. Ничего подобного Европа до сих пор не знала. Достаточно сказать, что, например, в Испании первое сожжение по подозрению в колдовстве имело место только в начале XVI века. В Британии сожжения ведьм в большом количестве начинаются вообще лишь в конце этого столетия...

Поэтому после Иннокентия, Шпренгера и Инститориса о магии стали писать, кажется, все – и те, кто сам боялся ее, и те, кто видел в такой боязни дремучее суеверие, и те, кто просто понимал ее как всякую деятельность человека. Но поскольку судебные разбирательства о колдовстве стали обычным явлением, едва ли не самый большой вклад в исследование этого вопроса внесли инквизиторы и правоведы.

Незадолго до Шпренгера и Инститориса некий Иоганн Нидер (ок. 1380–1438), профессор теологии в университете Вены, приор в Нюрнберге и Базеле, сочинил книгу «Муравейник», где очень доходчиво изложил многие вопросы, касающиеся колдовства. Сочинение было представлено на суд читателей уже после смерти Нидера, в 1441 году, и потом неоднократно переиздавалось. Некоторые его главы часто присоединялись к «Молоту ведьм».

Уже в начале XVI века Иоанн Франциск Пондзинибий в книге «Великая сокровищница правоведов» подверг сомнению возможность договора с дьяволом. Вскоре к нему присоединился Пьетро Помпонацци (Италия, 1462–1525). В сочинении «О причинах естественных явлений, или О волшебстве» он утверждал, что колдовства нет, и все явления объясняются природными причинами. Затем был Иоганн Вейер (1515–1588), ученик Генриха Агриппы, который в сочинении «О проделках демонов» заявил, что Священное Писание сплошь и рядом ложно толкуется с целью подвести основание под охоту за ведьмами, а связь так называемых колдовских действий и каких-либо действительных событий настолько призрачная, что установить ее вообще никогда не было возможно. Заметим, что сам Генрих Агриппа с опасностью для жизни защищал людей, обвиняемых в связях с дьяволом, причем небезуспешно. В конце XVI века Корнелий Лоос, теолог, преподававший в университете Трира, издал сочинение «Истинная и ложная магия», где внимание читателя

опять же привлекалось к крайней сомнительности договора человека и дьявола. За это Лоосу пришлось несколько раз посидеть в тюрьме, где он подвергался разнообразным унижениям; и даже после освобождения он не был вполне предоставлен самому себе: церковное руководство уже ни на час не выпускало его из поля зрения. Только смерть спасла его от колесования, заявил потом Мартин Дельрио, видимо, не без досады. Фридрих фон Шпе, священник из Бамберга и Вюрцбурга, в обязанности которого входило провожать осужденных на костер, в 1631 году выпустил книгу «Судебная защита преступников или о расследованиях против ведьм», где описал все ужасы этого суда, построенного так, что в нем невозможно было оправдаться.

И все-таки люди, вроде перечисленных выше, были в меньшинстве; заправляли тогда те, кто верил в силу нечистой магии. Как видим, за одно только отрицание возможности вступления человека в союз с дьяволом в те времена уже можно было наказать человека. Судебные защитники, представлявшие обвиненных в колдовстве, никогда не подвергали сомнению само существование этого явления, они лишь пытались указать на недостаточность улик. Вот перечень наиболее известных и влиятельных лиц, прославившихся своими доказательствами действительности магии и ее большой опасности.

Павел Гирландус (Италия, XV–XVI века). Написал «О язычниках и прорицателях и об их прегрешениях».

Иодокус Дамгудер (Нидерланды, XVI века): «Практика уголовных дел» (книга представляла собой не что иное, как светское изложение «Молота ведьм» в виде сборника законов).

Жан Боден (Франция, 1530–1596) – правовед и историк. Написал «Об одержимости магов демонами».

Пьер де Ложе (Франция, 1540–1634) – тоже правовед и тоже писал по демонологии.

Мартин Дельрио (Бельгия, 1551–1608) – иезуит и правовед. Издал «О расследованиях по делам магии».

Иоганн Георг Гёдельман (Германия, 1559–1611) – правовед: «О магах, венефиках и ламиях».

Николя Реми, или Николай Ремигий (Франция, ум. 1612): «Демонолатрия».

Джеймс I Стюарт (1566–1625) – британский король, лично занимавшийся расследованием дел о сговоре с дьяволом. Написал «Демонологию в форме диалога».

Франческо Мария Гуаццо (Италия, XVI–XVII века): «Свод о ведовстве».

Франциск Торребланка (Испания, ум. 1645) – правовед: «Демонология, или о магии естественной, демонической, законной и незаконной».

Бенедикт Карпцов (Германия, 1595–1666) – лютеранин по вере: «Новая практика уголовных дел по саксонскому имперскому праву». Это сочинение содержало многочисленные советы относительно ведения дел о колдовстве и пользовалось большим уважением у судей и следователей.

Теофил Шпицель (Германия, 1639–1691) – тоже лютеранин. Издал книгу «Разрушенная власть тьмы», где оправдывал охоту на колдунов и ведьм.

Только к концу XVII века вопрос был исчерпан. С этого времени исследователи больше пытаются выяснить, откуда все-таки пошло это странное, как теперь стало очевидно, заблуждение. Вот примеры:

Бальтазар Беккер (Нидерланды, 1634–1698). Написал книгу «Околдованный мир», направленную против самых разных суеверий.

Антоний ван Дале (Нидерланды, 1638–1708): «О происхождении и развитии идолопоклонства и суеверий» и «Об идолопоклоннических гаданиях евреев».

Габриэль Ноде (XVII–XVIII века): «Защита всех людей, ложно подозреваемых в магии».

Кристиан Томазиус (1655–1728): «О преступлениях магии».

В разных странах охота на ведьм закончилась в разное время. Год последней известной казни: в Голландии – 1610, в Англии – 1684, в Шотландии – 1727, во Франции – 1745, в Германии – 1775, в Швейцарии – 1782, в Италии – вероятно, около 1790, в Польше – 1793. В начале следующего столетия это явление полностью исчезло из европейской жизни. Последний суд по делу о колдовстве в Европе имел место в 1810 году.

Католическое учение об ангелах, демонах и колдовстве. Ангел – слово эллинское, в переводе означает «посол», «вестник». Для обозначения высших существ оно стало использоваться только евреями-эллинистами и эллинистическими христианами. Слово «демон» тогда наполнилось отрицательным смыслом – так теперь называли ангелов, которые пошли против воли бога. Верховный демон получил имя «дьявол», что значит «клеветник». Евреи же называли его «сатана».

Большинство считало, что ангелы, как и все остальное, сотворены. Спорный вопрос был: когда? Либо прежде мира, либо одновременно с миром, но во всяком случае прежде первых людей. Ангелы суть бестелесные умы, наделенные свободной волей. Общаются они мыслями (без слов) и познают непосредственно умом. Бестелесны они, впрочем, только по сравнению с миром; по сравнению с Богом – все-таки телесны. Ангелы бессмертны, но не по природе, а по благодати. Это значит, что бессмертие их – милость и дар Бога, а не естественное качество. Высшие из этих существ назывались архангелами; христиане именовали их согласно еврейским обычаям: Михаил – «кто, как бог», Гавриил – «человек бога, крепость бога», Рафаил – «исцеление от бога», Уриил – «свет бога», Селафиил – «молитва к богу», Иерудиил – «славящий бога», Варахиил – «благословленный богом», Иеремиил – «восхождение к богу».

Дьявол, первый падший ангел, искусил многих (а именно треть) ангелов, и те вслед за ним отвернулись от Бога. Такое количественное соотношение выводили на основании одного туманного места в «Апокалипсисе Иоанна», где сказано, что хвост дракона (змея) увлек с неба третью часть звезд. Между ангелами и демонами была война на небесах. Предводителем ангелов был архангел Михаил, предводителем демонов – дьявол. Демоны потерпели поражение и были сброшены на землю.

Покаяться демоны не могут, а значит, путь к Богу для них закрыт. Они бесконечно слабее Бога и не в состоянии сделать что-либо против него. Все, что они совершают, они совершают с дозволения Бога, который может уничтожить их в любое мгновение. Человек после смерти ни ангелом, ни демоном стать не может. В конце времен появятся еще два демоноподобных существа – антихрист и его пророк.

В «Апокалипсисе Иоанна» дьявол представлен как красный дракон с семью головами и десятью рогами. Но это было написано еще до того, как христиане признали ангелов и демонов почти бестелесными. Несмотря на то, что у бестелесного никакого облика нет и быть не может, дьявол по представлениям уже средневековых христиан все-таки обладал некой собственной внешностью. Она примерно такая, какой ее рисует монах Радульф Лысый (XI век): «Вдруг я увидел некое страшное подобие человека, появившееся рядом со мной. Это существо имело небольшой рост, тонкую шею, худое лицо, совершенно черные глаза, бугристый морщинис-

тый лоб, тонкие ноздри, выступающую челюсть, толстые губы, скошенный узкий подбородок, козлиную бороду, мохнатые острые уши, взъерошенную щетину вместо волос, собачьи зубы, клинообразный череп, впалую грудь, горб на спине, дрожание ноги. И на нем была грязная отвратительная одежда»...

В сочинении «О небесной иерархии» неизвестного писателя (V или начало VI века) утверждалось, что между Богом и миром есть девять разрядов промежуточных существ, которые распределены по трем уровням. Первый уровень: серафимы, херувимы и престолы. Второй уровень: господства, силы и власти. Третий: начала, архангелы и ангелы. Серафим означает «огненный»; считалось, что существа этого рода воспламеняют любовь к Богу в небесных тварях, а через них – в людях. Херувим – «просвещение», «излияние мудрости». Престол – небесный ум, предназначение которого – открывать истину Бога и служить правосудию. Господства, силы и власти суть наставники. Они учат управлять чувствами, побеждать искушения, бороться со злом, повелевать. Начала наставляют земных начальников в праведности перед Богом; архангелы благовествуют и укрепляют веру; ангелы передают волю Бога людям и охраняют их.

Обратимся теперь к такому признанному на востоке и на западе христианскому писателю, как Иоанн Дамаскин (VII–VIII века).

Ангелы, согласно Иоанну, не могут творить, поскольку сами всего лишь творения, и не могут менять вещи. Они присутствуют и действуют исключительно духовно. Но они открывают людям волю Бога, оберегают людей, направляют целые народы и страны, пророчествуют. Знание о будущем у них от Бога (демоны же только делают вид, что предсказывают, – грядущее им неведомо). Ангелы могут склоняться к злу, но с трудом, ибо они более стойки по сравнению с человеком. Облик они принимают по воле пославшего их Бога. В двух местах одновременно находиться они не могут. Они не заключают браки, ибо бессмертны. Ведь цель брака – продолжение рода, а бессмертным это не нужно. Дьявол был высший из чина ангелов, охраняющих землю. Дьявол и демоны способны только искушать, и такая вещь, как колдовство, существует лишь в воображении людей (к этой точке зрения потом обычно присоединялись все, кто выступал против судебного преследования так называемых ведьм). Падение для ангела то же самое, что смерть для человека, и как человек

не может раскаяться после смерти, так и ангел после грехопадения...

Весьма спорным был такой вопрос: кого больше – ангелов или людей? Герм (I–II века) в своем «Пастыре» утверждал, что с человеком всегда два ангела – добрый и злой. Из этого можно сделать вывод, что ангелов в любое время в два раза больше, чем людей. Отсюда, в свою очередь, как будто вытекает, что численность людей на земле неизменна. Григорий Кесарийский (IV век) склонялся к мысли, что на одного человека приходится 99 ангелов. Михаил Пселл (XI век): ангелов меньше, чем людей, ибо те, которые более близки к единому и единственному Богу, являются и менее многочисленными, а таковы как раз ангелы; кроме того, число ангелов уже установлено и ограничено, тогда как род людской простирается в бесконечность, хотя и он придет к концу при завершении времен. Гонорий Августодунский (XII век) уточняет: если надо, ангелы приходят на помощь, особенно по зову молитвы; это происходит немедленно, ибо они спускаются с неба на землю и возвращаются на небеса в мгновение ока. Тут можно заключить, что весьма небольшое количество ангелов может справиться с весьма большим объемом работы.

Михаил Пселл признает не только известную телесность демонов (иначе их невозможно будет наказать адским огнем), но и наличие у них полового разделения. Гонорий относительно демонов говорит, что те заняты лишь одним – склоняют людей ко греху (хотя даже при отсутствии демонов люди были бы порочны, ведь печать первородного греха все равно лежит на каждом)...

Дьявол и демоны, выступая в качестве искусителей, естественно, являются женщинам в облике мужчин, а мужчинам – в облике женщин. В Средние века за этими видами закрепились особые названия: инкуб (*incubus*) и суккуб (*succubus*). Первое происходит от латинского глагола *incubo* – лежать, прилегать, лгнуть, не отставать; второе – от *succubo*, что означает «лежать под чем-либо». А вообще, *incubus* – это хранитель сокровищ и ночной кошмар. Один и тот же демон мог попеременно принимать то один, то другой вид. Например, сначала он мог явиться к мужчине как женщина, заплотить его семя, затем отправиться к женщине и сойтись с ней уже как мужчина. После чего та оказывалась беременной. В XIII веке Джованни Фиданца (Бонавентура), Фома Аквинский и другие уже совершенно уверенно пишут о явлениях такого рода.

Якоб Шпренгер и Генрих Инститорис ставят дьявола уже выше всех творений. Повод к греху он, как первый грешник, разумеется, должен был взять из самого себя. Дьявол не хотел изменять порядок в природе, но, видя, что от Бога на все творение исходит блаженство и доброта, он устремился к тому, чтобы все это изливалось на мир не от Бога, а от него, дьявола; он согласен был остаться во власти создателя, лишь бы получить от него указанную силу.

Дьявол не утратил могущества после грехопадения, демоны тоже. Но, в целом, демоны различаются по способностям: слабые только морочат людей, сильные развращают и вредят. Люди могут заключать договоры с дьяволом, которые бывают двух видов: неявный – когда произносят магические слова для излечения, явный – когда призывают нечистую силу. Колдовство действительно существует, причем для него совершенно необходимо совместное усилие человека и дьявола. По отдельности они не способны на это. Дьявол сам по себе может заниматься вредительством, используя естественные причины. Так, он может перемещать предметы и препятствовать их перемещению, например, в его силах остановить распространение питательных веществ из желудка в другие части тела, вследствие чего человек умрет от истощения. Демоны нередко переносят по воздуху людей без их воли – особенно непослушных детей (дети после этого меняются: часто ревут, вечно голодные и почему-то тяжелые).

В ходе же колдовства происходит нечто сверхъестественное, например, из небольшого количества воды получается большое количество града. Или полеты ведьм – для этого, как известно, нужно сварить некрещеного младенца и намазать варевом метлу, палку или любое седалище, на котором предполагается летать.

Дьявол может ограниченно действовать даже через человека, который не заключал с ним договор. Такие люди называются пифонами и пифиями. Дьявол, как правило, говорит через них.

Грех колдовства очень тяжок: он ниже греха дьявола, но выше греха Адама.

Джеймс I Стюарт говорит, что Бог во всех случаях запрещает дьяволу знать будущее, знать мысли человека, воскрешать мертвых, изменять природу вещей, являться праведникам в облике святых. В то же время он позволяет ему ложно пророчествовать, определять мысли человека по его лицу, вселяться в мертвые тела и управлять ими, перемещать пред-

меты, являться праведникам в облике святых, когда тем вздумается вызвать душу святого с помощью колдуна. Нет таких людей, которых Бог ограждал бы от искушения: порочные искушаются за грехи (это им как наказание), благочестивые – для укрепления веры, праведники – дабы явить миру силу их веры.

На сговор с дьяволом человека толкают три причины: любопытство и стремление к большему знанию, жажда богатства и жажда мести. В первом случае люди становятся магами, во втором и третьем – колдунами и ведьмами. Последние заключают письменный договор с прародителем греха, подписывают его кровью, а дьявол еще и ставит на их телах особые метки, которые болезненны до второй встречи с ним. Они служат напоминанием колдунам и ведьмам, что все это им не приснилось. На одного колдуна приходится десять-двенадцать колдуний (ведьм), что объясняется большей склонностью женщин к такого рода греху, ведь первой, как известно, согрешила Ева и только потом – Адам.

Ведьмы могут устраивать свои сборища даже в храмах, дьявол при этом часто взбирается на церковную кафедру. Колдуны и ведьмы способны принимать облик зверей, но только соответствующего размера. В мышку или птичку ведьма обратиться не может.

Самые распространенные явления, которые возникают вследствие колдовства, суть любовь и ненависть, болезни, безумие, разрушительные явления. Но как узнать, возникло ли все это по естественным причинам или от колдовства? Иными словами: как отделить сверхъестественное от естественного? На этот вопрос британский король отвечает так: явления, вызванные колдовством, возникают внезапно.

От колдовства защищают молитвы, праведная жизнь и наказание орудий дьявола. Если ведьма или колдун справедливо схвачены за свои злодеяния и содержатся под стражей, дьявол уже не может повлиять ни на судей, ни на охранников, чтобы те выпустили заключенных, – Бог препятствует этому. Если подозреваемые раскаялись в своем злодеянии, дьявол даже не может посещать их, но если упорствуют – посещает...

Особенности следствия по делам о колдовстве. Преступления в Средние века принято было делить на обычные и особые. Ко второму роду причисляли оскорбление государя, измену и ересь. Колдовство же (пусть это и разновидность ереси) при желании можно считать преступлением уже совер-

шенно из ряда вон выходящим, ибо главный враг здесь – сам прародитель всякого зла – дьявол (что и было признано в 1468 году). Уже в XIII веке в отношении еретиков некоторые положения права применяться перестали, а когда охота на ведьм набрала силу, дело приняло ужасающий оборот. Речь идет о пытках. В следствиях по обычным делам к пытке прибегали, только если уже имелись более или менее надежные улики против подозреваемого. Пытке предшествовали две степени устрашения: сначала орудия пыток просто показывали человеку, а затем их как бы примеряли к его телу. Сама пытка длилась не более пятидесяти минут и применялась один раз. Если подозреваемый выдерживал ее, он освобождался.

Но в следствиях о колдовстве эти ограничения были сняты. Ведь сговор с дьяволом – дело чрезвычайно тонкое, к тому же дьявол обладает большим могуществом и может создавать всякие ложные видимости. Известны такие случаи. Женщина обвиняется в том, что она с помощью колдовства умертвила некоего человека. Однако на суде этот же человек дает показания против нее. На вопрос защитников, как такое возможно, судьи дают ответ: свидетельствует в суде не сам человек, а видимость его, произведенная дьяволом. Далее. Женщина обвиняется в том, что она извлекла из могилы труп ребенка с целью использовать его в колдовских действиях. По просьбе защитников могила вскрывается, и обнаруживается, что труп ребенка в неприкосновенности. Следовательно, однако, заявляют, что это не настоящее тело, а дьявольский обман.

Поэтому главным доказательством вины стали считать признание подозреваемого. А раз так, признание надо получить любой ценой. С этой целью пытку начали применять многократно – до получения желаемого. Подозреваемых нередко годами держали в темнице, пытали, лечили и снова пытали. Известно, например, что одна обвиняемая созналась только на двадцать третьей пытке...

Основанием для обвинения в колдовстве служили подозрения, основанием для подозрений – совпадение неблагоприятного события (буря, град, неурожай, болезни) с необычностью поведения человека, проживающего в местности, где оно случилось. Но даже если неблагоприятное событие не наступало, малейшие отклонения в образе жизни или строении тела какого-либо лица могли привести его на суд. Например, некие две женщины были заподозрены и сожжены только за то, что, как кому-то показалось, они слишком часто ходили в лес.

Итак, кто-то доносил на человека (имена доносчиков и свидетелей держались в тайне), и его задерживали. Шпренгер и Инститорис предлагали начинать с вопроса: «Веришь ли в то, что есть ведьмы?» Если ответ «Нет», это уже ересь, заслуживающая и требующая наказания.

Затем шли вопросы по данному делу. Затем устрашение. Если при этом подозреваемый признавался, его признание считалось добровольным, и он подлежал казни через отсечение головы. Если не признавался, переходили к предваряющему пытку осмотру — искали в одежде и на теле человека колдовские обереги и знаки, а также нечувствительные точки — метки дьявола. Для этого человека раздевали, и тело его освобождали от волос. Поскольку, по сути дела, участь подозреваемого уже была предрешена, с ним обращались соответствующим образом: волосы на теле нередко не сбривали, а просто сжигали. Применялась и такая проверка: обвиняемого складывали пополам, привязывая руки к ногам, и бросали в воду; если человек всплывал, он считался виновным в сговоре с дьяволом, ибо, как думали, только при помощи дьявола можно было подняться на поверхность воды в таком положении. После этого начинали пытать. Полного единообразия в пытках никогда и нигде не было: в каждой стране, в каждой местности и даже у каждого отдельного палача складывались свои обычаи относительно приемов воздействия и последовательности их применения. Однако существовало все же несколько основных ступеней пытки:

- «винт» (палец сдавливается в тисках; исход: разрывы мягких тканей, кровотечение);

- «ножной винт», или «испанский сапог» (нога сжимается в особом устройстве между двумя пилами или просто в тисках; исход: разрывы тканей, иногда разрезание или дробление кости);

- «вытягивание», или «дыба» (руки обвиняемого связываются за спиной, после чего его поднимают к потолку; при этом к ногам могут прикрепляться гири); это была довольно умеренная пытка, но у нее существовало очень изощренное продолжение: поднятого человека резко опускают, но так, чтобы его ноги не коснулись пола; исход: полное выворачивание плечевых суставов, иногда при многократном повторе руки отрывались совсем; на «дыбе» в виду ее особой жестокости допрос обычно заканчивался;

- «кобыла» (попросту говоря, насаживание на кол: обвиняемого садили на один из углов треугольной деревянной

доски; при этом к ногам опять же привязывали разные тяжести; исход понятен).

Дополнительные пытки:

- чрезвычайно тугое связывание тела веревками;
- усаживание на раскаленный железный стул или на стул, утыканный гвоздями;
- поджаривание на огне (например, с помощью свечей и углей);
- поливание тела горячим маслом, кипящей серой, вином, которое поджигали;
- введение гвоздей под ногти;
- порка розгами или ремнями, к концам которых прикрепляли кусочки олова и крючья, – они вырывали из тела куски мяса;
- «ожерелье» (обруч с гвоздями, обращенными внутрь его, – надевался на шею обвиняемого);
- бодрствование (обвиняемому не позволяют спать и даже сидеть на одном месте);
- кормление сильно пересоленной пищей (после чего не давали пить)...

Ясно, что в ходе подобных испытаний предполагаемые ведьмы в подавляющем большинстве случаев признавались. Впрочем, многие, если так можно выразиться, не доживали до собственного признания: умирали во время пытки или сразу после нее; доведенные до отчаяния, накладывали на себя руки в темнице. Сознавшаяся и раскаявшаяся ведьма обычно подвергалась удушению и сжигалась, не раскаявшаяся – сжигалась заживо; ее имущество изымалось в пользу доносчиков, свидетелей, судей, инквизиторов, палачей и прочих людей, причастных к разбирательству; ее дети, из милости оставленные в живых, отныне сами навсегда оказывались под подозрением. Если же каким-то образом так называемая ведьма выдерживала все это, ее освобождали, но не раньше, чем она давала присягу в том, что не будет мстить никому из вышеперечисленных лиц...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шестнадцатое и семнадцатое столетия – переломное время. Кругозор европейцев значительно расширяется: Христофор Колумб, не подозревая об этом, открывает Америку; Васко да Гама находит морской путь в Индию (вокруг Африки); Фернан Магеллан и Френсис Дрейк совершают первые кругосветные путешествия; Луис Ваес Торрес обнаруживает Австралию (правда, об этом последнем открытии узнали только в середине XVIII века).

Коперник, Галилей, Кеплер, Декарт и Ньютон сломали веками царившую в умах птолемеевскую систему мира, заменив ее новой – гелиоцентрической и механистической, в которой Солнце – одна из звезд, а Земля – одна из планет, в которой мир если и не бесконечен, то, по крайней мере, очень велик, подчинен естественной необходимости, един (в нем больше нет особых областей – подлунной и надлунной) и весь подвержен изменениям.

Лютер и Кальвин оторвали от римской кафедры целые страны и тем положили предел почти неограниченному господству в Европе католической церкви. Они нашли вполне христианское оправдание собственности, накопительству и получению прибылей, чем открыли эпоху предпринимательства, свободной торговли, эпоху войн за перераспределение ценностей и огромного имущественного расслоения.

Европу (католическую и протестантскую) охватил страх перед ведьмами и их злодеяниями, якобы совершаемыми при помощи дьявола. Это, если такое выражение здесь уместно, самое плодотворное время для инквизиторов: в самом деле, они никогда не были так обеспечены работой.

Перечисленные признаки действительно позволяют связать с XVI–XVII веками некую временную границу, и это единственная в развитии Европы заметная веха, которая служила и, вероятно, еще долго будет служить основанием для выделения двух европейских эпох – начальной (старой, средневековой) и поздней (новой).

ИСТОЧНИКИ

К части I

- Августин. Творения: В 2 т. – СПб., Киев, 1998.
- Авл Геллий. Аттические ночи. – Томск, 1993.
- Амвросий Медиоланский. Две книги покаяния. – М., 1997.
- Аммиан Марцеллин. Римская история. – М., 2005.
- Аннаньель Т. Христианство: догмы и ереси. – СПб., 1997.
- Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 2. – М., 1969.
- Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения. – М., 2001.
- Апокрифические апокалипсисы. – СПб., 2001.
- Апокрифические евангелия. – СПб., 2000.
- Апокрифы древних христиан. – СПб., 1992.
- Библия [православная]. – М., 2001.
- Беседы Эпиктета. – М., 1997.
- Василий Великий. Беседы на шестоднев. – М., 1999.
- Виндельбанд В. История философии. – Киев, 1997.
- Григорий Богослов. Собрание творений: В 2 т. – М., 2000.
- Григорий Нисский. Об устройении человека. – СПб., 1995.
- Дешнер К. Криминальная история христианства: В 4 кн. Кн. 1. – М., 1996.
- Евагрий Схоластик. Церковная история: В 3 т. – СПб., 1999–2003.
- Евсевий Памфил. Церковная история. – СПб., 2005.
- Задворный В. История римских пап от св. Петра до св. Пелагия II: В 2 т. – М., 1995–1997.
- Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV веков. – М., 1996.
- Иероним Стридонский. Четыре книги толкований на Евангелие от Матфея. – М. [год издания не указан].
- Изречения египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке. – СПб., 1993.
- Иосиф Флавий. Иудейская война. – Харьков, 2000.
- Иосиф Флавий. Иудейские древности: В 2 т. – Ростов-на-Дону, 2000.
- Йонас Г. Гностицизм (гностическая религия). – СПб., 1998.
- Климент Александрийский. Строматы: В 3 т. – СПб., 2003.
- Книга Еноха: апокрифы. – СПб., 2000.

- Книги Сивилл. – М., 1996.
- Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. История. – СПб., 1993.
- Лактанций. О смертях преследователей. – СПб., 1998.
- Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. Кн. 1. – М., 2000.
- Лукиан. Избранная проза. – М., 1991.
- Мещерская Е. Апокрифические деяния апостолов. – М., 1997.
- Мистическое богословие восточной церкви. – М., Харьков, 2001.
- Многоценная жемчужина. Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии н. э. – М., 1994.
- Настольная книга атеиста. – М., 1978.
- Новозаветные апокрифы. – СПб., 2001.
- Олимпиодор. История. – СПб., 1999.
- Ориген. О началах. – Самара, 1993.
- Орозий Павел. История против язычников. Книги I–III. – СПб., 2001.
- «Пастырь» Герм. – М., 1997.
- Пелагий. Послание к Деметриаде // Эразм Роттердамский. Философские произведения. – М., 1986. С. 595–635.
- Писания мужей апостольских. – СПб., 2007.
- Письма Плиния Младшего. – М., 1982.
- Плотин. Космогония. – М., 1995.
- Порфирий. Жизнь Плотина // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1986.
- Поснов М. Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.). – Киев, 1991.
- Раннехристианские апологеты II–IV веков. – М., 2000.
- Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. – М., 1990.
- Ренан Э. Антихрист. – М., 1991.
- Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. – М., 1991.
- Ренан Э. Христианская церковь. Царствование Адриана и Антонина Благочестивого, 117–161 гг. – М., 1991.
- Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклециана. – М., 2000.
- Тертуллиан. Избранные произведения. – М., 1994.
- Трофимова М.К. Апокрифы древних христиан. – М., 1989.
- Феодорит Кирский. Церковная история. – М., 1993.
- Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 5. – М., 1970.
- Хосроев А. Из истории раннего христианства в Египте. – М., 1997.
- Христианство. Энциклопедический словарь: В 3 т. – М., 1993–1995.
- Целлер Э. Очерк истории греческой философии. – М., 1996.

Чаша Гермеса. Гуманистическая Мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. – М., 1996.

К главе 1 части II

- Агафий Миринеийский. О царствовании Юстиниана. – М., 1996.
- Варлаам Калабрийский и Григорий Акиндин // Книга еретиков. – СПб., 2011. С. 409–443.
- Георгий Гемист Плифон. Законы // Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. – СПб., 1997. С. 220–290.
- Георгий Гемист Плифон. О добродетелях // Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. – СПб., 1997. С. 291–300.
- Дамаскин И. Источник знания. – СПб., 2006.
- Дамаскин И. Три защитительных слова против порицающих святые иконы, или изображения. – М., 1993.
- Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. – СПб., 1995.
- Евагрий Схоластик. Церковная история: В 3 т. – СПб., 1999–2003.
- Иоанн Итал // Книга еретиков. – СПб., 2011. С. 384–387.
- Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом. Диалог с иудеем и другие сочинения. – СПб., 1997.
- Иоанн Филопон // Книга еретиков. – СПб., 2011. С. 267–297.
- Максим Исповедник. Творения: В 2 т. – М., 1993.
- Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. – СПб., 1997.
- Михаил Пселл. Богословские сочинения. – СПб., 1998.
- Никифор Григора // Книга еретиков. – СПб., 2011. С. 444–467.
- Палама Г. Триады в защиту священно-безмолвствующих. – СПб., 2007.
- Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов. – СПб., 1998.
- Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. – СПб., 1992.
- Симеон Новый Богослов. Главы богословские, умозрительные и практические. – М., 1998.
- Феофилакт Симокатта. История. – М., 1996.

К главе 2 части II

- Антология средневековой мысли: В 2 т. Т. 1. – СПб., 2002.
- Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения. – М., 2001.
- Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. – М., 1997.

- Великие некроманты и обыкновенные чародеи. – СПб., 2004.
- Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции. – М., 1997.
- Григорий Турский. История франков. – М., 1987.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. – 6-е изд., стереотип. – М., 2000.
- Жизнь чудовищ в средние века. – СПб., 2004.
- Задворный В. История римских пап: В 2 т. – М., 1995–1997.
- Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV веков. – М., 1996.
- История Европы. Т. 2: Средневековая Европа. – М., 1992.
- История Средних веков: От падения западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.). – М., СПб., 2001.
- История средних веков: От Карла Великого до Крестовых походов (768–1096). – М., СПб., 2001.
- Лебек С. История Франции. Т. 1: Происхождение франков, V–IX века. – М., 1993.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992.
- Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы. – М., 1996.
- Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. – М., 1970.
- Поснов М. Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.). – Киев, 1991.
- Пурищев Б. И. Зарубежная литература средних веков. Латин., кельт., скандинав., прованс., франц. литературы. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1974.
- Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. – М., 2004.
- Реале Дж., Антисери Д. Западная мысль от истоков до наших дней: В 4 т. Т. 2. Средневековье. – СПб., 1994.
- Тейс Л. История Франции. Т. 2: Наследие каролингов, IX–X века. – М., 1993.
- Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – начало VII века). – М., 1989.
- Философия природы в Античности и в Средние века. – М., 2000.
- Христианство. Энциклопедический словарь: В 3 т. – М., 1993–1995.
- Целлер Э. Очерк истории греческой философии. – М., 1996.

К главе 3 части II

- Ансельм Кентерберийский. Сочинения. – М., 1995.

- Антология средневековой мысли: В 2 т. Т. 1. – СПб., 2002.
- Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения. – М., 2001.
- Бёме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. – СПб., 2000.
- Бонаventura. Путеводитель души к Богу. – М., 1993.
- Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. – М., 1989.
- Ведовство, которого не было. – СПб., 2005.
- Вейер И. О проделках демонов // Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв. – М., 1999. С. 385–441.
- Генрих Агриппа. Окультизм философия. – М., 1993.
- Джеймс I Стюарт. Демонология в форме диалога // Герметизм, магия, натур-философия в европейской культуре XIII–XIX вв. – М., 1999. С. 345–384.
- Кальвин Ж. О христианской жизни. – М., 1995.
- Кеплер И. О более достоверных основаниях астрологии // Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв. – М., 1999. С. 217–259.
- Лютер М. Избранные произведения. – СПб., 1994.
- Мишель Монтень. Опыты: В 3 т. – М., 1992.
- Николай Кузанский. Об ученом незнании. – СПб., 2001.
- Парацельс. Магический архидокс. – М., 1997.
- Парацельс. О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах. – М., 2005.
- Петр Абеляр. Тео-логические трактаты. – М., 1995.
- Петр Дамиани. О божественном всемогуществе // Ансельм Кентерберийский. Сочинения. – М., 1995. С. 358–394.
- Петрарка Ф. Лирика. Автобиографическая проза. – М., 1989.
- Петрарка Ф. Письма. – СПб., 2004.
- Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения. – М., 2001. С. 318–332.
- Помпонazzi П. Трактаты «О бессмертии души», «О причинах естественных явлений». – М., 1990.
- Роббинс Р. Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. – М., 2001.
- Саплин А. Ю. Астрологический энциклопедический словарь. – Тула, М., 1994.
- Томазиус К. О преступлениях магии // Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв. – М., 1999. С. 442–483.
- Фома Кемпийский. О подражании Христу // Богословие в культуре Средневековья. – Киев, 1992. С. 227–383.
- Чаша Гермеса. Гуманистическая Мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. – М., 1996.

- Шейнман М. Процессы ведьм // Атеистические чтения. 1978, № 9.
- Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. – СПб., 2001.
- Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. – М., 1991.
- Экхарт М. Об отрешенности. – СПб., 2001.
- Эразм Роттердамский. Философские произведения. – М., 1986.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
--------------------------	----------

ЧАСТЬ 1. РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО	5
---	----------

Еврейские истоки	5
От иудейства к христианству	9
Время главных событий	18
Крупнейшие ранние церкви	42
Загадочные личности раннего христианства	62
Апологеты и апологетика	84
Становление государственной церкви	107
Католические отцы	124

ЧАСТЬ 2. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ	139
---	------------

Глава 1. Восточная Римская империя (Византия)	139
--	------------

Государство	139
Последние вселенские советы на востоке	140
Образование и философия	143
Раннее средневековье	145
Константинопольская высшая школа	151
Споры о фаворском свете и путях богопознания	155
Возрождение эллинизма	158
Последние века	162

Глава 2. Латинский запад в VI–X веках	164
--	------------

Церковная жизнь	164
Западное монашество	172
Образование	175
VI век	176
VII–VIII века	199
IX век	212
X век	240

Глава 3. Латинский запад в XI–XVI веках	248
Диалектики и догматики	248
Малое христианское возрождение	257
Перипатетическое возрождение	261
Оксфордская школа	269
Немецкие теологи	274
Новые стоики, эпикурейцы и платоники	278
Оккультная философия	288
Новые церкви	300
Скептики во Франции	309
Охота на ведьм	312
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	327
ИСТОЧНИКИ	328

Научное издание

Долгих Андрей Юрьевич

**РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО
И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ**

Книга печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка А. Долгих

Формат 60×84/16. Гарнитура Petersburg.
Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 18,5.